

clio magna

ЖАН ФАВЬЕ

АНГЕРРАН
ДЕ МАРИНЬИ
СОВЕТНИК
ФИЛИППА IV
КРАСИВОГО

UN CONSEILLER
DE PHILIPPE LE BEL

EN GUERRAN
DE MARIGNY

PAR JEAN FAVIER

PRESSES UNIVERSITAIRES DE FRANCE
108, Boulevard Saint-Germain, PARIS
1963

ЖАН ФАВЬЕ

АНГЕРРАН ДЕ МАРИНЬИ

СОВЕТНИК
ФИЛИППА IV
КРАСИВОГО

Санкт-Петербург
2003

ББК 63.3(0)4
УДК 94/99
Ф13

За помощь в осуществлении издания данной книги
издательство «Евразия» благодарит
Кипрушкина Вадима Альбертовича

Научный редактор
Карачинский А. Ю.

Фавье Жан

Ф13 Ангерран де Мариньи. Советник Филиппа IV Красивого. Пер. с франц. Лентовской А. В. — СПб.: Издательская группа «Евразия», 2003. — 336 с. ISBN 5-8071-0127-8

В заглавии этой книги присутствуют два имени: Ангерран де Мариньи, скромный нормандский рыцарь, и Филипп Красивый, великий король Франции. Оба эти персонажа были неразрывно связаны друг с другом: Французское королевство вступило в XIV в. под властью этих людей, один из которых был могущественным монархом средневековой Европы, другой — его верным министром. Вместе они вершили судьбами тысяч людей: посылали войска во Фландрию, вели переговоры с папской курией, посылали на костер тамплиеров. Но расплату за это понес лишь один Ангерран де Мариньи. Как случилось, что простой рыцарь из свиты французской королевы в одночасье снискал милость короля и вознесся на вершину власти, а затем также быстро попал в темницу, а оттуда отправился на виселицу в Монфоконе? Кем именно был Ангерран де Мариньи для короля Филиппа — преданным помощником, ревностно претворяющим в жизнь негласные приказы своего господина, или злым гением, околдовавшим короля и толкавшим его на несправедные дела, под суровой дланью которого страдало все королевство? На эти и другие вопросы отвечает известный французский историк Жан Фавье. На страницах своей книги автор до мельчайших деталей воссоздает повседневную жизнь королевского двора, механизм королевской власти, соперничество придворных групп, на фоне которых Ангерран де Мариньи совершал свое восхождение к власти.

ISBN 5-8071-0127-8

© Лентовская А. В., перевод с французского, 2003
© Карачинский А. Ю., вступительная статья, 2003
© Лосев П. П., оформление, 2003
© Издательская группа «Евразия», 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Российскому читателю предлагается книга об Ангерране де Мариньи — человеке, в начале XIV в. являвшемся советником французского короля Филиппа IV Красивого, одного из самых могущественных государей Западной Европы. В нашей стране эти имена уже знакомы по роману французского писателя М. Дрюона «Железный король». Теперь же издательство «Евразия» предлагает встретиться с ними в историческом исследовании. Автор представленной книги — Жан Фавье, крупнейший французский медиевист, член Французского института, профессор Сорбонны, занимавший пост генерального директора Архива Франции. Ж. Фавье известен рядом блестящих монографий, посвященных истории средневековой Франции и Европы: «Архивы», «Филипп Красивый», «Франсуа Вийон», «Столетняя война», «Великие открытия», «Средневековая Франция», «Карл Великий». Работа «Ангерран де Мариньи, советник Филиппа IV Красивого» занимает особое место в его творчестве, поскольку она была одной из первых монографий ученого, посвященных истории XIV столетия во Франции — столетия, которое всегда привлекало Ж. Фавье. Тема, затронутая французским историком, до сих пор является одной из самых спорных во французской историографии. В центре повествования — фигура человека, который в течение нескольких лет смог подняться на вершину власти во Французском королевстве, сосредоточить в своих руках значительные полномочия в области политики, дипломатии и финансов и удостоиться того, чтобы его статуя была воздвигнута в Торговой галерее парижского дворца Сите напротив статуи самого Филиппа IV. Сама жизнь Ангеррана де Мариньи похожа на блестящую авантюру: став камергером короля, этот скромный нормандский рыцарь благодаря своим качествам привнес в политику и экономику Французского королевства то, чего ей так не хватало, — холодного и хваткого реализма.

Естественно, что особое внимание в своей книге Ж. Фавье обращает на взаимоотношения двух главных персонажей — короля Филиппа IV Красивого и Ангеррана де Мариньи. Филипп IV сам был загадкой для своих современников. Статный и величественный, прекрасный воин, что он доказал в битве при Монс-ан-Певеле, король был крайне немногословен. Один из современников Филиппа, его самый яростный враг, Бернар Сессе оставил о нем неоднозначную оценку: «Он не похож ни на человека, ни на животное. Это статуя»; «Наш король похож на красивую птицу, которая ничего не значит. Он умеет только пристально смотреть, ничего не говоря». Историки долгие годы ломали голову, что скрывалось за этим строгим обликом короля Филиппа, за его молчанием. Сам Ж. Фавье в своей биографии Филиппа IV задался вопросом, кем же именно был этот монарх — «хладнокровным и расчетливым правителем или неуверенным, вечно колеблющимся человеком? Его немногословность была ли ловкостью, своего рода убежищем, отречением от мира?.. Его дружба была

ли верностью или фаворитизмом?». Такой же покров таинственности окутывал восхождение Ангеррана Мариньи к вершинам власти, восхождение, которое могло состояться только благодаря королевской милости. Ведь надо учитывать, что уже сами современники далеко не всегда могли оценить истинное влияние и размах власти Ангеррана де Мариньи. Хронисты, клирики, авторы сатирических поэм довольствовались лишь крохами информации и всего лишь передавали общее мнение о королевском фаворите, являясь рупором общественного мнения. Многие из них сталкивались с Мариньи на дипломатическом поприще, другие в финансовых ведомствах короны, третьи — в его личных владениях, которые он умножал, пользуясь королевскими щедротами. В силу этого те сведения об Ангерране де Мариньи, которые приняли почти догматический характер, представляют его деятельность в сильно искаженном виде. Мариньи приписывали участие во всех знаменитых событиях, которые происходили во Франции и Западной Европе нач. XIV в.: он якобы старался сделать своего брата папой Римским, был подкуплен фламандцами и способствовал поражению французских рыцарей во Фландрии и т. д. Сильному преувеличению этих слухов способствовал и судебный процесс, поставивший точку в карьере Ангеррана де Мариньи и его жизненном пути. Раскрыть же истинную картину можно было лишь прибегнув к тщательному исследованию документов. Жан Фавье проделал колоссальную работу, проанализировав не только нарративные источники, но финансовые, правовые документы, королевские акты и ордонансы, донесения послов и частную переписку. Конечно, автору потребовалось исследовать не только конкретные события, в которых был замешан Мариньи, но дать подробный анализ политических и финансовых институтов Французского королевства в конце XIII — нач. XIV вв. — королевского дворца и служб короны, ведомств Казны и т. д. — того мира, где вращался Ангерран де Мариньи. Целые главы Фавье посвящает взаимоотношениям Мариньи с основными деятелями той эпохи — английским королем Эдуардом II, графиней Артуа Маго, папой Римским Климентом V, графом Фландрии Робертом Бетюнским и его сыном Людовиком Неверским. Чтобы понять, виновен ли был Ангерран де Мариньи в тех преступлениях, за которые его послали на виселицу в Монфоконе, французский историк шаг за шагом восстанавливает весь путь Ангеррана де Мариньи к политическому и финансовому Олимпу. Он показывает, что значило в государстве XIV в. быть советником и фаворитом короля, каковы были реальные выгоды и преимущества человека, занимавшего этот пост, а также какие трудности и опасности его подстерегали.

Следует сказать несколько слов о том, что представляла собой Франция в начале XIV в., годы, на которые пришлось деятельность Ангеррана де Мариньи и то состояние дел, с которым ему пришлось столкнуться. Тогда Французское королевство достигло зенита своего политического и экономического могущества. Длительная борьба с английскими королями из династии Плантагенетов, претендовавшими на некогда принадлежавшие им владения на континенте, казалась, завершилась миром, который закрепил брак между дочерью Филиппа IV Красивого Изабеллой и английским королем Эдуардом II в 1308 г. Французская монархия постепенно втягивала в орбиту своего влияния находившиеся по соседству земли — графства Савойю, Дофине, Франш-Конте, Эно (Геннегау) и Брабант, пыталась упрочить свою власть над сравнительно недавно при-

соединенными городами Лионом и Монпелье. Второй сын Филиппа IV, будущий французский король Филипп V Длинный, стал графом Бургундским (Франш-Конте). Французские агенты активно вмешивались в борьбу между двумя враждебными политическими группировками в Италии — гвельфами и гибеллинами. Один из представителей династии Капетингов правил в Неаполитанском королевстве. Подобное положение дел ущемляло интересы императоров Священной Римской империи, чей власти теоретически подлежали многие из вышеперечисленных земель. Но в XIV в. германские императоры уже не обладали могуществом времен Оттона I и Фридриха I Барбароссы. «Великое междуцарствие», раздиравшее германские земли, позволило Франции без особых препятствий укрепиться на международной арене как самой влиятельной силе. Серию внешнеполитических успехов Филиппа IV увенчала и победа над папой Римским Бонифацием VIII, стремившимся сосредоточить в своих руках всю духовную и светскую власть над христианским миром. Вскоре, в 1304 г., папой был избран бордосец Бертран де Го. Став понтификом под именем Климента V, новый папа перенес свою резиденцию в Авиньон. Так начался период так называемого «Авиньонского пленения пап», во многом подверженных французскому влиянию. Филипп и Климент нуждались друг в друге: королю требовалась поддержка папы в его взаимоотношениях с германским королем, для благополучного разрешения процесса над тамплиерами, папа же искал во французском короле могущественного защитника и покровителя. Правда, между Филиппом IV и Климентом V оставались значительные противоречия. В переговорах с папой по этим и иным вопросам принимал участие и Ангерран де Мариньи, что подробно рассматривает в своей книге Ж. Фавье.

Внутри страны Филипп IV почти не встречал сопротивления. В XIII в. территориальная база капетингской монархии не прекращая увеличивалась: короли покупали земли у крупных вассалов и церквей, обменивали, присоединяли силой или с помощью брачных союзов. Так, Филипп IV, женившись на наследной графине Шампани и королеве Наваррской Жанне, присоединил к владениям короны обширные земли своей супруги. Шаг за шагом начиная с конца XII в. Капетинги привлекали на свою сторону французскую знать, утверждая себя как верховного суверена и арбитра. Филипп IV, будучи достойным наследником своих великих предков, активно продолжал политику своей династии в этом направлении. При нем войны с вассалами превратились в обыкновенные «полицейские акции». Его представители, пожалуй чересчур рьяно, насаждали его власть повсюду. Чрезмерные злоупотребления чиновников короны, тяжелые налоги, а также требования безоговорочного признания себя подданным французской короны часто вызывали недовольство в среде всех слоев общества. Известны попытки восстания в королевском городе Каркассоне, Лионе. Мелкая знать бурлила, лишенная традиционных вольностей, например, права вести частную войну. В конце правления Филиппа IV крупные феодалы, такие, как графы Фландрии и герцоги Аквитании (которым был король Англии), чувствовали себя оскорбленными тем, что их власть ограничивают и дают население тяжкими поборами. Особенно недовольство вызывала Фландрия, где многочисленные и богатые города не желали беспрестанно пополнять королевскую казну и ущемлять свою экономику. Фландрия была для французской монархии настоящим «камнем преткновения». В 1302 г., после «Брюггской заутрени», когда в городе

Брюгге восставшие горожане перебили весь французский гарнизон, король Филипп приказал ввести во Фландрию войска, чтобы примерно наказать виновных. Французская армия потерпела сокрушительное поражение от фламандцев в битве при Куртре. Лишь с большим трудом французам, которыми на этот раз командовал лично Филипп Красивый, удалось сломить сопротивление непокорной Фландрии. Был заключен тяжелый для фламандцев мир в Атисе (1305). По договору фламандцы обязались выплатить тяжелую контрибуцию (400 000 ливров в четыре года), граф Фландрии стал выплачивать королю ренту со своих владений в 20 000 ливров. Верные Филиппу IV фламандцы освобождались от участия в этих выплатах. Брюггские горожане должны были отправиться в паломничество во искупление своих прегрешений против французской короны или же откупиться от этой унижительной повинности. В качестве гаранта выполнения договора у короля оставались города Лилль, Дуэ и Бетюн, замки Касселя и Куртре. Выполнение условий этого договора давалось фламандцам с трудом. Французской короне постоянно приходилось держать наготове армию, чтобы добиться своего, но это не приводило к требуемым результатам. Именно эту проблему пришлось разрешать Ангеррану де Мариньи, и она стала венцом его дипломатической карьеры.

XIII — нач. XIV вв. ознаменовались для Французского королевства значительными экономическими изменениями и потрясениями. Деньги стали неперменной частью феодального общества. Деньгами оплачивалась феодальная военная служба, служба при дворе и в провинциях. Увеличившийся размах европейской торговли привел к необходимости использовать более крупные, нежели мелкие серебряные деньги, монеты. На рынке оказались востребованы крупные золотые и серебряные монеты — но оказалось, что в королевстве существует явная нехватка драгоценного металла. Французская же монархия как никогда нуждалась в денежных поступлениях. Долгие крестовые походы, химерические планы овладения арагонским престолом, помощь неаполитанским королям, родственным династии Капетингов, походы в Аквитанию и Фландрию истощили королевскую казну. Чтобы восполнить ее, монархия прибегала к самым разным ухищрениям — выпрашивала у папства позволения использовать на свои нужды церковную десятину, вводила новые «экстраординарные» налоги, отдавала за ренту земли и сеньориальные права в аренду, предоставляла монополию на экспорт товаров за пределы королевства. Наряду с этим Филипп Красивый активно пользовался исконной королевской прерогативой менять денежный курс, облегчать по своему усмотрению вес монеты — меры, которые принесли ему в веках сомнительную славу «короля-фальшивомонетчика». Итогом столь неосмотрительной политики и стал колоссальный финансовый кризис и инфляция 1302–1305 гг. Отзвуки этого кризиса все еще были очень ощутимы, когда к власти пришел Ангерран де Мариньи. Народная молва тут же возложила всю ответственность за монетную политику короны на него. Ж. Фавье поставил для себя целью установить, насколько Мариньи был причастен к финансовой политике короны.

Биография «Ангерран де Мариньи, советник Филиппа Красивого» Ж. Фавье — великолепное историческое исследование феномена личной власти и влияния в средневековом государстве XIV в.

Карачинский А. Ю.

*Роберу Фавье,
члену Института,
с признательностью*

ВВЕДЕНИЕ

В истории Франции XIV в. является переходным периодом. На смену существовавшему до этих пор, хотя и в совершенно неузнаваемом обличье, феодальным институтам мало-помалу стали приходить монархические учреждения. Таким образом, рассматривая механизм правления Филиппа Красивого, рычаги которого действовали отнюдь не четко и постоянно переходили из рук в руки, невозможно получить представление о последнем великом Капетинге. В то время более чем когда-либо значимость тех или иных учреждений зависела лишь от людей, которые руководили ими, важность той или иной должности мог придать лишь занимавший ее человек. Таким образом, политика Филиппа Красивого очень часто оказывалась делом рук людей, чья должность или звание на первый взгляд даже не предполагали тех задач, разрешением которых они, по очевидности, занимались. Было бы непростительной ошибкой при изучении этой эпохи ограничиться лишь рассмотрением работы институтов. Действительно, что же это за Парламент, для которого проходят незамеченными основные судебные дела, что за Палата счетов, куда счета могут не поступать в течение долгих лет, что за резиденция короля, подобная огромному спруту со множеством щупалец?

Наряду с этими зарождавшимися институтами историю Франции — и, таким образом, политику королевства, определяла деятельность небольшого количества людей, чьи имена иногда были известны, но чаще оставались в тени. Следовательно, для того чтобы изучить и понять историю правления Филиппа Красивого, которое считают одним из самых богатых на тайны и необъяснимые события, очень важно знать, что это были за люди, кем они были, когда, в каком случае и в какой степени смогло проявиться их влияние. Знания о людях и их роли, точнее, о конкретном человеке и его особой роли, кроме того, позволяют уяснить некоторые факты, на которые не может пролить свет изучение события или целого ряда определенных событий, так как полученную информацию не с чем сопоставить. Так, например, французская политика августа 1314 г. в отношении Фландрии становится более понятной, если привлечь информацию, исходившую от конклава. В ожидании, пока появится обобщающий труд об истории правления Филиппа IV Красивого¹, мы предлагаем исследование деятельности человека,

¹ Такой труд написал сам Ж. Фавье в 1978 г. (Favier, J. Philippe Le Bel. P., Fayard, 1978). — *Прим. ред.*

который, несмотря на заранее четко очерченный круг задач, занимался самыми разными вещами, ибо это позволяет понять, что собой представляла в данную эпоху жизнь в областях политики и дипломатии.

Многие из загадок, которыми изобилует период правления Филиппа Красивого, связывают с именем Мариньи. Прежде всего возникает вопрос: кем был этот человек, чья судьба столь необычна, каково его происхождение и каким образом он добился положения, позволившего ему развить интересующую нас деятельность? Учитывая противоречивость свидетельств и мнений на этот счет, необходимо также постараться разобраться, насколько его роль была значима в действительности, ведь если одни хронисты, по видимости, чрезмерно преувеличивали значение Мариньи, то другие историки, естественно, отреагировали на это крайним его преуменьшением. Насколько же соответствовало действительности традиционное представление о Мариньи как о всемогущем королевском советнике? Для того чтобы узнать это, нам понадобилось найти ответы на вопросы о том, каким было его участие в политике Филиппа Красивого, в каких условиях, в отношении каких дел, вместе с какими людьми, с какими намерениями и инициативой, долей личной ответственности он направлял действия королевской власти, служил и помогал ей.

Наиболее запоминающийся момент биографии Ангеррана де Мариньи — его гибель 30 апреля 1315 г. на виселице в Монфоконе. Кроме того, именно это событие является объектом пристального внимания историков на протяжении вот уже двух веков; так как мы вряд ли смогли бы сообщить нечто новое о судебном процессе, о ходе которого рассказывают немногие хорошо известные тексты, мы решили попробовать выяснить, в какой мере Мариньи был виновен и насколько он заслуживал вынесенного ему приговора. Отказавшись заранее оправдывать или обвинять его, мы попытались выявить и осмыслить претензии, которые были ему предъявлены. Мы руководствовались желанием понять, а не осудить поведение Ангеррана и его поступки. Принимая во внимание то, что ранее довольно часто высказывались не изобилующие подробностями суждения, мы не посчитали возможным в рамках этого исследования избежать рассмотрения этого вопроса.

Мы постарались выяснить, реальными ли были все те богатства, которые приписывались советнику Филиппа Красивого, при том что в большинстве текстов, посвященных этому вопросу, содержался намек на то, что накоплены они были в результате грабежа, вымогательства и незаконных денежных махинаций. Чтобы уяснить для себя размеры состояния Мариньи, а также то, каким образом оно было приобретено, нам пришлось произвести детальное исследование его имущества, главным образом в земельных владениях. Дошедший до нас картулярий позволил нам довести эту работу до конца, а сохранившаяся опись от 1315 г. стала одним из важнейших

элементов составленного нами описания. Помимо сделанных нами выводов юридического и экономического характера мы смогли дать ответ на вопрос, относящийся к сфере политики: давал ли советы королю честный человек или они исходили от мошенника?

Мы изучили биографии Гильома де Ногаре, Гильома де Плезиана и, совсем недавно, Пьера Флота¹. Труд, написанный Пьером Клеманом, являлся единственным цельным сочинением о Мариньи. Существование этого обобщающего исследования, полного поспешно сделанных и ничем не обоснованных выводов, нужно было просто принять к сведению; кроме того, совершенно очевидно, что автор высказывал свое субъективное мнение, пытаясь реабилитировать своего героя. Что касается небольшого сочинения маркиза де Бомануара, оно может представлять интерес единственным образом потому, что в нем даются ссылки на некоторые сейчас уже утерянные документы местного значения; но поскольку автор этого труда раз и навсегда решил, что все свершения, произошедшие за время правления Филиппа Красивого, были делом рук Мариньи, вряд ли можно с доверием относиться к каким-либо утверждениям этого далекого потомка Ангеррана де Мариньи.

Некоторые другие отдельные работы также были посвящены Мариньи, причем их ценность далеко не одинакова. Годфруа-Менильглез и Ш.-В. Ланглуа занимались исследованием письма к Симону Пизанскому; Симиан посчитал, что внес значительную ясность в вопрос о судебном процессе над Мариньи, изучив некую хронику, в которой он не распознал одну из версий *«Больших Французских Хроник»*; Дюрье изложил свои выкладки по поводу владений Ангеррана в так и не найденной нами диссертации, положения которой, несмотря на краткость, во многом ошибочны; наконец, г-н Ланфри написал тонкую брошюру о любопытном археологическом исследовании. Все это в целом нельзя назвать весомыми трудами об Ангерране де Мариньи.

Среди основных работ, повествующих о событиях того времени, в трех уделяется внимание той роли, которую сыграл в них Мариньи. Фанк-Брентано в своей диссертации *«Филипп Красивый во Фландрии»* необыкновенно проникательно проанализировал некоторые деяния Мариньи — он извлек из нее материал для посвященной Мариньи статьи в *«Большой Энциклопедии»*, — и, несмотря на отдельные разногласия в деталях, мы премного обязаны существованию этого сочинения. Что касается г-на Лизерана, то он в своей диссертации *«Климент V и Филипп IV Красивый»* неоднократно упоминал имя канцлера Филиппа Красивого; он использовал эти материалы для научно-популярной статьи, которая появилась в то время, когда было предпринято данное исследование, но в этой статье, к сожалению, приводилось немало ошибочных высказываний Пьера Клемана. Наконец, немаловажность роли, которую сыграл

¹ Советники Филиппа IV Красивого. — Прим. ред.

Мариньи на церковном соборе, подчеркнул Эвальд Мюллер в своей книге *«Вьеннский собор»*, которая во многих отношениях может заменить собой результаты произведенных ранее исследований по этому вопросу.

Архив Мариньи, в отличие от бумаг Ногаре, исчез, что с легкостью могло послужить причиной для заблуждений по поводу роли этого персонажа в истории. Мишле высказывал свое удивление на этот счет: «Этот нормандец... не менее молчаливый, чем его господин, не оставил после себя никаких документов; создается впечатление, что он не писал и не говорил»¹; Ланглуа также указывал на то, что от бумаг Мариньи «практически не осталось следа»². Хотя Ангерран должен был хранить их при себе, но в 1315 г. они не были конфискованы. Ввиду исчезновения архива мы были вынуждены обращаться главным образом к Сокровищнице хартий Франции, Артуа и Фландрии, к архивам Карла Валуа, а именно к счетам, сохранившимся в этих фондах, а также анализировать *«Регистры Климента V»*, *«Calendar of the Patent Rolls»* и *«Calendar of the Close Rolls»*.

Исторические свидетельства очень редки. На наш день известно очень мало подлинных хроник начала XIV в. В тексте *«Больших Французских Хроник»* содержится повествующая о Мариньи вставка, которая имеет для нас большое значение³. Жан Сен-Виктор в отношении этой эпохи ограничился тем, что скопировал *«Рифмованную Хронику»* Жоффруа Парижского⁴. Таким образом, помимо продолжения Гильома де Нанжи и драгоценной *«Рифмованной Хроники»* не остается ничего, кроме рассказов Жилия Ле Мюизи и Бернара Ги, которые, в принципе, несомненно достоверны, но содержат в себе далеко не всю необходимую информацию. Наконец, во многих случаях важные исторические свидетельства нам предоставили арагонские посланники, так как мы использовали в своей работе некоторые сохранившиеся их отчеты.

Мы разделили наш труд на четыре части, представляющие одинаковый интерес и равным образом важные с практической точки зрения. Сначала мы обратимся к рассказу о главных жизненных вехах нашего героя, о его семье, знать о которой необходимо, и о его благосостоянии, затем к его участию во внутренних делах государства, особенно в жизни королевского отеля, к его дипломатической роли, о которой будет сказано в последнюю очередь, причем прежде чем представить анализ его деятельности в качестве дипломата, мы проведем также ее исследование; наконец, мы рассмотрим судебный процесс над Мариньи и его причины.

¹ Jules Michelet, *Histoire de France au Moyen Age* (Paris, 1899, in-16, 322 p.), p. 121.

² Charles-V. Langlois, dans les *Notices et extraits*, t. XXXIX, p. 214.

³ См. гл. XI, § 2.

⁴ В дальнейшем мы еще вернемся к этой теме.

Несколько раз мы вынуждены были выйти за рамки рассказа о личности Мариньи и рассмотреть функционирование того или иного учреждения или ход исторических событий для того, чтобы в дальнейшем подробнее осветить роль Ангеррана. Желая узнать, какие функции он выполнял в качестве камергера, нам пришлось, за неимением текстов, изучить обязанности других камергеров и выяснить, выполнял ли их Мариньи. Точно так же было бы невозможно понять, какую роль он сыграл во Вьенне, если бы мы не изложили основные этапы истории церковного собора и не рассказали о вопросах, которые на нем рассматривались.

Выходя за рамки обычной биографии, мы руководствовались желанием внести свой вклад в изучение некоторых политических и финансовых институтов, а также некоторых особенно важных событий конца правления Филиппа Красивого. И мы исследовали и то и другое именно для того, чтобы рассмотреть роль конкретного человека. Изучая историю Ангеррана де Мариньи, мы хотели понять механизм действия политических и финансовых пружин королевской власти точнее и конкретнее, чем это можно сделать посредством анализа ордонансов и уставных документов.

Но Ангерран не всегда действовал только сам. Исследуя деятельность значимого человека, нельзя оставить в стороне его агентов, его подчиненных и даже его слуг, так как в то время не существовало четких различий ни в званиях, ни в обязанностях. Чтобы понять, как камергер короля служил королевской власти, нужно знать, кто и как ему прислуживал. Зная о том, что глава палаты, скорее всего, играл в политике не последнюю роль, мы не могли не заинтересоваться его домашними слугами. Это необходимое расширение нашего исследования позволило нам открыть один из приёмов, с помощью которых Ангерран де Мариньи утвердился во власти, в частности, в области финансов. Лишь ограничившись рассмотрением роли самого Мариньи, такого, каким он предстает в тексте нескольких документов, П. Клеман — и после него Ж. Лизеран — смог отрицать то, что Мариньи имел значение в области финансовых вопросов. Вместе с тем и анализ дипломатической деятельности Мариньи нельзя было бы назвать полным, если бы мы не рассмотрели ту роль, которую сыграли или могли сыграть родственники камергера. Мы далеки от мысли о том, что кардинал Николя де Фревилль или архиепископ Филипп де Мариньи были лишь агентами своего кузена и брата, более того, мы уверены в том, что поведение последнего по отношению к папскому престолу и его роль в дипломатической деятельности Филиппа Красивого были бы другими, не будь этих людей.

В эту работу включено мало правовых документов. Мы привели лишь те документы, без которых чтение книги было бы затруднено, а также те, которые до сих пор не изданы должным образом. Следовательно, любой документ, как бы он ни был для нас важен, который находится в «Кодексе» Лимбурга Стирума, в «Сборнике

историков галлов и Франции» или в подобной ему недавней публикации, здесь нами не приведен.

Картулярий Ангеррана де Мариньи является особенно важным документом. Анализ, которому подверг его Пьер Клеман, недостаточно полон. Необходимо было бы его опубликовать, но вместить его в эту книгу не представлялось нам возможным. Таким образом, картулярий ляжет в основу другого издания данной работы, которое мы обогатили резюме описи многочисленных владений Ангеррана де Мариньи, сделанной по приказу короля в 1315 г. и дополняющей данные картулярия, а также предоставляющей необыкновенно интересные зашифрованные показания. С этой публикацией картулярия мы также связываем исследование дипломатической деятельности и издание семнадцати известных нам актов Ангеррана. Так, читатель этой книги простит нам то, что вместо того, чтобы цитировать акты, содержащиеся в этом картулярии, и акты Ангеррана, мы будем отсылать его к нашему изданию¹. Там можно будет найти текст с предваряющими его указаниями на источники, копии и издания. Факт отсылки к изданию картулярия никоим образом не исключает того, что мы пользовались лучшим текстом, в основном оригиналом. В наших примечаниях мы указываем точную ссылку для цитат лишь в случае текстуальной транскрипции отрывка.

В конце книги находятся библиография и общий список источников, использованных для создания этого труда. В него включены лишь документы и работы, принесшие нам реальную пользу. Мы не стали приводить те книги или документы, изучение которых никак не помогло нам в работе, несмотря на безусловную важность анализа и этих источников, и тексты, пересказанные нам кем-то другим. В списке также отсутствуют общедоступные учебники.

Мы считаем своим долгом выразить здесь нашу признательность тем, кто оказал нам неоценимые услуги: г-ну профессору Эдуарду Перруа, г-ну Марселю Бодо, главному хранителю Архива Франции, и нашему сотоварищу г-ну Франсуа Мальяру. Мы также приносим свою искреннюю благодарность г-ну Пьеру Маро, члену Института, без вмешательства которого публикация этого труда могла не состояться. Наконец, мы обязаны признаться, в каком долгу мы перед своим учителем, г-ном Робером Фавтье. С благосклонностью, известной всем тем, кто работал под его руководством, он заинтересовался этим исследованием, вдохновил нас на его продолжение и дал нам важнейшие советы. Мы просим его принять наши заверения в самой почтительной благодарности.

¹ Это будет обозначено пометкой *Cartulaire* (Картулярий) или *Cartulaire, actes* (Картулярий, акты) с номером.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АНГЕРРАН,
СЕНЬОР
ДЕ МАРИНЬИ

ГЛАВА I

СЕМЬЯ И ЛИЧНОСТЬ МАРИНЬИ

1. СЕМЬЯ МАРИНЬИ

Общим местом в хрониках является упоминание о том, что предками Ангеррана была мелкая знать, или даже о низком происхождении семейства Мариньи. Автор «*Normanniae nova chronica*» (Новая хроника Нормандии) рассказал о его «мелкой породе»¹, автор «*Романа об уродливом Лисе*» написал:

Он происходил от низкорослых
Не очень-то знатного рода людей;
Но он столько накопил,
Что превзошел всякую меру²,

а Жоффруа Парижский, изучая карьеру Ангеррана, нашел, что он сделал столько,

Что скорее поднялся, чем спустился,
И переменил все свое происхождение...³
Когда из такого низменного положения он мигом
Вознесся так высоко⁴.

Ангерран де Мариньи принадлежал к настоящему, хотя и мелкому, знатному роду: его прадед, Гуго Ле Портье (Привратник), сын Ангеррана, обладал переходившим по наследству правом охранять одни из четырех ворот герцогского замка в Лионе (Lyons). Его имя взяло свое начало от обязанности, которую он исполнял. Незадолго до 1204 г. он женился на Маго де Мариньи, и имя его жены перешло к их детям⁵. Мариньи назывался небольшой фьеф, располагавшийся на холме, над коммуной Дампьер, близ Гурне⁶. Род, несомненно, угасал, и доказательством этому может служить

¹ «Он же сначала относился к незнатному роду и был не слишком богат...» («*Qui quidem fuit primo parvae progeniei, non divitis multum...*»); éd. Chéruel, p. 31.

² Ed. G. Raynaud et H. Lemaître, t. I, p. 31, vers 2885–2888.

³ Ed. A. Diverrière, p. 196.

⁴ Ibid., p. 209.

⁵ M. de Beaumanoir *Œuvres...*, t. II, p. 14.

⁶ Название *Merigny* еще фигурировало на карте Кассини, но после уже не появлялось.

то, что в первой половине XIII в., начиная с Ангеррана, сына Гуго и Маго, это родовое имя перешло в семейство Ле Портье. Гуго был еще жив в 1206 г., когда Филипп-Август подтвердил договор с Руанским аббатством Сент-Уан¹; в 1205 г. он стал свидетелем того, как Готье Гастинель передал в дар Бушвилье; таким образом, Гуго Ле Портье в то время жил уже в районе Экуи и Менневилья². В 1228 г. его сын Ангерран подтвердил дарственную Гуго в Крессенвиле³; в 1232 г. его имя фигурировало в судебном решении Палаты Шахматной доски Нормандии⁴.

Среди его детей мы можем назвать Жана, сеньора де Мариньи, скорее всего, старшего сына, который в 1241 г. запечатал договор монетой в один эку с изображением креста с четырьмя самками дроздов, сидящими на концах перекладин⁵, и Филиппа, сеньора д'Экуи, который стал отцом камергера Филиппа Красивого. Жак де Мариньи, служивший в 1266 г. оруженосцем⁶, скорее всего был их родным или двоюродным братом; ведь выяснить степень родства многочисленных Мариньи, проживавших, по нашим сведениям, в одном и том же районе, — два последних договора относятся к землям в Розс, — дальше детей Гуго Привратника и Маго де Мариньи не представляется возможным. Мы не располагаем какими бы то ни было точными сведениями о некоем «Гийо де Мариньи, damoiseil»⁷, который получил 60 су в качестве половины жалованья за военную службу во Фландрии, в 1302 г., в бальяже Буржа⁸, ведь, принимая во внимание географическую удаленность этой местности, он вполне мог принадлежать к другому роду; точно такая же ситуация сложилась в отношении Гильома де Мариньи, оруженосца, который получил у военных казначеев свое жалованье за ту же службу 19 октября 1302 г. и чье происхождение нам также неизвестно⁹.

Мы располагаем чуть большим количеством информации об отце Ангеррана, Филиппе де Мариньи, сеньоре д'Экуи. Для начала необходимо полностью забыть высказывания Жана де Марни¹⁰, который пытался заставить всех поверить в свое родство с Ангер-

¹ Pommeraye, *Histoire de Saint-Ouen*, p. 438; ind. par L. Delisle, *Cartulaire normand...*, p. 24 et 290.

² «В присутствии этих свидетелей... Гуго Привратника...» («Testibus hiis... Hugone Portario...»); cartulaire blanc de Saint-Denis, T. II, Arch. nat., LL 1158, p. 603.

³ A. le Prevost, *Mémoires et notes...*, t. I, p. 558.

⁴ Палата Шахматной доски — высшее финансовое ведомство Нормандии. — *Прим. ред.*

⁵ Archives de l'Eure, H 640.

⁶ Arch. de l'Eure, H 641.

⁷ Damoiseil — знатный юноша, еще не посвященный в рыцари. — *Прим. ред.*

⁸ Bibl. nat., fr. 10430, p. 38, № 314.

⁹ *Ibid.*, p. 24, № 194.

¹⁰ *L'aventurier rendu a dangier...*, pièce 21.

раном и утверждал, что имел в своем распоряжении его семейные архивы. Говоря о богатстве Ангеррана, он просто-напросто точно скопировал текст «Романа об уродливом Лисе». Но вместе с тем он рассказал о том, что Филиппу де Мариньи с двумя его братьями пришлось срочно покинуть свое «держание», так как, защищая свою сестру, они убили семерых разбойников. Не совсем понятно, почему из-за этого они вынуждены были бежать! Более того: далее Жан де Марни упомянул о том, что один из братьев отправился в Англию, другой в Пуату, а третий, Филипп, в Нормандию. Между тем нам доподлинно известно, что его предки были нормандцами уже при Иоанне Безземельном! Что же до Вюлара де Мариньи, который, по словам нашего автора, был его предком и братом Филиппа, о нем мы не нашли ни малейшего упоминания.

Отец Ангеррана был рыцарем и королевским чиновником в превостве Андели. По меркам 1302 г. он получал довольно высокое жалованье, 2 су. в день¹, то есть намного больше, чем королевские шателены²; король даже доверил ему право сеньориальной опеки³. Из этого следует, что семейство Ангеррана хотя и не принадлежало к высшей знати, но все же не принадлежало к простолюдинам, как утверждали его враги.

Филипп де Мариньи был женат два раза. В первом браке у него родилось два сына и множество дочерей. Об этом свидетельствует договор о наследстве, в котором Ангерран представлял детей отца от его первого брака: родных брата и сестер⁴. При том что старший сын Филиппа от второго брака, Пьер Уаселе, на момент наследства, в марте 1306 г., был единственным совершеннолетним, можно утверждать, что Жан, который стал совершеннолетним 17 апреля следующего года, также был ребенком от второго брака; таким образом, родным братом Ангеррана был будущий архиепископ Санский, Филипп де Мариньи. Их сестер звали Алис и Катрин; последняя вышла замуж за одного из Мансиньи; Алис, госпожа де Кантелу, по данным 1315 г., вероятно, вышла замуж за одного из Виленов, так как племянники Ангеррана де Мариньи, Ангерран, Робер и Пьер де Вилен в августе 1313 г. были канониками Нуайона, Оксера и Парижа и одновременно изучали право⁵; следовательно, они не могли быть детьми одной из сестер Ангеррана, которая в 1306 г. была несовершеннолетней — поэтому мы склонны считать

¹ R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. II, p. 141, № 15860.

² *Ibid.*, например, № 15858.

³ *Ibid.*, p. 140, № 15830.

⁴ «За себя, а также за своего родного брата и сестер» («Pro se, fratre sororibusque suis germanis»); *Cartulaire*, № 50.

⁵ *Ibid.*, p. 236, № 9506, 9507 et 9509.

их сыновьями Алис де Мариньи, родной сестры Ангеррана, Филиппа и Катрин.

В результате замужества своей сестры Алис Ангерран породнился с шателеном Лоншана, Пьером де Виленом¹, и ловчим короля, Жаном де Виленом, которому в декабре 1301 г. Филипп Красивый выделил 40 акров земли в ландах Бофиселя, близ Лионс-ла-Форе². Ангерран, скорее всего, и до того был родственником Жана Ловчего, некоторая часть владений которого после его смерти, по обмену, перешла к Ангеррану де Мариньи³. Но Жан Ловчий и Жан де Вилен, также бывший ловчим короля, не одно и то же лицо: Жан Ловчий стал рыцарем в 1298 г.⁴, его дети, Жан и Нисез, в 1308 г. еще «были близки совершеннолетию»⁵, в то время как Жан де Вилен в 1301 г. был простым оруженосцем; тогда, возможно, он был младшим братом Жана Ловчего?

Второй супругой Филиппа де Мариньи стала Перонель де Буа-Готье, которая еще здравствовала в марте 1306 г., когда улаживались дела о наследовании имущества ее мужа. Она произвела на свет много детей: Пьера Уаселе, старшего сына⁶, который служил виночерпием у Людовика Наваррского примерно в 1307–1313 гг.⁷, появлялся в его окружении в 1313 г.⁸, был посвящен в рыцари в этом же году на Троицын день⁹ и в 1315 г. какое-то время находился под арестом¹⁰; Жана де Мариньи, который стал епископом в Бове, а затем архиепископом Санским; Робера, который преподавал в Орлеане и после стал казначеем церкви в Шалоне, и, несомненно, многих других, о которых нам ничего не известно. Филипп де Мариньи скончался в период между мартом 1302 г. и мартом 1306 г.

Его старший сын, Ангерран де Мариньи, родился примерно в 1275 г.¹¹. Первый брак Ангеррана с Жанной де Сен-Мартен, крестницей Жанны Наваррской¹², безусловно, был делом рук по-

¹ R. Fawtier, *op. cit.*, t. II, p. 141, № 15858, et p. 142, № 15892; Arch. nat., JJ 40, № 85, f. 38 v., JJ 42b, № 41, f. 25, et JJ 41, № 41, f. 27.

² Arch. nat., JJ 38, № 66, f. 37.

³ *Cartulaire*, № 20 à 23.

⁴ *Cartulaire*, № 21.

⁵ *Cartulaire*, № 22.

⁶ Пьер и Уаселе де Мариньи, имена которых встречаются в различных документах, — одно и то же лицо, доказательством чему служит акт, относящийся к марту 1306 г.: «и Пьер Уаселе, объявленный перворожденным» («et Petrus Oyseleti, predite relicte primogenitus»); *Cartulaire*, № 50.

⁷ Bibl. nat., fr. 7852, p. 352.

⁸ *Ibid.*, p. 142, et Clairambault 832, p. 257.

⁹ *Ibid.*, fr. 7852, p. 336, et Clair. 832, p. 257.

¹⁰ Bibl. nat., fr. 10430, p. 84, № 496.

¹¹ См. ниже.

¹² Жанна Наваррская — королева Наварры (с 1274 г.) и Франции (1285–1305), супруга Филиппа IV. — *Прим. ред.*

следней¹. От этого брака родилось двое детей²: Луи служил слугой у короля³, в 1313 г. на Троицын день был посвящен в рыцари⁴, и состоял в должности камергера при Людовике Наваррском и некоторое время спустя, при Людовике X⁵; Мари ушла в монастырь в Мобюиссоне. Если учесть тот факт, что Луи получил свою часть наследства после того, как 3 июля 1310 г. был объявлен совершеннолетним⁶ (в то время ему должно было исполниться от 14 до 20 лет), бракосочетание Ангеррана де Мариньи и Жанны де Сен-Мартен придется отнести к более раннему времени, то есть к 1295 г. Жанна была еще жива в июне 1300 г.⁷, но вскоре умерла, так как Изабель, дочери Ангеррана и его второй жены, в октябре 1309 г. было восемь лет⁸: следовательно, второй брак Ангеррана был заключен в конце 1300 или в начале 1301 г.

Вторая супруга Ангеррана, Алис — или Авис — де Монс, была кузиной маршала Франции Жана де Гре и епископа Оксера, Пьера де Гре⁹. Этот последний 24 октября 1309 г. в Руане подписал брачный контракт Изабель де Мариньи в качестве кузена новобрачной¹⁰; нет никаких сомнений, что она была старшей дочерью Ангеррана от второго брака. В январе 1310 г. Изабель вышла замуж за Гильома де Танкарвиля, поэтому Мариньи стал распорядителем и попечителем как новобрачного, так и всех благ семейства Танкарвиль¹¹; затем она сочеталась браком с Гуго д'Окси и, наконец, с Ги де Бомоном¹², от которого она родила сына Луи. В 1329 г. состоялся судебный процесс по вопросу вдовьей доли, оставленной ей мужем, а также опекуинства над ее несовершеннолетним сыном¹³. Другая дочь Алис де Монс, также названная Алис, вышла замуж за Пьера де Фекана; его потомки, Роншероли, старшим из которых

¹ Упомянув в своем завещании Жанну де Сен-Мартен, Людовик X сказал, что королева Жанна, ее мать, «выдала ее замуж за Ангеррана де Мариньи»; Arch. nat., J 404 A, № 22.

² Bibl. nat., fr. 20691, p. 61.

³ «Луи... нашему слуге» («Ludovico... valletto nostro») (1312, mai); Arch. nat., JJ 48, № 3.

⁴ Bibl. nat., Clairambault 832, p. 275, et fr. 7852, p. 337.

⁵ Завещание Людовика X (1316, июнь); Arch. nat., J 404 A, № 22.

⁶ *Cartulaire*, № 118 et 119.

⁷ Bibl. nat., fr. 20691, p. 61.

⁸ *Cartulaire*, № 122.

⁹ Брат Алис, Жан де Монс, в 1308 г. сменил на посту канцлера церкви в Шартре своего кузена Пьера де Гре, который возвысился до сана епископа в Оксере; cf. L. et R. Merlet, *Dignitaires de l'église... de Chartres*, p. 109.

¹⁰ *Cartulaire*, № 122.

¹¹ *Cartulaire*, № 124.

¹² Arch. nat., JJ 66, № 4, f. 2.

¹³ Arch. nat., X¹a6, f. 64 v.-66 r., et X¹a 8845, f. 33; cf. G. du Breuil, *Stilus curie parlamenti*, éd. F. Aubert, chap. XXXI, p. 220.

был барон де Сен-Пьер¹, в период заката Старого порядка² все еще сохраняли за собой некоторые права Мариньи, например, патронат над Экуи. Что же касается сыновей Ангеррана и Алис де Монс, их звали Рауль и Тома³, и после 1315 г. по протекции своего дяди, епископа Бове, первый стал писцом, а второй был посвящен в рыцари.

Нам остается упомянуть некоторых кузенов Ангеррана де Мариньи. К Жилю де Мариньи по наследству перешли земли в Мариньи, Розе и Крессенвиле, которые приобрел король, чтобы даровать их Ангеррану⁴; он, по всей видимости, был двоюродным братом Ангеррана. О Бернаре де Мариньи, который также жил в нормандском Вексене, нам стало известно лишь из одного акта, относящегося к февралю 1306 г.⁵, и мы ничего не можем сказать о его степени родства с камергером. Впрочем, мы располагаем сведениями о степени его родства с некоторыми другими людьми, к которым мы еще вернемся тогда, когда речь пойдет о «непотизме»⁶ королевского камергера. Прежде всего это люди родом из мелкой знати, но порой занимавшие высокое положение, например, тот самый брат, Николя де Фревилль, духовник короля, затем кардинал церкви Св. Евсевия⁷, а также Николя де Фревилль, дьякон и каноник в Амьене, по данным декабря 1312 г.⁸, и Робер де Фревилль, в 1321 г. не явившийся на судебное заседание сержентери⁹ Мортмер¹⁰. Кроме того, это также Гильом де Флавакур, архиепископ Руанский с 1278 по 1306 г.¹¹, Мишель де Флавакур, которому в 1312 г. принадлежал «королевский фьеф» в Курсели¹², а в 1323 г. — манор¹³ возле замка Гай-фонтен¹⁴, и, наконец, Гильом де Флавакур, рыцарь короля¹⁵.

¹ Этот титул стал принадлежать старшему сыну с того момента, как в 1548 г. Филипп де Роншероль приобрел баронию Сен-Пьер; Archives de l'Eure, E 2393, № 39.

² Старый порядок — социально-политическое устройство Франции до 1789 г. — *Прим. ред.*

³ Согласно неправильному прочтению П. Клемана, его называли «Thouras».

⁴ *Cartulaire*, № 30.

⁵ Arch. nat., JJ 38 № 14, f. 70.

⁶ Непотизм — раздача доходов и должностей родственникам. — *Прим. ред.*

⁷ Baluze, *Vitae paparum...*, t. II, col. 636.

⁸ *Regestum*, t. VIII, p. 27, № 8971.

⁹ Сержентери — округ, подчинявшийся власти королевского сержанта — чиновника с судебными-административными полномочиями. — *Прим. ред.*

¹⁰ R. Genestal, *Plaids de la sergenterie de Mortemer, 1320-21*, p. 41.

¹¹ Bibl. nat., Clairambault 48, pièce 28.

¹² Commune d'Hausseres, cant. de Forges; cartul., № 32, f. 47.

¹³ Манор — поместье. — *Прим. ред.*

¹⁴ Arch. nat., J 225, № 13.

¹⁵ Bibl. nat., fr. 7852 et Clair. 832, *passim*, et R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. II, p. 772. № 27654.

Но вместе с тем среди них были и люди более скромного положения: Маго л'Аршевек, монахиня из монастыря Мобюиссон¹, Жан л'Аршевек, арендатор мельницы в Пон-де-л'Арш², и Жан Кальто, ректор в Гуреле³. Помимо этих кузенов необходимо также упомянуть одного из племянников Жанны де Сен-Мартен, Пьера де Сен-Мартена, каноника в Сент-Аме де Дуэ, который ссылался на своего «дядюшку» в 1313 г.⁴, и некого доминиканца по имени Жан де Мариньи, чье имя фигурировало только в показаниях брата Жана де Лилля и Жана Армюрье (Оружейника) на судебном процессе Гишара де Труа⁵.

Такой была семья Ангеррана де Мариньи: мелкая знать из нормандского Вексена, в чьих владениях, как мы увидим чуть позже, находились участки земли в районе Экуи и Лион-ла-Форе, располагавшиеся в относительной близости друг от друга; для семьи, все еще привязанной к своим родным землям, это естественно. Даже говоря о месте проживания самых дальних родственников, мы не выходим из рамок довольно небольшого района: Фревилль⁶, Флавакур⁷, Пон-де-л'Арш... Это наблюдение поможет нам понять, какие цели преследовал Ангерран, сколачивая собственный домен⁸ в бальяжах Ко и Жизора.

2. МАРИНЬИ И ЕГО ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Дата рождения Мариньи, так же как и место его появления на свет — вероятно, Экуи или Лионс-ла-Форе⁹, — нам точно не известна, но мы можем указать ее с погрешностью в несколько лет. В первый раз его имя появилось в официальном документе в январе 1291 г.; ему, тогда еще простому оруженосцу, было в тот момент скорее всего не меньше четырнадцати лет¹⁰. Его посвятили в рыцари примерно в 1303 г., по крайней мере, вряд ли позже, так как

¹ 10 января 1311 г. Мариньи выделил ей 100 су ренты; Arch. nat., JJ 42a, № 127, f. 117 v.-118r, et Bibl. nat., fr. 10829, № 127, f. 68 v.

² 1308 г., июль; Arch. nat., JJ 40, № 103, f. 51-52.

³ 1312 г., 29 декабря; *Regestum*, t. VIII, p. 19, № 8942.

⁴ 1313 г., 24 августа; *Cartulaire*, № 70.

⁵ Arch. nat., JJ 438 B, № 6, ближе к середине свитка.

⁶ Cant. Londinières, arr. Dieppe, Seine-Maritime.

⁷ Cant. du Coudray-Saint-Germer, arr. Beauvais, Oisé à 3,5 km de l'Epte.

⁸ Домен — личное земельное владение. — *Прим. ред.*

⁹ Это последнее предположение о месте рождения Мариньи, которое сделал, не основываясь, впрочем, ни на каких фактах, маркиз де Ларошфуко-Лионкур, менее правдоподобно, чем указание на Экуи, так как владельцем этой местности являлся Филипп де Мариньи; *Histoire de l'arrondissement des Andelys*, p. 83.

¹⁰ Arch. nat., J 217, № 3.

ордонанс 1293 г. предписывал оруженосцам благородного происхождения с 200 ливрами дохода пройти церемонию посвящения в рыцари до того момента, как им исполнится двадцать пять лет. Так как Мариньи вращался при королевском дворе, его материальное благополучие не играло большой роли, кроме того, он, несомненно, располагал необходимым состоянием; все это вынуждает нас сказать, что он родился лишь незадолго 1278 г. Его старшему сыну Луи было по меньшей мере четырнадцать лет на тот момент, когда он стал совершеннолетним, то есть 3 июля 1310 г.¹: таким образом, Ангерран женился, самое позднее, в 1295 г. Следовательно, мы относим дату рождения будущего камергера Филиппа Красивого примерно к 1275 г.² Ему было примерно тридцать пять лет, когда он находился в зените могущества, а сорока лет от роду 30 апреля 1315 г. его повесили в Монфоконе.

О внешнем облике Ангеррана мы можем сказать очень немного. Необходимо с большой осторожностью осылаться на его сравнительно богатую иконографию. Некогда на внешней стене дворца находился портрет Мариньи в стиле «плоскостной живописи»³, а на большой лестнице напротив статуи Филиппа Красивого можно было увидеть его скульптурное изображение⁴. Портрет исчез в XVIII в.; статуя, убранный после 1315 г., еще существовала в XVIII в., когда Г. де Сен-Фуа⁵ вместе с еще одним любителем⁶ обнаружил ее у входа в тюрьму Консьержери⁷ «без пьедестала, прислоненную к стене»⁸. Дюкюи⁹ утверждает, что каменный Мариньи стоял на коленях перед королем; однако статуя, описанная Сен-Фуа, не изображает коленопреклоненного человека; кроме того, упомянутое Дюкюи скульптурное изображение было, по его мнению, разбито толпой на мелкие кусочки в 1315 г.¹⁰ Это означает, что во дворце существовало две статуи Мариньи или же что сведения П. Дюкюи не соответствуют истине. Но от этих трех дворцовых

¹ *Cartulaire*, № 118.

² Г. Лизеран относит ее к 1265 г. (*Enguerrand de Marigny*, p. 1): таким образом, Мариньи должен был бы оставаться оруженосцем до тридцати восьми лет и стать отцом только в тридцать лет, что в XIII в. отнюдь не являлось обычным. Равным образом мы не согласны с датой, предложенной Эд. Фрером (1260 г.) (*Manuel du bibliographe normand*, p. 282). Данные авторы не указали, на чем они основывают выдвинутые ими суждения.

³ J. Guérout, *Le Palais de la Cité; à Paris*, 2e partie, p. 131.

⁴ Geoffroi de Paris, p. 214, vers 5931.

⁵ *Essais historiques sur Paris*, t. II, p. 36.

⁶ Bibl. nat., Joly de Fleury 269, dossier 2723.

⁷ *Ibid.*, f. 235 v.

⁸ G. de Saint-Foix, *Essais historiques...*, t. II, p. 36.

⁹ *Histoire des favoris...*, p. 78.

¹⁰ *Ibid.*, p. 81.

изображений осталось лишь описание, данное Сен-Фуа: «Мне понравилась его поза; у него коротко остриженные густые волосы; улыбающееся приятное лицо; одежда закрывает колени; на голове у него шапочка, кончик которой, не отброшенный на спину, а, напротив, обвитый вокруг головы, находится около левого уха; на его одеянии можно заметить вышитую перевязь, к которой прикреплена шпага». Это описание довольно ценно, так как скульптурное изображение, сделанное при жизни Мариньи с натуры и установленное на входе во дворец, там, где он часто появлялся, скорее всего, походило на оригинал.

Мы не обладаем таким же количеством информации о всех имеющихся изображениях Ангеррана. Его надгробный памятник был сооружен после 1475 г., и, по всей видимости, лицо статуи, изображавшей возлежащего на надгробии человека, должно было передавать некоторые черты лица самого Мариньи¹. На гравюре Андре Теве² изображен бюст Мариньи, несколько повернутый направо, Ангерран представлен одетым в широкое платье; правый закатанный рукав которого открывает камзол с вышитыми обшлагами. На голове у него шапочка с двумя ремешками, скрепленными под подбородком справа; платье застегнуто на груди на пуговицу в петле. В правой руке он держит складку своей одежды, а в левой — свернутый пергамент. У него изможденное лицо, длинный орлиный нос, тяжелый взгляд, на виске вздувшаяся вена. Должно быть, этот портрет сделан по изображению, находившемуся в Экуи; с другой стороны, речь может идти и о неизвестной статуе, так как скульптура, стоявшая в проеме западного портала, известна нам по гравюре Мильена³ и совсем не похожа на гравюру Теве. Объяснения, которые приводит последний, не точны, к тому же их невозможно проверить, и это не позволяет нам рассматривать этот портрет как изображение Мариньи. Наконец, человек на портрете слишком стар и его одежда отличается от одеяния статуи в портале Экуи, облаченной поверх камзола в чепрак без рукавов; голова статуи из Экуи не была покрыта. По тем же причинам, что и скульптура из Парижского дворца, статуя из портала Экуи могла походить на Мариньи.

¹ Сохранилось три гравюры, на которых изображено надгробие Мариньи (A.-L. Millin, *Antiquités nationales*, t. III, chap. XXVIII, pl. 3, et Bibl. nat., Estampes, coll. Gaignières), воспроизведенных Л. Ренье (*L'église Notre-Dame d'Ecouis*, p. 190, 192 et 199).

² *Les vrais portraits et vies des hommes illustres*, p. 274; эту гравюру размером 17,4 x 13,9 см отдельно взяли (Bibl. Sainte-Geneviève, Estampes, et Bibl. de Rouen, coll. Baratte) и сделали с нее копию, уменьшенную до размера 12,5 x 7 см без бордюра (Bibl. Sainte-Geneviève).

³ A.-L. Millin, *Antiquités nationales*, t. III, chap. XXVIII, pl. 1 et 2.

Ангерран был маленького роста. Помимо статуи во дворце, упомянутой Сен-Фуа¹, мы имеем другое достоверное свидетельство: Огюст Ле Прево был знаком с человеком, который во время Революции присутствовал при эксгумации Мариньи и подтвердил, что Ангерран был небольшого роста и с очень массивной головой². У него, вероятно, были довольно светлые волосы, возможно, рыжие, если допустить, что сатирическая поэма из французского манускрипта № 146 из Национальной библиотеки, обличавшая рыжую (gussus) лису, была действительно направлена против Мариньи, как посчитал Ш.-В. Ланглуа³, и учесть, что в «Романе о Фовеле» также мог содержаться намек на камергера. Глядя на статую портала в Экуи, можно представить, что у Мариньи были длинные волосы, уложенные полукругом на затылке.

Все описанные виды одежды носили в то время: камзол с узкими вышитыми рукавами или чепрак с так называемыми крыльями и высокими прорезями по бокам⁴, закрепленная вокруг головы шапочка. В день смерти на нем были белая облегающая голову шапочка, плиссированная рубашка, туника и цветные штаны⁵.

Мариньи не был интеллектуалом и не стал юристом. Словесные хитросплетения Ногаре были ему чужды, и он никогда не вступал в правовые или богословские споры. Судебный процесс над Бонифацием VIII, обвинения, выдвинутые против тамплиеров, вопросы о праве короля на Империю — все это было не по его части. Он получил лишь начальное образование, выдвигалось даже предположение о том, что он не знал латыни⁶. Действительно, 23 апреля 1311 г., когда встал вопрос о линии поведения короля в отношении Бонифация, он попросил, чтобы король перевел ему текст одного из писем к кардиналам, так как он не понимал латинского языка; король спросил его, понимает ли он, на что Мариньи ответил отрицательно⁷. Вопрос, который следует за *просьбой перевести письмо на французский язык*, нельзя интерпретировать как «если бы я знал латынь», так как в таком случае он уже не имел бы никакого смысла; следовательно, нужно рассматривать его как «если бы я понимал смысл латинского текста письма», ведь мы не можем

¹ *Essais historiques...*, t. II, p. 36.

² A. Le Prévost, *Mémoires et notes...*, t. II, p. 31.

³ *Histoire littéraire de la France*, t. XXXV, p. 346.

⁴ Эта одежда стала особенно модной несколько лет спустя.

⁵ G. de Paris, éd. A. Diverres, p. 227; J. de Saint-Victor, dans Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. I, p. 112.

⁶ G. Lizerand, *Engherrand de Marigny*, p. 1.

⁷ «Переведя мне с латыни на французский язык, так как я не понял по-латыни, он спросил меня, понял ли я. Я ответил, что нет» («Exponendo mihi latinum in gallico, qui non intelligebam latinum, et petiit a me si intelligebam. Respondi quod non»); *Cartulaire, actes*, № 5.

предположить, что Мариньи не знал также и французского! Итак, мы считаем, что король перевел Мариньи, не понявшему латинский текст¹, письмо, в надежде прояснить его смысл; однако, поскольку Мариньи не был в курсе взаимоотношений короля и кардиналов, а также плохо разбирался в многословных документах подобного рода, перевод письма с латыни на французский язык не помог Ангеррану понять его смысл. Впрочем, еще один факт укрепил нас во мнении, что Мариньи все же немного разбирался в латыни: документы, в которых урегулировался вопрос о наследовании Артуа, исправил и дополнил Ангерран². Тем не менее он предпочитал документы на французском языке: все его бумаги были написаны по-французски, за исключением одного документа в торжественном тоне, который необходимо было написать на латинском языке³.

Зная о том, что он не был ни юристом, ни даже просто образованным человеком, а его личные письма были написаны по-французски, довольно трудно не заметить в его стиле и даже в его почерке признаков просвещенного, неординарного ума. Этот факт повергал в изумление его современников, чему есть немало свидетельств. Жоффруа Парижский возносил хвалу ораторскому искусству Мариньи, говоря:

Ты лучший оратор из всех
И лучший советчик⁴.

Для любого парижанина Мариньи прежде всего остается тем человеком, который сумел с помощью убеждения незаконно собрать налоги в 1314 г. О том же самом свойстве Ангеррана трувер Жан де Конде в 1315 г. написал: «Много было хитрых и красивых речей, искусных и красивых рыцарей»⁵, несомненно, вспоминая о том, как он умело провел переговоры в Турне. Но, помимо ораторских способностей, упоминалось также и о любезности и приятности в общении этого прекрасного рыцаря. Автор *«Романа об уродливом Лисе»*, глас простолюдинов, лавочников и бродячих торговцев, также был потрясен величественной осанкой королевского

¹ Здесь сказано «так как я не понял по-латыни» («qui non intelligebam latinum»), а не «так как я не понимаю...» («qui non intelligo...»).

² 1309 г., 9 октября. — Асньер; на сгибе: «передача совершена, с добавлением и исправлением, сделанными по распоряжению господина Ангеррана» («collatio facta est cum additione et correctione factis per dominum Ingerranum»); Bibl. nat., Mélanges Colbert 347, № 66.

³ Cf. *Cartulaire, actes*.

⁴ G. de Paris, éd. Diverres, p. 197.

⁵ *Li dis du seigneur de Maregni*, vers 91–92, éd. Aug. Scheler, *Dits et contes...*, t. III.

камергера: ведь он более всех французов обладал изяществом и честью, манерами и изысканностью¹.

Наконец, последователь Гильома де Нанжи в одной часто цитируемой фразе перечислил все отличительные черты Ангеррана де Мариньи, безупречно любезного, предусмотрительного, опытного и ловкого рыцаря², воздавая таким образом хвалу этому человеку как рыцарю, советнику и дипломату.

Примерно в 1295 г. Ангерран женился на Жанне де Сен-Мартен. Жанна была крестницей королевы Жанны, посодействовавшей заключению этого брака³. Она произвела на свет двоих детей, Луи и Мари, родившихся до июня 1300 г.⁴, и после этого по прошествии короткого промежутка времени умерла. Мариньи женился во второй раз примерно в начале 1301 г., его супругой стала Алис де Монс, которая родила ему четверых детей, Изабель, Рауля, Тома и Алис, и пережила, после десяти лет, проведенных в заключении, опалу и смерть своего мужа.

Как камергер, Ангерран проводил время главным образом в резиденции короля, при дворе и в королевском дворце. Но, помимо этого, где же находилась личная резиденция Мариньи, дом, в котором он жил со своей семьей? Для начала, в Париже он должен был жить в Лувре, так как он являлся комендантом этого замка; но поскольку мы нашли упоминание об этом титуле лишь в *«Больших Французских Хрониках»*⁵, нам не известно, ни когда он его получил, ни насколько это соответствовало действительности. Поэтому мы не знаем, останавливался ли он в Лувре, в котором одновременно находились жилые помещения и тюрьма.

Но со временем Мариньи приобрел с целью сделать особняк целую группу домов, в двадцати метрах от Лувра, между улицами Отриш и Пули, в так называемых рвах Сен-Жермена. Мы еще вспомним об этих приобретениях, когда будем рассматривать строительную деятельность Ангеррана де Мариньи.

У нас мало сведений по поводу обстановки этих домов. Перед январем 1311 г. Маго д'Артуа подарила Мариньи «шерстяное полотно с узором из различных фигур»⁶, которое, по мнению аббата Деэна⁷, представляло собой гладкий ковер с изображением разных

¹ Ed. G. Raynaud et H. Lemaître, t. I, p. 31, vers 2867–2868.

² «Рыцарь необыкновенно изящный, осторожный, умный, хитрый...» («Miles admodum graciosus, cautus, sapiens, astutus...»), éd. Géraud, p. 415.

³ Завещание Людовика X; Arch. nat., J 404 A, № 22.

⁴ Ch.-V. Langlois, *Registres perdus...*, Livre rouge, № 656.

⁵ Ed. J. Viard, t. VIII, p. 306.

⁶ Квитанция об оплате, направленная Дени д'Ирсону; Arch. du Pas-de-Calais, A 284, № 1.

⁷ *La tapisserie de haute lisse à Arras*, p. 3.

персонажей, но мы не знаем, в нормандской или в парижской резиденции нашел для него место Ангерран. С другой стороны, в нашем распоряжении находится описание мебели и драгоценностей короны, которые после 1315 г. из Лувра вывез Анри де Сюлли, чтобы передать их королю: благодаря описанию гербов на них мы можем предположить, что некоторые из этих предметов были конфискованы у Мариньи. В их число, помимо прочего, входят гобелены, выполненные для церемонии бракосочетания Гильома де Танкарвиля и Изабель де Мариньи, четыре с изображением розовых кустов и еще четыре с вышитыми на них попугаями в костюмах¹. Кроме того, нужно назвать вазы из алебастра или из мрамора с зелеными шелковыми шнурками для использования сосудов в качестве столовых приборов² и, наконец, часовенку, украшенную эмалью³, которая, по всей видимости, являлась маленьким переносным алтарем, поскольку Ангерран пользовался привилегией иметь алтарь для своих капелланов⁴.

Мариньи не испытывал недостатка в домах, расположенных в провинции, при том что у него не хватало времени на то, чтобы в них жить. Например, сразу приходит на ум королевский замок в Иссудене, чьим комендантом он был назначен пожизненно 3 октября 1298 г.⁵, но где, он, по всей видимости, никогда не жил. У него было множество резиденций, прежде всего в его обширных нормандских владениях, к которым мы еще обратимся в следующей главе. К сожалению, в документах содержатся столь неточные выражения, что для нас оказалось невозможным выделить в недвижимости Мариньи замки, поместья и простые дома, так как эти жилые помещения никогда не оценивались и не сдавались в аренду. Очень часто владение фьефом подразумевало владение поместьем (*manoir*). Поместье иногда включало в себя дом, крепостную стену и ров⁶, но в одном из текстов мы обнаружили упоминание о «поместье или замке Плессье Отребан»⁷. Наконец, факт дарения *шателенства* (*chastellenie*)⁸ Гайфонтен означал лишь то, что по-

¹ «Четыре шерстяных ковра с розовыми кустами и с гербами Мариньи и камергера де Танкарвиля; также другие четыре ковра с вышитыми на них попугаями в костюмах, с гербами Танкарвиля и сеньора де Мариньи»; *Soultrait, Inventaire des titres de Nevers...*, col. 623.

² «Два сосуда из белого алебастра с зелеными шелковыми ремешками и с гербами Мариньи; также два сосуда из мрамора со змеящимся узором, с зелеными шелковыми ремешками, украшенными серебром», *ibid.*, col. 626.

³ «Медная часовенка, полностью покрытая эмалями из Лимузена с гербами Мариньи»; *ibid.*, col. 625.

⁴ *Cartulaire*, № 63.

⁵ Ch.-V. Langlois, *Registres perdus...*, Livre rouge, № 105; Bibl. nat., fr. 20691, p. 72.

⁶ Cf. P. Héliot, *Les demeures seigneuriales... Châteaux ou manoirs? // Recueil... offert à M. Clovis Brunel*, t. I, p. 574–583.

⁷ Arch. nat., JJ 42b, № 189, f. 90: это Плесси-о-Турнель.

⁸ Шателенство (кастелянство) — замковая округа. — *Прим. ред.*

даренные королем земли находились в этом округе, и никоим образом не подразумевал передачи в дар замка! Нам не всегда удавалось разрешить подобные проблемы, и это, естественно, оказало известное влияние на сделанные нами выводы.

Необходимо выделить из общего списка дом в Менси¹, который в 1315 г. принадлежал Алис де Монс, и это позволяет нам сделать предположение о том, что он находился в ее личном владении²; само собой, после женитьбы, состоявшейся примерно в 1301 г., Ангерран стал также в нем останавливаться.

Он построил себе замок в Туфревиле, в местечке, называемом Ле Плесси, где он являлся сеньором; король предоставил ему право пользования лесом, располагавшимся по соседству, для содержания в порядке этого замка³. В то время в Менневилле находился один из главных королевских заповедников, в котором король позволил Мариньи выделить себе участок земли, что отнюдь не способствовало охране диких животных⁴; в этом важном для себя владении Ангерран построил замок. Мы еще вернемся к разговору об этих двух зданиях.

Во владения Ангеррана входили также менее важные постройки, возведенные еще до него. В мае 1305 г. король даровал ему, наряду с владениями в Лонгвиле, располагавшийся в той же местности замок⁵, который вместе с прилегающими к нему садами в 1315 г. был оценен в 50 турецких ливров ренты⁶; судя по ценности последующих замков, он имел немалое значение. В декабре 1307 г. Ангерран получил в фьефферм⁷ поместье в Мариньи⁸ и в июле 1308 г. — два поместья в Экуи⁹, на расстоянии одного километра от церкви, в так называемом Ле Пэже¹⁰ и в Лоншане¹¹. Пятого декабря того же года он купил у Гоше де Шатильона земли и замок Шампрон в Перше¹² и 22 июня 1310 г. отдал их Карлу де Валуа, получив взамен Гайфонтен¹³. Входил ли замок в это новое

¹ Cant. et arr. Melun, Seine et Marne.

² Arch. nat., JJ 66, № 595, f. 253.

³ 1308 г., июль. — Пуатье; *Cartulaire*, № 51.

⁴ *Cartulaire*, № 7.

⁵ *Cartulaire*, № 72.

⁶ Arch. nat., Q1 1373.

⁷ Фьефферм (фр. *fiefferme*) — фьеф, переданный королем на откуп держателю на определенный срок. Взамен держатель должен был уплачивать королю ренту в размере третьей или четвертой части от ежегодного дохода с фьефа. — *Прим. ред.*

⁸ *Cartulaire*, № 30. — Также цит.: Arch. nat., P 2288, p. 467 bis.

⁹ *Cartulaire*, № 22 et 23.

¹⁰ Aug. Le Prévost, *Mémoires et notes...*, t. II, p. 34.

¹¹ *Cartulaire*, № 22 et 23.

¹² Arch. nat., J 225, № 1 et 2.

¹³ *Ibid.*, № 5 et 6.

приобретение? Мы склонны думать, что нет. С одной стороны, в документах действительно иногда встречается термин *шателенство*¹, но он обозначает территорию, на которой находятся некое имущество и постройки, а отнюдь не само имущество как таковое; с другой стороны, в Гайфонтене действительно существовал замок, есть упоминание о нем, датированное 1323 г.², но то мог быть королевский замок; и в том же году Карл де Валуа купил у Мишеля де Флавакура поместье, прилегавшее к замку, который, по всей видимости, ему не принадлежал³: итак, к Карлу де Валуа перешло все имущество Ангеррана де Мариньи в Гайфонтене⁴.

В марте 1309 г. Ангерран получил в фьефферм поместье Вард вместе с угодьями⁵; за него, вместе с садами и огороженными участками, полагалось выплачивать 16 парижских ливров в год, то есть треть от стоимости замка в Лонгвиле. Расширяя область своих владений в Вермандуа, Мариньи 8 марта 1310 г., помимо всего прочего, приобрел дом в Кондрене⁶; 7 сентября 1311 г. он прибавил к замку в Лонгвиле расположенное на севере этой части его нормандских владений поместье в Нотр-Дам-дю-Парк, называемое «Буа-Гильом»⁷.

Мариньи стал выплачивать со своих собственных земель в Шампани и Невере ренту, которую король ежегодно должен был выдать братьям Тибо и Луи де Сансеррам; король отблагодарил его, передав ему владения в Вермандуа и в Нормандии, в частности, поместья Васкей и Гренвиль с садами⁸. В июне 1312 г. Мариньи купил у Бери де Меркера замок Шильи близ Лонжюмо⁹ вместе с владениями, скорее всего, являвшимися предполагаемым ядром домена, который, по видимости, камергер хотел создать для себя на юге Парижа, так как нормандский домен, по мнению человека, всецело поглощенного государственной деятельностью, общественными делами, был слишком далек от центра.

Таким образом, во владении Мариньи было около двенадцати замков или поместий; замки в Лонгвиле, Плесси и Менневиле были очень красивы¹⁰, остальные, без всякого сомнения, не были столь

¹ Bibl. nat., fr. 20683, f. 7.

² Arch. nat., J 225, № 13.

³ Ibid.

⁴ Arch. nat., JJ 52, № 103, f. 54 v.

⁵ Cartulaire, № 12.

⁶ Cartulaire, № 85.

⁷ Cartulaire, № 79.

⁸ Cartulaire, № 37 et 38.

⁹ Cartulaire, № 115.

¹⁰ Первый был оценен в 1315 г. в 50 турских ливров дохода; Arch. nat., Q1 1373*.

великолепны¹. Что же касается замка Плесси-о-Турнель, которым Мариньи владел всего лишь два года, а затем уступил доходы от него братьям Тибо и Луи де Сансеррам, за это здание полагалась рента в 125 турецких ливров, и оно имело особенно большое значение. Мы не упоминаем здесь замки, которые были пожалованы Мариньи во фьеф: они являлись частью принадлежащей ему недвижимости, но не жилищами. Однако между 1312 и 1314 г. Ангерран, должно быть, часто жил в замке Шильи, расположенном в часе езды от Парижа. Стоимость замка Шильи, единственного центра того домениального владения, которое Мариньи в январе 1314 г. укрепил, добившись сеньориальных и судебных прав на землях между Бьевром и Оржем², видимо, составляла основную часть суммы, в которую была оценена приобретенная у Беро де Меркера земля — за нее полагалось 726 турецких ливров ренты³.

Кто же служил Ангеррану де Мариньи? Речь здесь, конечно, не идет о его личных слугах и конюхах. Напротив, имеются в виду те люди, которые принимали участие в его профессиональной деятельности и поэтому даже были, как мы увидим дальше, его агентами. У Мариньи, как у рыцаря, должен был быть оруженосец, но его имя нам неизвестно. На службе у него находился один, затем два писца, которые составляли его акты, занимались его перепиской, приводили в порядок его архив, создавали для него картулярий и, возможно, выполняли различные поручения. Первым из них стал Жоффруа де Бриансон, писец Мариньи с марта 1307 г.⁴: именно он в 1308 г. от имени своего хозяина произвел выплату в Счетную палату Карла де Валуа⁵ и 30 августа 1309 г., как писец Мариньи, получил канонические льготы⁶. Но в качестве причины другой его льготы, 6 июня 1310 г., упоминается лишь служба королю⁷: Жоффруа был счетоводом, затем казначеем, пока, как и Мариньи, в 1315 г. не попал в немилость. В 1309 г. у Ангеррана появился другой писец, иподьякон Жан де Шармуа, сын Санса⁸: 29 апреля 1312 г. он еще состоял у него на службе⁹. Жоффруа де

¹ Каждый из замков Экуи и Лоншан был оценен в 20 турецких ливров ренты; *Cartulaire*, № 22 et 42.

² Arch. nat., JJ 50, № 31, f. 24–25 v.

³ *Cartulaire*, № 115.

⁴ «Господин Жоффруа, писец упомянутого мессира Ангеррана» (1307 г., 19 марта); *Cartulaire*, № 108, f. 157 r. — Он был архидьяконом в Пуизе в 1308 г.; *Regestum*, t. III, p. 237, № 3225.

⁵ J. Petit, *Charles de Valois*, p. 383.

⁶ *Regestum*, t. IV, p. 249, № 4539.

⁷ *Ibid.*, t. V, p. 115, № 5419.

⁸ *Ibid.*, t. IV, p. 251, № 4553.

⁹ *Ibid.*, t. VII, p. 49, № 7805.

Бриансона сменил Мишель де Бурдене, упоминание о котором как о писце Мариньи относится именно к этому времени¹; карьера Бурдене необычайно любопытна, так как сначала он находился на службе у короля: в 1306–1307 гг. он входил в штат Палаты Людовика Наваррского², затем, в июне³, в июле 1307 г.⁴ и еще в марте 1309 г.⁵, Бурдене был королевским писцом. Но к марту 1309 г. он уже вел дела с Мариньи, которому выплачивал ренту и чье имя в одном из счетов сократил до «Monsieur»⁶: на деле Бурдене уже был на службе у Ангеррана, если не лично, то, по крайней мере, в порядке подчиненности, даже будучи писцом у короля. Примерно в 1310 г. он еще был писцом Мариньи и перестал им быть несколько дней спустя после 29 апреля 1312 г., когда он стал мэтром счетов. Впрочем, мы можем сказать, что Бурдене остался человеком Ангеррана де Мариньи. На его место Мариньи взял Пьера Асцелина, иподьякона, и 4 июня 1312 г., походатайствовав перед папой, добился для него привилегии не выполнять обязанностей священника⁷. Жан де Шармуа и Пьер Асцелин оставались писцами у Ангеррана де Мариньи вплоть до самого конца его политической карьеры.

Помимо двух писцов на службе у Мариньи находились также два капеллана, появившиеся, по нашим сведениям, лишь 29 апреля 1312 г. Берто де Монтегю, являвшийся родственником архиепископа Руанского Жилия Асцелина де Монтегю⁸, был священником⁹; по приказу 21 апреля 1315 г. его арестовали как капеллана Мариньи¹⁰. Жерве дю Бю, автор «Романа о Фовеле», находился на службе у Мариньи более года. Нам неизвестно, когда он стал капелланом Ангеррана, но скорее всего это произошло до конца апреля 1312 г.¹¹; 1 июня 1313 г. Жерве дю Бю все еще оставался капелланом¹², а в одном из счетов королевского отеля за первый семестр 1313 г. он фигурирует как королевский нотариус¹³: следовательно, он должен был уйти от Мариньи в июне 1313 г. Но поскольку четырьмя

¹ *Ibid.*, p. 48, № 7796.

² Borelli de Serres, *Recherches...*, t. III, p. 55.

³ Arch. nat., K 37 B, № 37.

⁴ *Cartulaire*, № 106.

⁵ J. Viard, *Journaux du Trésor...*, col. 882–883, № 5989.

⁶ R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. II, p. 550, № 24090–24091.

⁷ *Regestum*, t. VII, p. 256, № 8651.

⁸ Это позволяет нам задуматься о том, не были ли родственниками Пьер Асцелин и Берто де Монтегю.

⁹ *Regestum*, t. VII, p. 48, № 7794.

¹⁰ Bibl. nat., fr. 10430, p. 84, № 496.

¹¹ *Regestum*, t. VII, p. 48, № 7795.

¹² *Ibid.*, t. VIII, p. 181, № 9294.

¹³ Bibl. nat., fr. 7852, p. 110.

другими нотариусами, обозначенными в счете как числящиеся на службе в отеле, были Жан Мальяр, Жан дю Тамплъ, Жак де Жассен и Ги де Ливри, подписи которых часто стояли под королевскими актами, в отличие от Жерве дю Бю, имя которого никогда там не появлялось, можно подумать, что он в действительности не исполнял своих обязанностей и что Мариньи некоторое время еще продержал его у себя на службе. В любом случае, в 1314 г. Ангерран взял на его место священника по имени Жан Друази¹. Вторым капелланом все так же оставался Берто де Монтегю.

Помимо этого, для управления своим нормандским доменом Мариньи нанял на службу бальи, Пьера Певреля, которого в 1316 г. допрашивали комиссары, уполномоченные произвести оценку имущества Ангеррана². К этим титулованным служителям, то есть к двум капелланам, двум писцам, бальи и, безусловно, оруженосцу, добавлялись временные и домашние слуги, которые часто смешивались с королевскими слугами. Реньо Паркье, королевский нотариус, в официальных актах представавший также как папский нотариус³, в апреле 1312 г. находился на должности ректора⁴ Гайфонтена, где сеньором являлся Мариньи, и в то же время получил пост декана в Нефшатель-ан-Брей — причем подтверждающий этот факт документ был заверен Климентом V, очевидно, по просьбе Мариньи⁵. Можно предположить, что речь здесь шла об одном из способов вознаграждения за услуги, оказанные камергеру. Равным образом Мариньи выделил из королевской казны ренту в 40 ливров Готье де Мезьеру, слуге короля, за помощь, которую тот ему уже оказал и еще окажет⁶. По тем же причинам он отказался от ренты, которую ему был обязан выплатить Майо Ле Вилен, тоже бывший, без всякого сомнения, одним из слуг.

Наконец, назовем имена тех деловых людей, чьими услугами Мариньи воспользовался для заключения сделок, к рассказу о которых мы вернемся в следующей главе: тот, кто, согласно документам, взялся управлять землями, купленными в Вермандуа, «достопочтенный и мудрый человек, монс. Пьер Мюле, прокурор упо-

¹ Arch. nat., Q1 1373*, f. 1.

² «Монс. Берто де Монтегю, монс. Жан Друази, священники, капелланы, и Пьер Певрель, на тот момент бальи упомянутого Ангеррана»; *ibid.*

³ 1309 г., 23 октября; брачный контракт Изабель де Мариньи и Гильома де Танкарвиля, заключенный в присутствии Гильома де Ри и Реньо Паркье; *Cartulaire*, № 122.

⁴ Ректор — приходской священник, отправлял все службы в приходской церкви, собирал десятину, получал от епископа бенефации. — *Прим. ред.*

⁵ *Regestum*, t. VII, p. 54, № 7833; этот акт последовал за заверением, сделанным по просьбе Мариньи, документа о назначении на эту должность, составленного равным образом архиепископом Руанским по просьбе Мариньи; в тот же день, 21 апреля 1312 г., Климент V передал Мариньи двадцать одну папскую грамоту.

⁶ 1313 г., 27 апреля. — Пуасси; Arch. nat., JJ 49, № 8, f. 4 г.

мянутаго монс. Ангеррана»¹; тот, кто представлял в Англии Мариньи и Тота Ги, поименованный в «Calendar of the Close Rolls» «Ваннус Пуций Фортгер, поверенный Ангеррана де Мариньи»², причем так же назывались компаньоны флорентийских Барди, Манан Франциски и Тальдус Валорис³, к которым, вероятно, нужно причислить Жиня Боненсеня; наконец, Тот Ги, происходивший из семьи луккских Гиди, бывший сначала слугой короля, затем королевским сборщиком налогов в Лилле и во Фландрии; одновременно он исполнял любые поручения Мариньи, причем Берту де Бенжи, сборщик налогов в Артуа, в своих счетах 1309 и 1310 гг. три раза называл его «приближенным монсеньора Ангеррана де Мариньи»⁴. Именно эти люди служили Ангеррану де Мариньи. Прибавив к этому списку обычное окружение камергера, то есть комнатных слуг и обслуживающий персонал королевского отеля, мы сможем представить себе, каким был его образ жизни: хотя и не принца, но знатного сеньора.

Для того чтобы обратиться к той информации о личной жизни Ангеррана де Мариньи и Алис де Монс, которую мы смогли извлечь из документов, необходимо сначала рассмотреть канонические привилегии, пожалованные им Климентом V.

С 9 апреля 1308 г. Мариньи пользовался правом иметь при себе переносной алтарь, что позволяло ему вместе со своим капелланом служить обедню там, где ему было угодно⁵, и даже, в случае необходимости, до восхода солнца⁶. К числу именно этих привилегий нужно отнести существование «часовенки» из меди, украшенной лиможскими эмалями, о которой мы уже говорили. Двадцать девятого декабря 1312 г. Климент V даровал Ангеррану и Алис право выбирать исповедника; мы не упомянули об этом человеке, рассказывая о людях камергера, так как нам неизвестно, действительно ли он принадлежал к окружению Ангеррана, или же, что более вероятно, он был, как и королевский исповедник, францисканцем или доминиканцем из одного из монастырей Парижа. В любом случае, этот «скромный священник или монах»⁷ был вправе отпустить Мариньи все грехи, вплоть до позволения не отлучать его от церкви за жестокость к писцам или принятые к ним насильственные меры, но, впрочем, не в случае убийства или нанесения увечья⁸.

¹ 1310 г., 8 марта; *Cartulaire*, № 85.

² *Calendar of the Close Rolls*, Edward II, t. II, p. 163; *Calendar of the Patent Rolls*, Edward II, t. II, p. 255.

³ *Calendar of the Fine Rolls*, Edward II, t. II, p. 178.

⁴ Arch. du Pas-de-Calais, A 258 et A 266.

⁵ *Regestum*, t. III, p. 241, № 3242; *Cartulaire*, № 63.

⁶ *Regestum*, t. III, p. 240, № 3240; *Cartulaire*, № 64.

⁷ *Cartulaire*, titre de l'acte № 66; cartul. C., f. 104 r.

⁸ *Regestum*, t. VIII, p. 142, № 9199, et p. 143, № 9204; *Cartulaire*, № 67 et 66.

Он также мог проводить для Мариньи и его супруги религиозные таинства в любом месте и заменять, согласно их пожеланиям, обет паломничества (кроме паломничества в Рим и Компостелу) на благочестивые дела¹. Во время их первой встречи, 31 мая 1307 г., Климент V дал Мариньи позволение входить в женские монастыри, предварительно заручившись согласием короля², а Алис де Монс разрешил посещать мужские монастыри³.

Эти льготы и привилегии, впрочем, не являются доказательствами набожности Мариньи. Нет никаких сомнений в том, что Филипп Красивый был действительно набожным человеком, но нет никаких сведений, которые позволили бы утверждать то же самое в отношении его советника. Мариньи основал множество церковных учреждений, он делал щедрые денежные вложения в созданные им капитулы, он построил церковь и несколько часовен, но все это могло быть лишь проявлением его амбиций. Безусловно, основание церкви Экуи — поступок, совершенный с благочестивыми намерениями, но также наверняка продиктованный желанием увенчать подобной постройкой создание его домена, о котором мы поговорим в следующей главе. Мотив присвоения перечисленных привилегий примерно такой же: собственная часовенка, переносной алтарь, капелланы, исповедник, наделенный необычайной властью, были прежде всего элементами практически королевского образа жизни.

В свете вышеизложенного нам уже не покажется удивительным то, что Климент V даровал Ангеррану де Мариньи, Алис де Монс, их детям и Луи де Мариньи высшие посмертные почести: право разделить их тела, с тем чтобы одна его часть была погребена в любом месте по выбору, а другая в новой семейной усыпальнице, в коллегиальной церкви Экуи⁴.

¹ *Regestum*, t. VIII, p. 143, № 9204; *Cartulaire*, № 66.

² Эта ограничительная мера, должно быть, была принята, чтобы исключить злоупотребления правом постоа.

³ *Regestum*, t. II, p. 50, № 1742, et p. 61, № 1775.

⁴ «...да будет постановлено, чтобы, после того как ты и твои близкие уйдете из этой жизни, согласно тому, как выпадет вам на долю, твое и их тела были бы разделены и одна часть разделенных тел, согласно твоему и их желанию, была захоронена в церкви святой Богоматери в Экуи в Руанском округе, а другая часть была отвезена в любое другое приличествующее место для церковного захоронения; без всякого права на любое другое решение, в память о достопочтенном папе Бонифации VIII, нашем предшественнике, невзирая на какие-либо противоположные заявления, тебе и твоим родственникам мы нашей властью особую милость даруем» («... liceat ordinare quod, postquam te ac ipsos migrare de hac vita contigerit frustratim, tuum et eorum corpora dividantur et divisa, pro parte quam malueris et maluerint in ecclesia sancte Marie d'Escoies, Rothomagensis diocesis, et pro alia parte in alio decenti loco tradantur ecclesiastice sepulture, sine juris tamen prejudic(i)o alio in constitutione felicitis recordationis Bonifacii Pape VIII. predecessoris nostri, seu qualibet alia super haec in contrarium edita, non obstante,

3. АНГЕРРАН И ЕГО БЛИЗКИЕ

Согласно правилу, действовавшему во все времена, благорасположение короля к Ангеррану де Мариньи стало бесценным подарком для всей его семьи. Впрочем, в первую очередь сам камергер изыскивал всевозможные средства для того, чтобы устроить своих родственников на официальные должности или добиться для них бенефициев. Он также извлекал пользу из этой семейной политики, полагаясь в некоторых делах на тех, кто был ему обязан своим благополучием и в ком он был уверен. Мы еще не один раз обратимся к этой теме во второй части нашей работы, а здесь нужно рассмотреть три области, в которых действиями Мариньи управляло его стремление преумножить благосостояние своей семьи: заключение браков, официальные должности и церковные бенефиции.

Браки были, во-первых, одним из способов укрепления взаимовыгодных союзов и продвижения по социальной лестнице, а во-вторых, помогали осуществлять финансовые операции. Поэтому у нас не должен вызывать удивления тот факт, что Ангерран очень рано женил своих детей, кроме Мари, дочери Жанны де Сен-Мартен, которая еще ребенком стала монахиней в Мобюиссоне. Луи было около пятнадцати лет, когда его женили, а Изабель, с соизволения церкви, письменного подтверждения которому мы не нашли, но которое необходимо было получить, вышла замуж за Гильома де Танкарвиля, когда обоим супругам исполнилось всего лишь семь лет!

Брачный контракт Луи де Мариньи был заключен в Аррасе¹ 14 декабря 1309 г. между Ангерраном, с одной стороны, и Робером де Боменом, Идой, госпожой де Круазиль, дедом с отцовской стороны и матерью невесты, Роберты де Бомен — с другой стороны. Маго д'Артуа, чье имя, по ее настоянию, было проставлено во введении к договору, подписала его, а в январе 1310 г. король подтвердил документ². Бракосочетание состоялось в Венсенне после 10 января³, в одно время с заключением брака Гильома де Танкарвиля и Изабель де Мариньи, а также Жана де Мелона и Жанны де Танкарвиль⁴. Маго преподнесла Роберте и ее матери золотые венки с рубинами и изумрудами⁵, а ее дочери, Бланка и Жанна Бургундские, подарили Роберте золотой

tibi et eis auctoritate presentum de speciali gratia indulgemus»); 1312 г., 29 декабря; *Regestum*, t. VIII, p. 142, № 9202; *Cartulaire*, № 65, f. 103.

¹ Маго в то время находилась там; Arch. du Pas-de-Calais, A 261, f. 6 r. et 13 r.

² Arch. nat., JJ 42b, № 189, f. 89 v.-90 v., et JJ 41, № 190, f. 107-108 v.

³ Согласно итинерарию Маго; Arch. du Pas-de-Calais, A 261, f. 6 v.

⁴ R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. II, p. 549, № 24088.

⁵ Arch. du Pas-de-Calais, A 261, f. 13 v.; J.-M. Richard, *Mahaut...*, p. 69.

венков стоимостью 105 парижских ливров¹, оплаченный из фонда Палаты короля и принцев королевской крови. Согласно контракту 14 декабря 1309 г., Ангерран обязался ежегодно выплачивать своему сыну 2000 турских ливров; причем после обретения сыном юридической дееспособности Мариньи вместо этой ренты должен был передать ему земли с ежегодным доходом 800 ливров, в число которых должен был войти замок Плесси-о-Турнель в Шампани². Ида де Круазиль предоставляла своей дочери ренту в 500 парижских ливров с поместья Круазиль.

С финансовой точки зрения эта сделка отнюдь не была выгодной для Мариньи. Семейство Круазиль было отягощено долгами, и согласно пословице «женишься на девице — женишься на долгах», долги этого семейства достались в наследство Луи де Мариньи. Третьего июля 1310 г., после обретения юридической дееспособности³ и назначения попечителя, Адама Гурле⁴, Луи де Мариньи получил свою часть наследства, в которую, несмотря на условия договора, входили Гайфонтен, Мариньи и, что было особенно важно, Менневиль⁵. Впрочем, 11 ноября 1311 г. Луи и Роберте пришлось попросить у Ангеррана ссуду, заключив антихрезный договор⁶ о недвижимости, благодаря которому к Мариньи возвращалось все то имущество, которое он уступил своему сыну в предыдущем году. Договор о признании обязательств был подписан Идой де Круазиль, Луи де Мариньи и Робертой де Бодец⁷; а поскольку Ангерран, несомненно, попросил предоставить ему и другие гарантии, дед Роберты, Робер де Бодец, по просьбе Ангеррана де Мариньи 28 февраля 1313 г. подтвердил, что его сын Жиль являлся наследником земель с ежегодным доходом в 1400 ливров, а именно шателенства Бапом⁸: после смерти деда все это по праву должно было вернуться к Роберте, наследнице своего отца.

Именно этот факт объясняет нам, в чем состояла выгода заключения такого брака: Луи де Мариньи становился наследником

¹ R. Fawtier, *loc. cit.*, p. 550, № 24089.

² Отмена ренты объясняется тем фактом, что получение Луи юридической дееспособности обязывало Ангеррана отдать своему сыну имущество Жанны де Сен-Мартен, причем речь шла уже не о ренте, а о передаче благ в личную собственность.

³ Позже мы еще вернемся к объяснению этого феномена.

⁴ Это был рыцарь короля (Arch. nat., JJ 38, № 151, f. 71 г.); ему принадлежали земли во Фревиле, которые купил ему кардинал де Фревил (Baluze, *Vitae paparum...*, éd. Mollat, t. III, p. 335).

⁵ *Cartulaire*, № 118 et 119.

⁶ Контракт, по которому должник уступал своему кредитору право пользоваться своим имуществом, чтобы расплатиться с долгами. — *Прим. ред.*

⁷ *Cartulaire*, № 116.

⁸ *Cartulaire*, № 120.

шателенства Бапом. Кроме того, дорожная пошлина, взимаемая при проезде через Бапом, была самой значительной на пути, ведущем из Фландрии в Париж и оттуда в Шампань. Помимо экономического преимущества, которое мог дать контроль над этой местностью — очень большого, если вспомнить о том, что Мариньи проводил ярмарки, в которых принимало бы участие тем большее количество фламандских торговцев, чем активнее Ангерран содействовал бы их торговле, — он представлял также реальный политический интерес, так как эта местность была яблоком раздора между фламандцами и графиней Артуа¹ и, вероятно, причиной проведения в 1321–1325 гг. между графиней и Луи де Мариньи судебного процесса², закончившегося в пользу последнего. Наконец, не будет излишним заметить, что Роберта де Бомец была кузиной Людовика Неверского, который даровал своему новому кузену, Луи де Мариньи, сеньорию Кудре и земли в Ниверне³. Тогда нам становится ясно, почему, несмотря на нестабильное материальное положение семьи Бомец и Круазиль, Мариньи все же стремился вступить в союз с шателеном Бапом. Брак Луи де Мариньи должен был прежде всего служить интересам будущих сеньоров Мариньи.

Мы уже знаем о том, что Изабель де Мариньи вышла замуж за Гильома де Танкарвиля в Венсенне, в день бракосочетания Луи и Роберты. Бланка Бургундская преподнесла Изабель золотой венец, головной убор, сделанный из двух кусочков меха, «шапочку из двух одинаковых шкур» и маленький венец⁴. Брачный контракт был заключен 23 октября 1309 г. в Руане, в присутствии бальи из Ко⁵. В этот момент там находились Ангерран и, хотя в договоре об этом не упоминается, Алис де Монс, а также маршал Жан де Гре, друг⁶ и свидетель новобрачной; у Гильома де Танкарвиля было очень много свидетелей⁷, находившихся рядом с его матерью Жанной

¹ См. гл. VI, § 1.

² G. du Breuil, *Stilus Curie Parlamenti*, éd. F. Aubert, chap. XVIII, p. 130–131, et chap. XXI, p. 153. — Boutaric, *Actes...*, № 6519.

³ 1311 г., 20 февраля, заверено королем в мае 1312 г.; Arch. nat., JJ 48, № 3, f. 4 v.-6 r.

⁴ R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. II, p. 550, № 24089–24091.

⁵ *Cartulaire*, № 122.

⁶ Не совсем понятно, почему Жан назван всего лишь другом, в то время как его брат Пьер упомянут как кузен новобрачной; безусловно, это всего лишь ошибка при составлении акта.

⁷ Дрё де Мелло, Рено, Жерар и Ферри де Пиккини, Жан Малле с сыновьями Жаном и Гильомом, Робер и Гильом Бертраны, Анри и Пьер де Брюкуры, Майо де Три, Шарль Мартель, Пьер де Эйи, Жан де Клер, Жан де Турговиль, Рауль Мартель, Жан де Крамей, Жанна де Буассе и коннетабль Гоше де Шатильон, граф де Порсьен. Многие люди из этого списка — знатные сеньоры, практически все родом из Нормандии или из соседних провинций.

де Росни, вдовой камергера Робера де Танкарвиля, и его тетками, Жанной, госпожой де Боссан, и Изабель де Росни, супругой Пьера де Шамбли, королевского камергера. На следующий день, 24 октября, в присутствии бальи свидетели Изабель де Мариньи заверили составленный накануне контракт¹: это были два ее дяди, архиепископ Санский, Филипп де Мариньи, и канцлер церкви в Шартре, Жан де Монс, ее кузен, епископ Оксерский, Пьер де Гре, и ее кузены и друзья Гильом Тирель, Гю де Канберон, Гильом де Флавакур, Жан де Бонмар, Жерар де Ананш, Рено де Бетенкур и Рено де Сен-Бёв. В контракте оговаривалось, что Ангерран де Мариньи должен предоставить своей дочери 1000 турских ливров ренты с бальяжа Ко и сумму в 6000 ливров, которая затем в течение двух лет будет преобразована в ренту, с условием обеспечения в будущем лишь 600 ливров ренты, из расчета выплаты 2000 ливров в день свадьбы, такой же суммы на следующий год и по прошествии двух лет. Таким образом, Мариньи предоставлял своей дочери 1600 ливров ренты. Филипп Красивый выделил своему брату Карлу на его свадьбу 2000 ливров! Собирались сыграть свадьбу как можно скорее, тем более что жениху и невесте уже исполнилось семь лет; чтобы поторопить события, Жанна де Танкарвиль установила, проведя некий опрос, что будущие супруги уже «вполне созрели»².

Несмотря на свою кажущуюся щедрость, Мариньи ничего не терял. Жорж Лизеран написал, что в этой сделке муж не вкладывал практически ничего³; совершенно верно, если придерживаться текста контракта. Но Гильом де Танкарвиль был старшим сыном Робера де Танкарвиля, наследного камергера Нормандии; после смерти последнего юноша получал в наследство земельные владения одной из самых знатных семей Нормандии.

В конечном счете в феврале 1310 г. Филипп Красивый даровал Ангеррану право на «охрану и опеку детей Робера, некогда камергера де Танкарвиля, рыцаря, и все права, которые вследствие этой охраны и опеки... нам принадлежат и могут, и должны принадлежать каким бы то ни было образом»⁴. Речь здесь идет о сеньориальной охране (*garde seigneurial*), доверенной королем рыцарю, являющемуся для этой семьи посторонним человеком, а не об опеке (*bail*), которая была бы вне семьи невозможна. Следовательно, право на эту охрану Мариньи сохранял в течение, по крайней мере, семи лет, так как совершеннолетним человек

¹ *Cartulaire*, № 122.

² A. Deville, *Histoire du château et des sires de Tancarville*, p. 147.

³ *Enguerrand de Marigny*, p. 1.

⁴ *Cartulaire*, № 124, f. 176 v.

признавался по достижении им четырнадцати лет, — право пользоваться всеми фьефами семьи Танкарвиль, присваивать себе доходы с этих земель, причем он был обязан лишь обеспечивать уход за детьми, не давая никому отчета о своих расходах. Он имел право присваивать себе имущество, принадлежащее обоим супругам, и даже, по желанию, движимое имущество из наследства, что, впрочем, не практиковалось.

Можно возразить, что брак делал супругов полностью юридически дееспособными. Но два факта опровергают это правило. Пожалование королем Ангеррану сеньориальной охраны было сделано одновременно с заключением брачного договора; к тому же в королевском документе, заверяющем контракт, ясно говорится о «брачном контракте... и о свадьбе, и о браке, заключенном между ними в святой Церкви, которые последовали за заключением данного контракта»¹: здесь говорится отнюдь не о будущем, и король действительно доверил Мариньи охрану несовершеннолетнего новобрачного. Если бы имущество старшего сына и основного наследника не подлежало охране, об этом было бы упомянуто в королевской грамоте. Вероятно, подобное странное решение было продиктовано лишь необычным возрастом новобрачных, союз между которыми мог быть заключен только с согласия церкви. Но нам известно, что Луи де Мариньи женился в тот же день, что и его сестра², то есть между 14 декабря 1309 г. и концом февраля 1310 г., как нам кажется, в конце января. Следовательно, Ангерран должен был объявить в королевской курии — что было предусмотрено брачным контрактом — своего сына Луи юридически дееспособным 3 июля 1310 г.³, с тем чтобы он смог заблаговременно получить свою часть наследства. В тот же день курия назначила ему попечителя, Адама Гурле⁴. Таким образом, Луи де Мариньи в возрасте, по крайней мере, четырнадцати лет — далеко не как в случае его сестры — не получил юридической дееспособности вследствие брака: именно в договоре о предоставлении дееспособности он упоминается как «Луи, его старший сын, женатый, в возрасте от четырнадцати до двадцати одного года»⁵.

Таким образом становится ясно, что замужество Изабель представляло для нашего героя огромный интерес. Ангерран де Мариньи в период с 1310 г. вплоть до конфискации имущества в

¹ 1310 г., февраль; *Cartulaire*, № 123.

² R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. II, p. 549–550, № 24088–24089.

³ *Cartulaire*, № 118.

⁴ *Cartulaire*, № 119.

⁵ «Ludovicum, primogenitum filium suum, uxoratum, majorem quatordecim annis, minorem tamen viginti uno»; *Cartulaire*, № 118, f. 167 v. et manuscrit C (Bibl. nat., latin 9786), f. 158 r.

1315 г., получал прибыль от доходов с домена, выяснить значимость которого для нас не представляется возможным, но, учитывая положение семейства Танкарвиль, мы можем предположить, что она должна была примерно равняться значимости домена самого Ангеррана.

Из заключения третьего брака он не извлек большой выгоды, кроме, может быть, самого союза. Это было бракосочетание его молодого сводного брата Пьера Уаселе, бывшего, скорее всего, практически ровесником Луи де Мариньи, так как обоих посвятили в рыцари в июне 1313 г.; из счетов Мишеля де Бурдене мы узнаем о том, что Бланка Бургундская сделала подарок его жене в день ее свадьбы, вручив ей кубок из позолоченного серебра и кольцо с изумрудом¹. Однако нам неизвестна дата этого бракосочетания, поскольку Бурдене написал «в день ее свадьбы», а не «в день вышеописанной свадьбы», что может и не относиться ко дню свадьбы Луи и Изабель.

Впрочем, используя свое влияние, Ангерран продвигал членов своей семьи на официальные должности и оказывал им другие услуги. В дальнейшем мы еще остановимся на том, какую пользу это могло принести Мариньи в деле укрепления его власти. Тем не менее его родственники охотно пользовались тем, что им доставалось по милости Ангеррана.

Филипп де Мариньи был королевским писцом², по данным 5 июля 1301 г., и имущественным комиссаром в Парижском превостве³; таким образом он вовсе не нуждался в помощи своего брата. Тем не менее именно Ангеррану он был обязан своим переводом из епископства Камбре в архиепископство в Сансе, состоявшимся 23 апреля 1309 г. В документах отмечено лишь то, что на Климента V оказывалось давление со стороны короля, но восемь месяцев спустя после присвоения ему этого высочайшего сана, в декабре 1309 г., Филипп де Мариньи купил «кольчужный» фьеф⁴ в Генневиле⁵, а в марте 1310 г. передал его в дар Ангеррану, причем преамбула документа, сопровождавшего этот подарок, не оставляла никаких сомнений в том, что архиепископ Санский был бесконечно признателен своему брату⁶. Кроме того, 9 мая 1310 г.

¹ R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. II, p. 550, № 24093–24094.

² А не секретарем, как написал П. Клеман; P. Clément, *Trois drames...*, p. 38.

³ Arch. nat., JJ 38, № 88, f. 49 v.

⁴ «Кольчужный» фьеф (*fief de haubert*) — фьеф, который давал право носить кольчугу и обязывал воевать в королевской армии. — *Прим. ред.*

⁵ *Cartulaire*, № 77.

⁶ «Филипп, Божьей милостью архиепископ Санский, вас приветствуем. Сообщаем, что обдумали внимательно то, как возлюбленный брат наш, господин Ангерран де Мариньи, рыцарь, камергер господина нашего короля Франции, с особой тщательностью и вдумчивым усердием в течение долгого времени оказывал нам

Филиппу де Мариньи позволили найти себе замену для совершения пастырских визитов, на основании того, что он должен был служить королю¹, а когда 16 декабря 1314 г. его освободили от его финансовых обязанностей, стало известно, что он контролировал — конечно, через посредников — сборы налогов на шерсть на всех торговых путях королевства².

Точно таким же образом на должность, связанную с управлением финансами, Ангерран устроил своего молодого сводного брата, Жана де Мариньи, сделав его епископом. Щедро наделенный бенефициями, Жан де Мариньи был назначен епископом в Бове по просьбе папы и по рекомендации короля 8 января 1313 г.³, когда он был всего лишь иподьяконом⁴. Климент V последовательно пожаловал сан дьякона, священника и епископа, разрешил выбрать человека, который посвятит его в сан, и закрыл глаза на его возраст⁵. Но в следующем году молодой епископ участвовал в комиссии, созданной для проверки счетов Ангеррана, в качестве чрезвычайного представителя Счетной палаты, и этот факт наводит на мысль о том, что он выполнял также и некоторые другие функции финансового порядка⁶.

В королевском отеле Мариньи подыскал место для своего старшего сына Луи и для своего сводного брата Уаселе. В мае 1312 г. Луи де Мариньи был королевским слугой⁷; в 1313 г. на Троицын день его посвятили в рыцари, и в честь этого события он получил в подарок серую лошадь и рыжеватого парадного коня⁸. Он стал камергером Людовика Наваррского и оставался им, когда тот стал королем, вплоть до того момента, когда его отец попал в немилость⁹. Пребывание сына Ангеррана в королевском отеле вполне соответствовало обычаям того времени: Гильом де Шамбли, сын коллеги Ангеррана, Пьера де Шамбли, был

многочисленные неоценимые услуги столь верно и осмотрительно, сколь любезно, и захотели приличествующими случаю нашими дарами щедро вознаградить его...» («Philippus, Dei gratia Senonensis archiepiscopus, salutem. Notum facimus quod nos, attenta meditatione pensantes labores assiduos et obsequia diuturna que dilectus frater noster dominus Ingerranus de Marrigniac, miles et cambellanus domini nostri Regis Francie illustris nobis tam fideliter et prudenter quam etiam diligenter exhibuit, ac proinde volentes eundem, ut decet, largicionis nostre munificentia premiari...»); *Cartulaire*, № 78, f. 117 v.

¹ *Regestum*, t. V, p. 115, № 5417.

² Ch.-V. Langlois, *Inventaire d'anciens comptes...*, № 2016–2017.

³ *Regestum*, t. VIII, p. 26, № 8967.

⁴ Ангерран подарил ему очень красивую митру, которая сейчас находится в музее Эврè.

⁵ 1313 г., 12 июля; *Regestum*, t. VIII, p. 221, № 9457.

⁶ Arch. nat. JJ 50, № 115, f. 45; см. гл. V, § 5, и гл. XI, § 1.

⁷ Arch. nat.; JJ 48, № 3, f. 4 v.

⁸ Bibl. nat., Clair. 832, p. 275, et fr. 7852, p. 337.

⁹ Arch. nat., J 404 A, № 22; Bibl. nat., fr. 7852, p. 154; J. Viard, *Journaux du Trésor...*, col. 908, № 6081.

«sommelier»¹ у Карла Валуа². Кроме того, король Наварры был крестным отцом молодого Луи. Что же касается Пьера Уаселе де Мариньи, он, видимо, был ненамного старше своего племянника Луи: в 1306 г. он был уже совершеннолетним. Его посвятили в рыцари в 1313 г. на Троицын день³, при том что он был виночерпием короля Наварры⁴.

Раздача церковных бенефициев была еще одной формой «непотизма» Ангеррана де Мариньи, распространявшегося даже на самых далеких родственников и на знакомых, от которого камергер получал отнюдь не меньшую выгоду, чем тот, за кого он ходатайствовал. Одарять бенефициями означало продвигать вперед людей, которым он мог доверять, и прежде всего заручаться таким образом их преданностью и признательностью. Так, вознаграждая своих писцов и капелланов, он в то же время проявлял такую же щедрость по отношению к тем, кого в действительности нельзя было назвать его людьми, но кого он, связав с собой таким образом, мог использовать в случае необходимости. Его писцы, даже прекратив выполнение своих обязанностей, сохранили те блага, приобретением которых они были обязаны Мариньи⁵: Мишель де Бурдене, ректор в Кибервиле⁶, находившемся под патронатом Мариньи⁷, которому Ангерран дал свое позволение на совмещение нескольких бенефициев и пребенд⁸; Жоффруа де Бриансон, ректор Сен-Маклу-де-Фольвиль⁹, по просьбе Мариньи освобожденный от обязательства жить там постоянно и выполнять там функции священника¹⁰, при том что он в то же время, также благодаря протекции камергера, был архидиаконом в Пюизе, в епархии Оксер¹¹. Точно так же Мариньи помог своему капеллану Жерве дю Бю, ректору в Ри, которому было позволено накапливать свыше одного бенефиция¹², и

¹ *Sommelier* — служащий отеля, ответственный за перевозку движимого имущества при королевских переездах. — *Прим. ред.*

² Завешание Карла Валуа; *Arch. nat.*, J 404 B, № 31.

³ *Bibl. nat.*, Clair. 832, p. 275, et fr. 7852, p. 336.

⁴ *Bibl. nat.*, Clair. 832, p. 257, et fr. 7852, p. 142, 352.

⁵ Формулой, обычно указывавшей на участие в деле Ангеррана, было: «По рассмотрению Ангеррана де Мариньи... чьим писцом является...» («*Consideratione Ingerrani de Marregnaco... cujus est clericus...*»).

⁶ 1312 г., 29 апреля; *Regestum*, t. VII, p. 48, № 7796.

⁷ *Cartulaire*, № 75.

⁸ *Regestum*, loc. cit., № 7796.

⁹ Мариньи поспособствовал освобождению этой должности; 1307 г., 3 июня; *Regestum*, t. II, p. 42, № 1699.

¹⁰ 1309 г., 30 августа; *Regestum*, t. IV, p. 249, № 4539.

¹¹ 1308 г., 13 августа; *Regestum*, t. II, p. 237, № 3225; Имя Мариньи здесь не упоминается, но упоминается, напротив, в последующих зарегистрированных подобных буллах.

¹² 1312 г., 29 апреля; *Regestum*, t. VII, p. 256, № 8651.

своим последним писцам, Пьеру Асцелину, ректору Сен-Женевьев-ан-Брей¹, и Жану де Шармуа, ректору Канвиля², освободив их от обязанности выполнять обязанности священников в местах их ректорства. Кроме того, его капеллан, Берто де Монтегю, ректор Денестанвиля, патроном которого был Мариньи³, также получил по просьбе Ангеррана, право на совмещение нескольких бенефициев⁴.

Необходимо также добавить имена тех, о чьих отношениях с Мариньи нам ничего не известно, но относительно кого мы тем не менее уверены, что они в большей или меньшей степени являлись его людьми, тем более что эти люди были довольно значимы: Филипп д'Аркери, каноник в Аррасе, которого Мариньи избавил от необходимости постоянно жить в этом месте⁵, и Реньо Паркье, кюре Гайфонтена, декан в Нефшатель-ан-Брей и ректор Эрикура⁶.

Наряду с теми протекциями, в которых Мариньи усматривал выгоду для себя, мы видим в его действиях проявления настоящего nepotизма. Если Филипп де Мариньи был достаточно влиятелен для того, чтобы обойтись без рекомендации своего брата, того же самого нельзя было сказать о Жане до его вступления в сан епископа. Получив, несмотря на свой юный возраст и то, что еще не стал священником, с 17 апреля 1306 г. бенефиций⁷, он был назначен благодаря ходатайству Ангеррана перед Климентом V и французскими прелатами кантором в Париже — эту должность освободил кузен Алис де Монс, Пьер де Гре, ставший епископом в Оксере⁸, — и в 1309 г. кюре в Гамаше, патроном которого был Ангерран⁹: в 1311 г. он стал прево церкви в Дуэ¹⁰, в 1312 г. архидиаконом в Понт-Одемере¹¹ и в Сансе¹², и «personnalis» в Плане¹³. Жан получил эти бенефиции благодаря

¹ 1312 г., 4 июня; *Regestum*, t. VII, p. 256, № 8651.

² 1309 г., 30 апреля; *Regestum*, t. IV, p. 251, № 4553; и 1312 г., 29 апреля; *Regestum*, t. VII, p. 49, № 7805.

³ *Cartulaire*, № 75.

⁴ 1312 г., 29 апреля; *Regestum*, t. VII, p. 48, № 7794.

⁵ 1310 г., 16 августа; *Regestum*, t. V, p. 258, № 5843.

⁶ 1310 г., 7 августа; *Regestum*, t. V, p. 222, № 5711, и 1312 г., 21 апреля; *Regestum*, t. VII, p. 54, № 7833.

⁷ *Regestum*, t. I, p. 175, № 944.

⁸ *Regestum*, t. III, p. 238, № 3230.

⁹ *Regestum*, t. IV, p. 249, № 4542, et p. 272, № 4615.

¹⁰ 1311 г., 21 января; *Regestum*, t. VI, p. 35, № 6506.

¹¹ 1312 г., 11 марта; *Regestum*, t. VII, p. 47, № 7785.

¹² 1312 г., 21 апреля; *Regestum*, t. VII, p. 47, № 7785.

¹³ Должность, дававшая право на привилегированное положение или на старшинство, но без юрисдикции; G. Mollat, *La collation des bénéfices...*, p. 2. — Переводчик картулярия перевел «personnalis» как персонаж (personnage) даже при том, что речь в данном случае идет о функции, а не о человеке; cartul. C, f. 101 г.

разрешению папы, вопреки и своему возрасту и тому, что он не был рукоположен в священники; также получил разрешение владеть несколькими бенефициями одновременно, не проживать постоянно в одном месте для того, чтобы иметь возможность изучать гражданское право сначала в течение трех лет¹, а затем в течение семи лет²; ему было даже позволено заменить себя кем-то во время визита в свои архидиаконства Понт-Одемера и Санса³. Несмотря на все это, Жана де Мариньи отлучили от церкви за то, что, будучи избранным прево церкви в Дуэ (несмотря на то что половина избирателей проголосовала против него⁴), он не стал хлопотать об освобождении от обязанностей, налагаемых этой должностью, и продолжил изучение права; 21 апреля 1312 г. Ангерран получил от Климента V для своего брата отпущение грехов⁵ и позволение распределять бенефиции⁶. Чуть позже возвышение молодого иподьякона до сана епископа дополнило список благодеяний Ангеррана.

Ангерран же добился для своего самого юного сводного брата Робера в 1309 г. сана каноника в Шартре⁷, в Оксере, Камбре⁸ и Орлеане, вместе с назначением его преподавателем в церковной школе, причем бывший преподаватель Милон стал епископом⁹ в 1312 г. Климент V дал Филиппу де Мариньи предписание назначать на любую должность, оставленную Жаном или Робером де Мариньи, а также Жаном де Монсом, только тех людей, кого назвал Ангерран¹⁰, то есть фактически последний получил право назначать на высокие должности и раздавать простые бенефиции: так, именно по указанию королевского камергера Робер де Мариньи в 1313 г. сменил своего брата Жана в качестве архидьякона Санского¹¹, а также преподавателя в Орлеане, каноника и прево в Дуэ, прежде чем получить место каноника и казначея церкви в Шалоне вместо Алена де Ламбаля, ставшего епископом в Сен-Брике¹²; все так же благодаря его сводному брату для Робера делались послабления в соблюдении правил обихода.

¹ 1312 г., 21 апреля; *Regestum*, t. VII, p. 49, № 7802.

² 1309 г., 30 августа; *Regestum*, t. IV, p. 249, № 4543.

³ 1312 г., 21 апреля; *Regestum*, t. VII, p. 48, № 7797.

⁴ 1311 г., 21 января; *Regestum*, t. VI, p. 35, № 6506.

⁵ *Regestum*, t. VII, p. 53, № 7831.

⁶ *Regestum*, t. VII, p. 55, № 7842.

⁷ 1309 г., 30 августа; *Regestum*, t. IV, p. 248, № 4538.

⁸ 1312 г., 21 апреля; *Regestum*, t. VII, p. 49–50, № 7804 et 7807.

⁹ 1312 г., 8 февраля; *Regestum*, t. VII, p. 19, № 7679.

¹⁰ *Regestum*, t. VII, p. 53, № 7829.

¹¹ 1313 г., 14 июня; *Regestum*, t. VIII, p. 188, № 9331.

¹² 1313 г., 20 августа; *Regestum*, t. VIII, p. 263, № 9598.

Ангерран де Мариньи ходатайствовал даже за Жана де Монса, брата Алис; он стал канцлером церкви в Шартре¹ и кюре в Иблероне, в Руанской епархии². Племянники Ангеррана также воспользовались тем влиянием, которое их дядя имел при Римском дворе: Робер де Мансиньи, каноник в Эр-сюр-ла-Лис³, Пьер де Сен-Мартен⁴, Ангерран де Вилен⁵, Пьер де Вилен, каноник в Оксере и Париже⁶, Робер де Вилен, каноник в Эре и Оксере⁷, благодаря Мариньи также получили различные привилегии. Признательны ему были также его кузен Жан Кальто⁸ и многие клирики: Эймон, епископ *in partibus* Оленуса, которого Мариньи устроил на должность ректора в Сен-Пьер де Бру⁹, Ги де Бранкур, ректор в Гинфосе¹⁰, Пьер де Шалон, королевский писец, декан в Эгперсе, в Отенской епархии¹¹, Жан дю Шатле¹², которого кардинал де Фревилль впоследствии назначил своим нотариусом¹³, Робер Лемаршан, декан Сен-Ромен-де-Кольбоск и кюре в Ла Серланг¹⁴...

Для того чтобы закончить этот список церковных привилегий, которыми Мариньи осыпал своих близких, отметим, что он добился позволения для Изабель и Иды де Круазиль, бабушки и матери своей невестки, Роберты де Бодец, входить в цистерианские монастыри, на территории которых были похоронены братья Роберты, при условии не есть и не спать во время посещения и ходить с сопровождающим¹⁵.

Нет необходимости повторять, что распределение этих благ не было случайным. Церковные бенефиции, передача которых происходила после вмешательства Ангеррана де Мариньи, — это вмешательство всегда, за исключением двух случаев, выявленных по ознакомлению с другими документами, ясно выражено в буллах, к

¹ 1308 г., 13 августа; *Regestum*, t. II, p. 237, № 3224.

² 1312 г., 21 апреля; *Regestum*, t. VII, p. 49, № 7803.

³ 1313 г., 24 августа; *Regestum*, t. VIII, p. 235, № 9505.

⁴ 1313 г., 24 августа; *Cartulaire*, № 71.

⁵ 1313 г., 24 августа; *Regestum*, t. VIII, p. 2356, № 9506.

⁶ 1312 г., 29 декабря; *Regestum*, t. VIII, p. 142, № 9197; 1313 г., 24 августа; *ibid.*, p. 236, № 9509.

⁷ 1312 г., 29 декабря; *Regestum*, t. VIII, p. 142, № 9198; 1313 г., 24 августа; *ibid.*, p. 236, № 9507.

⁸ 1312 г., 29 декабря; *Regestum*, t. VIII, p. 19, № 8942.

⁹ 1311 г., 11 мая; *Regestum*, t. VI, p. 119, № 6766.

¹⁰ 1312 г., 29 декабря; *Regestum*, t. VIII, p. 125, № 9126.

¹¹ 1310 г., 7 августа; *Regestum*, t. V, p. 257, № 5842.

¹² 1313 г., 27 августа; *Regestum*, t. VIII, p. 268, № 9610.

¹³ Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. III, p. 338.

¹⁴ 1312 г., 21 апреля; *Regestum*, t. VII, p. 53, № 7832.

¹⁵ 1312 г., 29 апреля; *Regestum*, t. VII, p. 48, № 7792 et 7793.

которым мы обращались¹, или в документах, их регистрирующих², — в большинстве случаев принадлежали к церкви Оксера, епископ которой, Пьер де Гре, стал кузеном Мариньи после его женитьбы, в церкви Камбре, где епископом был Филипп де Мариньи, затем в церкви Санса, где Филипп затем стал архиепископом, и в церкви Руана, архиепископ которой, Жиль Асцелин, много раз вместе с Мариньи выполнял различные дипломатические поручения.

¹ Например: «Dilecti filii Roberti de Marrigniaco, scola(sticus) ecclesie Aurelianensis, necnon dilecti filii nobilis viri Ingerrani, domini de Marrigniaco, militis, fratris sui, cambellani karissimi in Christo filii nostri Philippi regis Francorum illustris, pro ipso Roberto nobis hoc humiliter supplicantis, consideracio nos inducunt...»; *Cartulaire*, № 68, f. 105 v.

² Например: «Consideratione Ingerrani de Marregnaco, militis, cambellani Philippi regis Franciae, Iohannes, frater uxoris ejusdem militis obtinet ut...»; *Regestum*, t. VII, p. 46, № 7783.

ГЛАВА II

СОСТОЯНИЕ

1. ОБРАЗОВАНИЕ ДОМЕНА

Сложно сказать, что входило во владения Ангеррана до 1305 г. В 1291 г., еще при жизни его отца, ему уже принадлежал «кольчужный фьеф» в Менневиле, приносивший доход в 100 турецких ливров, за которую он был должен охранять в течение десяти дней замок господина де Неф-Марше¹. Также в 1299 г. он являлся обладателем фьефа в Апильи и Рюпьере, в районе Нижней Нормандии².

Вместе с тем нам известно, что в июле 1308 г. Ангеррану уже принадлежал замок Плесси в Туфревиле³, причем мы склонны думать, что это строение находилось именно на его землях. Фьеф в Плесси, по нашим сведениям, не был ему пожалован, следовательно, он принадлежал Мариньи как наследное владение. С другой стороны, в марте 1306 г. Филипп Красивый предоставил своему камергеру возможность выкупить королевские леса и его собственные угодья в Менневиле⁴, передав при этом ему «tiers et dangers»⁵ с его леса⁶. Следовательно, в его фьефе в Менневиле были леса. Кроме того, Ангерран, на правах старшего сына, должен был унаследовать от своего отца Экуи⁷. После раздела имущества, произошедшего 23 марта 1306 г., к нему отошли поля пшеницы и тремуа — сорт пшеницы, которую засевают в марте, — в Экуи и Гамаше и все то, что составляло общее имущество отца с его первой супругой; остальное получили дети отца от второго брака⁸. В этом документе нет упоминания о фьефе, так как раздел имущества никак не мог

¹ Arch. nat., J 217, № 3.

² *Chronicon Beccense*, Bibl. nat., latin 12884, f. 426.

³ *Cartulaire*, № 51.

⁴ *Cartulaire*, № 2.

⁵ «Tiers et dangers» — права короля или сеньора на лес. «Tiers» — право короля на треть от продажи общинного леса. — *Прим. ред.*

⁶ *Cartulaire*, № 1.

⁷ M. de Beaumanoir, *Oeuvres...*, *Justification d'Enguerrand...*, p. 14.

⁸ *Cartulaire*, № 50.

повлиять на порядок его наследования: фьеф в любом случае переходил к старшему сыну. Без всякого сомнения, именно о фьефе Экуи шла речь в договоре, составленном в декабре 1311 г., по которому король выкупал у Алена де Мансиньи ленную сеньорию, которую Мариньи держал от этого рыцаря, после чего Мариньи держал ее уже от одного короля¹. Итак, в известных нам документах более не упоминается о фьефе Экуи, как и о фьефе Плесси; речь в них не могла идти о землях, приобретенных королем в аббатстве Бек-Эллуан в Экуи и переданных взамен ренты Мариньи, так как в них не входил фьеф и Ангерран, естественно, держал их от короля, так как платил ренту королю². Король передал Мариньи только один фьеф, расположенный в Экуи, произошло это в апреле 1312 г.³ Следовательно, можно сделать вывод о том, что в личные владения Ангеррана входил не слишком значительный фьеф в Экуи, который он держал сначала от Алена де Мансиньи, а после декабря 1311 г. от короля.

Фьеф Мариньи, как мы уже сказали в предыдущей главе, находился в руках старшей ветви семьи. Жиль де Мариньи, несомненно, сын Жана и двоюродный брат Ангеррана, являлся его владельцем в 1307 г. В декабре того же года Филипп Красивый, выменяв у Жилия владения в Мариньи, Розе и Крессенвиле, передал их на правах фьефферма Ангеррану⁴: в них помимо поместья входили лены, земли, леса, воды и право вершить суд, оцениваемые в 324 малых турецких ливров ренты, что составляло довольно внушительную сумму⁵.

Приобретения Ангеррана того времени впоследствии составили основную часть владений его семейства. К фьефу в Плесси и небольшому отрезку земли в Менневиле он прибавил унаследованный от отца фьеф в Экуи, Мариньи, полученное на правах фьефферма, а также владения в Мариньи, Розе и Крессенвиле. Безусловно, ему принадлежали и другие вотчинные владения (догадкам о существовании которых мы не найдем подтверждения ни в каких документах), расположенные в землях, откуда произошла его семья, то есть в округе Лионс-ла-Форе.

Именно эти родовые владения он впоследствии будет пытаться расширить и консолидировать. За исключением Лонгвилля (полученного от короля еще в то время, когда молодой камергер должен

¹ *Cartulaire*, № 46.

² 1308 г., июль; *Cartulaire*, № 42 et 43.

³ *Cartulaire*, № 19.

⁴ Мы еще вернемся к описанию такого рода держания, сходного с арендой.

⁵ *Cartulaire*, № 30.

был чувствовать себя осчастливленным этим монаршим даром и даже надеяться не мог на то, чтобы манипулировать в собственных интересах раздачей королевских щедрот), именно вокруг этих семейных владений Ангерран создаст в некотором роде свой собственный домен. Крайними его точками являлись южная часть лесов Лиона (Lyons) и лес Брея. Первый период времени, вплоть до 1308 г., будет посвящен приобретению всего необходимого для упрочения восстановленного домена.

В мае 1305 г. Филипп Красивый передал Мариньи все свои владения в Лонгвилле, в Лонгейле и в округе этих двух городов в качестве фьефа¹. В апреле 1307 г. Мариньи получил на правах фьефферма от короля за 291 турский ливр ренты, земли, воды, цензы, ренты и право суда в Соссезмаре, Люси, Эпиней, Сен-Бев и Овилье. В это приобретение не входили ни право высшего суда, ни фьефы, ни мельницы в этих местах². За этот период в землях Ко Ангерран более ничего не приобрел. Ясно, что вплоть до конца 1309 г. Лонгвилль его не интересовал.

Объектом его постоянных забот в то время был фьеф в Менневиле, который он неустанно расширял в период с 1306 по 1312 г. В марте 1306 г. он освободил себя от «tiers et dangers» и получил дозволение выкупать права пользования лесом, принадлежавшие деревенским жителям района Бле³. В мае он приобрел у аббатства Ла Круа-Сен-Лефруа так называемую десятину Креста в Менневиле⁴, примерно в 10 турских ливров ренты. Наконец, в июне 1307 г., по нашим сведениям, он выкупил владения усопшей Изабель де Ардрикур в Менневиле, те владения, которые король объединил в «кольчужный фьеф»⁵ Менневиле⁶: именно этот фьеф расширился благодаря последовавшим за ним многочисленным приобретениям. В том же июне 1307 г. король передал Ангеррану свои владения в Мениль-су-Вьен⁷, а в сентябре — луга и рыбные водоемы в Гурне, Нефмарше и Торси⁸. В июле 1308 г. Мариньи получил от короля за ренту в 220 турских ливров владения Жана Ловчего в Лоншане и в Лион-ла-Форе, которые король приобрел путем обмена⁹; эти владения, по крайней мере в

¹ *Cartulaire*, № 72.

² *Cartulaire*, № 80.

³ *Cartulaire*, № 1, 2 et 3.

⁴ *Cartulaire*, № 4, 5 et 6.

⁵ *Cartulaire*, № 8.

⁶ Или в «membre de haubert»; как мы увидим дальше, эти два термина в то время были абсолютными синонимами.

⁷ *Cartulaire*, № 8 bis; вероятно, он получил эти владения от Изабель де Ардрикур, которая была госпожой дю Мениль-су-Вьен.

⁸ *Cartulaire*, № 9 et 10.

⁹ *Cartulaire*, № 23.

Лоншане, составляли «кольчужный фьеф», когда в марте 1289 г. были переданы Жану Ловчему¹, но Ангеррану де Мариньи король передал их как прибавление к ленному владению в Менневиле. В октябре 1308 г. король передал ему на тех же условиях лен в Сен-Дени-ле-Ферман². Одиннадцатого ноября 1308 г. Мариньи приобрел за ренту некоторое количество земель в Эбекуре³, и все они также располагались в непосредственной близости от Менневилля, хотя юридически не относилось к этому владению.

Владения Ангеррана в районе Экуи увеличились и после того, как 29 февраля 1308 г. он выкупил владения Жана и Робера дю Плесси в Мениль-Веркливе, Крессенвиле и в их округе, заплатив за это приобретение в Лондоне 90 фунтов стерлингов⁴, и в июле 1308 г. взял за ренту в 300 турецких ливров в год владения, купленные королем у аббатства Бек-Эллуан в Экуи, Баквиль, Мюсгро и Туффревиль⁵. В том же месяце король передал Мариньи право на использование заповедных лесов — то есть лесного заповедника — и простых лесов в Туффревиле для содержания замка Плесси⁶.

Следовательно, к концу 1308 г. Ангеррану принадлежал внушительный домен в нормандском Вексене. Тогда он совершил несколько более крупных приобретений земельных владений, расположенных на гораздо большем расстоянии друг от друга. Обеспечив себе экономическое превосходство в районе между Эптом и Андель, то есть заполучив право на проведение ярмарки и на держание рынка в Лоншане⁷, он намеревался приобрести владения в землях Ко, которыми он до сих пор пренебрегал, и даже за пределами Нормандии.

В декабре 1308 г. Мариньи купил у коннетабля Гоше де Шатильона за 28 000 больших парижских ливров земельное владение Шампрон в Перше⁸. Нам неизвестно, какими соображениями он руководствовался, совершая эту покупку. Впрочем, Шампрон располагался посреди владений Карла Валуа, и тот испытывал огромное

¹ *Cartulaire*, № 20.

² *Cartulaire*, № 11.

³ *Cartulaire*, № 14.

⁴ *Cartulaire*, № 48.

⁵ *Cartulaire*, № 42 et 43.

⁶ *Cartulaire*, № 51.

⁷ 1309 г., август; *Cartulaire*, № 26.

⁸ Arch. nat., J 225, № 1 et 2, JJ 42 b, № 119, f. 61 et JJ 41, № 120, f. 73; по некогда существовавшей первой версии об этом приобретении, из покупки, совершенной всего за 24 000 ливров, исключались земли и права, находившиеся в ленной зависимости у герцога Бретонского, которые обменяли на ренту; JJ 40, № 86, f. 39–40.

желание приобрести его. Поэтому восемнадцать месяцев спустя Мариньи уступил Шампрон брату короля. В то же время он приобрел еще один фьеф в Вексене. Это были владения, принадлежавшие аббатству Св. Екатерины Руанской в Варде и приобретенные королем, для того чтобы передать их Мариньи, причем с довольно странной формулировкой, о которой мы поговорим чуть позже: Ангерран получал их от короля «во фьеф и за оммаж» и должен был выплачивать в королевскую казну 155 турских ливров ренты — сумму, равную доходу с этих земель¹. Тем не менее это был фьеф, присоединенный к Менневиллю. Об этом можно судить по королевской грамоте, относящейся к декабрю 1313 г., в которой он не упоминается в числе владений, присоединенных к Мариньи, в то время как именно эти последние владения и представляли собой все имения Ангеррана в Вексене², а также, по свидетельствам от ноября 1315 г., которые включали Вард в число земель, образовывавших фьеф в Менневиле, переданный королеве Клеменции³.

Тогда же, в марте 1309 г., когда Мариньи получил Вард во фьеф и за ренту, он добился от короля позволения расширить свой домен в землях Ко. Действительно, ему были переданы во фьеф все королевские владения в Соквиле, Денестанвиле, Геннетюи, Ламбервиле, Кибервиле и Крепвиле, а также право высшего и низшего суда, в Линто-ле-буа⁴. Все эти владения, так же как и земли в Ламбервиле, которые Мариньи купил у Эсташа Мореля, в июле 1310 г. были присоединены к фьефу в Лонгвилле⁵. Наконец, последней мерой по расширению фьефа, «кольчужного фьефа» и шателенства в Лонгвилле⁶ стало присоединение в этом же месяце к лонгвилльским владениям городов Розе и Сен-Санс, которые Мариньи купил у Карла Валуа вместе с Гайфонтемом.

Филипп де Мариньи, ставший архиепископом Санским, в марте 1310 г. передал своему брату «кольчужный фьеф» в Генневиле⁷, который приобрел год назад. Это стало началом распространения границ домена Ангеррана на запад.

Точно так же увеличили «кольчужный фьеф» Менневилля два следующих королевских дара: в марте 1309 г. — сеньориальная

¹ *Cartulaire*, № 12 et 13.

² *Cartulaire*, № 41.

³ Arch. nat., J 423, № 34, et JJ 54 B, № 10, f. 4-5 v.

⁴ *Cartulaire*, № 75.

⁵ Arch. nat., JJ 45, № 152, f. 97 v.-98 r.

⁶ «Феод, кольчужный лен и шателенство Лонгвилля» («Feodo, membro lorice et castellanie de Longavilla»); *Cartulaire*, № 76, f. 166 v.

⁷ *Cartulaire*, № 78.

власть в городах, права, фьефы, доходы, право высшего и низшего суда, которые принадлежали королю в Тьерсвиле, Бушвиле, Флери, Лилли, Морни, а также фьеф в Альже¹, в мае 1310 г. — леса Лиона (Lyons) в Бель-Ланд, близ Лоншана². Во избежание возражений любого рода в марте 1309 г. король даровал Мариньи право высшей судебной власти во всех его владениях³.

Итак, в то время Ангеррану принадлежали два довольно четко территориально очерченных домена: один на юге, вокруг Менневиля, Плесси и Экуи, другой на севере, вокруг Лонгвилля. Естественно, он стремился объединить их. В июне 1310 г. Карл Валуа присоединил к своим владениям, за 2000 ливров ренты, выделенных Филиппом Красивым своему брату и Маго де Сен-Поль по случаю их бракосочетания, города и шателенства и окружные земли Гайфонтена⁴. Двадцать второго июня Валуа и Мариньи обменяли Гайфонтен и Шампрон⁵. В нашем распоряжении нет подробного описания имущества Мариньи, приобретенного таким образом, но, принимая во внимание его оценку — 2000 турецких ливров и 56 су ренты — и сумму, выплаченную за Шампрон — 28 000 больших парижских или 35 000 турецких ливров, — мы с полным правом можем предположить, что эта сеньория была очень большой. Чтобы приравнять Гайфонтен по стоимости к Шампрону, Карлу Валуа пришлось присоединить к нему Розе и Сен-Санс, о времени приобретения которых мы ничего не можем сказать.

Подготавливая объединение своих нормандских земель, Мариньи окидывал взглядом все более широкие просторы, так как в его намерения входило найти такие места, откуда его влияние могло бы распространяться на мелкую знать. Помимо этого, обладание такими землями, как, например, Шампрон, давало ему возможность обменивать их на нормандские владения. Так, 8 марта 1310 г. он обменял на 14 000 парижских ливров ренты (причем при жизни вдовы Ги де Фальюэля, Жиль, которой муж оставил наследство, заключавшееся в этом имуществе, он должен был выплачивать всего 700 ливров) имущество, унаследованное Жанной де Фальюэль, супругой Ферри де Пикийни, от своего отца, Ги де Фальюэля, в Кондрене и в Фальюэле, близ Лана⁶. В Канском бальяже в январе

¹ *Cartulaire*, № 16.

² *Cartulaire*, № 28.

³ *Cartulaire*, № 17.

⁴ Arch. nat., J 225, № 5, et *Cartulaire*, № 34.

⁵ Acte de Ch. de Valois et M. de Saint-Pol, Arch. nat., J 225, № 7, et *Cartulaire*, № 35; confirmation royale, *Cartulaire*, № 36. — Acte d'E. de Marigny et A. de Mons, J 225, № 6; confirmation royale, J 225, № 4.

⁶ *Cartulaire*, № 74.

1311 г. Мариньи получил во фьефферм права и доходы, принадлежавшие королю в Оти, обязавшись взамен выплачивать в королевскую казну 187 ливров 13 су 8 денье ренты¹.

В 1311 г. домен Ангеррана де Мариньи уже по большому счету приобрел свои окончательные очертания, то есть те, которые были отражены в документах 1315 г. Помимо мелких приобретений, которыми Ангерран не пренебрегал, стремясь увеличить доход и пустить в оборот свои деньги, ему оставалось лишь завершить объединение двух частей своего домена (правда, одного Гайфонтена для этого не было достаточно), чтобы владеть уже не просто несколькими фьефами, но баронией.

В начале 1312 г. Мариньи занимался расширением своих ленных владений. В марте король даровал ему, получив взамен разрешение охотиться в лесах Брея, право устроить заповедник для рыбной ловли и охоты, а также владения в Мариньи, леса, право суда и фьефы, чтобы поспособствовать «увеличению земель и сеньории Мариньи»². В апреле Филипп Красивый предоставил своему камергеру право высшего суда и иные права в Ножон-ле-Сек, что увеличило фьеф Ангеррана в Менневиле³, и в Крессенвиле, Гальярбуа, Гренвиле, Экуи, Вильре, Мюсгро, Веркливе, Мениль-Веркливе, Лизоре, Туфревиле, Розе, Менесквиле, а также фьеф в Экуи, о котором мы упоминали выше, и лен в Веркливе, что увеличило лен в Экуи, то есть часть домена в Плесси⁴.

Таким образом, Мариньи необходимо было завершить объединение двух принадлежавших ему территориальных районов. На юго-востоке Лонгвилля 5 сентября 1311 г. Ангерран выкупил за 2540 турских ливров имущество Жана Мальвуазена в Нотр-Дам-дю-Парк, Кропю, Мюшдене, Ле Кателье, Ле Сент-Акр, Ле Амо, Боне и Бреннетюй⁵. В сентябре 1312 г. Филипп Красивый предоставил ему в качестве компенсации за выплаты⁶, которые Мариньи вместо короля осуществил в пользу Тибо и Луи де Сансерров, владения, расположенные в Белленкомбре, Кресси, Ла Крик, Розе, Сен-Сансе и в их окрестностях, а также фьеф и угодья в Фонтен-Шателе и владения в Васкее⁷. Эти

¹ *Cartulaire*, № 29.

² *Cartulaire*, № 32.

³ *Cartulaire*, № 18 et 19.

⁴ *Cartulaire*, № 45.

⁵ *Cartulaire*, № 79.

⁶ Выплаты осуществлялись с земель и рент в Шампани и Неверской области, и замка Плесси Амбеллан, сегодня Плесси-о-Турнель, который, как мы уже сказали, принадлежал Ангеррану уже в декабре 1309 г. Поскольку в нашем распоряжении нет актов о приобретении некоторых из этих владений, мы полагаем, что они были куплены по случаю. Земли в Неверской области подарил Луи де Мариньи Людовик Неверский в 1311 г.; Arch. nat., JJ 48, № 3, f. 4–6 г.

⁷ *Cartulaire*, № 37.

владения в Васкее король приобрел у монахов Прео¹. Последним даром короля стало предоставление Мариньи 5 октября 1312 г. права собственности на «Лес ле Конт» в Белленкомбре². Вместе с тем Мариньи получил от короля «грюэри»³ в шателенстве Шони и право устраивать судебные разбирательства в этом округе; безусловно, именно к факту получения этих прав относятся слова из документа от сентября 1312 г.: «для увеличения его фьефа в Фальюэле и в Кондрене»⁴.

На севере Ангерран также получил от короля в июне 1313 г. во фьефферм то, что он приобрел в результате обмена с аббатством Бек-Эллуан в Лонгейле, Увиле и соседних деревнях и поселках; он должен был платить 550 турецких ливров ренты в королевскую казну за эти земли, полученные в качестве прибавления к фьефу в Лонгвилле⁵.

Помимо этого, в июне 1312 г. Мариньи выкупил у Беро де Меркера за 7000 турецких ливров ренту в 1200 ливров, которую король выплачивал Беро: из этой суммы 726 ливров выплачивались с земли и различных прав в Шильи, близ Лонжюмо⁶. В январе 1314 г. король назначил Мариньи 110 парижских ливров из ренты с доходов, поступавших в казну с судопроизводства, сеньориальных прав и фьефов, расположенных между Бьеврой и Сеной; король объединил их во фьеф, несмотря на то что искони они принадлежали к шателенствам Корбея, Лонжюмо и Парижа⁷. Немилость, постигшая Мариньи, вероятно, помешала сколотить домен вокруг владений своей жены, Алис де Монс, где выращивали виноград, пользовавшийся в то время широкой славой и, соответственно, приносивший доход; причем, учитывая средства, которыми на тот момент располагал камергер, организация нового домена проходила бы с гораздо большим размахом, чем в период создания его нормандского домена.

Все же именно нормандский домен оставался основой территориального превосходства Ангеррана, главной составляющей его земельного богатства. К концу 1313 г. в него входило пятнадцать «кольчужных фьефов»: Белленкомбр, Кондрен, Экуи, Фонтен-Ша-

¹ *Cartulaire*, № 38.

² *Cartulaire*, № 81.

³ Грюэри — должность чиновника, надзирающего за лесом и контролирующего взимание налогов за пользование лесом (рубкой и т. д.). — *Прим. ред.*

⁴ *Cartulaire*, № 87.

⁵ *Cartulaire*, № 73.

⁶ *Cartulaire*, № 115.

⁷ Arch. nat., JJ 50, № 31, f. 24–25 v.

тель, Гайфонтен, Генневиль, Лонгейль (два), Лонгвилль, Менневиль, Мариньи, Ле Плесси, Соквиль, Вард и Васкей. Этого Мариньи не хватало для того, чтобы соперничать со своими могущественными соседями — Аркуром, Пикиньи — или со знатными членами Совета — Шатильонами или с графами Валуа и Эвре, например... Территориальное единство домена Ангеррана де Мариньи требовалось скрепить единством юридическим. Ведь в действительности многочисленные фьефы, принадлежавшие Мариньи, уже давно превратились в домен: в июне 1313 г. Филипп Красивый, во избежание всяческих недоразумений, передал своему камергеру права на взимание трети (tiers) на всех доменах, фьефах и арьер-фьефах, где Мариньи являлся сеньором и феодальным судьей¹.

Юридическое оформление произошло в декабре 1313 г. Согласно четырем королевским грамотам ленные владения Ангеррана были объединены в несколько более крупных фьефов, каждый из которых Мариньи держал от короля за оммаж. К Генневилю были присоединены четыре фьефферма, находившиеся по соседству, то есть четыре крупных хозяйства, принадлежавших Мариньи, в западной части земель Ко². «Шателенство и земля Лонгвилль-ла-Гифар» увеличились после присоединения к ним Белленкомбра, Соквиля, Линто и Лонгея³. Леса Шони присоединили к «земле» Кондрена и Фальюэля, чтобы образовать единый фьеф в Вермандуа⁴. Наконец, ранг баронии, обычно предназначавшийся для фьефов, издревле бывших барониями, был присвоен вотчине Мариньи, которая значительно увеличилась после добавления к ней Менневиля, Гайфонтена, Васкея и Фонтен-Шателя, а также зависимых от этих фьефов земель⁵.

Но более вопрос о баронии Мариньи уже никогда не возникал! Год спустя после этих событий Ангерран попал в опалу. Вместе с его гибелью исчез и домен, разделенный между родственниками Людовика X. Мариньи отошел к королеве Клеменции Венгерской, жене Людовика X, затем, в феврале 1323 г., к Карлу Валуа⁶.

¹ *Cartulaire*, № 39.

² *Cartulaire*, № 82.

³ *Cartulaire*, № 83.

⁴ *Cartulaire*, № 91.

⁵ «Мы присоединяем к этой земле и к подчиненному сеньору округу Мариньи земли Менневиля, Гайфонтена, долины Васкея и Фонтен-Шателя, и нашей королевской властью постановляем, что все эти владения вместе (sic) со всем принадлежащим им имуществом отныне станут баронией и будут держаться от нас за оммаж, и зваться баронией Мариньи, точно так же, как и другие баронии Нормандии держат от нас...»; 1313 г., декабрь. — Saint-Denis; Arch. nat., J 225, № 10, et *Cartulaire*, № 41.

⁶ См. гл. XI, § 3.

Последний, получив в 1315 г. Гайфонтен, безусловно, подумывал о том, чтобы получить ранг баронии уже для своей собственности, так как в марте 1323 г. он наряду с другими документами, относившимися к правам Ангеррана, подтвердил акт от 1313 г., согласно которому ранг Мариньи поднимался до баронии¹. Болезнь, смерть Карла Валуа и восшествие на французский трон его сына² положили конец этим попыткам.

Следовательно, на деле Ангерран де Мариньи в течение десяти лет задавался целью объединить огромное множество земель, чтобы превратить их в крупную сеньорию, в титулованный фьеф. Частично реализованное в 1313 г. (поскольку неприсоединенными оставались Кондрен, Экуи, Гённевиль, Лонгвилль, Мариньи и Ле Плесси), это объединение, несомненно, было бы завершено за несколько лет: вполне можно предположить, что король удовлетворил бы желание своего советника, объединив все его земли в единый фьеф, который стал бы баронией или графством Мариньи. Но поскольку в 1314 г. богатство Ангеррана достигло своего апогея, мы рассмотрим структуру его домена именно в этот период.

2. СТРУКТУРА ДОМЕНА

Теперь мы рассмотрим несколько вопросов, относящихся к структуре того домена, процесс образования которого мы уже изучили. Мы постараемся показать, как Ангерран де Мариньи приобретал, содержал и использовал составлявшее его имущество.

Часть имущества могла быть куплена у третьего лица или пожалована обладателем этого имущества, в большинстве случаев королем. При покупке Ангерран немедленно выплачивал необходимую сумму, за исключением последних лет его карьеры, когда размеры приобретений Мариньи уже не позволяли ему рассчитываться немедленно³. В тех случаях, когда речь шла о небольших покупках, выплаты производились наличными и отражались в документах⁴. В обычных случаях вступление в права владения происходило немедленно, и иногда процедура имела символический характер: 29 февраля 1308 г. в Лондоне Жан и Робер дю Плесси вручили символический жезл Жилю де Реми, папскому

¹ Arch. nat., J 225, № 18.

² Филиппа VI Валуа — короля Франции и в 1328–1350 гг. — *Прим. ред.*

³ *Cartulaire*, № 86; был оставлен залог. — См. гл. X, § 1, по поводу возможной задержки выплаты за Шильи Бери де Меркеру.

⁴ *Cartulaire*, № 14, 48, 92, 102, 110 et 113.

нотариусу, представлявшему Мариньи¹. Процедура отказа от своих прав иногда требовала большего числа формальностей. Примером может служить выкуп 300 турских ливров ренты из королевской казны, правом на которую обладал Жан де Сент-Одегонд, горожанин из Сент-Омера: 20 февраля 1311 г. официал Тербуана, уполномоченный вести это дело, дал указание Тома де Шофуру, своему нотариусу, получить отречение от своих прав на эту ренту у Мари, жены Жана де Сент-Одегонда², и у Маргариты, вдовы отца упомянутого продающего³; в тот же день Тома де Шофур получил эти отречения и официально уведомил о них официала⁴; он приложил к ним обязательство Маргариты, в котором она уверяла в истинности своих намерений⁵; 23 февраля Мари, супруга продающего, назвала тех, кто должен был по доверенности вести дело об отчуждении имущества, от прав на которое она отказалась⁶; в тот же день официал одобрил отречения обеих женщин и заверил их⁷; наконец, 7 марта Жан де Сент-Одегонд и доверенные лица его жены продали ренту Мариньи в присутствии стражника превоства Парижа, Жана Плуабоша⁸. К тому же в этом случае не было необходимости в процедуре вступления в права собственности. Напротив, бальи из Вермандуа, Фремен де Кокрель 8 марта 1310 г. возглавил слушание дела об «изъятии» у Ферри де Пикиньи и его жены, Жанны де Курлю, и «передаче» Пьеру Мюле, доверенному лицу Ангеррана де Мариньи, прав на дом в Кондрене и на владения в Фальюэле⁹.

В том случае, когда король совершал дар, как бы это ни было оформлено, он очень редко дарил свое личное имущество, поскольку в то время обозначилась тенденция к объявлению имущества короны неотчуждаемым; в основном в дар он приносил что-то из своих недавних приобретений: конфискованное, унаследованное, возвращенное, полученное в результате обмена имущество... Желание уступить Мариньи земли или права на земли, находившиеся рядом с его доменом, в тех условиях, о которых мы говорили в начале этой главы, заставило Филиппа Красивого приобретать имущество,

¹ *Cartulaire*, № 48.

² *Cartulaire*, № 100. — Этот Жан, рыцарь, был сыном предыдущего упомянутого Жана.

³ *Cartulaire*, № 96.

⁴ *Cartulaire*, № 98 et 94.

⁵ *Cartulaire*, № 95.

⁶ *Cartulaire*, № 99.

⁷ *Cartulaire*, № 101 et 97.

⁸ *Cartulaire*, № 92.

⁹ *Cartulaire*, № 85.

получить которое хотел его камергер, в основном путем обмена. Механизм осуществления такого обмена, в общем, известен, и мы приведем два иллюстрирующих его примера: владения Жана Ловчего в Лоншане и владения аббатства Бек-Эллуан в Экуи. Пятого августа 1309 г. король приказал бальи из Жизора, Берто Майо, и смотрителю вод и лесов, Жоффруа Дануа, оценить имущество Жана Ловчего в Лоншане, обменять его на мельницу и на некоторые права и выслать составленный по этому поводу акт королю, с тем чтобы он его заверил, что и было сделано 21 сентября¹. Король подтвердил факт обмена, заверив составленный бальи документ, и до 30 сентября передал владения Мариньи². На проведение этой операции потребовалось менее двух месяцев. Обмен с Бек-Эллуаном был проведен более деликатно, поскольку церковное имущество, в принципе, считалось неотчуждаемым. В июле 1308 г. король подтвердил факт обмена, совершенного 6 июня аббатом и бальи³; но лишь 31 октября папа дал епископу Байё полномочия официально разрешить этот обмен, что Гильом Бонне и сделал, отправившись в те места... 24 апреля 1310 г.; в мае аббат смог составить окончательный акт, в котором объявлялось о разрешении епископа и папы⁴.

Каким образом получал Мариньи имущество, приобретенное им от короля? Очень часто в виде фьефа, и особенно «кольчужного фьефа», держал же он их за оммаж⁵. По этому поводу необходимо заметить, что термины *фьеф* и «*кольчужный фьеф*» не различаются в документах: в них можно прочесть: «во фьефе или в кольчужном фьефе Менневиль»⁶, «в кольчужном фьефе Менневиль» («*membrum lorice de Menevilla*»)⁷, «во фьефе кольчужного фьефа Менневиль»⁸. Пожалования фьефов делались абсолютно бесплатно, никаких обязанностей не налагалось, кроме личной службы, вытекающей из оммажа⁹.

¹ *Cartulaire*, № 25.

² *Cartulaire*, № 24.

³ *Cartulaire*, № 42 et 43.

⁴ *Cartulaire*, № 44.

⁵ «Teneant ad unum feodum et unum homagium tamquam unum membrum lorice, sicut olim ad unum feodum et unum homagium omnia predicta solebant teneri»; *Cartulaire*, № 8, цитировано по: Arch. nat., JJ 38, № 234, f. 100.

⁶ Arch. nat., JJ 54 B, № 10, f. 4 v.

⁷ *Cartulaire*, № 8 bis, f. 14 v.

⁸ *Cartulaire*, № 28, f. 42 г.

⁹ «Все это названный Ангерран, его наследники, последователи и их доверенные лица получают от нас и от последующих за нами королей Франции в качестве феода и только за оммаж» («Que omnia dictus Ingerranus, heredes et successores illius et causam ab eis habentes tenebunt a nobis nostrisque successoribus regibus Francie in feodum ad unum hommagium»); *Cartulaire*, № 51, f. 87 г.

Но существовали также такие фьефы, обладатель которых должен был выплачивать ренту. Мы оставим в стороне ренты, которые другие должны были выплачивать Мариньи, поскольку нам неизвестно происхождение этих обязательств¹, и остановимся только на фьеффермах², то есть на виде держания, который обычно имели те владения, что Мариньи страстно хотел заполучить; король их приобрел путем обмена для того, чтобы уступить своему камергеру.

Но здесь есть явное противоречие: эти владения в большинстве случаев передавали Мариньи для расширения его ленов в Менневиле, Экуи или Лонгвилле; как, например, владения Жана Ловчего, врученные Ангеррану «для постоянного присоединения их к фьефу в Менневиле, за верность и оммаж, для расширения этого ленного владения»³. Такие владения могли сами быть отдельным фьефом, подобно тем, которые король приобрел в Варде; но в таком случае получивший их должен был выплачивать в королевскую казну довольно большую ренту: 155 турецких ливров 18 су 8 денье в год⁴; за владения Жана Ловчего в Лоншане точно так же полагалась выплата ренты в 220 ливров 24 су 5 денье⁵, за имущество Жилиа де Мариньи 324 ливра 16 су⁶, за имущество Бек-Эллуана в Экуи 300 ливров 10 су 6 денье⁷, а в Лонгейле 550 ливров ренты⁸; впрочем,

¹ Например, 20 турецких ливров ренты, которые должен был выплачивать Обер де Анже за свой фьеф Фонтен-Шатель (Arch. nat., JJ 49, № 61, f. 29 v.), или 100 турецких су тальи, которые должен был выплатить Жан д'Альбенкур за свой фьеф в Оссе (Cartulaire, № 32, f. 47).

² Этот термин также обозначал низшее недворянское держание, он равным образом употреблялся в отношении ценза; Arch. nat., Q1 1373*, f. 46 г.

³ Cartulaire, № 23, f. 35 г.

⁴ «Учитывая то, что Ангерран, господин де Мариньи, наш любезный друг, рыцарь и камергер, верно, лояльно и достойно нам служил и продолжает служить без устали, мы решили выделить, пожаловать и оставить отныне ему и в наследство его потомкам все владения, вместе и каждое в отдельности, которые, согласно вышеупомянутому обмену, были нам уступлены в присутствии десяти монахов, точно таким же образом, как описано далее; хотим, чтобы он отныне пользовался и мирно наслаждался ими, как собственным наследством, и чтобы эти владения он и его потомки навечно получили от нас в качестве лена; а также знайте, что за это упомянутый Ангерран должен выплачивать нам и нашим потомкам, на все время, в нашу казну в Париже. VIIxx. XV. ливров, XVIII. су, VIII. турецких денье ренты ежегодно, одновременно или частями, или избавлять нас от необходимости выплачивать из казны такую же сумму; и до тех пор, пока упомянутая рента не будет нам выплачена или от такой же суммы ренты наша казна будет избавлена, он будет обязан платить нам и возвращать долг каждый год...»; Cartulaire, № 12, f. 20 г.

⁵ Cartulaire, № 23.

⁶ Cartulaire, № 30.

⁷ Cartulaire, № 42.

⁸ Cartulaire, № 73.

это ничуть не помешало Ангеррану получить это последнее пожалование во фьефе для расширения Лонгвиля.

Это очевидное противоречие свидетельствует об усилиях, прилагавшихся в описываемое время для того, чтобы заставить сложившуюся систему феодальных держаний отвечать экономическим и политическим нуждам развивающейся монархии. Вынужденная искать другие способы вознаграждать службу, помимо дарения земель, чтобы не обеднеть подобно королям вплоть до Людовика VI, монархия обременила свою казну непосильными долгами, которые домен не мог оплатить. Нужно было искать выход из этой тяжелой финансовой ситуации. Выменивая владения или прибегая к недавним приобретениям, которые еще можно было отчуждать, король освобождал себя от расходов, которые ранее выплачивались из королевской казны. Ведь даже если пожалование во фьефферм, например Лонгейля, было произведено с условием последующей выплаты 550 турецких ливров ренты в королевскую казну, одно из условий договора тем не менее подразумевало «освобождение» казны от необходимости выплачивать примерно такую же ренту. На деле Мариньи получил свои владения, а рента, которую ему выплачивали из казны, уменьшилась на 550 ливров. Сделав единственный подарок, король уменьшил свои расходы на достаточно большой срок.

Что же выигрывал в этом случае Ангерран де Мариньи? На первый взгляд подобная комбинация не приносила ему никакой прибыли: он получал владения и выплачивал в королевскую казну ренту, равную приносимому ими доходу; это при том что на выплату ренты уходил практически весь доход от владений, полученных на правах фьефферма. Некоторые сомнения по поводу этого могли появиться в том случае, когда речь шла о землях или лесах, сумма дохода от которых могла превышать их оценочную стоимость; но, учитывая то, что «III парижских су ежегодной ренты, которую Николя Ардуэн должен был вносить за один акр земли в долине Сюанкур»¹, приносили 4 парижских су в общую сумму ренты, которую Ангеррану нужно было отдать в казну, или что стоимость пожалованного имущества «на момент произведенной оценки могла достигать суммы вышеуказанного пенсионера, и не более того»², приходится признать, что для Ангеррана все это было абсолютно невыгодно. В целом он получал доход ренты из королевской казны: практически это можно было назвать ассигнованием, назначением ренты. Поскольку в большинстве случаев права на ренту из коро-

¹ Санкур; *Cartulaire*, № 22, f. 31 v.

² *Cartulaire*, № 80, f. 121 r.

левской казны, которыми обладал Мариньи, он выкупал у третьих лиц, а не получал в дар от короля, само собой разумеется, что в случае с этими уступками земель во фьефферм собственно их дар королем был простой формальностью, а на самом деле речь шла о покупке, совершенной самим Мариньи. Мы еще раз повторим: состояние Мариньи не было пожаловано ему королем, король лишь подсказал своему камергеру способ приобретения богатства, а все остальное являлось плодом предприимчивости самого Ангеррана.

В чем же в таком случае заключались преимущества комбинации, которая, с одной стороны, напоминала аренду, так как земля уступалась Мариньи на условиях выплаты ренты, а с другой, ассигнование ренты, поскольку эта рента обменивалась на убавление полагающейся камергеру для выплаты суммы, то есть выплаты из государственной казны обменивались на приобретенное право получать со своего владения доход?

Наиболее важным в данной ситуации для Мариньи являлось предоставление ему реального права на пожалованные таким образом владения. В то время как ассигнование ренты не дало бы ему ни сеньории, ни реального права на предоставленный капитал, помимо сбора дохода, то получив землю во фьефферм, он становился обладателем земель, ленных владений, податей и доходов с правом сеньориальной власти. Простое назначение ренты не могло никаким образом поспособствовать созданию его собственного домена. Если же земли предоставлялись во фьефферм, то Мариньи получал эти земли, а не просто доход в обмен на ренту. Его доход в этом случае не изменялся; действительно обогатиться он мог, купив ренту, а не получив владение во фьефферм; тем не менее предоставление подобных прав приносило вполне реальную пользу, в то время как рента, чей реальный и недвижимый характер был всего лишь условием, порождавшим какие-либо права, но отнюдь не феодально-сеньориальные. Следовательно, Мариньи, вместо того чтобы пользоваться лишь правом получать ренту, приобретал на правах фьефферма земли, которые навечно отходили его наследникам¹; получаемый с них доход изменялся в зависимости от стоимости ливра, тем временем как сумма ренты устанавливалась раз и навсегда: таким образом, земля, полученная Ангерраном во фьефферм, обеспечивала ему получение стабильной, если не сказать постоян-

¹ «...Из ежегодного пенсионера, которые последуют от него или от его потомков каждый год нам или нашим потомкам, королям Франции...»; *Cartulaire*, № 80, f. 120 v.

ной, прибыли, поскольку она складывалась из дохода, получаемого с недвижимости, и из дохода в натуре.

В отличие от ассигнования, передача земель во фьефферм не означала приобретения ренты. Нам неизвестно, расплатился ли Мариньи со своими долгами по ренте за фьефы сразу же после вступления в права собственности, но мы знаем, что в январе 1311 г.¹ все фьеффермы, полученные до этого, он сменил на ренты с казны, причем некоторые из них Мариньи получил еще в 1308 г. В то время как выделение ассигнования немедленно устранило бы обязательство выплаты ренты из королевской казны, в случае с фьефами Мариньи должен был предоставить королю расписку на сумму ренты, равную сумме «пенсiona» за свои фьеффермы.

Было ли, таким образом, предоставление фьефферма формой оплаты? Нет, ведь между сеньором, в данном случае, королем, и Ангерраном произошел только лишь обычный для сферы сделок с недвижимостью обмен, то есть обмен ренты на конкретное имущество. Мариньи пришлось заплатить деньги всего один раз, выкупая ренту. Следовательно, все обстояло таким же образом, как если бы он покупал фьеф у постороннего человека, с тем лишь различием, что он не должен был ни выплачивать продажную пошлину сеньору, ни вносить деньги за вступление в права собственника.

Очевидно, что подобная форма держания, условия которой к тому же могли варьироваться, приносила такой же доход, как и ассигнованная рента, а также давала некоторые преимущества, предоставляемые обычным правом владения, главным образом сеньориальные права. Так же очевидно, что щедрость Филиппа Красивого по отношению к своему камергеру отнюдь не была такой безграничной, какой ее иногда представляют.

3. ДОХОДЫ АНГЕРРАНА ДЕ МАРИНЬИ

Пытаясь оценить денежное состояние Мариньи, мы должны рассмотреть три типа его доходов, о каждом из которых мы владеем неравноценной информацией: регулярные доходы от домена, доходы за исполнение должностных обязанностей, вкпе с неоценимыми преимуществами, предоставляемыми властью, и прибыль от разовых сделок, размеры которой мы можем лишь предполагать. Добавим, кроме того, хотя это значительно уменьшит ценность приводимых нами фактических данных, что порой в документах ничего не

¹ *Cartulaire*, № 40.

упоминается о доходе, приносимом теми или иными владениями, например, о доходе с владений, которые были совершенно бескорыстно пожалованы, и что в доступных нам источниках не осталось информации о многих сделках.

Блага, не приносившие реального дохода, как то: барщина, права патроната, замки и дома, где жил Мариньи, целинные земли, оценивались в 972 турецких ливра 18 су 8 денье ренты.

Блага, прибыль от которых была довольно велика, но не регулярна, либо по причине их случайного характера (судебные полномочия, права на лес), либо из-за того, что доходы с них выплачивались самими продуктами производства (выплаты ренты зерном или другими продовольственными товарами, пахотные земли, обрабатываемые поля и т. д.), оценивались в 2479 турецких ливров 12 су 5 денье. По всей видимости, сюда нужно было бы добавить также доходы от базаров и ярмарок, при том что базар в Лоншане устраивался каждый месяц, а в Экуи, помимо ежемесячного базара и устраивавшейся раз в три года ярмарки, с 8 по 15 сентября проводилась также главная ярмарка по продаже сукна; но относительно этого нам известно лишь то, что абсолютно все сеньориальные доходы получал Ангерран. Следовательно, несмотря на кажущуюся точность сведений, полученных после оценки имущества, которая была проведена в 1315 г., и содержащихся в нашем обобщающем труде, необходимо относиться к ним с некоторой осторожностью.

Прямые доходы от домена, плата от арендаторов, банальные (banal) и сеньориальные права, ренты, взимаемые десятина и полевая подать приносили Мариньи сумму, равную 4840 турецким ливрам 10 су.

Добавив к этой сумме стоимость не подвергавшегося оценке домена в Гайфонтене, которая предположительно составляла 2000 турецких ливров, так как именно за эту сумму земли были ассигнованы Карлу Валуа в 1310 г.¹ и именно такое количество денег они приносили своему новому владельцу в 1316 г., мы можем оценить домен Ангеррана де Мариньи как минимум в 10 293 турецких ливра ренты. Также к этой сумме нужно присоединить не ассигнованные ренты, которые Мариньи в 1311 г. обменял на выплаты за свои фьеффермы, естественно, никогда не оценивавшиеся; следовательно, учитывая все вышесказанное, выходит, что в 1314 г. Мариньи получал ежегодную ренту в 3773 турецких ливра 17 су 4 денье.

¹ Cartulaire, № 40. В 1316 г. Карл Валуа получал 1000 ливров за один определенный по сделке срок; Bibl. nat., fr. 20683, f. 7.

Таким образом, в конце карьеры Ангеррана де Мариньи его регулярный доход составлял более 13 500 ливров.

Выполнение обязанностей камергера теоретически очень немного добавляло к этой сумме. Как советнику Мариньи полагалась пожизненная рента в 1000 ливров, доход от которой был учтен в вышеприведенной сумме. Помимо двух ливров жалованья, полагавшихся ему ежедневно, камергер получал шесть парижских ливров шестнадцать су в год «на облачение»¹ и свою часть от права «chambellage», тех денег, которые выплачивали вассалы короля, принесшие ему клятву верности: камергер, который представлял королю вассала, получал деньги, но сохранял их лишь на определенный период, после чего ими распоряжался камергерский казначей. Так, согласно счету 1306 г., Мариньи получил после принесения клятвы верности 75 ливров, но поскольку его доля достигала 130 парижских ливров 8 су, некоторое время спустя кассир Берто Ле Паж вернул ему разницу². Нам неизвестно, много ли клятв было принесено в том году. В любом случае, в рассматриваемом нами с точки зрения доходов Мариньи году, то есть в 1314-м, должность камергера приносила Ангеррану примерно 1084 турских ливра. Мы могли бы добавить сюда также сумму его дохода как шателена в Иссудене, но сумма его была слишком мала, по сравнению с прибылью прочих шателенов.

Следовательно, насколько мы можем судить, стабильный ежегодный доход Ангеррана де Мариньи составлял как минимум 14 600 турских ливров.

Впрочем, регулярная прибыль не была для него единственным источником обогащения. Скорее всего, состояние Мариньи увеличивали также и разовые сделки, о которых нам известно очень мало, и именно поэтому не стоило бы делать поспешных выводов о том, что они приносили Ангеррану гораздо большую прибыль, чем его обычные доходы.

Девятого июля 1313 г. он стал свидетелем частной коммерческой операции: Гуго де Конфлан продавал имущество своей жены, Бред, Бертрану де Го, виконту де Ломань и д'Овилар, племяннику папы, за 40 000 флоринов; Мариньи гарантировал, что этой суммы будет вполне достаточно, чтобы восполнить в родовых владениях детей упомянутой Бред эту часть имущества³. Доверенным лицом виконта был Пьер Барьер. Можно было подумать, что он занимался только лишь заключением этой сделки. Но тем временем именно Мариньи

¹ J. Viard, *Journaux du Trésor...*, col. 908, № 6080 et 6081.

² R. Fawtier, *Comptes royaux*, t. II, p. 531–532.

³ Arch. nat., JJ 49, № 179, f. 75–79.

Бертран де Го передал 40 000 флоринов, и именно Ангерран обязывался выплачивать на основе этой суммы 2000 турецких ливров ренты для Жанны, дочери Гуго де Конфлана¹. В данном случае он уже не являлся простым свидетелем, какими при заключении предыдущего договора были Гоше де Шатильон или Миль де Нуайе. Но и это еще не все. Седьмого июля 1313 г. Эдуард II даровал уже известному нам Бертрану де Го замок и город Бланшфор; это произошло в Мобюиссоне, где в то время вместе со всеми придворными находился Мариньи. На деле документ о пожаловании этого дара являлся дополненной и обновленной копией точно такого же документа, уже подписанного 1 и 10 февраля 1311 г. в Англии и заверенного Филиппом Красивым во Вьенне, в апреле 1312 г.² Это обновление было подтверждено Филиппом Красивым, который в августе 1314 г. подписал два документа, которые составлялись под руководством Мариньи³, который, без всякого сомнения, ходатайствовал перед королем Англии об обновлении и дополнении этого дара. Таким образом, мы можем утверждать, что Мариньи все знал о финансовых операциях Бертрана де Го, поддерживал с ним деловые отношения. И если могущественный королевский советник не гнушался оказать помощь в деле об ассигновании ренты или послужить посредником в сделке, подобной той, что была заключена в июле 1313 г., это означало, что он находил в этом некую выгоду для себя; иначе это было бы простой потерей времени, так как то же самое мог бы сделать любой нотариус.

К этим же малоизвестным для нас «сделкам» нужно отнести ссуды королю Англии, о которых мы еще упомянем чуть позже. Речь шла об очень крупных суммах: первый раз 3000 ливров, второй раз 15 000 ливров... благодаря чему камергер и его помощник Тот Ги получили право на сбор таможенных пошлин на шерсть, шкуры и меха в Лондонском порту! Кстати, Тот Ги, торговец из Лукки⁴, который к тому же состоял на официальной должности, поскольку являлся сначала королевским слугой⁵, затем сборщиком податей в Лилле⁶ и во Фландрии⁷ вплоть до самой смерти в 1332 г., выполнял всевозможные поручения Мариньи; сборщик податей в Артуа, Берту де Бенжи, три раза назвал его

¹ Bibl. nat., Doat 247, f. 164–165.

² Arch. nat., JJ 46, № 232–233, f. 129 v.-131 r.

³ Arch. nat., JJ 50, № 50 et 51, f. 37 et 38 r.

⁴ J. Viard, *op. cit.*, coll. 862, № 5912.

⁵ J. Viard, *Journaux du Trésor de Charles IV*, col. 1305, № 7988.

⁶ Ch. V. Langlois, *Inventaire d'anciens comptes...*, p. 40, № 141–146.

⁷ Arch. de Bruges, chartes № 251 et 259.

«Тотом Ги, приближенным Монсеньора Ангеррана де Мариньи»¹; он был помощником Мариньи как в Артуа и в Англии, по личным делам, так и в Авиньоне, по официальным поручениям². Мы еще не раз встретимся с ним на протяжении нашего рассказа.

Нам остается упомянуть о нескольких выплатах наличными, произведенных Мариньи, для того чтобы понять, какими суммами он мог свободно располагать. В июне 1306 г. он заплатил 5500 турских ливров Гильому де Шенаку за купленный им дом³; в 1308 г. его писец, Жоффруа де Бриансон, передал 500 ливров Карлу Валуа⁴. Состоявшееся в 1310 г. бракосочетание его дочери потребовало от него больших затрат, поскольку ему пришлось уплатить 2000 ливров⁵ — это была первая из предусмотренных трех выплат приданого его дочери — и это на некоторое время лишило его наличных средств: покупая у Ферри де Пикиньи 8 марта 1310 г. лесистые земли Кондрена и Фальюэля, он был вынужден оставить ему залог на сумму 3000 парижских ливров, которую он мог выплатить только по истечении года⁶. Но уже в сентябре он выкупил у Николя Ги, сына и наследника Биша и Муша, право на получение каждого двадцать первого денье с каждого ливра, полученного у ломбардцев на ярмарках, и выменял на эту сумму у короля ренту в 600 турских ливров; таким образом, в его активе оставалась рента из королевской казны в размере около 6000 ливров⁷. В марте 1311 г. он заплатил 3533 ливра Жану де Сент-Одегонду⁸, в сентябре 2540 ливров Жану Мальвуазену⁹ и в июне 1312 г. 7000 ливров Беро де Меркеру¹⁰. В то же время он был вынужден выплатить последние 4000 ливров приданого Изабель. Наконец, в 1313 г. он одолжил Эдуарду II 15 000 ливров во Франции, 3000 ливров при другой представившейся возможности и... 200 ливров в казну Англии!¹¹

Становится очевидным, сколь велико было денежное состояние Ангеррана де Мариньи. Чтобы подвести черту под вышеизложен-

¹ Arch. du Pas-de-Calais, A 252, 258 et 266.

² J. Viard, *Journaux du Trésor de Charles IV*, col. 1305, № 7988.

³ *Cartulaire*, № 102.

⁴ J. Petit, *Charles de Valois*, p. 383.

⁵ *Cartulaire*, № 122.

⁶ «По цене в три тысячи парижских ливров, за которые упомянутый монсеньор Ангерран оставляет нам залог и обязуется заплатить эту сумму...»; *Cartulaire*, № 86, f. 127 v.

⁷ Arch. nat., JJ 45, № 181, f. 111 r.

⁸ *Cartulaire*, № 92.

⁹ *Cartulaire*, № 79.

¹⁰ *Cartulaire*, № 115.

¹¹ *Calendar of the Pat. Rolls*, Edw. II, t. II, p. 4, et 255.

ными сведениями, мы приведем несколько других цифр, позволяющих наглядно представить себе размеры доходов Ангеррана и сделать более полезной проведенную нами имущественную оценку. В 1309 г. король приказал, чтобы каждый сеньор Оверни, чей доход достигал 100 ливров¹, выставлял ему на службу рыцаря. Филипп Красивый выделил Карлу Валуа на свадьбу 2000 турецких ливров дохода². Имущество, оставленное Эдуардом II своей жене, Изабелле Французской, по завещанию, оценивалось примерно в 20 000 ливров³.

На основе приведенных фактов нетрудно сделать вывод о том, на каком высоком уровне находилось благосостояние Ангеррана де Мариньи, чьи регулярные доходы, год от года увеличивавшиеся благодаря охране Танкарвиля, достигали, по крайней мере, 14 600 турецких ливров в год. Это при том что мы, за недостатком информации, не смогли присовокупить ни прибыли от различных сделок, ни от ярмарки сукна в Экуи, ни от ярмарок и базаров в Бомеце, Экуи и Лоншане.

4. СТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАРИНЬИ

Рассказывая в первой главе об окружении камергера, мы лишь упомянули о принадлежавших ему строениях: необходимо было предварительно познакомиться со структурой домена, в котором эти дома располагались, и узнать размеры денежного состояния Мариньи, позволившего реализовать его строительные планы. Но, прежде чем перейти к рассмотрению нормандских строений Ангеррана де Мариньи, мы должны обратиться к покупкам недвижимости, которые он совершил в Париже. В действительности, он не просто так приобретал дома вместе с прилегавшими к ним земельными участками, порой даже выкупая ренты, которыми они были обложены: безусловно, он хотел расчистить пространство и построить на нем, в нескольких метрах от Лувра, крупный особняк. Даже зная о том, что, неожиданно попав в немилость, Мариньи не смог реализовать всех своих планов, мы тем не менее должны узнать, как шла подготовка к их осуществлению.

В июне 1306 г. он купил за 5500 турецких ливров у Гильома де Шенака, душеприказчика Эли де Момон, манор с двумя или тремя домами, расположенный на улице Фоссе-Сен-Жермен, то есть на

¹ Arch. nat., JJ 42 A, № 62, f. 90 v.

² *Cartulaire*, № 34.

³ Arch. nat., JJ 44, № 103, f. 67.

углу улицы Пули, располагавшейся напротив улицы Фоссе-Сен-Жермен, в цензиве Сен-Жермен-л'Оксеруа, которому с этого манора полагалась плата 8 парижских денье ценза и 32 парижских су 10 денье ренты¹. Мариньи вместе с Плезианом представлял короля в арбитражном суде по вопросу наследства Эли де Момона²; конечно же, он воспользовался этой ситуацией и добился того, чтобы его стали рассматривать в качестве главного претендента на покупку этого имущества. И даже если он и не злоупотребил своим положением в тот момент — цена была достаточно высока, — он извлек из него выгоду другого рода, изменив неудобное для него судебное постановление: 16 июня 1305 г. наследники Эли де Момон, Гильом, ее брат, и Пьер, ее племянник, предоставили Гильому де Шенаку полномочия по продаже и отчуждению наследуемого имущества, располагавшегося в Париже, кроме дома, в котором жил Реньо д'Обиньи, так как они намеревались оставить этот дом себе³; именно эту оговорку Мариньи устранил, и ему продали все входившие в манор дома, лишь позволив Реньо д'Обиньи оставаться в своем доме и лишив всяческих прав наследников Эли де Момон⁴.

Девятнадцатого марта 1307 г. Ангерран приобрел дом на улице Отриш, располагавшийся за предыдущими. Это был только корпус здания, но, согласно акту о продаже, здание было многоэтажным. Приобретение этого дома ничего не стоило Ангеррану: один из писцов, Жан Бардель, 4 мая 1304 г. взял его под ренту в 29 ливров в год, обязавшись раз в два года выплачивать также 500 парижских ливров на благоустройство жилища; это последнее условие, обычное для того времени, оказалось непосильным для Жана Барделя, и он был вынужден 30 мая 1306 г. заключить договор с каменщиком Жаном Рюэлем, которому он оставлял половину дома и, соответственно, половину связанных с ним расходов⁵. Каменщику пришлось отказаться от столь обременительной сделки, так как Жан Бардель, не справившись с бременем расходов, уступил все имущество Мариньи, не поставив никаких условий⁶. Поскольку дом относился к цензиве Сен-Жермен-л'Оксеруа, формальности по «отказу от прав на собственность» и «вступлению в права собственника» были улажены в присутствии стражника превоства, Фремена де Кокреля,

¹ 1306 г., июнь. — Париж; *Cartulaire*, № 102.

² 1306 г., июнь. — Пуасси; Arch. nat., J 387, № 16.

³ 1305 г., 16 июня; *Cartulaire*, № 103.

⁴ *Cartulaire*, № 102.

⁵ *Cartulaire*, № 109.

⁶ *Cartulaire*, № 108.

между Жаном Барделем и Жоффруа де Бриансоном, вступившим во владение от имени Мариньи.

Наконец, Ангерран купил у Мишеля де Бурдене, еще бывшего в то время королевским писцом, дом на улице Пули, относившийся к цензиве Сен-Жермен¹; Бурдене приобрел его у Роже де Бу за 100 ливров², и Мариньи должен был уплатить примерно такую же сумму. По всей видимости, это было небольшое сооружение.

Помимо этого, Мариньи принадлежал участок земли, о времени приобретения которого нам ничего не известно, с небольшими домиками и крытым гумном, ранее принадлежавшими Жану Ожье³; также вероятно, что после 1309 г. он купил у Жана де Вера дом, располагавшийся в начале улицы Пули, иначе присутствие в картулярии Мариньи документа, удостоверяющего факт этой покупки, было бы необъяснимо⁴.

Таким образом, Мариньи принадлежало несколько домов, расположенных недалеко от Лувра, между двумя улицами, пролежавшими перпендикулярно Сене, Отриш и Пули. Эти дома прилегали друг к другу, согласно неоднократно проверенным топографическим данным. Между тем разница в стоимости этих приобретений была слишком велика для того, чтобы можно было хотя бы предположить, что Мариньи собирался устроиться в особняке за 5500 ливров и в домишке за 100 ливров⁵. Без всяких сомнений, он использовал все возможности для того, чтобы приобрести достаточно обширный земельный участок и построить на нем достойный своей персоны особняк. Выкуп ренты, относившейся к одному из этих домов⁶, не являлся финансовой операцией, а был обычной сделкой, предва-
рившей снос этого дома.

Безусловно, Мариньи, внося свою лепту в строительство дворца Сите, мечтал о подобной постройке. Крах 1315 г. помешал ему осуществить то, что впоследствии удалось Жаку Керу, Ришелье, Фуке. Его дома были распределены, как и все остальное недвижимое

¹ *Cartulaire*, № 107.

² *Cartulaire*, № 106.

³ *Cartulaire*, № 112.

⁴ *Cartulaire*, № 111.

⁵ «Число работавших там слуг не позволяет говорить о том, что Мариньи жил в этом доме. Мы предположили, что речь шла о доходных домах или о вложении капитала, но в таком случае доход был бы слишком мал, особенно от дома Бурдене, и опять же не совсем понятно, зачем Ангеррану нужно было бы располагать всю свою недвижимость на таком небольшом пространстве. С другой стороны, в картулярии сохранились бы данные о сдаче домов в аренду, чего, впрочем, не произошло».

⁶ *Cartulaire*, № 112.

имущество Мариньи: дом на улице Отриш отошел к графу Эно¹, другой дом — к Филиппу де Валуа².

Примерно в 1306 г. Ангерран построил для себя замок в Менневиле, что не должно вызывать нашего удивления, поскольку, особенно до 1311 г., Ангерран пользовался титулом сеньора де Менневилля гораздо чаще, чем сеньора де Мариньи. От этого замка, который был перестроен в 1525 г., сгорел в 1535 г. и был окончательно переделан его владельцем в 1839 г., остались лишь ворота с двумя колоннами по бокам. Помещение, в котором жил Мариньи, находилось ближе к северной части двора и было разрушено между 1624 и 1630 гг. На заднем дворе сохранилось подземное помещение, коридор с шестью погребками с каждой стороны и с тринадцатым погребком, расположенным в конце коридора; у последнего погребка слева начинается образующий прямой угол с первым второй коридор с пятью погребками, один из которых расположен в глубине. Расположенный у самого входа зал, в который можно попасть, спустившись по лестнице, имеет сводчатый потолок.

Напротив этого жилого помещения, к северу, находилась часовня, построенная из достаточно дешевых материалов, песчаника и кремня, и отделанная лепкой. От нее остались только две прекрасные статуи, которые, скорее всего, были повернуты лицом друг к другу³: Дева, устремившая вдаль задумчивый взгляд, несколько манерно выполненная, Дитя Христос, глядящий ей подбородок⁴, и Людовик Святой в торжественном облачении, в королевских одеждах и короне, лик которого некогда, по мнению Л. Ренье⁵, отражал страсти Христовы; эта статуя является одним из первых скульптурных изображений короля Франции, благодаря усилиям скульпторов несколько похожих на оригинал. По крайней мере, считается, что автор этой работы постарался придать чертам ее лица некоторую схожесть с королевскими, в отличие от тех абсолютно одинаковых статуй, которые были выполнены по приказу Людовика Святого для надгробий его предшественников.

От замка Плесси, некогда располагавшегося близ Туффревиля, осталась лишь часовня. Замок был очень представительным, и в начале XVIII в. Тома Корнель упомянул о «замке под названием Плесси, павильоны которого придавали ему схожесть с дворцом

¹ Arch. du Nord, B 1170, Godefroy 5030, pièce 54: B 1584, 3e cartulaire de Hainaut, № 202, f. 161 v.

² Bibl. nat., fr. 20684, f. 201 r.

³ По причине их размера: 1,51 и 1,53 м.

⁴ L. Régnier, *L'Eglise Notre-Dame d'Ecouis*, p. 403–404, и фото, *ibid.*, p. 154.

⁵ *Ibid.*, p. 393–402, и фото, *ibid.*, p. 398. Вероятно, воспроизведены черты лица Филиппа Красивого.

принца»¹. Но несколько лет спустя он был разрушен. Как и в Менневиле, в Плесси существует очень любопытное подземелье, в южной части часовни: спустившись по прямой лестнице из пятнадцати ступенек и пройдя под арочным сводом, оказываешься в огромных размеров зале, из которого некогда существовал также выход на север. Другое подземелье, расположенное ниже этого зала, выглядит так же, как погреб в Менневиле: центральный коридор с четырьмя погребками с каждой стороны и со сводчатыми двойными потолками. По мнению Л. Ренье, этот нижний погреб использовался как подвал².

М. Ж. Ланфри изучил строения и развалины замка Плесси³. В пятидесяти метрах на запад от часовни на глубине 0,70 м под землей был найден пол обширного зала площадью 74,70 м, образованный девятью полосами покрытых лаком квадратов, каждая из которых была направлена к центральной полосе, и пол другого зала площадью 7,55 × 6,70 м. На коричневом или красном фоне этих квадратов шириной 7 см и толщиной 2 см, отлитых по два, видны желтые рисунки: розетки, лилии, крестовины. На некоторых есть изображения рыцаря со щитом, рыцаря с луком, рыцаря, держащего в руке меч, — присутствуют все три вида изображений, повернутые как в одну, так и в другую сторону — или пары танцовщиков в костюмах. Полосы образованы положенными по диагонали квадратами с геометрическим рисунком, и отделены друг от друга рядом квадратов с историческими изображениями, лежащими прямо и не имеющими рамок. Рядом с вымощенными таким образом залами есть фрагменты одноцветных красных, желтых или зеленых половых покрытий, указывающих на расположение второстепенных помещений.

Часовня в Плесси сильно повреждена⁴. На юго-востоке здания можно увидеть группу камней, образующих выступ, которые, безусловно, относились к ранее существовавшему на том месте зданию, так как кладка и отливы не соответствуют частям часовни Ангеррана⁵. Очень красивы лепные украшения часовни. В ее постройке можно также заметить впервые применявшееся в строительных работах утолщение фундамента, что впоследствии также будет использовано при постройке церкви в Экуи. В простенке портала находится составляющая с ним единое целое маленькая статуя

¹ *Dictionnaire universel géographique et historique*, t. II, p. 8.

² *Op. cit.*, p. 373–376.

³ *Les carrelages vernissés des salles du château d'Enguerrand de Marigny au domaine du Plessis* (Rouen, 1933).

⁴ Фото, L. Régnier, *op. cit.*, p. 363.

⁵ *Ibid.*, p. 377.

Девы¹. В одной из стен найдена неиспользованная ниша для гроба, которая, по предположению Л. Ренье, должна была быть могилой Алис де Монс²; впрочем, нельзя отрицать и того, что эта могила могла быть приготовлена для первой жены Ангеррана, Жанны де Сен-Мартен.

Созидание домена увенчалось учреждением капитула в Экуи. Церковь Сент-Обен в Экуи с 1411 г. принадлежала Бек-Эллуану³, который уступил ее королю: Мариньи получил над ней патронат примерно в 1308–1310 гг.⁴ В январе 1311 г. с одобрения Алис де Монс основание капитула регулярных каноников было подтверждено хартией⁵, заверенной архиепископом Руанским⁶, королем⁷ и папой⁸. В XVIII в. документы, относящиеся к этому событию, хранились в архивах коллегиальной церкви⁹. Капитул Руана, архидиакон нормандского Вексена и кюре Экуи одобрили это нововведение¹⁰, о котором очень быстро стало известно повсюду: Жоффруа Парижский также высказался по этому поводу:

Это был тот, кто в Экуи
Поместил церковных каноников¹¹.

В капитул были вложены значительные средства. Мариньи выделил на него 420 турских ливров ренты, приобрести которые позволил король¹². В действительности, Ангерран уступил капитулу в общей сложности 260 ливров ренты в Васкее, Лонгейле, Мортмер-ан-Лионе, Л'Иль-Дье и Ри¹³, причем в трех последних ренты местных церквей¹⁴, а также ренту в Оти¹⁵. Но в 1314 г. все эти выплаты еще не были переведены, поскольку ренты были конфискованы наряду с другим имуществом Ангеррана, и Людовику X пришлось, в качестве компенсации, выделить капитулу земли в

¹ Фото, *ibid.*, p. 366.

² *Ibid.*, p. 372.

³ La Rochefoucault-Liancourt, *Histoire de l'arrondissement...*, p. 45.

⁴ *Cartulaire*, № 42, 43 et 44.

⁵ *Cartulaire*, № 55.

⁶ Arch. de l'Eure, G 221, № 3.

⁷ *Cartulaire*, № 56.

⁸ *Regestum*, t. VI, p. 135–141, № 6822.

⁹ Bibl. nat., nouv. acquis. fr. 21238, p. 198; в архивах Эвра есть фрагмент буллы Климента V, появившийся там в 1884 г.; G 1827, № 1.

¹⁰ Arch. de l'Eure, G 221, № 3.

¹¹ Ed. A. Diverre's, p. 196.

¹² *Cartulaire*, № 57.

¹³ Bibl. nat., nouv. acquis. fr. 21238, p. 819, 837–842.

¹⁴ *Ibid.*, p. 819.

¹⁵ Aug. Le Prévost, *Mémoires...*, t. II, p. 30.

Туфревиле и некоторые права в местностях Васкей и Экуи¹. Помимо этого, Ангерран пообещал каждому канонику двенадцать полных возов леса, но из леса Баквиль он мог получить лишь сто возов; король добавил ему сорок четыре недостающих².

Архиепископ Руанский, Бернар де Фарж, даровал им права на лес в Лионе (Lyons)³, а Жан де Лион, врач Людовика Наваррского, выделил 40 ливров ренты⁴ и права собственности на свои владения в Лионе, Тронке, Бофиселе и Лорло, сохранив за собой право на пожизненное ими пользование⁵. Папа, в свою очередь, даровал отпущение грехов посетителям этих мест: на один год и на сорокадневный пост во время праздников Св. Девы Марии, Св. Иоанна Крестителя, Св. Петра, Св. Павла и Св. Людовика, и на сто дней в течение их октав⁶; чуть позже он распространил свою милость также на рождественские праздники, на Пасху, Троицын день, святую Пятницу, на праздник Освящения церкви, а также на всех тех, кто сделает пожертвования для коллегиальной церкви⁷.

Мариньи дал капитулу устав в акте об его основании: присутствие во время богослужений и распределение канониальных и приходских служб, раздача пребенд, получение прибыли, порядок назначения сановников были строго урегулированы. В числе двенадцати каноников были декан, певчий и казначей, а также викарий. Покровительство оставалось за Ангерраном и, после его смерти, за его потомками: сначала за сеньором де Мариньи, потом за сеньором дю Плесси⁸. В действительности, во время Революции покровительство принадлежало госпоже д'Экуи и сеньору де Мариньи⁹. Ангерран мог назначить двух каноников в церковный приход¹⁰. Помимо того, он готовился к учреждению восьми должностей викария, чего так и не произошло¹¹. С другой стороны, Мариньи действительно открыл госпиталь в Экуи¹².

¹ Ibid.

² Cartulaire, № 57.

³ Regestum, t. VI, p. 234, № 7091.

⁴ Cartulaire, № 60.

⁵ Cartulaire, № 59.

⁶ Regestum, t. VIII, p. 126, № 9128.

⁷ Regestum, t. VIII, p. 142, № 9200 et 9201.

⁸ Cartulaire, № 55 et 61.

⁹ Arch. de l'Eure, G 221, № 9 et 10.

¹⁰ Cartulaire, № 62. — П. Клеман выдвинул предположение, впрочем, бездоказательное, о том, что один из каноников служил у Мариньи в качестве капеллана; *Trois drames...*, p. 47.

¹¹ Arch. de l'Eure, G 221, № 3.

¹² Aug. Le Prévost, *Mémoires...* t. II, p. 33. Cartulaire, № 55.

Похожие, но не столь значительные учреждения появились по его инициативе в Гамаше, где в 1309 г. был основан капитул¹, и в Менневиле, где в 1312 г. открылись две часовни, располагавшиеся, вероятно, вблизи замка².

Возводя капитул в Экуи, Ангерран приказал снести старую церковь Сент-Обен. Тремя годами позже строительство новой коллегиальной церкви Святой Богородицы в Экуи подошло к концу. Это одно из самых прекрасных и незатейливых зданий, построенных в радиальном стиле, и можно не сомневаться в том, что для его создания Мариньи обратился к одному из самых модных в творческих кругах того времени архитекторов, который, без всякого сомнения, был также автором Плесси, поскольку лепка и утолщенный фундамент обоих зданий абсолютно идентичны³. Церковь имеет два нефа, простой и поперечный; ее свод появился только накануне Революции. Некогда она была отделана лепными украшениями, аналогично часовне в Плесси и Большому залу королевского дворца в Париже. Западный портал украшали три прекрасные статуи: Дева Мария, которая сейчас стоит напротив тимпана, ранее находилась напротив простенка⁴; в оконных простенках возвышались статуи дарителей⁵, слева Ангеррана де Мариньи, справа Алис де Монс, которые преподносили Богородице макеты церквей. Другие сделанные по заказу Ангеррана скульптурные изображения до сих пор украшают церковь: это статуи Св. Вероники, Св. Анны, Св. Никезы, Св. Дионисия, Св. Марии Египетской, Св. Цецилии, Св. Маргариты; ранее ансамбль дополняла также скульптура Людовика Святого, к сожалению, утраченная в наши дни⁶. Эта скульптурная группа является одним из самых выдающихся памятников пластического искусства начала XIV в.⁷ Создатели ансамбля, без всякого сомнения, творили в королевской мастерской, и Мариньи, руководивший ее деятельностью, не преминул воспользоваться своим положением для того, чтобы установить свое скульптурное изображение рядом со статуей короля на входе в королевский дворец.

¹ *Regestum*, t. IV, p. 272, № 4615. Но Жан де Мариньи еще являлся его ректором в 1312 г.; *ibid.* VII, p. 50, № 7809.

² *Ibid.*, t. VII, p. 58, № 7855.

³ Мы приводим здесь лишь самые основные факты, а подробное описание здания можно найти в прекрасной работе г-на Луи Ренье, Loius Rénier, *L'église Notre-Dame d'Ecouis*.

⁴ L. Rénier, *op. cit.*, p. 78–79 et 153–155.

⁵ См. A.-L. Millin, *Antiquités nationales*, t. III, chap. XXVIII, pl. 2.

⁶ L. Rénier, *op. cit.*, p. 134–156.

⁷ Слпки с них можно увидеть в Музее французских памятников.

Именно в церковь в Экуи было передано тело Ангеррана (точная дата неизвестна), после чего было возведено его надгробие. Эмиль Маль разрушил пользовавшуюся популярностью на протяжении многих веков гипотезу о том, что три основные фигуры памятника изображают Бога и Мариньи с Карлом Валуа, молящих о прощении...¹ На самом же деле в этом скульптурном ансамбле представлен Христос в окружении Девы Марии и Св. Иоанна, а два ангела не имеют к данной группе отношения².

Для завершения образа коллегиальной церкви Ангерран передал ей реликвии, полученные не без участия Климента V. Например, это висящий на шее Девы Марии агнец божий (*agnus dei*) из позолоченного серебра, который служил ковчегом для молока Девы, причем на его поверхности был выгравирован герб Ангеррана. К этому дару Мариньи присоединил реликвии Креста Иисуса и никогда не замерзающую кровь Св. Киприана, а также ковчег в форме канделябра из позолоченного серебра и такой же крест весом 168 унций; на всех этих предметах красовался герб де Мариньи и иногда герб Алис де Монс³. Со своей стороны, Филипп Красивый преподнес в дар фалангу Людовика Святого в шкатулке для просфоры с четырьмя хрустальными пластинками. Фалангу держал в одной руке ангел из позолоченного серебра, в другой руке которого был скипетр⁴.

Когда все было готово, 9 сентября 1313 г. в присутствии кардинала Николя де Фревиля, папского легата, двух архиепископов⁵ и одиннадцати епископов⁶ состоялось освящение⁷.

¹ J. Petit, *Charles de Valois...*, p. 338.

² E. Male, *L'art religieux à la fin du Moyen Age...*, p. 443, № 3.

³ L. Régnier, *op. cit.*, p. 266–275; Bibl. nat., nouv. acquis. fr. 21238, p. 46.

⁴ L. Régnier, *op. cit.*, p. 260 et 270.

⁵ Жиль Асцелин, архиепископ Руанский, и Филипп де Мариньи, архиепископ Санский.

⁶ Гильом де Три, епископ Байо, Робер д'Аркур, епископ Кутанса, Жан де Гарланд, епископ Шартра, Пьер де Гре, епископ Оксера, Жан де Мариньи, епископ Бове, Ги д'Аркур, епископ Лизье, Гильом де Бофе, епископ Парижа, Жоффруа дю Плесси, епископ Эвре, Симон Фестю, епископ Мо, Пьер де Гонгей, епископ Манса, и Вульфрам д'Абвиль, епископ Вифлеема. Имена епископов цитируются по булле Климента VI, которой, по просьбе Жана де Мариньи, папа заверил факт основания церкви и назначения срока индульгенций (1348 г., 24 апреля); *Gallia Christiana*, t. XI, *instrumenta*, col. 39.

⁷ В *Directorium monasterii Audoeni Rotomagensis* отмечалось, что индульгенции в Экуи могли быть получены «на V. праздники Пресвятой Богородицы, в день освящения упомянутой церкви, то есть в сентябре, на Троицын день...»; *Hist. fr.*, t. XXIII, p. 378. Год был указан последователями Гильома де Нанжи (*ibid.*, t. XX, p. 608) и Жерара де Фраше (*ibid.*, t. XXI, p. 39). Девятого сентября 1313 г. было воскресенье, поэтому такое предположение очень правдоподобно.

Зачем нужна была эта дорогостоящая и повсюду разрекламированная затея? Мариньи, задумав и практически реализовав объединение обширного домена, который он впоследствии собирался преобразовать в титульный фьеф, хотел придать этому домену значимость известного и посещаемого культового места — заметим, что освящение состоялось во время ярмарки сукна — и сделать из церкви «Сен-Дени» основываемой им династии. В то же время, для того чтобы большая часть его домена не осталась в стороне от основных капиталовложений, он поместил церковь в некотором отдалении от центра. Следовательно, устройство капитула никак не могло помешать объединению будущего баронского поместья.

Для Ангеррана коллегиальная церковь в Экуи, являвшаяся не простым культовым сооружением, а святилищем всего домена и фамильной усыпальницей, была одной из главных составляющих его престижа и величественным подтверждением его успеха.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВНУТРЕННЯЯ
ПОЛИТИКА

ГЛАВА III

КАРЬЕРА МАРИНЫ

1. НАЧАЛО КАРЬЕРЫ АНГЕРРАНА ДЕ МАРИНЫ

Нам ничего не известно о рождении, детстве и юности Ангеррана. Эти годы, скорее всего, прошли так же, как у любого знатного молодого человека, не имеющего большого состояния и получившего начальное образование, которое, впрочем, дало ему действительно полезные знания. Он никогда не был студентом, иначе его карьера могла бы сложиться по-другому: Мариньи так и не стал легистом. Он рано приобщился к военному искусству, поскольку мы еще увидим его сражающимся; возможно, как считал П. Ансельм¹, он являлся оруженосцем Гуго де Бувиля, или же его сержантом, как сообщает нам Жоффруа Парижский².

Имя Ангеррана де Мариньи впервые появилось в документе от 10 сентября 1295 г., в день, когда он заплатил сорок ливров тамплиеру, брату Жану, кассиру казны Тампля. Эта сумма была долгом королевской казне, так как запись об этом занесена в долговую книгу (*in libro ad debetur*)³; без сомнения, Мариньи обладал полномочиями, которые позволяли ему манипулировать крупными деньгами, но за неимением точной информации мы не можем ничего утверждать. На следующие три года он исчезает из нашего поля зрения, но вполне возможно, что уже с 1295 г. он стал служить хлебодаром у королевы, и в этом качестве мы встречаем его 14 июля 1298 г.⁴ Он оставался хлебодаром королевы, по крайней мере, до июня 1300 г., или даже до 1302 г. На этот период мы располагаем списками тех, кто входил в штат отеля короля⁵, но не королевы. Королевский указ 1285 г., по крайней мере, позволяет нам понять, что входило в обязанности хлебодара у королевы: человек по имени Гомбо, занимавший в то время эту должность, каждый день получал

¹ *Histoire généalogique...*, éd. de 1712, t. II, p. 1243.

² G. de Paris, éd. A. Diverrès, p. 209.

³ L. Delisle, *Mémoire sur les opérations...*, p. 182.

⁴ J. Viard, *Journaux du Trésor...*, col. 142, № 890.

⁵ Bibl. nat., Clairambault 832, p. 181 et suiv.

две «*provides*» (таким образом, пропитание ему было обеспечено) и двенадцать денье; он имел право нанять на службу двух слуг, одного из которых кормили при дворе; наконец, ему полагался факел, двенадцать маленьких свечей и кварта вина раз в четыре дня¹. Это был мелкий дворцовый служащий.

Хлебодар иногда получал и другие преимущества, например, под видом доходов вне отеля. Так, 3 октября 1298 г.² король назначил Мариньи шателеном королевского замка в Иссудене и пожаловал заповедник, место для ловли рыбы и другие привилегии. Возможно, это приносило Ангеррану гораздо больше тех 18 ливров в год, которые он зарабатывал на должности хлебодара. Впрочем, не стоит придерживаться ошибочного мнения Б. Оро³, посчитавшего, что Мариньи сначала был хлебодаром королевы, а затем стал шателеном в Иссудене: прежде всего этот дар с соблюдением всех формальностей был передан именно Мариньи, хлебодару королевы; кроме того, место шателена освободилось после смерти Жоффруа Агильона, королевского кравчего: следовательно, эту должность просто доверили одному из королевских служащих, предоставив ему в качестве поощрения лишний источник дохода, причем это нисколько не вынуждало его постоянно жить в Иссудене. Неизвестно, бывал ли Мариньи в этом городе — мы можем, по крайней мере, с уверенностью сказать, что он никогда не оставался там надолго. Поэтому нет никакого смысла удивляться вместе с Оро тому, что после долгих лет отсутствия при дворе шателен Ангерран внезапно оказался в фаворе у короля...

За несколько лет прилежной службы Мариньи снискал к себе расположение королевы Жанны, и даже если одной лишь ее благосклонностью нельзя объяснить внезапное увеличение богатства Ангеррана, она, безусловно, немало поспособствовала росту благосостояния нашего героя. Нам неизвестны подробности его службы хлебодаром; но составленный шестью годами позже документ предоставил нам два важных свидетельства доверия, которым Мариньи пользовался у королевы примерно в 1303–1305 гг. Свидетельствуя на судебном процессе Гишара, епископа Труа, брат Дюран Шампанский, духовник покойной королевы Жанны, дважды упомянул имя Мариньи. По его словам, примерно в 1303 г. Ангерран в присутствии королевы рассказал о некоем привезенном Гишаром из-за границы еврее, который по приказу епископа должен был явить королеве во сне демона, убеждающего ее в том, что ее мать терпит муки в загробном мире за выдвинутые против епископа

¹ Bibl. nat., français 7852, p. 55.

² Ch.-V. Langlois, *Registres perdus...*, Livre rouge, № 105.

³ *Histoire littéraire de la France*, t. XXVIII, p. 458.

обвинения¹. Кроме того, Мариньи якобы заявил брату Дюрану, что королева отказалась продолжать преследовать Гишара², причем это подтверждено фактами: в 1304 г. дело все еще не сдвинулось с мертвой точки, и его можно было считать закрытым³. Другой свидетель, Жан Гарнье, на этом же процессе рассказал о том, что накануне Пасхи в 1303 г. Мариньи будто бы уже приступил к описи имущества Гишара де Труа⁴.

Мы смогли извлечь из этих текстов два любопытных вывода, относящихся к 1303 г., на протяжении которого имя Мариньи не появлялось в дипломатических актах. Ангерран являлся одним из приближенных королевы, а не просто хлебодаром, он был советником и другом, доведившим до сведения Жанны ходившие о ней слухи; кроме того, он был так хорошо осведомлен о намерениях королевы, что сообщал о них ее собственному духовнику. Он даже приводил в исполнение некоторые административные и судебные решения королевы, графини Шампанской, из чего, само собой, следует, что она полностью доверяла Мариньи. Помимо того, она женила его на своей крестнице, Жанне де Сен-Мартен⁵, и этот брак снискал Ангеррану еще большую милость королевы.

По своему завещанию, датированному 25 марта 1305 г., Жанна Наваррская передала Ангеррану внушительную сумму, 500 ливров, и столько же Марии де Мариньи в качестве ее приданого⁶, что заметно отличало их от остальных дворцовых слуг, получавших, как правило, по 50, 60 или 100 ливров, иногда 200 и крайне редко по 300 ливров.

Кроме того, Ангерран фигурирует как один из душеприказчиков королевы: он единственный мирянин, помимо графа де Сен-Поля. То, что его выбрали в таком качестве, могло быть продиктовано лишь некой особой привязанностью, поскольку среди душеприказчиков были высокопоставленные церковники, крупный феодал и приближенные королевы: ее писец, ее исповедник, ее духовник и

¹ «Что упомянутая королева Наваррская претерпевала муки и страдания за обвинение, выдвинутое против упомянутого епископа... и он услышал, что это рассказывал королеве Франции господин Ангерран де Мариньи» («Quod dicta regina Navarre erat in penis et tormentis de negocio quod ipsa regina Navarre inceperat contra dictum episcopum... et hoc idem audivit narrari dicte regine Francie a domino Anjorrande de Marreigniaco»); Arch. nat., J 438 B, № 6, vers les ³/₄.

² *Ibid.*, vers les ³/₄.

³ A. Rigault, *Le procès...*, p. 48.

⁴ «Господин Ангерран де Мариньи... рано начал производить опись имущества указанного епископа» («Dominus Anjorrandus de Marreigniaco... invenit de bonis dicti episcopi mobilibus...»); *ibid.*; Arch. nat., J 438 B, № 6, vers les ³/₄.

⁵ Из завещания Людовика X; Arch. nat., J 404 A, № 22.

⁶ «Монсеньору Ангеррану де Мариньи, камергеру короля, нашего господина, пятьсот ливров; Марии, его дочери, на ее свадьбу пятьсот ливров»; Arch. nat., J 403, № 16. — Мари стала монахиней!

канцлер Шампани¹. Мариньи мог быть включен в этот список только на правах близкого друга².

Согласно тексту завещания, он уже носил титул камергера, получить который, конечно же, ему помогла Жанна Наваррская. Но еще до назначения на этот пост Ангерран не довольствовался своим положением слуги в отеле королевы.

С мая 1299 г. он помогал в заключении сделки своему кузену, архиепископу Гильому де Флавакуру. Следовательно, служба хлебодаром оставляла ему достаточно свободного времени для того, чтобы совершить путешествие в Руан, поскольку он привез оттуда в Париж для обмена 1000 ливров, подтверждением чему является письмо архиепископа³. Он получил эту сумму у казначеев Лувра 27 мая⁴ и отчитался в этом, представив от имени епископа заверенный акт⁵.

Здесь необходимо упомянуть о борьбе двух семейств: Танкарвилей и Аркуров, эпизоды которой отражены в одной из хроник Нормандии⁶. В этой хронике рассказывается, что Мариньи должен был вызвать в суд обоих враждующих сеньоров. Робер де Танкарвиль направлялся во дворец, когда встретил сира д'Аркура; когда же Танкарвиль сошел с лошади, чтобы справить нужду, Аркур ранил его в глаз. Согласно все той же хронике, Мариньи обвинил Аркура в измене королю, а Карл Валуа поддержал Аркура. Король позволил противникам сразиться, но поединок пришлось прекратить. Всю картину портит одно маленькое уточнение: «...был примерно МССС (1300) год». Хлебодар королевы никак не мог обвинять перед королем одного знатнейшего сеньора и защищать другого, вступая в конфликт с братом короля. Самое большее, что ему могли поручить, это вызвать противников в суд. Вражда, которая спустя пятнадцать лет разгорелась между Мариньи и Карлом Валуа, без всяких сомнений, подтолкнула хрониста придумать как можно более долгую историю вражды этих людей.

Этот рассказ, безусловно, основан на реальных событиях: так, в своем завещании от 22 декабря 1320 г.⁷ Карл Валуа упомянул

¹ Ibid.

² Душеприказчиками королевы являлись: король; Этьен Бекар, архиепископ Санский; Жиль, аббат Сен-Дени; Ги де Шатильон, граф де Сен-Поль, кравчий Франции; г-н Мартен де Башамбр, канцлер Шампани; Симон Фестю, архидиакон Вандома и писец королевы; брат Дюран, исповедник королевы; Ангерран де Мариньи, камергер короля; брат Жан де Гранж, духовник королевы.

³ Or. sc., 1299 г., 23 мая. — Гайон; Bibl. nat., Clair. 48, № 28.

⁴ J. Viard, *Journaux du Trésor...*, col. 410, № 2614.

⁵ Or. sc., Bibl. nat., Clair. 70, № 137; ошибочно отнесенный Борелли де Серром к 1292 г.; Borelli de Serres, *Recherches...*, t. III, p. 102.

⁶ Прочитировано без указания источника А. Девилем; A. Deville, *Histoire... de Tancarville*, p. 141.

⁷ Or. sc., Arch. nat., J 404 A, № 24.

дорогой его сердцу предмет: «меч, которым сражался сеньор де Аркур, я оставляю Карлу, моему сыну». Узы, в действительности соединившие Мариньи и Танкарвиля, появились позже: Изабель де Мариньи вышла замуж за Гильома де Танкарвиля, над которым Ангерран получил от короля право опеки¹. Нужно заметить, что Гильом д'Аркур служил гофмейстером в то же время, когда Мариньи был камергером, — а Филипп Красивый вряд ли бы назначил на место гофмейстера человека из семьи, против которой он начал судебное преследование. Что же до Мариньи, он долгое время был в прекрасных отношениях с Карлом Валуа и часто наносил визиты Гильому д'Аркуру, который вместе с ним заседал в Денежной палате на Троицын день в 1304 г.², так же как и в палате Шахматной доски Руана на Пасху в 1305 г.³ Таким образом, Клеман не прав, когда считает, что именно из-за Мариньи, сделавшего первые шаги на поприще государственной службы, Аркур попал в немилость, а Карл Валуа был унижен ошибочно.

Более всего мы склонны доверять Гильому Гиару, автору «Генеалогии королевских родов», который написал свою книгу примерно в 1306 г. и, следовательно, не мог впечатлиться ни несметным богатством Мариньи, ни историей его краха. Итак, автор этого произведения называет имена известных нам людей в числе рыцарей, принявших участие в битве при Монс-ан-Певеле 18 августа 1304 г:

Шамбли, который со вчерашнего дня
Уже удалился оттуда; появился Аркур,
Мутон, сир де Блевиль,
Патрис и Гю де Бовиль,
Гужон и Босуа вместе,
И мессир Урри Алеман,
Ангерран де Мариньи, Клер,
Жеан де Машо и его брат...⁴

Начиная с этого времени мы находим упоминания о Мариньи как о рыцаре, и вполне очевидно, что он был достоин так называться, а ссылки отдельных враждебно настроенных историков на якобы предложенный Людовиком Неверским судебный поединок, на который не дали разрешения советники короля, не имеют докумен-

¹ *Cartulaire*, № 125 à 127.

² *Bibl. nat.*, fr. 2838, p. 32; Borelli de Serres, *op. cit.*, t. I, p. 328.

³ R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. I, p. 316, № 6476.

⁴ *Bibl. nat.*, fr. 5698, f. 344 v., 2e col.; éd. *Hist. Fr.*, t. XXII, p. 290, vers 20439–46. — Мы приводим эти стихи согласно манускрипту, где имена иногда плохо видны. Среди знатных людей Руанского судебного округа в 1318–1319 гг. можно встретить: «г-на де Клера., Мутона де Бленвиля...»; *Arch. nat.*, JJ 55, № 63, f. 39 v., № 123, f. 58 v., et № 142, f. 65 v.

тальных подтверждений. Мариньи умел, когда это требовалось, достойно выполнять свои обязанности рыцаря.

Около 1302 г. он выполнил свою первую дипломатическую миссию, конечно, не слишком важную, но в некотором роде судьбоносную, поскольку она в первый раз привела его во Фландрию. Филипп Красивый поручил Готье де Митри, Ангеррану де Мариньи и Гильому де Талле провести переговоры с взбунтовавшимися фламандцами, исключая графа и его сына, пообещав им утвердить все составленные ими акты¹.

На основании года завершения этой миссии предполагают, что ее провели после Пасхи 1302 г.², и, вероятно, до «Брюггской заутрени» (18 мая 1302 г.). После этой даты Филипп Красивый более не проводил переговоров, а готовился к вторжению во Францию; после битвы Куртре два товарища Мариньи не смогли бы принимать участие в дипломатической миссии: Готье де Митри во время битвы попал в плен³, а Гильом де Талле оказывал сопротивление, оставаясь в замке Рюпельмонд, до середины мая 1303 г.⁴ Кроме того, стиль грамот короля⁵, как кажется, более соответствует атмосфере беспорядков начала 1302 г., чем «Брюггской заутрене». Таким образом, отправка Мариньи во Фландрию состоялась где-то между 22 апреля и серединой мая 1302 г.

Были ли важны эти переговоры? Мы так не думаем. Из троих не столь значительных персонажей, которые должны были их проводить, лишь Митри был рыцарем; двое других были всего лишь оруженосцами. Кроме того, в 1298 г. Митри служил слугой у Гоше де Шатильона⁶. По всей видимости, никто из них не являлся членом Королевского совета. Они могли проводить переговоры со знатью и с представителями городов, но не с графом и его сыновьями; впрочем, при подобных ограничениях они совершенно точно обладали широкими и не вполне определенными полномочиями⁷, а король обещал согласиться с результатами этих переговоров.

¹ Arch. nat., JJ 35, № 56, f. 17 et JJ 36, № 54, f. 19. — Г. Лизеран ошибается? утверждая: «...его первая миссия состоялась 20 августа 1311 г.»; G. Lizerand, *Enguerrand de Marigny*, p. 4.

² «Парижский акт, год второй от Рождества Христова М° CCC°»; JJ 35, № 56, f. 17.

³ Fr. Funck-Brentano, *Chronique artésienne...*, p. 51.

⁴ Fr. Funck-Brentano, *Philippe le Bel en Flandre*, p. 411.

⁵ «Culpas, excessus vel delicta quaecumque»; JJ 35, № 56, f. 17.

⁶ R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. I, p. 157, № 3362.

⁷ «Данных лиц мы полновластно наделяем полномочиями проводить переговоры с любыми лицами, как знатного, так и незнатного происхождения, в каком бы статусе и положении не состояли» («Plenam presentium tenore concedimus potestatem tractandi cum quibusdam personis tam nobilibus quam ignobilibus cujuscumque status aut condicionis existant»); JJ 35, № 56, f. 17.

Перейдя на службу к королю, Мариньи перестал носить титул хлебодара королевы, который двумя годами ранее ему помогли получить архиепископ Руанский, писец королевской казны, писец Палаты счетов и, наконец, он сам. Но он все так же оставался простым оруженосцем, ожидающим, когда его примут на какую-нибудь должность и время от времени выполняющим функции дипломатического посланника, учитывая тот факт, что король полностью ему доверял.

В соответствии с титулом камергера ему должно было достаться управление Палатой. Следуя за Ш. Дюрье¹, все долгое время считали, что Мариньи сначала был хлебодаром у королевы, затем стал хлебодаром у короля и лишь после этого камергером: «По Красной книге, в 1300 г. Мариньи было присуждено звание *хлебодара Короля (panetarius Regis)*», — написал Ш. Дюрье. Впрочем, согласно акту 1300 г., Мариньи стал хлебодаром королевы².

Скорее всего, Мариньи стал камергером в 1304 г., вместо Гуго де Бувиля, убитого при Монс-ан-Певеле; до или в течение 1304 г. он занимался распределением пятидесяти четырех драпировок высокого качества, которые использовались в королевских покоях и были приобретены во время путешествия короля в Тулузу, он даже оценил их в 24 ливра за штуку³. Если даже в то время он еще не был камергером, то, по крайней мере, уже занимался делами отеля под руководством Бувиля.

В 1304 г. на Троицын день Мариньи оказался среди чрезвычайных делегатов от Курии⁴, которые, так же как и обычные распорядители, получили чеканы для представления их в Денежную палату⁵. Девять актов от 18 и 23 марта 1305 г., сохранившихся в оригинале в Национальной библиотеке⁶, были составлены по распоряжению господина Ангеррана (*per dominum Ingerranum*); это предписания, данные королем Реньо де Руа, тогда состоявшему в должности «поставщика продовольствия», выплатить необходимую сумму в 1304 г. для похода во Фландрию и за все необходимое для отеля. Следовательно, Мариньи располагал полномочиями, необходимыми для того, чтобы приказать Жану Мальяру выпустить такие предписания.

¹ *Positions des thèses de l'École des chartes*, 1878, p. 13.

² Ch.-V. Langlois, *Registres perdus...*, Livre rouge, № 656; Bibl. nat., français 20691, p. 61.

³ R. Fawtier, *Comptes royaux*, t. II; p. 535, № 23911; статья того же счета, опубликованная г-ном Р. Фотье под № 23929, безусловно, является ошибкой Менана, который неправильно ее прочитал, цифры также неверны: 34 вместо 24 и 1297 вместо 1296.

⁴ Термины Борелли де Серра; Borelli de Serres, op. cit., t. I, p. 328.

⁵ Bibl. nat., fr. 2838, f. 32 v.-33.

⁶ Bibl. nat., Clair. 15, № 116; 43, № 19, 54, № 7; 59, № 250; 71, № 199; 81, № 114; 93, № 64; 99, № 42; 110, № 32.

Неделю спустя королева Жанна дважды упомянула в своем завещании «монсеньора Ангеррана де Мариньи, рыцаря и камергера нашего господина Короля»¹. Амбициозный нормандский рыцарь был как никогда близок к власти и начинал оказывать на короля все возрастающее влияние. Благодаря своему назначению на должность камергера, значимость которой зависела прежде всего от ее обладателя, он мог практически ежедневно встречаться с королем.

Мы увидели, как в течение десяти лет Мариньи гонялся за успехом. Теперь нужно посмотреть, с чьей поддержкой и благодаря каким условиям он его добился.

2. ПРИЧИНЫ ВОЗВЫШЕНИЯ МАРИНЬИ

Восхождение Ангеррана де Мариньи ко «власти» происходило в два этапа: в действительности ему, безусловно, помогали уже те самые связи, благодаря которым он получил незначительную должность, примерно в 1295–1298 гг., и управление Палатой, основу его влиятельного положения, из обладания которой он извлек немалую выгоду в промежутке между 1304 и 1314 гг. Несомненно, личные качества Ангеррана сыграли немаловажную роль в деле его возвышения, но точно так же бесспорно, что протекция влиятельных людей облегчила начало его блистательной карьеры.

На протяжении последних лет XIII в. Ангерран де Мариньи задавался целью быть представленным ко двору, получить должность и какой-нибудь источник дохода. Молодой оруженосец отыскал в Париже соотечественников. Конечно, он нашел их в Университете, где выходцы из его родной провинции были скорее беспокойным, чем влиятельным *объединением*, но также, что было гораздо важнее, в самом королевском дворце. Во время правления Филиппа Красивого в окружении короля было множество нормандцев, и, по крайней мере, какая-то их часть должна была *a priori* проявить свою благосклонность к юноше.

Представители династии Бувилей уже наложили руку на королевские покои, практически превратив их в свои родовые владения². Возможно, Мариньи даже был оруженосцем Гуго де Бувиля, камергера Филиппа Красивого, еще в 1283 г. Можно ли считать Бувиля одним из тех, кто подготовил появление Мариньи в королевском дворце? Такое предположение не лишено оснований.

Мы можем уже не только догадываться о семействе Флавакур, жившем рядом с местностью³, откуда происходил сам Мариньи.

¹ Arch. nat., J 403, № 16.

² М. Bloch, *Bull. Soc. Hist. de Paris*, t. XL, 1913, p. 153–164.

³ Флавакур расположен на расстоянии 3,5 км от Эпты.

Архиепископ Руанский, Гильом де Флавакур, поручая Ангеррану дело, о котором мы уже рассказывали, назвал его своим кузеном¹; в этом случае речь не шла об обычной формуле любезности, поскольку если молодой человек уважительно обращается к нему в своем отчете: «Монсеньор архиепископ Руанский»², то в журнале королевской казны посланник архиепископа назван как «Ангерран де Мариньи, оруженосец, родственник...»³. Архиепископ Руанский, высокопоставленное в королевстве лицо духовного звания, вполне мог устроить своего кузена на должность хлебодара королевы. Кроме того, при дворе был еще один Гильом де Флавакур, рыцарь короля⁴, но мы не знаем, какое влияние на положение дел он оказал. Впрочем, нет никаких сомнений, что архиепископ был заинтересован в том, чтобы Мариньи получил должность во дворце, поскольку так он обретал своего постоянного представителя при дворе. Нам известно, что он поручал Ангеррану менять деньги; вероятно, у Мариньи была возможность оказать своему кузену и другие услуги.

Что же касается доминиканца Николя де Фревиля, он, несомненно, являлся одним из покровителей Ангеррана, и, возможно, именно с его помощью Ангерран был принят сначала в отеле королевы, затем у короля, поскольку Фревиль старался привлечь к молодому человеку внимание Филиппа Красивого. Николя был исповедником короля с 1296–1297 гг.⁵, и Ж. Виар ошибочно считает упомянутого в марте 1300 г. *брата Николя (fratrem Nicolaum)* Николя де Горренком, предшественником Фревиля⁶. Артонн⁷ и Лизеран⁸ поменяли действующих лиц этой истории ролями, представив избрание Николя королевским исповедником или его возвышение до кардинальского сана как следствие королевской милости к Мариньи. Эта теория, построенная на намеках хронистов⁹, не выдерживает испытания фактическим материалом: Фревиль стал кардиналом в 1305 г., когда влияние Мариньи было еще очень невелико; в любом случае, до 1296 г. Ангерран никак не мог повлиять на назначение королевского исповедника.

¹ «Дорогому родственнику (*sic*) нашему, Ангеррану де Мариньи, хлебодару нашей госпожи Королевы» («*Dilecto consaguineo (sic) nostro Ingerrano de Marregniaco, panetario domine Regine*»); Bibl. nat., Clair. 48, № 28.

² Bibl. nat., Clair. 70, № 137.

³ J. Viard, *Journaux du Trésor...*, col. 410, № 2614.

⁴ Bibl. nat., fr. 7852 et 7855, *passim*; см. выше, p. 14.

⁵ Завещание Филиппа Красивого; Arch. nat., J 403, № 13.

⁶ J. Viard, *op. cit.*, col. 661, № 4534 et n. 1.

⁷ A. Artonne, *Le mouvement de 1314...*, p. 34.

⁸ G. Lizerand, *Clément V et Philippe IV le Bel*, p. 53.

⁹ «Он вертел, как хотел, и папой, и королем и даже сделал своего кузена кардиналом»; *Chron. anon.*, dans *Hist. Fr.*, t. XXI, p. 149.

Всецело преданный Филиппу Красивому, Николя помог ему в противостоянии с Бонифацием VIII и вместе со всем парижским духовенством поддержал идею созыва церковного собора 26 июня 1303 г.¹ В 1305 г. он был избран кардиналом-священником церкви св. Евсевия и впоследствии стал легатом во Франции по самым разнообразным вопросам, при рассмотрении которых мы еще с ним встретимся. По всей видимости, отношения между камергером и кардиналом были продиктованы взаимным интересом.

Здесь мы переходим к рассмотрению второго этапа продвижения Ангеррана к высотам королевской милости. Конечно же, Фревилль поспособствовал тому, что его кузен стал вхож в отель королевы. У юноши были и другие покровители, но ни один из них не находился в таком высоком положении, как королевский исповедник, который имел возможность добиваться для Ангеррана милостей, например перевода Мариньи в услужение самому королю. Само собой, главная заслуга в этом деле принадлежала брату Николя.

В качестве возможной причины подобного перевода на ум первым делом приходит мысль о благосклонности королевы. Мы уже говорили о том, что она уделила Мариньи немало внимания в своем завещании, и вполне вероятно, что именно она поспособствовала карьерному росту того, кто в 1303 и 1305 гг. был ее доверенным лицом. Но ее благорасположение не может стать исчерпывающим объяснением тому факту, что Мариньи присвоили титул камергера, и тем более особому отношению к нему короля.

Мариньи, как мы видели в связи с процессом Гишара де Труа, некоторое время занимался проблемами Шампани; если бы королева хотела устроить своего протеже на более значимую должность, она бы постаралась не удалять его от себя и доверила бы ему тот или иной пост в Наварре или в Шампани. У Жанны Наваррской не было абсолютно никакого повода для того, чтобы стремиться устроить своего человека в отель короля, поскольку она жила в полном согласии со своим мужем. Поступив так, она только лишила бы себя услуг того, кого она хотела отблагодарить. Наконец, нужно вспомнить и о том, что в 1304 г., когда Мариньи стал камергером, Жанна Наваррская не могла предвидеть своего близкого конца: поэтому нельзя сказать, что она «завещала» своего хлебодара королю.

Впрочем, Мариньи оставил должность хлебодара в 1302 г. Предположительно это произошло после торжественного посвящения в рыцари. Тогда он уже не был в услужении у королевы, но остался ее советником и другом. Именно в промежутке между этим событием и 1304 г. он завоевал уважение короля и стал достоин назначения на должность камергера. Мы уже говорили о том, что он никогда

¹ Baluze, *Vitae paparum...*, t. II, col. 636.

не был раздатчиком хлеба у короля и что в 1302 г. он являлся всего лишь оруженосцем¹; это позволяет предположить, что он, как и многие другие, в частности Плезиан, не будучи облечен никаким титулом, выполнял по указу короля различные поручения, например, ездил со специальной миссией во Фландрию в 1302 г.

Возможно, Филипп Красивый сам заметил этого молодого амбициозного и способного человека и захотел принять его к себе на службу. По прошествии нескольких лет король мог доверить ему распоряжаться, вместе с Бувилем и Шамбли, своей Палатой. Впрочем, что безусловно, Ангерран не мог обратить на себя внимание короля в качестве хлебодара королевы. Ему было необходимо проявить себя с лучшей стороны, а возможность эту, например, право участвовать в миссии во Фландрию, кто-то должен был ему предоставить. Действительно, доверие Бувиля или Флавакура могло помочь ему получить место в дворцовом штате или источник дохода, но не возможность участвовать в дипломатической миссии или должность камергера. Однако в 1302 г. Фревилль оказывал неоценимые услуги королю, и доверие, которым он пользовался, было пропорционально тому, насколько Филипп Красивый нуждался в поддержке нищенствующих орденов против папского престола. По нашему мнению, Фревилль был единственным человеком, способным попросить короля оказать доверие Мариньи и получить требуемое.

Таким образом, король уже со своей стороны мог щедрой рукой предоставить Ангеррану должность, источник дохода и фьефы. Используя предоставленную Николя де Фревилем возможность и показав свои способности, Мариньи мог отныне обходиться без покровителей и посредников: действуя на глазах короля, он очень быстро добился неслыханных милостей и широчайших полномочий и, как мы увидим позже, сполна наслаждался ими через десять лет.

3. ХАРАКТЕР И МАСШТАБЫ ВЛАСТИ МАРИНЬИ

Чтобы оценить, какого размаха достигала власть Мариньи, мы обратились к трем типам документов, сопоставляя и согласовывая извлеченную из них информацию. Юридическая неоднозначность ситуации и отсутствие ее точного статуса лишают нас возможности обратиться к какому-либо документу, который дал бы недвусмысленные и точные ответы на все наши вопросы. Помимо официальной должности и предоставляемых ею прав и обязанностей Мариньи пользовался широчайшими полномочиями, не отраженными ни в какой его титулатуре. Поэтому выводы мы сможем составить только

¹ Arch. nat., JJ 35, № 56, f. 17.

из изучения документов, сильно отличающихся друг от друга. Прежде всего это официальные документы суверенов, сеньоров и лиц, облеченных государственными полномочиями, затем *пометы* (*extra sigillum*) в актах короля, к которым мы присовокупили также фрагменты найденных в отеле надписей на табличках, и, наконец, это свидетельства современников Мариньи, изученные нами, во-первых, с точки зрения содержащейся в них информации, а во-вторых, с точки зрения высказанного или переданного автором общественного мнения.

Официальные документы сухо и точно сообщают нам титулы и должности интересующих нас лиц, которые теоретически должны соответствовать их роду деятельности. Здесь мы не брали в расчет тех документов, где Мариньи упоминается лишь как «Ангерран де Мариньи, сеньор де Менневиль» или «Ангерран, сеньор де Мариньи», поскольку это может пролить свет лишь на его положение в феодальной иерархии.

Чаще всего он поименован «рыцарем и камергером Короля» («*miles et cambellanus Regis*»), именно поэтому сам он называл себя «Ангерран де Мариньи, рыцарь и камергер господина нашего, Короля Франции»¹. Один раз в своей титулатуре он опустил слово «рыцарь», но это было продиктовано характером документа². За редкими исключениями, в королевских актах его имя всегда фигурирует вместе с этими титулами; например, в 1305 г.: «наш рыцарь и камергер» («*miles et cambellanus poster*»)³; в 1310 г.: «наш возлюбленный и преданный рыцарь и камергер, Ангерран...»⁴; также в 1314 г.: «наш возлюбленный и преданный рыцарь и камергер»⁵. В своем завещании королева Жанна упоминает его с теми же титулами⁶, то же относится и к Карлу Валуа⁷, Гоше де Шатильону⁸ и Гастону де Фуа⁹. В письме королю кардинал Раймонд де Го отметил: «благородного мужа... вашего рыцаря и камергера» («*nobilem virum... militem et cambellanium vestrum*»)¹⁰. Таким образом, с некоторыми изменениями в расстановке титулов называли Мариньи

¹ 1310 г., 22 июня; Arch. nat., J 225, № 6; см. *Cartulaire, actes*, № 2.

² «Анри, сир де Сели, рыцарь, и Ангерран, сир де Мариньи и камергер нашего господина Короля»; 1308 г., 17 ноября; заверено королем: Arch. nat., JJ 40, № 165, f. 84–86.

³ 1305 г., май; *Cartulaire*, № 74, f. 157. — Это опровергает мнение Ш. Дюрье: «До 1306 г. в хартиях его называли просто *armiger*, оруженосец»; Ch. Dugier, *op. cit.*, p. 13.

⁴ 1310 г., май; *Cartulaire*, № 28, f. 42.

⁵ 1314 г., январь; Arch. nat., JJ 50, № 31, f. 24 v.

⁶ 1305 г., 25 марта; Arch. nat., J 403, № 16.

⁷ 1310 г., июнь; Arch. nat., J 225, № 7.

⁸ 1308 г., 5 декабря; Arch. nat., J 225, № 1.

⁹ 1309 г., 5 июня; Arch. nat., J 332, № 15.

¹⁰ 1308 г., 13 мая; Baluze, *Vitae*., éd. Mollat, t. III, p. 95–96.

архиепископ Руанский, Бернар де Фарж¹, епископ Пюи, Жан де Коммин², нотариус Ами д'Орлеан и его коллега Жан Камель³. Очевидно, что если и королевские нотариусы, и писец знатного феодала или прелата, и папский нотариус, все эти абсолютно разные люди называли Мариньи настолько четким и ясным титулом, то это означает, что и титулатура, и каждая из двух ее составляющих полностью соответствовали реальности.

Но как только мы покидаем пределы королевской администрации, четкость в определениях тут же исчезает; если крупные феодалы все же употребляют подобные титулы, то иностранные суверены с этим не считаются. В папских регистрах, за неимением утраченных булл, Мариньи назван «рыцарем» («miles»)⁴, затем «камергером... Короля» («camellano... Regis»)⁵ и даже «камергером... Короля Филиппа» («ciambellanus Philippi Regis...»)⁶. Наконец, Эдуард II в письме своему тестю упоминает «господина Ангеррана де Мариньи, вашего рыцаря» («dominus Ingelramus de Maregny, miles vester»)⁷. Подобные свидетельства, исходящие от папы и английского короля, говорят нам и о том, какой представляли себе роль Мариньи при дворах иностранных суверенов. В мае 1307 г. при дворе у понтифика его еще воспринимают как обычного королевского рыцаря, ничем не отличающегося от других. После прибытия королевского двора в Пуатье сановные лица папского двора получше узнали Мариньи и увидели в нем одного из приближенных короля. Функция служащего в то время преобладала над остальными: именно ему, как мы увидим, было поручено заняться организацией пребывания двора. Совершенно естественно, что его стали воспринимать главным образом как королевского камергера, и титул рыцаря перестал появляться в документах. Напротив, Эдуарду II было известно, что Мариньи являлся дипломатом, поэтому он не упомянул титула камергера, придавая ему очень малое значение.

Изучая *пометы* (*extra sigillum*) в королевских грамотах (*lettres patentes*), мы смогли узнать о тех делах, которыми Мариньи занимался по поручению короля. Более того, мы посвятили этому вопросу отдельное исследование. Тот факт, что Мариньи имел возможность руководить составлением этих документов, возможно, указывает на его членство в Совете. Документы эти затрагивали в основном финансовые или домениальные вопросы, чаще всего не имеющие никакого отношения к делам королевского двора. Можно

¹ 1306 г., 21 апреля; *Cartulaire*, № 6, f. 13 v.

² 1305 г., 26 июля; *Arch. nat.*, J 1046, № 20.

³ 1307 г., 5 июня; *Limbourg-Stirum, Codex...*, t. II, № 205–206, p. 28–36.

⁴ *Regestum...*, t. II, p. 42, № 1699; p. 50, № 1742; p. 61, № 1775.

⁵ 1308 г., 9 апреля; *ibid.*, t. III, p. 240, № 3240.

⁶ 1310 г., 17 августа; *ibid.*, t. V, p. 222, № 5712.

⁷ 1313 г., 30 августа; *Rymer, Foedera...*, t. II, 1re partie, p. 49.

расценивать их как проявление достаточно широких и не вполне определенных полномочий, существование которых материально и юридически объясняется присутствием Ангеррана в Совете.

Сохранились восковые таблички со счетами отеля за первый семестр 1307 г.¹ Количество выплат, произведенных по указу Мариньи, довольно значительно, и если бы эти свидетельства сохранились полностью, на их основе можно было бы сделать весьма любопытные выводы. Эти таблички регламентируют денежный оборот в отеле и сообщают нам о том, что Мариньи действительно выполнял обязанности камергера, не пренебрегая проверкой расходов на уровне цирюльника Лорана или какого-нибудь сержанта. Тем не менее он не долго занимался делами такого рода; к тому же мы не знаем, встречалось ли в аналогичных документах 1311 или 1313 гг. имя Мариньи. В последние годы правления Филиппа Красивого, особенно после 1311 г., он, скорее всего, оставил управление отелем другим камергерам и своему доверенному лицу, Мишелю де Бурдене, сохранив тем не менее при себе свой титул и предоставляемые им финансовые преимущества.

Свидетельства современников также не проясняют для нас характера власти Мариньи. Хотя те, кто излагал свои впечатления об истории своего времени, желали скорее создать в воображении своих потомков некую, порой карикатурную, картину, чем сообщить им фактическую информацию, тем не менее они дали нам убедиться в значимости власти Ангеррана. Безусловно, мы должны делать скидку на приукрашивание реальности авторами и на их личные пристрастия, а также, довольно часто, на их плохую информированность, но это, в свою очередь, свидетельствует о том, сколь широко бытовали различные мнения о нашем герое, а также дает нам возможность узнать, что в той или иной среде говорили об Ангерране де Мариньи за его спиной. Нам также будет *a priori* необходимо помнить о том, что качество информации зависело в немалой степени от социального положения и от географического местопребывания рассказчика.

Среди сведущих свидетелей, в силу их компетентности, объективности суждений и беспристрастности, можно назвать арагонских послов, присутствовавших на Вьеннском церковном соборе. Через двенадцать дней после приезда Мариньи они, составляя письмо Хайме II, не преминули обсудить персону Ангеррана, но нужно заметить, что этот человек был им совершенно не известен, поскольку они посчитали необходимым объяснить своему господину, кто это такой, в таких словах: «Рыцарь Ан Герра, один из лучших (*majors*) в Совете короля Франции»²; месяц спустя они испытывали

¹ *Recueil des Historiens des Gaules et de la France*, t. XXII, p. 501–565.

² Н. Finke, *Papstum und Untergang...*, t. II, p. 227.

все те же затруднения, произнося его имя, и продолжали писать «Ан Герра»¹, что только увеличивает для нас ценность их суждения: настроенные не в пользу Мариньи, свидетели воспринимали его как одного из главных советников короля. В 1315 г. арагонский посланник Хуан Лупи написал в своем донесении: «Engerranus, secundus rex in Francia»², Ангерран, второй король Франции!

Королевский нотариус Пьер Барьер примерно в конце 1313 г. перед своей поездкой ко двору понтифика очертил в докладной записке папе положение Ангеррана в окружении короля: этот человек в курсе всех секретов государя, всех его дел, единственный, кто разбирается в финансовой ситуации; в действительности именно Мариньи в присутствии короля дал Пьеру Барьеру сугубо конфиденциальные инструкции, абсолютно противоположные решению Королевского совета; перед этим Ангерран переубедил Филиппа Красивого, сыгравшего пассивную роль в этом деле³.

Автором «Романа о Фовеле» является не кто иной, как прекрасно обо всем осведомленный капеллан Мариньи, Жерве дю Бю: подтверждением этому служат буллы Климента V⁴. Он завершил создание своего произведения незадолго до того, как Мариньи попал в немилость, в декабре 1314 г. Сложно не увидеть в этом тексте намек и критики, которую, само собой, можно преувеличивать в зависимости от возможностей воображения. В образе коня представлен некий амбициозный нувориш, который перевернул установленный порядок вещей, установив над всем вокруг свое господство:

Сегодня я король и господин
И королевства, и империи⁵.

В «Романе об уродливом Лисе» персонаж Мариньи помещен в рамки морализаторского обзора всемирной истории. Автор был современником Мариньи и поэтому писал не со слов других⁶. Клирик, затем торговец, он жил в Труа, но немного поездил по стране и порой бывал в Париже. Таким образом, он передает нам то, что говорили в среде мелкой парижской буржуазии о королевском камергере как до, так и после его краха:

¹ H. Finke, *Acta Aragonensia*, t. I, p. 290.

² *Ibid.*, p. 358.

³ J. Schwalm, *Neues Archiv*..., t. XXV, 1900, p. 564.

⁴ *Regestum*..., t. VII, p. 48, № 7795; t. VIII, p. 181, № 9294.

⁵ *Roman de Fauvel*, éd. A. Langfors, p. 64, vers 1683–1684.

⁶ Рейно и Леметр относят первое издание к 1319–1322 гг., а второе к 1328–1342 гг., но автор, которому в то время было примерно тридцать пять лет, утверждает, что собственными глазами видел казнь Мариньи; *Renart le Contrefait*, éd. G. Raynaud et H. Lemaître, t. I, vers 2914–2916.

Ты видишь, Ангерран де Мариньи
 Был так велик и так вознесся ввысь...
 Он поднялся на столь высокую ступень;
 Но все его желания ушли,
 И надежды рухнули в мгновение ока¹.

Следующим, после могущества, мотивом, появляющимся во второй части того же романа, является влияние Мариньи на правящих особ: «Ангерран, которому король доверял более чем кому бы то ни было из своих советников»² и «он пользовался таким благорасположением папы, что вертел, как хотел, и Папой, и Королем»³.

Другой хронист, который представлял себя как глас парижан, Жоффруа Парижский, писал:

О рыцаре, который жил в то время
 И правил государством...
 Поскольку в его ведении
 Находились и король, и королевство, и папство.
 Все они были в его руках;
 Он вертел ими по своей воле...
 Именно ему было доверено
 Управление королевством...
 Всем королевством он заведовал...
 Король ничего не мог сделать
 Против воли Ангеррана;
 Тому, кто хотел поговорить с королем,
 Нужно было идти к Ангеррану⁴.

Эту последнюю идею подхватил также Жан де Сен-Виктор⁵. Народ шокировало то, что любой человек, желающий поговорить с королем, непременно сначала должен был обратиться к Ангеррану. Казалось, что камергер захватил власть в государстве. Жоффруа Парижский также обращает внимание на этот факт.

Историческая культура и умение дать политическую оценку в Сен-Дени находились на более высоком уровне развития. Последователь Гильома де Нанжи, творивший какое-то время спустя после смерти Филиппа Красивого, расценивает Мариньи как главного и основного советника этого короля⁶, он говорит о том, что Мариньи

¹ *Ibid.*, vers 2864–2865 et 2872–2874.

² *Ibid.*, p. 292, § 152.

³ *Hist. Fr.*, t. XXI, p. 149; это одна из версий «Романа о Лисе».

⁴ Edit. A. Diverres, p. 196–197.

⁵ «Никто не мог поговорить с Королем, пока Ангерран не давал на это разрешения» («Nec aliquis Regi poterat loqui, nisi Enjoranus aditum sibi daret»); Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. I, p. 109.

⁶ «Главный и основной, по сравнению с остальными, советник недавно усопшего короля Франции Филиппа» («Regis Franciae Philippi nuper defuncti praecipuus inter caeteros et principalis consiliarius»); éd. Géraud, p. 415.

держал в руках бразды правления всего государства, «как майордом», более того, все самые щекотливые вопросы решались с его участием и все повиновались любому его указанию, как приказу своего господина². Так, автор «*Больших Французских Хроник*», желая выразить это положение вещей в двух наиболее подходящих словах, придумал ставшую знаменитой формулу, которую многие историки XVIII в. впоследствии воспринимали буквально: «Ангерран де Мариньи, его <короля> коадьютор и главный правитель королевства Франции»³, и через несколько страниц повторил еще раз: «Ангерран де Мариньи, коадьютор и правитель его королевства»⁴.

Мы не будем долго задерживаться на рассмотрении свидетельств хронистов, которые, по всей видимости, получили информацию из вторых или даже из третьих рук. Жиль Ле Мюзиз, ставший свидетелем переговоров в Турне, о которых мы поговорим чуть дальше, написал: Мариньи заведовал всеми делами в государстве, и ничего не делалось без его на то согласия, поскольку король был к нему благосклонен более, чем к другим⁵. Епископ Лодева, Бернар Ги, отметил в своих «*Flores chroniconum*», что во времена короля Филиппа Мариньи считали вторым по важности после короля лицом в государстве, но не за его заслуги, а в первую очередь потому, что сей «второй королек» управлял делами королевства простым движением руки⁶; эти же эпитеты мы находим в «Хронике Короля Франции»⁷. Жан де Конде, творивший летом 1315 г. в Эно, откликнулся на сказанное монахом Сен-Дени в своем «Слове о сеньоре де Мариньи»:

¹ Майордом — дворцовый управитель; при франкских королях из династии Меровингов. VII–VIII вв. майордом стал фактическим правителем государства. — *Прим. ред.*

² «Даже в большей степени, чем майордом, он держал власть над всем королевством Франции в своих руках; через него проходили все вызывавшие затруднения дела, и все повиновались любому его знаку, как своему господину» («*Qui etiam quasi vel plus quam alter major domus effectus, totius regni Franciae praesidebat regimini; per quem expediebantur ardua omnia disponenda et ad ejus nutum tamquam praecellentis obediebant omnes et singuli*»); *ibid.*, p. 415–416.

³ *Grandes Chroniques*, éd. J. Viard, t. VIII, p. 289.

⁴ *Ibid.*, p. 303.

⁵ «Он заведовал всеми делами в государстве, и ничего не делалось без его на то согласия, поскольку король был к нему благосклонен более, чем к другим» («*Omnia negocia regni disponebat, et nichil fiebat sine eo, quia gratam Regis pre cunctis habebat*»); éd. Lemaître, p. 85.

⁶ «Во времена короля Филиппа Мариньи был фактически назначен вторым лицом после него (Филиппа), хотя не по заслугам, и будто второй королек управлял делами королевства простым мановением руки» («*Qui, tempore domini Philippi regis, major post eum non tam merito quam de facto fuerat nominatus in regno, ita ut secundus regulus, videretur ad cujus nutum regni negotia gerebantur*»); *Flores chronicorum*, éd. dans Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. I, p. 78.

⁷ *Regum Francie Chronicum*; *Hist. Fr.*, t. XXII, p. 16–21.

Король без него ничего не делает,
Он же может повелевать и действовать...¹

В «Хронографии Короля Франков» мы читаем о том, что Мариньи был советником, без чьего согласия и одобрения при дворе практически ничего не происходило², а в «Истории и хрониках Фландрии» отмечено, что он «был как будто господином Короля, и все проходило через него»³. В «Новой хронике Нормандии» Ангерран назван «хранителем всего королевства Франции», одно слово которого решало, быть ли в стране миру или войне⁴. В «Старинных хрониках Фландрии» говорится о том, что «у короля Филиппа Красивого долгое время был помощник, к которому он был очень привязан, так как, следуя его советам, он сделал очень многое...»⁵. Наконец, Пьер Кошон наградил Мариньи титулом «господина советника» короля⁶.

Не нужно придавать всем этим текстам слишком большое значение, и тем более не нужно буквально их воспринимать. В XVIII в. «Мемуары Судебной палаты»⁷, в XIX в. Кервин де Леттенхов⁸, затем Оро⁹ сделали из Мариньи настоящего майордома, хотя никто все же не называл Мариньи так, как это делал продолжатель Гильома де Нанжи¹⁰. Тем не менее из этих художественных и документальных источников можно почерпнуть две важные мысли.

На взгляд своих искушенных современников, Мариньи оказывал в моральном плане большое влияние на короля, наперсником, вдохновителем и советником которого он являлся; и такое королевское доверие давало ему действительно широкие полномочия. Именно это и имел в виду Жоффруа Парижский, отмечая: «Он распоряжался всем в королевстве», и далее: «Его считали за короля»¹¹. Некоторые могли подумать, что в своей власти он превосходил короля; ведь если слова «второй король» из процитированного нами отрывка

¹ *Dit du seigneur de Marigny*, éd. Aug. Scheler, *Dits et contes...*, t. III; vers 100–101.

² «Он был советником, без чьего согласия и одобрения, как казалось, практически ничего не происходило при королевском дворе» («Unum consiliarium sine cujus assensu et examine nil decenter factum in curia Regis videbatur»); *Chronographia Regum Francorum*, éd. Morranvillé, t. I, p. 221.

³ *Istorie et croniques de Flandre*, éd. Kervyn de Lettenhove, t. I, p. 303.

⁴ *Normanniae nova chronica*, éd. Ad. Chéruef, p. 31.

⁵ *Anciennes chroniques de Flandre*, *Hist. Fr.*, t. XXII, p. 402.

⁶ Ed. Ch. de Robillard de Beaurepaire, p. 52.

⁷ «Ему также присвоили титул коадьютора и правителя государства»; *Mémoires concernant les Chambres de justice*; Arch. nat., U 956, p. 6, на полях.

⁸ «Он осмелился присвоить себе титул коадьютора...»; *Hist. de Flandres*, t. II, p. 171 et 173.

⁹ *Histoire littéraire de la France*, t. XXVIII, p. 457.

¹⁰ Борелли де Серр представил целый список вымышленных наименований Мариньи; Borelli de Serres, *Recherches...*, t. III, p. 41–42.

¹¹ G. de Paris, éd. A. Diverres, p. 197 et 209.

пришли в голову епископу Лодевскому, если монах из Сен-Дени написал, что он управлял государством, а арагонец Хуан Лупи назвал его «вторым королем», сторонним наблюдателям вполне могло показаться, что могущество Мариньи дублировало королевскую власть, а не основывалось на ней. Мы увидим, что в 1313 и в 1314 гг. камергер в действительности проводил свою собственную политику, что шокировало свидетелей происходящего и давало почву для построения всевозможных преувеличений. События этих последних лет часто ослепляли хронистов, до которых, вероятно, доходили сведения об Ангерране лишь начиная с 1308, 1311 или даже с 1312 гг. Их свидетельства представляют для нас интерес лишь в отношении последней трети политической карьеры камергера.

Кроме того, мы уяснили, что ни добрая, ни дурная слава Мариньи не увеличивалась с ходом времени. В случае с Ангерраном речь шла не о легенде, которая разрасталась бы со сменой эпох¹. Наоборот, основные труды, изученные нами, были созданы непосредственно после краха и гибели Мариньи. *«Роман о Фовеле»* был написан еще раньше, и его автор ежедневно лично общался с тем, у кого он служил капелланом. Большинство авторов жили либо в Париже, либо недалеко от него в то время, когда камергер находился на пике власти; некоторые из них его видели, как, например, автор *«Романа об уродливом Лисе»*. Примерно к 1315 г. уже устоялась основная традиция рассказа об этой личности. Все вышесказанное позволяет нам не относиться к этим свидетельствам с излишним подозрением. Рассказчики могли избрать образный стиль изложения, применить рискованные сравнения, но при этом они никак не могли слишком отдалиться от истины, рассказывая людям о событиях, непосредственными участниками которых являлись.

Каким же в действительности было положение Ангеррана де Мариньи? Начиная с 1304 г. и вплоть до конца правления Филиппа Красивого он был камергером и довольствовался этим титулом, который ни в чем не ограничивал его деятельность. Первое время он действительно выполнял свои должностные обязанности, чтобы впоследствии оставить за собой лишь высшее руководство делами королевского отеля. Впрочем, начав с должности камергера, Мариньи расширил свои полномочия до такой степени, что этот единственный титул уже никоим образом не мог оправдать такую власть; напротив, титул рыцаря короля лучше подходил к сложившемуся положению дел, поскольку, как мы уже говорили в начале, канцелярии иностранных государств охотно использовали это довольно неопределенное наименование. Но это был всего лишь титул,

¹ Так считал Борелли де Серр; Borelli de Serres, *op. cit.*, t. III, p. 292.

а реальным и юридически неопровержимым основанием могущества Мариньи являлось его членство в Совете.

Эту сторону деятельности камергера отмечали арагонцы, автор «Романа об уродливом Лисе», продолжатель Гильома де Нанжи, Жан де Конде, о ней также говорилось в «Истории и хрониках» и в «Хронографии». Именно в качестве члена Совета Мариньи руководил оформлением королевских грамот, особенно в тех делах, к которым он бы никак не мог иметь отношения, если бы его единственной функцией был уход за королевскими покоями.

Наконец, нужно упомянуть о том, что выходит за рамки любой юридической классификации и каких бы то ни было административных или почетных категорий. Если Мариньи сумел настолько выделиться из серой толпы камергеров и даже из группы королевских советников, это означает, что он «был в очень близких отношениях с королем»¹, что король благоволил к нему и был расположен по-дружески. Избегая точного, но *a priori* пренебрежительного эпитета «фаворит», мы скажем, что Мариньи был другом Филиппа Красивого; и если камергер, по всей видимости, был заинтересован в этой дружбе, то равным образом и король находил для себя выгоду в общении и сотрудничестве с любезным, ловким и сведущим человеком, каковым — и это общепризнанный факт — являлся Ангерран де Мариньи.

¹ *Istorie et chroniques de Flandres*, éd. Kervyn de Littenhove, t. I, p. 300.

ГЛАВА IV

КОРОЛЕВСКИЙ ОТЕЛЬ

1. ОТЕЛЬ И ПАЛАТА КОРОЛЯ

В королевском отеле¹ было шесть служб и некоторое количество палат, которые были сгруппированы по-разному и получили свое название в зависимости от времени образования. В число служб входили хлебный дом, винные подвалы, кухня, фруктовый дом, конюшня и фуррьерская служба. Каждая из них функционировала автономно, но при этом общее руководство теоретически все же осуществлял один человек, великий гофмейстер. Обязанности всех служащих были точнейшим образом обозначены и четко распределены: так, в хлебном доме существовала должность *pastoyers*, ответственного за распределение пирогов, и *oubloiers*, занимавшегося кондитерскими изделиями, в помещений для разлива вина служил горшечник, на кухне два стеклодува, два специалиста по приготовлению соусов, *poulailler*, занимавшийся домашней птицей...

Что касается слова *Палата* (*chambre*), П. Леюжер долгое время задавался вопросом, шла ли речь о *camera* или о *cubiculum* (спальня), поскольку в первую, в отличие от второй, могли входить часовня, Денежная палата, врачи и хирурги, сержанты и т. д.²; впрочем, этого различия, вероятно, уже имевшего место при Филиппе Длинном, историю правления которого изучал Леюжер, еще не существовало при Филиппе Красивом. В *camera* находились только служащие, занимавшиеся обслуживанием *cubiculum*, покоев, в которых располагался королевский альков, но тот факт, что ответственные за это помещение чины, то есть камергеры, приобретали все большее личное влияние и были прекрасно осведомлены обо всем, что происходило в королевском отеле, вызывал полное недоумение современников, которые порой путали королевскую Палату с самим отелем и даже с Королевским советом³. О покоях, в которых распоряжались камергеры, мы поговорим чуть позже.

¹ Постановления из королевского отеля, копии: Bibl. nat., français 7852 et Clairambault 832.

² Р. Lehugeur, *De hospitio Regis et secretiore Consilio*, p. 1-5.

³ Например, Людовик Неверский: «по решению Ангеррана де Мариньи, Гильома де Лонгаре, рыцаря, Пьера де Иша и других членов его совета, он меня осудил» («per judicium Ingerrani de Marigni, Guillelmi, de Longaret, militum, Petri de Ysci et aliorum camerae sue me condemnavit»); Limbourg-Stirum, *Codex...*, II, p. 223.

Другими палатами отеля были Тайный совет, в который входили писцы совета и рыцари отеля, не путать с Большим Советом, органом управления короля; Денежная палата, заведовавшая расходами отеля; часовня с раздатчиками милостыни, капелланами и исповедником; наконец, «*scel*», канцелярия, в которую входили писцы и нотариусы короля. Различные ведомства и их персонал постоянно претерпевали изменения: так, между 1285 и 1290 гг. количество служащих в фуррьерской службе¹ сократили в пользу персонала королевских покоев, и именно поэтому, ко всеобщему удивлению, в покоях в этот период времени оказались люди, ведавшие повозками, скотом и лошадьми.

Кто же руководил делами отеля? Королевские шамбриэ (*chambriers*) Франции: Робер Бургундский², затем Жан де Дре³ и, наконец, Людовик де Клермон⁴, по всей видимости, не имели реальной власти. Кажется, в обязанности лишь одного человека входило руководство всем отелем: в начале правления Филиппа Красивого это был «великий гофмейстер отеля» или «основной руководитель отеля»⁵, некий Арну ле Висмаль. Его звание, равно как и его обязанности, были довольно значительными (хотя нам о них мало что известно): он мог пользоваться лошадьми короля, жил в королевском отеле и получал десять су в день. Его писец и два его оруженосца питались при дворе.

Этому «великому гофмейстеру» помогали другие гофмейстеры, число которых постоянно изменялось. Создается впечатление, что все они еще не имели своей отдельной обязанности, но этот вопрос пока находится в стадии изучения. Они составляли важную группу среди королевских рыцарей; им, приближенным к королевской персоне, часто давали различные поручения, связанные с делами отеля, в то время как миссии политического характера обычно выполняли главные коронные чины и простые рыцари короля.

В последний период описываемого нами правления гофмейстерами были Бодуэн де Руа⁶, сменивший на этом посту своего брата Реньо, Гильом д'Аркур⁷, Мартен дез Эссар⁸, Гильом де Флавакур⁹ и некоторые другие. Впрочем, название этой должности в то время еще не устоялось, и в ордонансе от 1290 г. камергеры упомянуты

¹ Фуррьерская служба — служба королевского отеля, занимавшаяся обеспечением дров и перевозками. — *Прим. ред.*

² Arch. du Nord, B 254, Godefroy 4449 et 4481.

³ Arch. nat., JJ 40, № 134, f. 64 v.

⁴ Arch. nat., JJ 47, № 44, f. 29 v.

⁵ Bibl. nat., fr. 7852, p. 72 et 81. — Его ошибочно называли «братом», в то время как он был рыцарем; J. Viard, *Journaux du Trésor*, № 1029, 2120, 2662, 3733 et 4673.

⁶ Arch. nat., JJ 49, № 7, f. 3 v.; J. Viard, *Journaux...*, col. 891, № 6007, etc.

⁷ J. Viard, *op. cit.*, col. 133, etc.

⁸ Arch. nat., JJ 49, № 241, f. 105 v.

⁹ Arch. nat., JJ 46, № 127–128, f. 77 v.–78 r.

под именем «гофмейстеров»¹. Кроме того, в том же постановлении названные после гофмейстеров камергеры записаны как «другие камергеры»². В действительности, скорее всего, между правами и обязанностями гофмейстеров и камергеров не было особенных различий, за исключением нескольких, к которым мы еще вернемся. Так, это подтверждает составленный по приказу Мариньи и Мартена дез Эссара³ платеж.

После великого гофмейстера, наряду с обычными гофмейстерами, самыми высокими должностными лицами в отеле являлись камергеры, обязанности которых мы сейчас рассмотрим. Они были распорядителями в королевской Палате, то есть в их ведении находилось все, что касалось жилища, обслуживающего персонала и безопасности короля, следовательно, за ними было закреплено главенствующее положение в среде руководителей различных служб и ведомств отеля. Впрочем, в большинстве случаев все эти службы подчинялись не непосредственному начальству, а лишь старшему по должности лицу, как, например, хлебодар, виночерпий и повар, «личные служащие короля». Эти мелкие служащие, Робер де Медон, Ансо де Шастенак и Изамбар, в плане престижа не могли соперничать с представителями могущественных династий камергеров, Бувилей, Шамбли и Машо. Поэтому совсем не удивительно, что камергеры, управляющие королевскими покоями, воспользовались упразднением после 1300 г. должности великого гофмейстера для того, чтобы также ослабить положение и простых гофмейстеров, которые, безусловно, были приближенными короля, но чьи прерогативы, как и у всех помощников, были довольно расплывчатыми.

Состав персонала королевской Палаты на то время, когда одним из его руководителей являлся Мариньи, нам неизвестен; однако у нас есть информация о том, каким он был в 1285 г., в начале правления, и в 1290 г., после того как, согласно пожеланиям нового короля, он был несколько изменен. Помимо камергеров в 1290 г. в Палате прислуживали шесть камердинеров (из них два цирюльника, портной и три слуги зала), двое «контролеров (счетчиков)», шесть служителей фуррьерской службы, шесть привратников зала, прислуживавших по трое, шесть привратников, «королевская прачка», писец из Денежной палаты для платежей и хранитель печати, входивший в число королевских писцов в 1285 г. По всей видимости, кроме них там еще находились три отряда, каждый из которых состоял из восьми сержантов и двоих привратников с королевскими гербами, и еще один писец из отряда арбалетчиков⁴. Наконец,

¹ «Tuircil des maistre de l'Hotel» — означает людей великого гофмейстера и камерпрепов; Bibl. nat., fr. 7852, p. 72–73.

² Bibl. nat., fr. 7852, p. 72.

³ R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. II, p. 776, № 27716.

⁴ Суждение о том, что после 1285 г. эта должность была упразднена, не соответствует истине.

должности еще десятирех служащих (два для часовни, два для архива, два из фруктового дома и четверо для королевской Палаты) были упразднены во время реорганизации 1290 г., и людей, их занимавших, скорее всего, перевели в те ведомства, к которым они непосредственно относились, причем четырех служащих королевских покоев, несомненно, добавили к числу работавших в фуррьерской службе. Согласно одной ведомости¹, в 1313 г. число разнообразных слуг, привратников и стражей было несколько больше, чем в 1290 г.: десять комнатных лакеев, восемь привратников и т. д. Но то, как они распределялись по отелю, не указано в ведомости; так, среди комнатных слуг значатся один рабочий и один сапожник.

Следовательно, в персонале королевской Палаты были представлены только мелкие должностные лица, но возможность ежедневно посещать Палату короля и постоянно с ним контактировать ставила камергеров в более выгодное положение по сравнению с другими служащими отеля и позволяла им (естественно, в зависимости от способностей и честолюбия) действительно добиться влияния при дворе. Так, значимость должности могла изменяться совершенно непредсказуемым образом, причем все зависело исключительно от того, что за человек занимал этот пост.

Что же за люди были камергерами? Прежде всего назовем Матье де Три, сира де Фонтене и камергера Франции, должность которого можно было принять за почетное звание, хотя он иногда принимал участие в делах отеля. Возможно, занимавший эту должность человек был не в слишком хороших отношениях с королем, и поэтому государь постарался держать его в стороне от дел²: рассмотрев все регистры Филиппа Красивого, мы выявили всего лишь четыре акта, составленных под надзором (*commande; par*) Матье де Три³. Затем нужно назвать трех, четырех или даже пятерых камергеров. Часто среди них выделяли главного, или первого, камергера, которого отличали от камергера Франции. Этим главным камергером как раз и являлся Мариньи⁴. Тем не менее такого титула никогда не существовало; нужно лишь заметить, что, согласно одному из исходивших из королевского отеля ордонансов эпохи Мариньи⁵, главного камергера отличали от других некие материальные преимущества. Не возникает сомнений в том, что

¹ Bibl. nat., fr. 7852, p. 110 à 150.

² Это всего лишь высказанная нами гипотеза, поскольку у нас не было возможности подробно изучить личность этого человека, которого Филипп V произведет в маршалы.

³ 1312 г., сентябрь; Arch. nat., JJ 48, № 164, f. 93. — 1312 г., ноябрь; JJ 48, № 171, f. 101 v. — 1312 г., декабрь; JJ 48, № 148, f. 86. — 1314 г., март; JJ 49, № 213, f. 91–92 г.

⁴ Borelli de Serres, *Recherches...*, t. I, p. 329.

⁵ Нет точной даты; Bibl. nat., fr. 7852, p. 81.

Мариньи занимал именно такое положение, но это ничего не говорит о его должности главного камергера, поскольку рост влияния Ангеррана в отеле был обусловлен его рангом королевского советника, в то время как другие камергеры, по всей видимости, не имели доступа в Совет. На деле, он, начиная примерно с 1308 г., действительно был первым среди камергеров, но его положение не было подкреплено юридически.

Король допускал, чтобы должность камергера по очереди занимали члены одной семьи. Более того, две главные династии камергеров были связаны между собой узами родства: Гуго де Бувиля в 1283 г. женился на дочери Удара де Шамбли, Мари, бывшей племянницей Пьера де Шамбли¹. Родственник последнего, Пеллерен де Шамбли, служил камергером у Карла Валуа².

Пришедший к власти Филипп Красивый оставил на посту камергера Гуго де Бувиля³, который уже служил ему в 1284 г. Король взял на службу камергеров также своего отца Филиппа III, Пьера де Шамбли, занимавшего эту должность с 1277 г.⁴, и его сына Пьера де Шамбли, недавно получившего это назначение, Пьера де Машо и, наконец, на более низкую ступень Жана Пуссена, о котором впоследствии речь более не заходила⁵. Пьер де Шамбли-старший, если учесть размеры его жалованья и преимущества, которыми он пользовался, был на деле главным камергером. Не позже апреля 1298 г. умер Пьер де Машо⁶, и его сменил на посту старший сын Гуго де Бувиля, Жан, сир де Мильи. Право управлять королевской Палатой оставалось все в той же семье: новый камергер был племянником и кузеном, по матери, двух коллег его отца⁷. Гуго де Бувиля погиб в Монс-ан-Певеле. В июле 1304 г. опись королевских драгоценностей составлял еще Бувиля⁸. В ноябре Мариньи заседал в Денежной палате⁹, и в марте 1305 г. королева Жанна в своём завещании присвоила ему титул камергера короля¹⁰. Следовательно, Ангерран унаследовал эту должность от Гуго де Бувиля, у которого он, возможно, служил некогда оруженосцем.

¹ Список приданого, 1283 г., 13 марта; Bibl. nat., Baluze 54, f. 183 v.; M. Bloch, *Bulletin de la Société, d'Histoire de Paris*, 1913, p. 159; J. Depoin, *Bulletin historique et philologique...*, 1914, p. 144.

² Arch. nat., K 36, № 17; J. Petit, *Charles de Valois*, p. 341.

³ Bibl. nat., Baluze 54, f. 183 v.

⁴ J. Depoin, *loc. cit.*, p. 134.

⁵ Bibl. nat., fr. 7852, p. 40.

⁶ J. Viard, *Journaux du Trésor...*, col. 40, № 212.

⁷ Согласно хронологическим данным, Мариньи не мог сменить Машо на посту камергера.

⁸ R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. II, p. 535.

⁹ Bibl. nat., fr. 2838, f. 32 v.

¹⁰ Arch. nat., J 403, № 16.

Итак, в то время камергерами были главный камергер, Пьер де Шамбли, его сын Пьер, Жан де Бувиль и Ангерран де Мариньи. Последнего в июле 1305 г. епископ Пюи назначил вторым камергером¹.

Примерно в это же время Жан де Бувиль добился назначения на должность камергера своего брата Гуго². После смерти Жана де Бувиля (случившейся не позже августа 1308 г.)³ и Пьера де Шамбли-старшего (случившейся не позже марта 1309 г.)⁴ осталось всего три действующих камергера: Ангерран де Мариньи, Пьер де Шамбли-младший и Гуго де Бувиль младший. Умерших камергеров никто не сменил на их посту, поскольку пятерых людей для исполнения этой обязанности было бы уже слишком много; тем не менее никаких сомнений по поводу количества камергеров не возникает, и нет оснований, подобно Ж. Депуэну⁵, считать, что Пьер де Шамбли унаследовал должность своего отца в 1308 г.; как известно, оба Шамбли находились на своих постах с самого начала правления Филиппа Красивого.

После того как Жан де Бувиль и Пьер де Шамбли ушли из жизни, на протяжении последних лет правления Филиппа Красивого во дворце было только три камергера, помимо камергера Франции, Матье де Три.

Обязанности королевского камергера очень точно описал П. Леужер⁶ на материале, относящемся ко времени правления Филиппа Длинного. Камергер должен был составлять докладные записки об отмене наказаний и о помилованиях, диктовать документы, не приглашая для этого писца из канцелярии или нотариуса. Это предполагало присутствие при камергере специального писца, который бы представлял для скрепления печатью собственноручно составленные документы⁷, чтобы вызвать кого-либо в парламент, прекратить какое-либо расследование, призвать к королю или, например, сопроводить письмом подарок. Если принять во внимание излишнюю схематичность работы Леужера, то у нас возникают сомнения относительно достоверности последних сведений; безусловно, Мариньи, как и другим камергерам, не раз приходилось заказывать составление подобных документов. Однако такие пол-

¹ Arch. nat., J 1046, № 20.

² 27 июля 1305 г. Гуго еще не был камергером; Bibl. nat., Baluze 54, f. 199 v.—

Камергером он предстает лишь по данным счета из камергерского ведомства от 1306 г.; Bibl. nat., fr. 25992, № 123 v.; R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. II, p. 532 (нужно читать «сир де Вирм» вместо «Гуго де Виарм»; № 23876–23877).

³ Bibl. nat., Baluze 54, f. 205 v.

⁴ Arch. nat., JJ 40, № 183, f. 95–96 r.

⁵ J. Depoin, *loc. cit.*, p. 135.

⁶ P. Lehugeur, *De hospitio Regis...*, p. 43–46.

⁷ Становится понятным существование сходства между почерком, которым написан картулярий, и почерком в актах, составленных по приказу Мариньи.

номочия ему предоставляла сама должность королевского советника. При Филиппе Красивом камергер был очень влиятельным лицом; на наш взгляд, Шамбли или Бувиль вряд ли когда-нибудь кого-либо лично вызывали в Парламент.

В руках камергеров находился также регистр принесенных королю оммажей, они ходатайствовали перед государем о получении милостей, бенефициев, различных пенсионов и о продвижении на какую-либо должность: это, по всей видимости, являлось основной причиной их влияния при дворе. Наконец, при Филиппе Длинном, по словам Леюжера, в распоряжении камергеров находилась небольшая печать, которой они могли заверять документы второстепенной важности. Эта печать, вероятно, имела такое же значение, как печать Мариньи, о которой мы еще упомянем, описывая положение финансовых структур в 1314 г.

Рассмотрение того, что находилось в ведении камергера, оказалось бы возможным лишь в том случае, если бы в начале XIV в. сфера компетенции определялась более четко, и лишь после предварительного изучения деятельности каждого из камергеров. Поскольку это выходит за рамки рассматриваемых нами вопросов, мы ограничимся тем, что опишем роль Мариньи в бытность его камергером, не забывая о том, что власть, которой он добился, позволяла ему вмешиваться в дела, никак не связанные с должностными обязанностями камергера, и разрешать многие вопросы по своему усмотрению.

Можно с уверенностью сказать, что камергеры жили непосредственно рядом с королем. До реконструкции королевского дворца они обедали в «гардеробе», который располагался, без всяких сомнений, в башенке, к северу от Верхней залы, там, где впоследствии была оборудована Большая зала Филиппа Красивого¹. Когда королева отсутствовала во дворце, один из камергеров спал в королевских покоях, недалеко от алькова². В обвинениях, выдвинутых Мариньи в 1314 г., часто проскальзывала жалоба на то, что при желании увидеть короля нужно было сначала поговорить с Мариньи. Кроме того, с королем можно было беседовать только в присутствии камергера.

Существование упомянутых нами ночных обязанностей говорит о том, что камергеры служили посменно: они не были обязаны находиться рядом с королем все вместе ночью. Каким же образом они сменяли друг друга? Мы не склонны думать, что смены были распределены на целый год: известно, что Мариньи не всегда присутствовал при дворе, причем его отъезды никоим образом не зависели от времени года, а были связаны лишь с дипломатической необходимостью. Даже представив, что начиная с 1309 г. Ангерран полностью прекратил выполнять обязанности камергера, мы не

¹ J. Guérout, *Le Palais de la Cité*..., 1re partie, p. 177.

² P. Lehueur, *op. cit.*, p. 7.

можем отрицать, что смены раз в семестр или раз в триместр не существовало. Продолжительность некоторых его поездок, например в 1312 г., также не позволяет предположить, что кто-то из камергеров мог служить в течение одной недели из промежутка в три или четыре недели. Так как непредвиденные или долговременные отлучки никак нельзя было совместить с графиком службы, распланированным на долгое время вперед, безусловно, кто-то должен был подменять Мариньи на посту камергера. Мы полагаем, надеясь на то, что рассмотрение частного случая не ввело нас в заблуждение, что камергеры выполняли свои обязанности в течение короткого периода, конечно же, суток, и те, кто присутствовал на конкретный момент при дворе, сменяли друг друга.

Эта должность не приносила большой прибыли, хотя Мариньи и получал, по сравнению с тем, что выплачивали простому камергеру, довольно значительное жалование, доходившее порой до 5 турских су в день¹. Мы более не будем возвращаться ни к вопросу жалования, ни к проблеме должности камергера.

Щедроты, которые король расточал всем, хоть и в разной степени, добавляли к жалованью ренты, земли, привилегии... Даже если подобные дары составляли лишь малую часть имущества Мариньи, нам известно, что довольно ощутимое количество их он все же получил. Наконец, положение титулованного ходатая при короле Франции давало отнюдь не самый скромный источник прибыли.

2. ФИНАНСЫ ОТЕЛЯ

Денежные средства отеля насыщались обычным для монархии путем, по до сих пор действенному принципу получения прибыли, состоявшему в том, что король жил за счет «своего имущества», то есть главным образом на доходы от королевского домена. Например, казначей королевской Палаты получал необходимые суммы у казначеев Тампля², куда одалживали деньги торговцы, имевшие свои счета с государственной казной, как, например, Барди³.

Для нас наибольший интерес представляет изучение расходов. К сожалению, существует очень мало источников, откуда мы могли бы почерпнуть о них сведения: восковые таблички из отеля за очень короткие периоды 1301–1302 и 1307 г.⁴, причем последние интересны лишь в плане изучения личности Ангеррана де Мариньи, счета из королевских покоев 1307–1308 гг.⁵ и счет из отеля 1313 г.⁶

¹ Bibl. nat., fr. 7852, p. 154.

² R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. II, p. 150, № 23966–23971.

³ *Ibid.*, № 23967.

⁴ *Hist. Fr.*, t. XXII, p. 501–565.

⁵ R. Fawtier, *op. cit.*, p. 540–550.

⁶ *Ibid.*, p. 771–780.

Кто руководил расходами? Кто угодно мог настоять на необходимости получения нужной суммы или предоставить достаточные для этого основания, иногда показывая казначею обязательство, подписанное служащим ранга настолько высокого, что его нельзя было тотчас же подвергнуть проверке. Чины королевского отеля, само собой, не должны были представлять никаких обязательств. Подобная гибкость системы выдачи денег объясняет тот факт, что среди тех, кто должен был передавать деньги на производство выплат или оплату расходов, порой оказывались очень низкие должностные лица: Жиль де Конде, цирюльник Лоран, привратник Тома...

Следовательно, камергеры могли управлять всеми относившимися к королевской Палате расходами, но это не было их исключительным правом: наряду с Матье де Три¹, Ангерраном де Мариньи² и Пьером де Шамбли³, как мы видим, в 1313 г. заказы на расходы были произведены королем⁴, великим гофмейстером Мартеном дез Эссаром⁵, духовником⁶ и самой обычной прислугой, поваром⁷, привратниками⁸ и т. д. Так, можно предположить, что тот, кто имел право распоряжаться в той или иной ситуации, мог, равным образом, управлять расходами, с ней связанными. Из этого следует, что человек, обладающий широчайшими, хотя и неопределенными, полномочиями, мог беспрепятственно получать практически любые суммы: в 1313 г. Мариньи получил наиболее крупные денежные суммы на покрытие расходов, причина которых нам уже знакома: выплата 100 ливров Гоше де Шатильону и 40 ливров Гильому д'Аркуру, 24 мая 1313 г. на встречу английского государя⁹, 26 апреля 24 ливра пенсия писцу королевской часовни¹⁰ и один флорин на пожертвования короля¹¹. Разнообразие видов выплат и сумм подчеркивает разноплановость деятельности Ангеррана. Широта власти, которой он, по нашим наблюдениям, обладал, позволяет предположить, что большая часть сумм на покрытие расходов, включенных в список без указания на распорядителя этой суммой, была получена Мариньи и к тому же что он участвовал в получении денег на турниры, праздники и церемонии торжественного посвящения в рыцари на Троицын день

¹ R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. II, p. 774, № 27688 et 27690.

² *Ibid.*, p. 774, № 27684–27685, p. 776, № 27716, et p. 780, № 27777, напечатано «27787».

³ *Ibid.*, p. 774, № 27687.

⁴ *Ibid.*, p. 776, № 27717.

⁵ *Ibid.*, № 27716 et 27718.

⁶ *Ibid.*, p. 777, *passim*.

⁷ *Ibid.*, p. 776, № 27715.

⁸ *Ibid.*, № 27719 et p. 777, № 27727 et 27731.

⁹ *Ibid.*, p. 774, № 27684–27685.

¹⁰ *Ibid.*, p. 776, № 27716.

¹¹ *Ibid.*, p. 780, № 27777, напечатано «27787».

в 1313 г., причем сумма этих расходов превышала тридцать две тысячи парижских ливров¹.

Результаты исследования табличек наиболее близко познакомят нас с ежедневными заботами камергера в то время — и это представляет особый интерес, — когда Ангерран был только камергером. Конечно, в 1307 г. Мариньи, как нам кажется, уже являлся членом Королевского совета, но он еще не был ни руководителем королевской дипломатии во Фландрии, ни главным финансистом короля и не пользовался таким фавором короля, как Ногаре, который в то время находился на пике своего влияния. Итак, вот на что получил деньги из казны Мариньи, королевский камергер, и в то время еще не главный, чуть меньше чем за три месяца в 1307 г:

- 23 февраля, дар Жану де Сюммере²;
- 27 марта, 240 ливров троим каменотесам и двоим плотникам, безусловно, за произведенные во дворце работы³;
- 8 апреля, 12 ливров Перро, писцу графа Ги де Сен-Поля⁴;
- 14 апреля, 48 ливров Сюрёну, сокольничему короля, вероятно, на покупку соколов⁵;
- в тот же день, 24 ливра Жанне де Фюрк⁶;
- 18 апреля, 48 ливров в оплату расходов папского посланника, приехавшего, чтобы сообщить об аресте Дольчино, главы секты еретиков Новары⁷;
- 1 мая, 24 ливра Гильому Ле Секу, де Ферьеру⁸;
- 6 мая, деньги на покупку лошади Гильому Шампиону⁹;
- 11 мая, 92 ливра в дар двум служителям князя Тарентского, Перроне и Ле Сажу¹⁰;
- в период между 11 и 21 мая, дар в 48 ливров¹¹;
- к этому списку мы добавим 40 флоринов, которые 9 июля 1308 г. были доверены Мариньи, чтобы он передал их королю для оплаты его игры¹²; кроме того, мы уже сказали о том, что в 1313 г. Ангерран передал королю один флорин на его пожертвования¹³.

¹ Bibl. nat., Clair. 832, p. 292, et fr. 7852, p. 341; во второй рукописи указана сумма на один ливр больше.

² *Hist. Fr.*, t. XXII, p. 548, g.

³ *Ibid.*, p. 549, e-f.

⁴ *Ibid.*, p. 549, j.

⁵ *Ibid.*, p. 549, k.

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid.*, p. 549–550.

⁸ *Ibid.*, p. 550, c.

⁹ *Ibid.*, p. 550, e.

¹⁰ *Ibid.*, p. 550, f.

¹¹ *Ibid.*

¹² *Ibid.*, p. 562, c.

¹³ R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. II, p. 780, № 27777.

Только что мы увидели, каковы были денежные средства в королевском отеле и как их расходовали. Каким образом и кто заведовал денежными средствами в отеле? Кто охранял их и вел отчетность? Гофмейстер, а точнее, в 1313 г. — Бодуэн де Руа. Он не только был обязан записывать расходы, но и нес ответственность за наличную казну короля, в отношении которой он, хоть и носил титул гофмейстера, практически являлся казначеем¹. Согласно ордонансу от 19 января 1314 г.², расходы отеля оплачивались из казны Тампля, которая была доверена бывшему писцу Мариньи, Жоффруа де Бриансону, и Ги Флорану, а в ведении Бодуэна де Руа и Гильома дю Буа находилась казна Лувра. Заметим, что Мариньи был комендантом Лувра и работы по строительству дворца Сите оплачивались, наряду с прочим, из луврской казны. Королевская Палата сохраняла финансовую автономию, то есть управление и распределение капиталов, выделенных казначеями Тампля, осуществлял Мишель де Бурдене, делавший это по приказу Ангеррана де Мариньи: доказательством выполнения этих распоряжений является *квит* (*quitus*), представленный годом спустя Мариньи³.

Уже в 1307 г. Мишель де Бурдене вел счета Палаты короля и королевских детей⁴. По всей видимости, на протяжении 1307, 1308, 1309⁵ и 1314 гг. Бурдене постоянно находился на службе у короля, как в отеле, так и в Палате счетов⁶. В сентябре 1312 г. управляющий монетного двора, Жан Ле Помье, передал ему «монетные чеканы»⁷; а 29 апреля того же года он получил из папской канцелярии позволение совмещать бенефиции, среди которых числился ректорат Кибервиля, патронат над которым принадлежал Ангеррану⁸ (само собой, по предложению того, у кого Мишель де Бурдене некогда служил писцом⁹). Означает ли это, что в то время Бурдене не состоял на службе у короля? Хронология событий не позволяет этого утверждать. Более того, при составлении в 1309 г. описи вещей, принадлежавших покоям короля, Мишель де Бурдене упомянул Мариньи с добавлением «монс<монсеньору>», тогда как логичней казалось бы упоминание Ангеррана как «вышеупомянутого сира» или «вышеупомянутого монс.»¹⁰. Следовательно, нам точно

¹ *Ibid.*, p. 778, № 27759.

² Arch. nat., JJ 57, f. 18. — К рассмотрению этих указов мы обратимся чуть позже.

³ Arch. nat., JJ 50, № 115, f. 75.

⁴ R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. II, p. 540–546.

⁵ *Ibid.*, p. 547–548 et 549–550.

⁶ Borelli de Serres, *Recherches...*, t. III, p. 55, n. 2.

⁷ R. Fawtier, *op. cit.*, t. II, p. 757.

⁸ *Cartulaire*, № 75.

⁹ *Regestum...*, t. VII, p. 48, № 7796.

¹⁰ R. Fawtier, *op. cit.*, t. II, p. 550, № 24089–24090.

неизвестно, был Мариньи для Бурдене «господином» или «монсеньором»; и обращение, которое употребил папский нотариус, было совершенно правильным: Мишель де Бурдене служил писцом у Ангеррана. В то время как в 1309 г., а также и в 1312-м, Мариньи принадлежало безоговорочное первенство в управлении королевской Палатой и даже всем отелом, писец, в обязанности которого входило управление финансами — прежде всего составление счетов, а также второстепенное руководство — королевской Палаты, являлся личным служащим камергера и подчинялся непосредственно ему. Либо Мариньи взял к себе на личную службу своего подчиненного по Палате, или его подчиненным стал его собственный писец. Нам неизвестно, когда точно Бурдене поступил на службу к Ангеррану, поэтому мы не можем точно знать, кем Мишель был сначала — либо личным слугой Мариньи, либо служащим Палаты, но вполне возможно, что Бурдене, служивший писцом у короля в 1307¹ и 1308 гг.², попал под начало Мариньи прежде, чем поступил к нему на службу. В любом случае писца Ангеррана де Мариньи не назвали бы королевским писцом в папской булле, не будь для упоминания этой должности веских оснований.

Мы не станем углубляться в рассмотрение вопроса о расходах отеля и королевской Палаты: обычного анализа счетов достаточно для того, чтобы показать их разнообразие и выявить тех, кто мог на них нажиться, хотя это не было бы хоть сколько-нибудь полезно для нашего исследования. В общей сложности, деньги расходовались на предметы обихода, мебель, одежду и продукты, а также на драгоценности, предназначавшиеся либо самому королю, либо тем, кому король хотел сделать подарок.

Проверкой счетов занимались члены Денежной палаты, четыре мэтра счетов, Жан де Даммартен, Санс де Шармуа, Реньо Барбу и Жоффруа Кокатрикс, к которым периодически присоединялись те, кого Борелли де Серр назвал «чрезвычайными посланцами курии»³, известные нам по списку «мэтров счетов», получивших в качестве вознаграждения, которое полагалось им за эту службу, пару форм для чеканки монет⁴. Имя Мариньи появляется среди этих «мэтров счетов» (в большинстве случаев это название не соответствовало действительности) начиная с Троицына дня 1304 г.; он назван первым из мирян после графа де Сен-Поля, перед Гильомом д'Анже, Гильомом д'Аркуром и Пьером де Шамбли, который между тем являлся главным камергером. В 1309 г. Мариньи по-

¹ Arch. nat., K 37 B, № 37.

² Ibid., № 40.

³ Borelli de Serres, *Recherches*., t. I, p. 328.

⁴ Эти чеканы монет считали «парами»; таким образом, это не может считаться ежедневным вознаграждением, как считал Борелли де Серр; Borelli de Serres, *loc. cit.*

лучил чеканы монет к Рождеству, но его имя было упомянуто после Ногаре. В 1310 г., примерно на Рождество, он все еще входил в число «мэтров счетов», но на этот раз имена рыцарей — Мариньи, Марсильи и Ногаре — были упомянуты прежде, чем имена казначеев и настоящих мэтров счетов.

На самом деле, роль этих «чрезвычайных посланцев» не была особенно важна. Они давали официальное подтверждение результатам работы, проведенной мэтрами счетов из Денежной палаты, как показал Борелли де Серр¹. Это дополняло полномочия Мариньи в сфере финансов отеля, впрочем, ничего к ним не добавляя.

Желая полностью разобраться в вопросе финансов отеля и роли Мариньи в руководстве ими, мы должны напоследок рассмотреть еще одну сферу вложения средств: драгоценности короля, украшения и изделия из ценных металлов. Они находились в казне в Лувре², дворце, комендантом которого являлся Ангерран³. В 1304 г. их доверили камергеру, Гуго де Бувилю. Драгоценности были переданы ему на хранение под его полную ответственность: именно поэтому разницу между доходами и расходами занесли на его счет⁴. Эту должность Мариньи получил в дополнение к посту коменданта Лувра, вероятно, в 1304 г., когда он сменил Гуго де Бувиля на посту камергера. По нашим сведениям, опись и оценку драгоценностей короны и королевской семьи произвел в 1308 и в 1309 гг. Мишель де Бурдене⁵, писец королевской Палаты, по приказу Мариньи. Кроме того, с 1304 г. в ведении Мариньи находились немисливо роскошные предметы интерьера королевского отеля: сбыт 54 конфискованных драпировок, в целом стоимостью 1296 парижских ливров, что говорит о том, что они представляли собой ценный комплект прекрасных гобеленов⁶, драпировок, которыми украсили покои короля во время его путешествия в Тулузу: одной из них было достаточно, чтобы сделать шесть «интерьерных украшений» («gagnemens») для короля и одно для королевы⁷, все остальные раздали. По всей видимости, эти дары проходили через казну, а не королевскую Палату: Мариньи передал Бувилю 1296 ливров⁸,

¹ Borrelli de Serres, *Recherches...*, t. I, p. 328–329.

² Soultrait, *Inventaire...*, col. 623 et suiv.

³ *Grandes chroniques...*, éd. J. Viard, t. VIII, p. 306.

⁴ R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. II, p. 539, № 23965.

⁵ *Ibid.*, p. 547–550.

⁶ «Шерстяная драпировка с вышитыми на ней изображениями различных фигур», без всяких сомнений, роскошный гобелен, которую подарила Мариньи Маго д'Артуа, стоила всего лишь 19 парижских ливров 3 су, либо 23 турецких ливра 18 су 9 денье; 25 локтей «драпировки, украшенной изображениями сарацинов», стоили 22 ливра 10 су (Arch. du Pas-de-Calais, A 284, № 1). — Из этого следует, что стоимость одного отреза такой драпировки составляла 24 ливра.

⁷ R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. II, p. 537, № 23929–23931.

⁸ *Ibid.*, p. 535, № 23911.

сумму, которая значилась в квитанции о поступлении¹. Это является доказательством того, что, еще не будучи камергером, Мариньи помогал Гуго де Бувилю выполнять его камергерские обязанности. Помимо этого, насколько нам известно, Мариньи не единожды участвовал в сделке подобного рода в интересах короля: он приобрел у некоего ломбардца при посредстве аббата Сито крест из золота и серебра за внушительную сумму в 900 флоринов, то есть 618 турецких ливров 15 су².

Таким образом, именно Мариньи благодаря занимаемой им должности в большинстве случаев представлял в качестве распорядителя расходами отеля. Сам он превысил свои полномочия для того, чтобы лично или с помощью Мишеля де Бурдене наложить руки на большую часть финансов королевского отеля. Являясь комендантом Лувра и, следовательно, хранителем казны и королевских драгоценностей, он смог объединить эти разнообразные привилегии и получить, собрав в одно целое свои разнородные полномочия в разных сферах и свои точно не определенные права и обязанности (неопределенность которых, впрочем, лишь помогала ему), возможность управлять денежными средствами королевского отеля, что, безусловно, немало поспособствовало претворению в жизнь его честолюбивых планов.

В большинстве случаев он действовал как камергер, но довольно часто пользовался также и преимуществами, недоступными для обычных камергеров. Это утверждение можно проиллюстрировать примером с Денежной палатой: нам кажется совершенно естественным — и в то время воспринимали как должное — то, что камергер принимал участие в процессе ее работы, но нельзя забывать о том, что Мариньи заседал в Денежной палате уже в 1304 г. и что после смерти Пьера де Шамбли-старшего в ней не было камергеров, кроме Ангеррана.

3. МАРИНЬИ, КАМЕРГЕР КОРОЛЯ

В реализации честолюбивых планов Мариньи ему более всего помогало то, что должность камергера предполагала практически постоянное его присутствие при дворе. Мы уже говорили, что во время службы камергеры сменяли друг друга через небольшие периоды времени. Но тем не менее Мариньи был обязан находиться подле короля либо при дворе постоянно, за исключением того времени, когда он находился в отъезде, исполняя какое-нибудь

¹ R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. II, p. 536, № 23913; общая сумма составляла 11 002 ливра, а не 11 200, как по ошибке написал Менан.

² J. Viard, *Journaux...*, col. 866–867, № 5932; Ж. Виар указал сумму в 648 ливров, безусловно, вследствие ошибки Менана.

поручение. Он жил в покоях короля и в непосредственной близости от королевской семьи в период, когда ему полагалось выполнять свои обязанности, но и на время службы своих коллег он не мог никуда отлучаться. К тому же то, что его парижский особняк находился на расстоянии нескольких сот метров от Лувра, являлось наглядным примером его несвободного положения, к которому, впрочем, Мариньи сумел прекрасно приспособиться. Если даже двор и не являлся его постоянным местом жительства, можно с уверенностью сказать, что он ежедневно там появлялся, причем ему было разрешено там обедать¹.

Так совпало, что король по обыкновению охотился в лесах Лиона (Lyons) еще до возвышения Мариньи, чем объясняется тот факт, что леса нормандского Вексена составляли значительную часть королевского домена². Король так и не отказался от привычки совершать поездки в эти края, но постоянное повторение некоторых названий на пути Филиппа Красивого уничтожает всякие сомнения относительно участия Ангеррана в этих путешествиях. Когда в сентябре 1305 г. король ездил в Лоншан, он мог останавливаться в своем собственном замке, исключенном в 1289 г. из списка даров Жану Ловчему³, который правитель уже посетил 3 марта 1300 г.⁴ В ноябре 1306 г. и в феврале 1308 г. Филипп Красивый, без всяких сомнений, располагался в своем замке в Нефмарше⁵. Но, пересекая в июле-августе 1312 г. Вексен с юга на север, наряду с остановками в своих собственных замках, он, с большой долей вероятности, посетил в то время домен своего камергера, который находился рядом и был готов с радостью принять правителя в своих владениях⁶. В августе и сентябре 1314 г. король останавливался в Менневиле⁷, посетив до этого Лоншан⁸, Ла Фейи⁹ и Белозан¹⁰; при этом мы не склонны полагать, что в Менневиле находился еще один замок, помимо того, что принадлежал Мариньи.

¹ Камергерам накрывали «рядом со столом по количеству ртов»; Bibl. nat., fr. 7852, p. 82.

² В начале 1302 г. бальи Жизора должен был возмещать жителям Сен-Дени-ле-Ферман и Сен-Женевьев убытки, которые они понесли во время королевской охоты; R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. II, p. 149, № 16038.

³ *Cartulaire*, № 20.

⁴ J. Petit, *Essai de restitution...*, Pater, № 145, p. 37.

⁵ Arch. nat., JJ 40, № 95, f. 46 v.; Th. Rymer, *Foedera...*, t. I, 4^e partie, p. 111.

⁶ Arch. d'Etat de Gand, Saint-Genois 1249; Arch. nat., JJ 48, № 72, f. 43 r., et № 75, f. 45 r.

⁷ Arch. nat., JJ 50, № 82, f. 56 v.; в тот момент Мариньи не сопровождал короля. См. с. 176–184.

⁸ Arch. nat., JJ 50, № 58, f. 44 r.

⁹ Arch. nat., JJ 50, № 59, f. 44 r.

¹⁰ Arch. nat., JJ 50, № 60, f. 45 v.

В Париже камергер должен был постоянно находиться рядом с королем еще и потому, что являлся комендантом Лувра. Этот внушительных размеров замок в то время был всего лишь одним из замков короля, а не его постоянной резиденцией. Следовательно, как и в случае с любым другим замком, существовал комендант Лувра, который был обязан проживать в непосредственной близости от этого здания, что и делал Мариньи, и имел право использовать его помещения, при условии, что это не могло повредить интересам короля. Но начавшиеся во дворце работы вынудили Филиппа Красивого переехать в Лувр. В феврале 1311 г. под руководством Мариньи была составлена королевская хартия, согласно которой в Лувре учреждалась должность коменданта с жалованьем в 25 парижских ливров ренты; для коменданта предусматривалась также оплата расходов на его содержание и проживание и выделялась часть из тех продовольственных товаров и свечей, которые предназначались для короля и его детей во время их пребывания в Лувре¹. То, что камергер являлся также хранителем жилища короля вплоть до 1313 г., было неплохим подспорьем для упрочения положения Мариньи при дворе и усиления его влияния на короля. Современники Ангеррана, конечно же, не упустили из виду то, что он добился возможности влиять на самого короля, и не преминули преувеличить масштабы этого влияния. В высказываниях и Жоффруа Парижского, и Жана Сен-Виктора прослеживается одна и та же мысль: на прием к королю нельзя было попасть, не договорившись предварительно с Мариньи, а решения любых вопросов сначала неизменно согласовывались с ним². Здесь чувствуется несколько преувеличенный подход к вопросу: в счетах королевского отеля только за март-апрель 1307 г. содержатся три послания короля к Мариньи³. В 1314 г., когда карьера нашего героя близилась к завершению, он провел 55 дней в Париже в отсутствие короля⁴; именно в это время количество упреков к Мариньи резко увеличилось.

Упрочивая свое положение управляющего делами отеля и, в частности, королевской Палаты, Мариньи устроил многих своих знакомых и друзей на различные недавно освободившиеся должности. Жоффруа Парижский упрекнул его в этом:

Из убогого человечка низкого происхождения
Мэтра он сделал при дворе; привратника
Он сделал сержантом; и на королевский двор
Устроил многих камергерами⁵.

¹ Arch. nat., JJ 46, № 157, f. 91 v.

² G. de Paris, éd. A. Diverrière, p. 197 et 209; J. de Saint-Victor, dans Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. I, p. 109.

³ *Hist. Fr.*, t. XXII, p. 546, a, c, e.

⁴ J. Viard, *Journaux du Trésor...*, col. 908, № 6080.

⁵ G. de Paris, éd. A. Diverrière, p. 210.

Нам известно, что Луи де Мариньи был камергером Людовика Наваррского, кроме того, в штате служащих отеля фигурировали имена некоторых других соотечественников Ангеррана, таких, например, как нотариус Гильом де Ри¹ или цирюльник Лоран Нувель, уроженец Баквиля². Наконец, Мишель де Бурдене, доверенное лицо камергера, 19 января 1314 г. получил «должность управителя и администратора» в королевской Палате, которую он обязан был исполнять «согласно указаниям и под руководством названного Ангеррана»³. Не назначая Бурдене камергером, король пошел еще дальше, чем прежде, доверив ему охрану личной королевской казны; Бурдене становился управляющим в королевской Палате, подчиняющимся приказам камергера, которому его дипломатическая деятельность уже не оставляла времени на выполнение служебных обязанностей. Можно понять, чем были так недовольны остальные камергеры!

В начале своей карьеры Мариньи, как мы уже говорили, ведал поставками различного продовольствия в отель и выплатами жалованья служащим. Он даже занимался вопросом выплаты долгов отеля за поставки продуктов во время военной кампании во Фландрии в 1304 г. Девять предписаний, датированных различными числами марта 1305 г., представляют собой отданные Реньо де Руа приказы «поставщику продовольствия» выплатить определенные суммы десятникам или оруженосцам «за снабжение товарами». Было бы ошибочным предполагать, что Мариньи вмешивался в сферу военной службы. Один из сохранившихся документов выдан оруженосцу Этьену Лемпереру из Кале⁴; в обязательстве, подписанном Гильомом де Мильи, говорилось о предмете долга: «содержании, выделенном во время последнего похода во Фландрию»⁵, но в квитанции Этьена Лемперера было точно указано, что подразумевалось под этим «снабжением» или «содержанием»: ему должны были выплатить, как он указал, 91 турский ливр «за поставку вина из Гаскони»⁶. Следовательно, с 1305 г. Мариньи с помощью Реньо де Руа улаживал вопросы, связанные не только с королевской Палатой, но и со всем отелем.

Хоть Ангерран со временем перестал заниматься подобными вещами, но тем не менее продолжал интересоваться делами отеля и его людьми. Он до самого конца своей карьеры ходатайствовал за людей, занимавших самые низкие должности, даже за слуг

¹ Он служил в отеле еще до появления Мариньи, но наибольшую активность вместе с Реньо Паркье развил под началом Мариньи.

² Arch. nat., JJ 46, № 55, f. 48 v.

³ Arch. nat., JJ 50, № 115, f. 75 («*quitus*», переданный Людовиком X Мариньи 24 января 1315 г.).

⁴ 1305 г., 23 марта. — Париж; Bibl. nat., Clairambault 43, № 19.

⁵ 1304 г., 25 октября; *ibid.*, № 20.

⁶ 1305 г., 16 апреля. — Кале; *ibid.*, № 21.

короля, и добивался для них различных благ. Дары от короля, юридическим оформлением которых занимался Мариньи, получили его коллега Пьер де Шамбли¹, гофмейстер Бодуэн де Руа², нотариус Рауль де Жуи³ и Урри Германец, рыцарь короля⁴, врач Арнуль де Квинквемпуа⁵, Маргерит де Певе, фрейлина королевы Наваррской⁶, и Беатрис де Монтрей⁷, фрейлина королевы Марии Брабантской, а также королевские слуги, такие, как Мишле Наваррский⁸, Жан де Ла Рош-Контрад⁹, Готье де Мезьер¹⁰ и Жан Шоша¹¹, или помощник повара Жан Фужеле¹².

Власть Ангеррана при дворе порой перетекала в дипломатическую деятельность. Так, опасаясь, что между людьми короля и посланниками папы вновь разгорится спор из-за их расселения в Пуатье во время встречи Климента V и Филиппа Красивого, кардинал Раймонд де Го в письме королю от 13 мая 1308 г. попросил его предварительно прислать в Пуатье Ангеррана де Мариньи, чтобы тот все уладил во избежание возможных беспорядков¹³. Таким образом, камергер организовал совместное пребывание в одном городе придворных этих двух высокопоставленных особ. Лизеран утверждает, что на расходы во время своего пребывания в Пуатье Мариньи получил 52 000 ливров, и, по всей видимости, значительная часть этих денег досталась лично ему¹⁴. Нам кажется, что названная цифра представляет собой не что иное, как сумму расходов на пребывание в городе всех придворных на все время переговоров. Представляется совершенно неправдопо-

¹ 1314 г., апрель. — s. l.; Arch. nat., JJ 49, № 230, f. 102 v.; R. Fawtier, *Registres*, № 2152.

² 1313 г., 27 апреля. — Пуасси; Arch. nat., JJ 49, № 7, f. 3 v.; R. Fawtier, *Registres*, № 1927.

³ 1312 г., август. — Ла Фейи; Arch. nat., JJ 48, № 75, f. 45 r.; R. Fawtier, *Registres*, № 1766.

⁴ 1312 г. (нов. стиль), январь. — Париж; Arch. nat., JJ 46, № 174, f. 101; R. Fawtier, *Registres*, № 1453.

⁵ 1310 г., 27 июня. — Париж; orig., Arch. nat., J 1020, № 25; R. Fawtier, *Registres*, № 1197.

⁶ 1311 г., август. — Сент-Уан; Arch. nat., JJ 46, № 126, f. 77 r.; R. Fawtier, *Registres*, № 1403.

⁷ 1311 г., декабрь. — Фонтенбло; Arch. ant., JJ 46, № 158, f. 91 v.-92 r.; R. Fawtier, *Registres*, № 1437.

⁸ 1309 г., 13 августа. — Париж, Bibl. nat., français 25697, № 52; речь идет о выплате задержанного жалования, а не о подарке.

⁹ 1314 г. (нов. стиль), январь. — S. l.; Arch. nat., JJ 49, № 232, f. 103 r.; R. Fawtier, *Registres*, № 2154.

¹⁰ 1313 г., 27 апреля. — Пуасси; Arch. nat., JJ 49, № 8, f. 3 v.-4 r.; R. Fawtier, *Registres*, № 1928; это подтверждение сделанного Ангерраном подарка.

¹¹ 1313 г., октябрь. — Сен-Дени; Arch. nat., JJ 49, № 120, f. 50 v.-51 r.; R. Fawtier, *Registres*, № 2041.

¹² 1311 г., август. — Сент-Уан; Arch. nat., JJ 46, № 81, f. 61 r.; R. Fawtier, *Registres*, № 1357.

¹³ Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. III, p. 96.

¹⁴ G. Lizerand, *Enguerrand de Marigny*, p. 3.

добным, что Мариньи мог получить за одну поездку 52 000 ливров, в то время как обычно в подобных случаях выплачивали от 20 до 100 ливров. Наконец, в 1308 г. счета Мариньи были бы проверены счетоводами, и он бы не смог выгадать для себя абсолютно ничего. На наш взгляд, эту цифру и эту гипотезу нужно воспринимать, с большой долей скептицизма¹.

Известно, что одной из должностных обязанностей камергера являлось составление отчетов о незначительных юридических делах, например, о помилованиях. Именно поэтому 26 июля 1305 г.² епископ дю Пюи, Жан де Коммин, отправил графу де Дре, Пьеру де Шамбли, Мариньи и Пьеру де Шамбли-младшему письма, с просьбой утвердить принятие решения о восстановлении Анри дю Пюи, королевского писца и главы превоства в Шатонефе, на вышеуказанных должностях, которое принял бальи Оверни; Анри дю Пюи был отстранен от должности по обвинению в растрате, которое с него сняли после того, как по указанию короля и епископа было проведено расследование. То, что епископ сообщил трем камергерам — имя Жана де Бувиля не упоминалось — об исходе дела, возможно, говорит о том, что они докладывали об этом деле при дворе, может быть, потому, что подозреваемый прево занимал должность королевского писца, при том что ему вменялась в вину предполагаемая профессиональная ошибка. Епископ Пюи передавал камергерам письма овернского бальи³, что подтверждает официальный характер его действий.

Напротив, нет никакой возможности связать с обязанностями камергера роль, которую Мариньи сыграл в вынесении приговора Людовику Неверскому в 1312 г., хотя граф и заявил, что король заставил его подвергнуться суду «советников его Палаты»⁴; по всей видимости, это высказывание нужно рассматривать как протест против недостойного, с его точки зрения, судебного решения. В этом случае Ангерран де Мариньи выступал в качестве советника короля.

Прошения о помиловании были как раз из числа тех документов об отмене наказания, которые камергер мог получить от короля. Многие из них запрашивал сам Мариньи, до нас дошли три подобных прошения, составленные по его распоряжению⁵, а также три прошения об аноблировании⁶.

Камергер также занимался различными делами, связанными с вопросом о правах короля в феодальной среде, которые позволяли Филиппу Красивому вмешиваться в сделки и различные юридические

¹ Мы не нашли ни малейшего упоминания об этой сумме ни в одном из изученных нами документов.

² Original, Arch. nat., J 1046, № 20.

³ Original, Arch. nat., J 1046, № 16.

⁴ «Совету палаты» («Per consilium camere»); Limbourg-Stirum, *Codex...*, t. II, p. 224, № 290.

⁵ R. Fawtier, *Registres*, № 1406, 1419 et 1428.

⁶ *Ibid.*, № 1188, 1509 et 1511.

акты частных лиц. Составив королевский приказ, в котором подтверждался факт перехода монастыря Сен-Гилем-дю-Дезер под королевскую защиту и предоставление ему за определенную плату королем юрисдикции первой апелляции¹, Мариньи выхлопотал для этого монастыря разрешение выкупить 50 ливров ренты². Также он убедил короля принять и утвердить основание нескольких монастырей — право «мертвой руки» вынуждало дарителя получать согласие короля, — а также, с королевского позволения, заключил несколько сделок по продаже и обмену³.

Мы уже говорили о том, что именно камергер представлял королю вассалов, которые должны были приносить оммаж. Это давало ему право на получение права «chambellage», причем сумма выплаты была больше или меньше, в зависимости от фьефа. Мариньи выполнил данную обязанность, но мы хотели бы особенно отметить ситуацию, в которой он предстал в роли настоящего свидетеля: 5 июня 1307 г. в Лоше Роберт Бетюнский и Генрих Люксембургский⁴, нормандцы благородного происхождения и городские прокуроры, поклялись соблюдать условия мирного договора в Ати. Свидетелями этого события являлись Жиль Асцелин, архиепископ Нарбонны, Пьер де Гре, епископ Оксера, Матье де Три, камергер Франции, Ангерран де Мариньи, королевский камергер, нотариусы Жиль де Реми и Жан Камель, а также Ами д'Орлеан, который составил официальный протокол⁵. Матье де Три и Ангерран де Мариньи присутствовали как камергеры при принесении присяги, которая, после восстания во Фландрии и последующего заключения перемирия с вассалом и его людьми, более всего походила на повторное клятвенное обещание верности своему сеньору. В тот момент король находился в Лоше⁶, и при дворе, без всякого сомнения, были и другие люди, которые могли бы поучаствовать в качестве свидетелей в этой церемонии, если бы из-за сугубо вассального характера присяги не требовалось присутствие именно Три и Мариньи.

Мы отнюдь не считаем, что в данном очерке, основанном на имеющемся в наличии документальном материале, нам удалось исчерпывающим образом объяснить, кем являлся камергер, и тем более выявить основные особенности этой должности. Мы хотели показать, что в годы, предшествовавшие апогею его могущества, то есть до 1312 г., Мариньи действительно являлся камергером Филиппа Красивого. Конечно же, он был дипломатом и финансистом,

¹ 1313 г., июнь. — Мобюиссон; Arch. nat., JJ 49, № 41 et 42, f. 23 v.

² 1313 г., июнь. — Мобюиссон; Arch. nat., JJ 49, № 40, f. 23 v.

³ R. Fawtier, *Registres*, № 1160, 1276, 1303, 1321, 1574, 1580, 1565, 1763, 1808, 1925, 1298, 2041, 2238 et 2239.

⁴ Будущий император Генрих VII.

⁵ Limbourg-Stirum, *Codex*., t. II, p. 33–36, № 206.

⁶ Там он передал Мариньи три свидетельства; *Cartulaire*, № 7, 8 et 8 bis.

но вместе с тем выполнял свои служебные обязанности. Можно даже сказать, что он смог укрепить свою власть, используя все возможности, которые предоставляла эта должность. Но, как только его политический вес стал слишком велик для того, чтобы он продолжал заниматься делами королевской Палаты и отеля, он отнюдь не предоставил их заботам своих коллег, других камергеров: он доверил их своему верному Мишелю де Бурдене, который в 1314 г., не имея абсолютно никакого почетного статуса, контролировал значительную часть происходящего в отеле. Прослужив какое-то время камергером, Мариньи принял на себя полномочия того, кто некогда назывался великим гофмейстером.

Народ посчитал, что лучшим примером этого превращения стало завершение строительства дворца в Сите, которое немедленно посчитали заслугой Мариньи, — впрочем, нужно сказать, что с момента последнего визита Ангеррана в Париж темпы работ действительно заметно увеличились. Хронисты, которые жили в одно время с Ангерраном, считали Мариньи создателем этого дворца. В «*Больших Французских Хрониках*» сообщалось, что король «Филипп Красивый» правил двадцать восемь лет и по предложению Ангеррана де Мариньи, своего коадьютора и правителя королевства, построил в Париже новый дворец, искусное и дорогостоящее творение, как мы полагаем, самый красивый дворец из всех, которые кто-нибудь где-нибудь раньше видел¹; если верить этим словам, Мариньи в данном случае предназначалась роль не советника, а ответственного за строительные работы, и именно это имел в виду Жоффруа Парижский:

Это был он, который,
чтобы сделать дворец для короля,
руководил постройкой дворца,
стоившего столь много золота².

Иностранцы, ничуть не сомневаясь в своей правоте, считали дворец творением Мариньи, и если Жак Мюевен написал, что король построил новый дворец по совету Мариньи³, то Жиль Ле Мюизи высказался более категорично: Мариньи приказал построить новый дворец⁴.

Все эти предположения, даже мнение Мюевена, сильно преувеличены. Можно в действительности сказать, что Мариньи являлся руководителем и отвечал — очень действенно, как мы увидим, — за работы по сооружению северных и восточных фасадов дворца, за завершение в 1312 г. строительства четырехугольной башни, за расширение к северу восточного фасада Большого зала, а также за достройку до Сены поперечной дороги на юге и, возможно, за

¹ *Grandes Chroniques*, éd. J. Viard, t. VIII, p. 303.

² Ed. A. Diverrès, p. 196.

³ Ed. de Smet, *Recueil...*, t. II, p. 457.

⁴ Ed. H. Lemaître, p. 85.

проект моста Сен-Мишель¹. Но, как вполне убедительно доказал М. Ж. Геру, сооружение Большого зала и Большой палаты было предусмотрено еще в самом первом плане, принятом еще задолго до появления Мариньи у власти, поскольку возводить восточную крепостную стену закончили в 1298 г.

Был ли Ангерран организатором масштабной экспроприации, проведенной в 1311 г.? Речь, в частности, идет о домах на Ривьер-Жеан-Ле-Кра, то есть в районе современной набережной Орлож, и домов, располагавшихся вокруг старой площади Сен-Мишель, у юго-восточного угла нового здания, где было построено здание казначейства Сен-Шапель, работы по возведению которого были частично оплачены по приказу Мариньи². Эти экспроприации позволили также расширить помещение каноников, на тесноту которого они уже давно жаловались³. Но даже если экспроприации были проведены с согласия или, более того, по инициативе Ангеррана, было бы несправедливым на основании появившихся по прошествии двадцати лет жалоб, которые оставили след в *«Больших Французских Хрониках»*⁴, утверждать, что Мариньи лично занимался изъятием имущества и что недовольство крупных буржуа (например, Кокатриков, Барбу, Марселей) было вызвано тем, что результат оценки их впоследствии экспроприированного имущества оказался ниже его себестоимости и даже ниже той суммы, на которую рассчитывали спекулировавшие на экспроприации люди. Основную часть указанного имущества изъяли в сентябре 1311 г., когда Мариньи находился во Фландрии и заботился исключительно о решении вопросов, связанных с фламандцами. Экспроприации проводили Гильом де Марсильи и... Жоффруа Кокатрикс, существует около тридцати документов, в которых содержится подтверждение этому факту⁵. Впрочем, они продолжали свою деятельность вплоть до января 1313 г.⁶ Поэтому сказать, что Мариньи нарушал порядок экспроприации, никак нельзя.

Тем не менее он лично ведал расходом и закупками материалов, а также финансированием работ по возведению дворца. 27 марта 1307 г. он распорядился выплатить из средств отеля 240 ливров трем каменотесам и двум плотникам⁷. Примерно в 1312 г. он послал одного из служащих, ответственных за строительство дворца, Ни-

¹ J. Guérout, *Le Palais de la Cité...*, 2e partie, p. 35–44.

² *Ibid.*, p. 39, n. 6.

³ Можно сравнить два составленных М. Ж. Геру плана, 1292 г. (план I) и примерно 1360 г. (план II).

⁴ *Grandes Chroniques*, éd. J. Viard, t. VIII, p. 311.

⁵ Arch. nat., JJ 46 et JJ 48, *passim*.

⁶ Arch. nat., JJ 48, № 177–178, f. 103.

⁷ *Hist. Fr.*, t. XXII, p. 549, e–f.

коля Ле Локетье¹, в Рейнскую область, в Нидерланды, в Данию и во Фрисландию, чтобы купить помимо десяти парадных коней для короля мраморные плиты², которые, согласно предположению Ж. Геру, предназначались для верхней из тех широких ступеней, которые вели к Торговой галерее, для пола Большого зала и для мраморного стола в Большом зале³.

Таким образом, утверждать, что дворец целиком и полностью является творением Мариньи, нельзя, но так же неверно было бы отрицать то, что Мариньи принимал активное участие в его создании: отвергнув мнение Борелли де Серра, считавшего, что строительство дворца завершилось в 1304 г., М. Ж. Геру доказал, что значительная часть строительных работ была произведена после 1308 г.⁴ Этот период как раз совпадает с тем временем, когда Мариньи взял в свои руки руководство отелем, скончался Пьер де Шамбли и молодой камергер ощутил первые признаки королевской благосклонности. Он не создал дворец Сите, но то, что он поспособствовал завершению его строительства, несомненно.

В 1313 г. работы, связанные с дворцом, были практически закончены, но король пока еще не переехал туда. Торжественное открытие нового здания состоялось во время празднования Троицына дня в 1313 г., причем в течение этого торжества Филипп Красивый посвятил в рыцари около двухсот юношей, в числе которых были его три сына, Филипп де Валуа, молодой Робер д'Артуа и, среди прочих, Пьер де Шамбли и Луи де Мариньи⁵. Эта церемония состоялась в соборе Пресвятой Богородицы⁶. В следующую среду, 6 июня 1313 г., Николя де Фревилль предложил принести обет крестоносцев всем присутствовавшим сеньорам и в том числе королям Франции, Англии и Наварры. Днем спустя праздник и шествие ремесленников, оказавшие, по всей видимости, сильное впечатление на современников, прошли перед «недавно» построенным дворцом, где «для того, чтобы лицезреть празднество», собрались три короля со своими придворными⁷.

Мы уже говорили о том, что Мариньи желал, чтобы при входе во дворец стояло его скульптурное изображение, следовательно, ему должно было нравиться, что его считают создателем этого архитектурного творения. Статуя Мариньи, описанная Сен-Фуа,

¹ Он был одним из доверенных лиц Мариньи; в 1313 г. он ездил в Нормандию за покупкой 144 лошадей для турнира и торжественного посвящения в рыцари во время Троицына дня; Bibl. nat., fr. 7852, p. 341.

² Arch. nat., JJ 79 B, f. 58 r.

³ J. Guérout, *op. cit.*, 2e partie, p. 38 et 137, et plan II.

⁴ *Ibid.*, p. 53.

⁵ Bibl. nat., Clair. 832, p. 269 et 275; fr. 7852, p. 337.

⁶ *Grandes Chroniques*., éd. J. Viard, t. VIII, p. 288.

⁷ *Ibid.*, p. 288–289.

находилась на самой верхней из широких ступеней, построенных, по его указанию, перед Торговой галереей Людовика Святого. Стояла она на одном из столбов портала, в простенке которого находилась скульптура Филиппа Красивого¹; и должна была помещаться в левом проеме, поскольку Жоффруа Парижский уточнял, что она находилась справа от статуи короля. Тот же хронист упоминал о белом цвете головного убора Мариньи², следовательно, можно предположить, что скульптура была многоцветной. Мариньи изображался как рыцарь с подвешенным к расшитой перевязи мечом, в то время как в Экуи, где находилась еще одна его статуя, он был представлен в светской, очень элегантной одежде.

Еще одно изображение камергера, на этот раз живописное, долгое время украшало стену, соединявшую кухню с восьмиугольной башенкой, над правой лестницей, которая вела в Большой зал³. Рядом с ним на стене можно было увидеть надпись: «Пусть каждый считает свои деньги, кто не имеет достатка, тот не имеет ничего».

Таким образом, было бы преувеличением утверждать, что новый дворец был построен по приказу Мариньи. Тем не менее именно он являлся вдохновителем очень давно задуманной постройки, благополучным итогом которой стало одно из главных творений эпохи правления Филиппа Красивого. Причем не возникает никаких сомнений в том, что Ангерран знал, где и как достать деньги на проведение работ. На этом произведении искусства, автором которого Ангерран являлся лишь частично, остался столь яркий отпечаток его личности и главным образом его амбиций, что очень легко ошибиться в определении его роли в создании дворца. Мариньи активнейшим образом занимался строительной деятельностью для себя, но также и для короля. Будучи меценатом, он, возможно, направлял также меценатские побуждения короля: он поместил во дворце собственное скульптурное изображение, заказал статую короля и третью статую из группы парадного входа, возможно, изображение Жанны Наваррской... Он даже занимался вопросами декорации интерьера и посылал своих людей на поиски мрамора за границу. Творения парижских скульпторов эпохи Филиппа Красивого, даже те, что находились на самом входе в королевское жилище, засвидетельствовали могущество камергера.

¹ J. Guérout, *op. cit.*, 2e partie, p. 89.

² G. de Paris, éd. Diverrès, p. 196.

³ J. Guérout, *op. cit.*, 2e partie, p. 131 et plan II.

ГЛАВА V

ДЕЛА КОРОЛЕВСТВА

1. АКТЫ, СОСТАВЛЕННЫЕ ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ «ГОСПОДИНА АНГЕРРАНА» («PER DOMINUM INGERRANUM»)

Число составленных под руководством Ангеррана де Мариньи¹ королевских приказов и грамот — довольно большое. Если обратиться к огромному количеству дошедших до нас оригиналов или копий документов без каких-либо пометок вне содержания, придется признать, что результаты исследования остальных будут не особенно важны, их достаточно будет просто принять к сведению; тем не менее они, бесспорно, представляют некоторый интерес. Со времени первого знакомства с подобными пометками мы обнаружили три письма, составленных под руководством короля², и, письмо, составленное в сентябре 1307 г.³ под руководством Ангеррана де Мариньи³. Как мы уже сказали, на девяти предписаниях, относящихся к марту 1305 г., есть пометка «per dominum Ingerranum»⁴. Не считая утерянные или поврежденные бумаги, оригинальные документы без всяких пометок и неполные копии, нужно также учитывать возможность существования пометок под сохранившимися печатями. Пометки, не относившиеся к содержанию посланий, в действительности ставились в нижней левой части документа, на одном краю пергамента, и повторялись на другом его краю, который вдавливался в воск. И так как эта последняя надпись часто оказывалась единственной, то важная для нас пометка порой оставалась спрятанной, если печать не была разломана... Конечно же, под такими печатями от нас скрываются и другие пометки.

Несмотря на существование таких пробелов, в нашем распоряжении оказался шестьдесят один документ, согласно которым мы можем очертить деятельность Мариньи. Ш. Дюрье написал, что Ангерран «заверял очень малое количество королевских бумаг, которые, прак-

¹ На сгибах можно заметить надписи «per dominum Ingerranum» или «per dominum Marrianiaci», единственный раз «per dominum de Marrianiaco», причем все они даны в сокращении: то есть «P. D. Ima.».

² Arch. nat., JJ 44, № 19, 6 et 7.

³ Arch. nat., JJ 44, № 9, f. 7.

⁴ Bibl. nat., Clairambault, 15, № 116; 43, № 19; 54, № 7; 59, № 250; 71, № 199; 81, № 114; 93, № 64; 99, № 42; 110, № 32.

тически без исключений, относились к делам государственной казны, и делал он это лишь начиная с 1307 г.»¹. После проведения более тщательных исследований Борелли де Серр выявил тридцать три подобных документа в регистрах Сокровищницы хартий, но он исключил несколько документов из каждого регистра, кроме JJ 48 и необъяснимым образом оставил без внимания реестры JJ 42 В и 41 и JJ 50², в которых мы нашли сорок восемь составленных Мариньи писем³; к ним необходимо добавить двадцать три документа, сохранившихся в других собраниях и в коллекциях Архива Национальной библиотеки, а также муниципальных и районных архивов⁴. Хронологически они распределяются следующим образом:

1305	9*
1306	0
1307	2
1308	1
1309	5
1310	8
1311	18
1312	8**
1313	10
1314	10

* Это число было выявлено благодаря тому, что до нас дошло уникальное собрание документов.

** Достоверность этого числа сомнительна ввиду того, что в 1312 г. Мариньи часто и на длительное время отлучался из страны для выполнения дипломатических поручений. То же можно сказать и о следующих двух числах.

Наконец, необходимо отметить, что оригиналы документов, где сохранились следы вмешательства Мариньи, либо не зарегистрированы, либо на их копиях не содержится таких же пометок, как на оригинале; кроме того, на документах, с наибольшей долей вероятности составленных самим Мариньи, может не быть никаких надписей, как, например, на хартии с позволением капитулу Экуи приобрести имущество⁵.

Изучение составленных под руководством Мариньи документов представляет огромный интерес со множества точек зрения: оно дает много информации о маршрутах передвижения Мариньи, позволяет узнать о его взаимоотношениях с королевскими нотариусами и другими людьми; наконец, оно дает возможность познакомиться

¹ Ch. Durier, *Positions des thèses de l'Ecole des chartes*, 1878, p. 13.

² Borrelli de Serres, *Recherches*., t. III, p. 53.

³ 1 в JJ 44, 4 в JJ 42 В, 6 в JJ 45, 4 в JJ 47, 15 в JJ 46, 6 в JJ 48, 10 в JJ 49, 2 в JJ 50.

⁴ Мы не нашли подобных документов в бельгийских фондах и фондах Ватикана.

⁵ Arch. de l'Eure, G 221, № 1; оригинальный документ скреплен шелковым шнурком, без каких-либо помет (extra sigillum).

с некоторыми сторонами деятельности Ангеррана и оценить ее масштабы. В большинстве случаев окончательное решение принимал тот, под чьим руководством составлялся королевский акт.

В предыдущей главе мы уже сказали о том, что в большинстве своем эти акты относились к делам отеля. Бытовые вопросы очень редко становились темой королевских грамот, но когда в Лувре учреждали должность коменданта¹, а также когда король оказывал милости и преподносил дары служащим своего отеля, Ангерран отдавал королевским нотариусам распоряжение составить акт. Мы даже обнаружили предписание, составленное по распоряжению Мариньи, которое обязывало Жана де Крепи, королевского писца, выплатить слуге короля Мишле Наваррскому жалованье, заслуженное им во время военных действий в Гаскони и во Фландрии². Поскольку этот документ не был зарегистрирован наряду с другими девятью предписаниями, относящимися к марту 1305 г., не остается практически никаких сомнений в том, что Мариньи давал и другие указания о выплате жалованья, но оригиналы этих документов не сохранились; вероятно, какие-то указания он давал и в устной форме.

Значительное количество «составленных по распоряжению Мариньи» документов относится к сфере финансов. Среди них встречаются бумаги о взимании податей и налогов, доверенности, документы об ассигнованиях ренты и о различных операциях с казной и государственным имуществом, наконец, о разнообразных выплатах. Речь в них идет о десятине, которую король востребовал с Карла де Валуа³, о сборе приданого для Бланки Бургундской и об использовании денежных вложений, сделанных по этому случаю Маго д'Артуа⁴, об уменьшении штрафа городу Ажену⁵, налоговых льготах⁶, об отсрочке выплат экстраординарного налога (эд) в Пуату⁷, обо всем, что мы будем рассматривать на последующих страницах нашего повествования. Документы о делах казны и домена весьма многочисленны не только среди составленных по распоряжению Мариньи, но и среди актов Филиппа Красивого. Мариньи выпустил акты о даровании ренты из казны, а также и о других ассигнованиях, составил несколько актов дарения. Наиболее трудны для изучения платежные документы, поскольку их не регистрировали и, как

¹ R. Fawtier, *Registres*, № 1436.

² Bibl. nat., français 25697, № 52.

³ Arch. nat., J 164 A, № 17.

⁴ Arch. du Pas-de-Calais, A 57, № 6; R. Fawtier, *Registres*, № 1440–1441.

⁵ Arch. municipales d'Agen, FF 131, № 7.

⁶ Arch. nat., J 384, № 2 et 2 bis; éd. Edg. Boutaric, *Notices et extraits...*, t. XX, 2e partie, p. 205–206.

⁷ J. Petit, *Essai de restitution...*, p. 27, № 53.

правило, уничтожали после исполнения содержавшегося в них предписания.

Вмешательства короля в сделки между частными лицами на первый взгляд имели юридические основания, но на самом деле это были обычные финансовые операции: во время их проведения речь шла о праве сеньора на продажную пошлину с феода, на доход сеньора с наследства, о праве «мертвой руки». Тем не менее Мариньи руководил составлением нескольких подобных актов не по этой причине, а лишь потому, что некоторые из тех лиц, о ком шла речь в этих документах, были его друзьями или родственниками, а за других он, иногда через посредников, ходатайствовал. Так, в июне 1313 г. он получил для аббатства Сен-Гильем-дю-Дезер разрешение выкупить 50 ливров ренты¹, причем произошло это после удачного выполнения миссии при дворе Климента V в Лангедоке, которую, и к этому мы еще вернемся², Мариньи препоручил одному из своих писцов, а именно своему капеллану Жерве дю Бю; аббат Сен-Гильема воспользовался ситуацией и добился вмешательства камергера себе на пользу³.

Мариньи заверил дар, преподнесенный Эдуардом II Бертрону де Го — откуда мы узнаем, что у последнего были дела с Ангерраном⁴, — и Жаном де Лионом коллегиальной церкви в Экуи⁵, а также основание церковных учреждений⁶, заключение сделок о купле-продаже⁷ и ассигнования частным лицам⁸.

Несколько документов, «составленных по распоряжению сеньора Ангеррана», относятся к сфере судопроизводства, которая, в принципе, не входила в ведение Мариньи; следовательно, скорее всего, он занимался их оформлением только по случаю. Вероятно, существованием некоей связи с финансовыми или дипломатическими вопросами можно объяснить тот факт, что он составил акт о финансовых льготах для горожан Брюгге в отношении жителей Гента, Ипра и Поперинга, которых король избавил от необходимости платить за отказ брюггцев отправляться в паломничество⁹, но тем

¹ R. Fawtier, *Registres*, № 1960.

² См. с. 173.

³ R. Fawtier, *Registres*, № 1960, 1961 et 1962.

⁴ *Ibid.*, № 2238 et 2239.

⁵ *Ibid.*, № 1574.

⁶ *Ibid.*, № 1160, 1565 et 1321.

⁷ *Ibid.*, № 1580 et 1925.

⁸ *Ibid.*, № 1303.

⁹ В наказание и искупление резни французского гарнизона, в ходе знаменитой «Брюггской заутрени», Филипп IV потребовал, чтобы 13 тысяч брюггцев отправились в паломничество, дабы искупить вину. Брюггские горожане, чтобы освободиться от этой тяжелой и унижительной повинности, пообещали королю 300000 ливров. Но позже они же потребовали, чтобы и остальные города восставшей Фландрии внесли свою долю в выплаты отступного. — *Прим. ред.*

не менее не освободил от обязательств перед жителями Брюгге¹. Напротив, именно ходатайства перед камергером и указы, адресованные ему королем, как мы показали в предыдущей главе, вынудили Мариньи заниматься документами о помиловании и об аноблировании².

Нам остается упомянуть о документах политического или дипломатического характера, незарегистрированных и, следовательно, немногочисленных. Это королевские грамоты или хартии, в которых урегулировался порядок наследования Артуа³, рассказывалось о сохранении приданого Бланки д'Артуа⁴, содержалось прошение к Эдуарду II за горожан Ипра, с просьбой позволить им торговать в Англии⁵. Наконец, это хартия, в которой говорилось об изменении статуса апанажа Филиппа де Пуатье⁶. Мы еще вернемся к ним в дальнейшем.

Анализ имен нотариусов, упоминавшихся рядом с именем Ангеррана в пометах (*extra sigillum*), позволил нам сделать следующий вывод: тогда как некоторые из них занимались составлением официальных актов под руководством Мариньи эпизодически, или очень недолгое время, одно из имен в период между апрелем 1310 г. и январем 1312 г. встречается одиннадцать раз в сорока одном документе, составитель которых известен: речь идет о Реньо Паркье, о котором уже было сказано, что в апреле 1312 г. он являлся ректором Гайфонтена и настоятелем в Нефшатель-ан-Брей⁷. Мы позволим себе утверждать, что Паркье, будучи королевским нотариусом, оказывал различные услуги преимущественно Мариньи, хотя и не был его человеком. До того, как в 1310 г. он стал нотариусом короля, он служил папским нотариусом в Руане, и именно он 23 октября 1309 г. в Руане составил брачный контракт Изабель де Мариньи⁸; вполне возможно, что карьерный рост Паркье, который некоторое время спустя поступил на службу к королю, был некоторым образом связан с ростом благополучия Мариньи. Под брачным контрактом Изабель де Мариньи стояла также подпись Гильома де Ри, который был родом из деревни, где ректором являлся Жерве дю Бю. При этом нужно заметить, что Гильом де Ри начиная с 1310 г. по распоряжению Мариньи составил девять актов.

¹ Arch. du Nord, B 254, Godefroy 4941.

² R. Fawtier, *Registres*, № 1406, 1419 et 1428.

³ Bibl. nat., *Mélanges Colbert* 347, № 66.

⁴ Arch. du Pas-de-Calais, A 57, № 6; R. Fawtier, *Registres*, № 1440 et 1441.

⁵ Bibl. nat., Moreau 692, f. 151, 693, f. 266 et 694, f. 16 à 18.

⁶ Arch. nat., J 390, № 10, № II.

⁷ *Regestum...*, t. VII, p. 54, № 7833.

⁸ *Cartulaire*, № 122.

2. КОРОЛЕВСКИЙ ДОМЕН

Мы уже говорили о том, что Мариньи очень рано начал заниматься большим числом вопросов, связанных с королевским доменом. Так, вполне логично, хотя и довольно быстро, произошло расширение его камергерских полномочий: из королевской Палаты он перешел к руководству отелем; домен представлял собой переходный пункт к управлению финансами королевства, являясь их частью. Именно камергерские полномочия помогли Мариньи найти способ проникновения в сферу домениальных вопросов: речь идет о королевских милостях. С 1307 г. Мариньи приказал выдать королевскую грамоту на выплату ренты из государственной казны, в данном случае 600 турецких ливров, мэтру арбалетчиков Тибо де Шепуа, доверенному лицу Карла де Валуа, в обмен на предоставление равнозначной ренты из казны города Удена шателену Гента¹; в январе 1308 г. он распорядился заверить факт предоставления 2000 турецких ливров ренты Карлу де Валуа², причем эту ренту в октябре 1314 г. он приказал взимать с бальяжей Амьена и Вермандуа³.

Более не возвращаясь к теме даров, сделанных служащим отеля, упомянем несколько случаев предоставления ренты, которые имели отношение как к казне, опустошая ее, так и к домену, с которого она выплачивалась. Мариньи добился официального оформления подобных выплат для различных аббатств: 300 парижских ливров ренты аббатству Пресвятой Богородицы в Булонь-сюр-Мер⁴, 100 парижских су ренты для аббатства Ла Круа-Сен-Лефруа с тем, чтобы монахи могли распоряжаться этими доходами по своему усмотрению⁵; 100 ливров ренты были предоставлены королем Бек-Эллуэну в процессе обмена⁶; для королевских служащих: 50 ливров ренты Филиппу де Грандуэ⁷ и еще одна рента Николя де Понт-Одемеру⁸. Кроме того, иногда Мариньи распоряжался не только предоставлять кому-либо ренту с части королевского домена, но и передавать домениальное имущество в дар. Получатели этого дара ничем не отличались от тех, кто получал ренту: один из конфискованных в пользу домена домов был передан монахиням Немура⁹;

¹ Arch. nat., JJ 44, № 9, f. 7.

² Arch. nat., J 377 A, № 5.

³ Arch. nat., J 164 A, № 30.

⁴ Arch. nat., JJ 42 B, № 164–165, f. 79, et JJ 41, № 165–166, f. 96.

⁵ Arch. nat., JJ 48, № 72, f. 43 r.

⁶ Arch. nat., JJ 48, № 189, f. 109 r.-110 r.

⁷ Arch. nat., JJ 45, № 140, f. 91.

⁸ Arch. nat., JJ 45, f. 91, *similis fuit*.

⁹ Arch. nat., JJ 42 B, № 186, f. 88, v., et JJ 41, № 187, f. 106.

имущество Мишеля Пуатевинца, попавшее во владения короля, перешло к Николя д'Эрменонвилю, королевскому казначею в Тулузе¹; конфискованную у Ангеррана Бека землю — по приговору, к которому имел отношение и Мариньи, поскольку именно он составил прошение о помиловании упомянутого Бека, содержащее в себе также приказ о конфискации имущества этого беглеца², — спустя десять месяцев отдали во владение Урри Германцу³; фьеф в Безевилле, который передали королю в уплату штрафа, достался казначею Гильому дю Буа⁴.

Помимо того, что выгоду от этих предприятий получали аббатства или королевские служащие, необходимо отметить, что все владения — и переданные в дар, и те, на основе которых выделялась рента, — лишь недавно были присоединены к королевскому домену либо по наследству, либо конфискованы.

Следы нескольких домениальных операций обнаруживаются также и в связи с процессом образования домена самого Ангеррана. Так, он распорядился составить королевскую грамоту, согласно которой вместо прав в Буа-Геру некая Маго Портшاپ получала такие же права в Ридонском лесу⁵, подобно тому как, несомненно, не без участия Мариньи, произошел обмен принадлежащих Гю де Сен-Пьеру прав в том же Буа-Геру⁶; он также распорядился, чтобы приходы Нотр-Дам де Парк и Кропю относились к сержантери Баквиль, который принадлежал владельцу на правах фьефа, чтобы компенсировать владельцу этого округа дар, сделанный ему же, Ангеррану де Мариньи, состоявший из нескольких приходов округа⁷.

Очевидно, что домениальный интерес присутствовал в тех случаях, когда Ангерран вел дела о наследстве, представляя королевскую персону: в подобных случаях главной задачей являлась защита феодальных прав суверена и предоставляемой ими выгоды. Предполагая, что судебный процесс 1311 г. между сеньором де Фьенном и его сестрами по поводу их наследства, на котором Мариньи вместе с Гильомом Фландрским, Людовиком Неверским и Робером де Касселем выступал в качестве третейского судьи, имел некий политический подтекст⁸, необходимо помнить о том, что всякая деятельность Мариньи во Фландрии была направлена только лишь на защиту и укрепление феодальных и суверенных прав короля,

¹ Arch. nat., JJ 45, № 134, f. 86, v., et JJ 47, № 45, f. 29 v.-30 r.

² 1311 г., ноябрь; Arch. nat., JJ 46, № 142, f. 84 v.

³ 1312 г., февраль; Arch. nat., JJ 46, № 174, f. 101.

⁴ Arch. nat., JJ 48, № 188, f. 108 v.-109 r.

⁵ Arch. nat., JJ 49, № 150, f. 63 v.

⁶ Arch. nat., JJ 46, № 222, f. 123 v.

⁷ 1309 г., декабрь; Arch. nat., JJ 42 B, № 166, f. 79 v.-80 r., et JJ 41, № 167, f. 196 v.

⁸ Arch. nat., JJ 46, f. 43 v.-44 v.

от которого зависел получаемый им доход, а также на увеличение государственного домена, касалось ли дело Мортаня, Турне, Лилля, Дуэ или Бетюна.

Тем не менее несомненно, что и в некоторых других случаях Мариньи приходилось выступать в качестве третейского судьи в делах о разделе наследства точно так же, как и любому другому рыцарю короля. Так, в августе 1308 г. он вместе с Анри де Сюлли разрешал дело о наследовании имущества своего предшественника Гуго де Бувиля¹, а в июне 1311 г. был вынужден руководить соглашением наследников своего коллеги Пьера де Шамбли по поводу нормандских земель².

После смерти Гуго Черного, графа Маршского, неожиданно представилась возможность присоединить его обширное графство к королевскому домену: законная наследница, Мария, вдова графа Сансерра, получила в качестве компенсации 2000 турских ливров ренты и внушительную сумму в 10 000 ливров наличными; во время переговоров, растянувшихся на конец 1308 г. и самое начало 1309 г., короля представляли Мариньи, Ногаре и Реньо де Руа³. Когда в июне 1312 г. возникла необходимость в ассигновании 1000 турских ливров ренты Тибо и Луи де Сансеррам, братьям скончавшегося графа, король полностью положился на Мариньи в разрешении этого вопроса. Первый составленный и даже зарегистрированный акт был практически сразу же отменен⁴. Согласно второму, июльскому акту, ассигнование ренты все же произошло⁵. Оформлением текстов обоих документов занимался Мишель де Бурдене, доверенное лицо Мариньи. Рента Тибо и Луи де Сансеррам была определена... с владений Ангеррана де Мариньи. В действительности Ангерран не упускал из виду возможности получить личную выгоду: подобно тому, как двумя годами раньше он передал отдаленные от центра владения своего нормандского домена коллегиальной церкви в Экуи, он назначил Тибо и Луи де Сансеррам ренту с замка Плесси-о-Турнель и с нескольких строений в Шампани, о пути приобретения которых нам ничего не известно, а также с имущества и доходов, выделенных Людовиком Неверским Людовику де Мариньи⁶. Довольно странно то, что отец распорядился имуществом, подаренным сыну, после того как Луи де Мариньи женился и стал юридически дееспособен. Впрочем, нам известно о том, что, заняв в ноябре 1311 г. у Ангеррана крупную сумму, Людовик взамен

¹ Arch. nat., JJ 40, № 60, f. 22.

² Arch. nat., JJ 46, № 24, f. 19 v.

³ Arch. nat., J 374, № 5, et J 407, № 11; Bibl. nat., Duchesne 56, f. 369–377.

⁴ Arch. nat., JJ 48, f. 46 r.

⁵ Arch. nat., JJ 48, № 226, f. 135 bis.

⁶ Arch. nat., JJ 48, № 3, f. 4 v.-6 r.

отдал все свое имущество отцу¹. Безусловно, ему пришлось согласиться с тем, что его имущество перешло в распоряжение Ангеррана. Интерес Мариньи в деле с выплатой ренты с его имущества для короля был вполне определенным: Филипп Красивый пообещал ему возместить стоимость ассигнованных благ²; и действительно, в сентябре он предоставил Мариньи право пользования лесами в Шони и земли вместе с получаемыми с них доходами аббатства Прео, в Белленкомбре, Плесси, Васкейле и Гренвиле³, что для Ангеррана было гораздо полезнее, чем дом и доходы с далекого земельного участка в Шампани и Ниверне.

Камергер, занимаясь делом о наследстве графа Маршского, не остановился на достигнутом: в марте 1313 г. он составил документы, согласно которым Мария де ла Марш получала в дар расположенный в Париже, в округе Сен-Марсель, дом, который перешел к королю, как и все остальное, что Гуго оставил после себя⁴.

Это был не единственный случай, когда Мариньи выступал в качестве третейского судьи во время разбирательства по вопросу о наследстве: вместе с Латильи и Плезианом он представлял интересы короля при разделе наследства Эли де Момона. Трое уполномоченных оценили замки, принадлежавшие усопшему, — Бурдель, Шалю, Шаброль, Шалюссе и др. — и присоединили их к королевскому домену, объяснив сделанное ими военной необходимостью, а также добавив обещание возместить их стоимость по договоренности с душеприказчиками⁵. Мы уже убедились в том, что Мариньи не забыл о личном интересе в отношении парижского особняка Эли де Момона⁶. Но если подписанием договора занимались Латильи, Плезиан и Мариньи, из окончательного заключения, составленного бальи Лиможа и теми, кто вел дело по доверенности Гильома де Момона, племянника и наследника Эли, мы узнаем, что оценку наследства производили граф Арманьяк и Ангерран де Мариньи⁷.

О соблюдении феодальных прав короля, то есть о королевском домене, речь шла и тогда, когда Мариньи и Карлу де Валуа поручили разрешить разногласия, возникшие между людьми короля и графом Жаном де Форезом по поводу замка Тьер. Король признавал права графа, но тем не менее предоставлял двум маршалам, Милю де Нуайе и Жану де Гре, возможность решать, будет ли необходимо

¹ *Cartulaire*, № 116.

² Arch. nat., JJ 48, № 77, f. 45 v.

³ *Cartulaire*, № 37. Речь идет о Гренвиль-ла-Тентюрьер.

⁴ Arch. nat., JJ 48, № 225, f. 135 v.

⁵ *Заверенная королем копия* (vidimus) (1306 г., июнь); Arch. nat., J 387, № 16.

⁶ См. с. 48.

⁷ Bibl. nat., français 10430, p. 61, № 400.

использовать этот замок для защиты королевства. В случае утвердительного ответа Карл Валуа с Ангерраном де Мариньи должны были принять решение о правомочности присоединения замка к королевскому домену путем обмена, навязанного графу де Форезу. С другой стороны, замок Сервьер, принадлежавший графу на правах аллода, превратился в обыкновенный фьеф. В конце концов, Карлу Валуа и Ангеррану де Мариньи надлежало подчинить власти короля те замки графа де Фореза и его супруги, которые два маршала сочтут полезными для защиты французского государства¹.

Во время поездки в Русильон в 1310 г. Мариньи и Ногаре, по приказу короля, добились того, что лес, купленный Жераром де Куртоном и необходимый для постройки порта в Лекате, был перепродан через сенешаля Каркассона; в то же время они произвели обмен с домом Дюрбанов, уступив ему замок в Олонсаке и получив взамен замок в Лекате, ставший частью королевского домена².

Актом об имуществе французской короны от 29 ноября 1314 г. завершается список документов Филиппа Красивого, а также бумаг, составленных по распоряжению Мариньи. В январе 1307 г. король пообещал своему второму сыну Филиппу 20 000 турецких ливров и титул графа³; обещание это он выполнил в декабре 1311 г., передав ему в фьеф город и графство Пуатье с правом передавать их по наследству⁴. А 29 декабря 1314 г. в хартии, заказанной Ангерраном де Мариньи для составления Жану Мальяру⁵, вновь подтверждался факт этого дара, причем официально было добавлено условие о том, что в случае отсутствия наследника мужского пола графство переходило обратно к короне. Так, за два года до событий, которые повлекли за собой окончательное установление наследования по мужской линии в королевстве, этот принцип стал основным при определении наследников апанажей. В первый раз подобное условие появилось среди правил передачи апанажа во владение. Ведь один из наиболее крупных апанажей, к тому же еще и титул пэра, в то время принадлежал... Маго д'Артуа, в то же время Карл Валуа считал вполне обоснованными претензии Екатерины де Куртене на Константинополь⁶. Тем не менее в период между 5 июня 1316 г., когда умер Людовик X, и 9 января 1317 г., когда состоялась коронация Филиппа V, во Франции было признано преимущест-

¹ Arch. nat., P 1380 2, № 3300 et 3300 bis.

² Dom Vaissète, *Histoire générale de Languedoc*, t. IV, p. 147–148.

³ Arch. nat., JJ 46, № 170, f. 100 r.

⁴ Arch. nat., J 390, № 9, et JJ 46, № 171, f. 100.

⁵ Arch. nat., J 390, № 10.

⁶ Екатерина де Куртене — внучка латинского императора Константинополя Балдуина II, который в 1261 г. был изгнан из своей столицы Михаилом Палеологом. В 1301 г. Екатерина вышла замуж за Карла Валуа, который, таким образом, унаследовал права на Византийскую империю. — *Прим. ред.*

венное право мужчины на наследование короны. Впоследствии этот принцип распространился на наследование апанажей и, в их отношении, в Мулене в 1566 г. был закреплен ордонансом¹. Особенно любопытно заметить, что такое правило впервые было применено еще в 1314 г. по отношению к наследованию апанажа. Поль Виолле, ознакомившись с содержанием этой хартии, высказал свои сомнения относительно ее подлинности², поскольку оригинал не был обнаружен. Если дата действительно была неверно переписана в 1526 г. хранителем Сокровищницы хартий, этот акт можно считать посмертным волеизъявлением Филиппа Красивого, поскольку он датирован днем святого Андрея 1314 г.³, а на оригинале указано в качестве даты «пятница, канун праздника святого апостола Андрея»⁴, то есть день смерти короля.

Но Филипп Красивый находился в агонии, без сознания, на протяжении нескольких дней⁵, следовательно, инициатива составления этого последнего акта не могла исходить от него. Решение было принято с согласия Людовика Наваррского и Филиппа де Пуатье, заинтересованного лица, а также графов Валуа, Эвре, Сен-Поля и Порсьена, которым было поручено обеспечить его исполнение. Таким образом, можно было бы подумать, что окончательное решение приняли именно эти люди; они повлияли на развитие событий, в этом нет сомнений. Мариньи, без сомнения распорядившийся составить документ, находился рядом с ними, в комнате по соседству с покоями умиравшего Филиппа Красивого.

Большинство принцев было настроено против принципа преимущества мужчин при наследовании. У Людовика X была единственная дочь; для Филиппа де Пуатье такое условие означало ущемление права на наследование его графства; Карл Валуа, в свою очередь, претендовал на имперскую корону, опираясь на права своей первой жены. Более того, в 1315 г. Карл Валуа, по настоятельной просьбе своего племянника Филиппа, убедил Людовика X снять это ограничение. Что касается Карла Маршского, два года спустя он выступил в защиту прав своей племянницы Жанны, причем ее успех не приносил ему практически никакой выгоды. Оставались лишь Людовик д'Эвре и Мариньи; но, как мы уже знаем, в сентябре 1314 г. мнение д'Эвре значило настолько мало, что, несмотря на его присутствие в Маркетте, Мариньи сам провел переговоры с фламандцами и отправился ратифицировать договор к Карлу Валуа, который в то время находился в Турне. Таким образом, лишь

¹ Jourdan, Decrusy et Isambert, *Recueil...*, t. XVI, p. 186.

² P. Viollet, *Comment les femmes ont été exclues...*, p. 130.

³ Arch. nat., J 748, № 3.

⁴ Arch. nat., J 390, № 10.

⁵ См. гл. X, § 3.

Мариньи подходит на роль того, кто принял последнее за этот период королевского правления решение в то время, как умирал Филипп IV.

Именно состояние короля является подтверждением важности роли Мариньи в данной ситуации. Если бы принцы захотели во что бы то ни стало утвердить право преимущества мужчины при наследовании благ королевского семейства, им незачем было бы этого добиваться в последние дни жизни Филиппа Красивого. Они могли бы хоть на следующий день, хоть месяц спустя получить хартию от Людовика X! Нам кажется, что Мариньи постарался перед смертью того, кому он был обязан своим положением, добавить это условие в акт, согласно которому графство Пуатье становилось апанажем. Но почему? Он не преследовал в данном случае личной выгоды и ни одного из принцев, даже Людовика Наваррского, для которого признание права на преимущество мужчин при наследовании представляло такую же опасность, как и для его брата, не ставил таким образом в выгодное положение. Следовательно, нужно признать, что Мариньи мог действовать лишь согласно воле Филиппа Красивого, чье последнее и вовремя не высказанное желание он, как его доверенное лицо, мог выполнять. Филипп Красивый хотел внести изменения в акт, составленный в декабре 1311 г., добавив условие о возвращении графства в имущество короны в том случае, если у графа не будет наследника мужского пола. Принцам, по всей видимости, было известно о желании короля, иначе они ни в коем случае не позволили бы Мариньи заниматься этим делом. Но только он перед смертью короля смог убедить их принять решение, которое, учитывая последующее поведение принцев, не соответствовало их взглядам.

Итак, мы можем сделать вывод, что принцип преимущества мужчин при наследовании по отношению к имуществу французской короны был впервые провозглашен Филиппом Красивым, а реализация его волеизъявления является заслугой Ангеррана де Мариньи.

3. ПРОНИКНОВЕНИЕ В СФЕРУ ФИНАНСОВ (ОКОЛО 1305–1312 ГГ.)

Роль Мариньи в финансовой сфере правления Филиппа Красивого еще чаще, чем его значение в разрешении различных внешнеполитических вопросов, о котором до сих пор не сложилось общего суждения, преувеличивают или, наоборот, преуменьшают. Ни в одном официальном документе, по мнению П. Клемана¹, нет упо-

¹ *Trois drames historiques...*, p. 29–30.

минания об участии Мариньи в принятии «губительных мер», но все наводит на мысль о преимуществе его мнения; все, для П. Клемана, — это обязанности камергера и... казначея, а также оказываемое ему «полное доверие»: иными словами, более или менее правдоподобные намеки, «достаточно веские указания». В то же время Клеман был гораздо осторожней в суждениях, чем историки XVIII в., и ограничивал период, когда суждения Мариньи имели особенный вес, «временем фавора у короля». Действительно, именно об этом ограничении забыли многие историки, называвшие Мариньи «сюринтендантом финансов Филиппа Красивого»: особым расположением короля и преимуществами реальной власти Мариньи стал пользоваться лишь в последние три года правления Филиппа Красивого. Таким образом, сначала мы хотели бы обратиться к периоду, предшествовавшему указанным нами годам.

Очень здоровое суждение по этому поводу высказал Борелли де Серр, хотя он и не располагал теми материалами, которые известны и опубликованы сегодня. «Влияние Мариньи, — писал он, — могло быть действительно большим, но не исключительным... В особенности, в сфере финансов он, вероятно, мог повлиять на принятие какого-либо решения, но где можно встретить хотя бы упоминание об этом, которое по времени предшествовало бы концу 1313 г.? Итак, только реформа казначейства дала ему то тайное могущество, которым он сумел завладеть»¹. Это высказывание лишь на первый взгляд не противоречит сказанному тем же Борелли де Серром: «К этому времени (1309 г.) Ангерран де Мариньи, без всякого должностного основания таким полномочиям, начал осуществлять верховное руководство финансовыми службами»². На самом деле, мы располагаем очень малым количеством документов, относящихся к периоду с 1305-го примерно до 1312 г. Мы продемонстрируем не организацию службы, или четкий перечень прав и обязанностей высокопоставленного чиновника, а скорее отрывочные, само собой, свидетельства, на основании которых, впрочем, можно представить себе неожиданно четкую картину деятельности Ангеррана в сфере финансов и его влияния.

В первую очередь в данной области Ангерран занялся подбором персонала из числа людей, которые в дальнейшем подчинялись бы его приказам. Согласно свидетельствам современных Мариньи хронистов, именно он назначал всех казначеев и различных придворных служащих; это утверждают Жоффруа Парижский³, Жан де Сен-

¹ *Recherches sur divers services publics...*, t. III, p. 53.

² *Ibid.*, p. 102.

³ G. de Paris, éd. Diverrès, p. 210.

Виктор¹ и продолжатель Гильома де Нанжи². Тем не менее мы считаем, что вплоть до 1309 г. казначеи отнюдь не были людьми Ангеррана: Гильом де Анже, Симон Фестю, Реньо де Руа одновременно с ним были облагодетельствованы королем и не зависели от Мариньи.

Этого уже нельзя сказать о Жоффруа де Бриансоне, который был обычным казначеем в 1309 г. и некоторое время спустя стал главным казначеем³. Вплоть до 1309 г.⁴ он служил писцом у Мариньи и до самого конца правления Филиппа Красивого действовал в интересах камергера. Мишель де Бурдене, который в 1312 г. еще считался писцом Мариньи, по всей видимости, так никогда и не оставил службы у короля: в 1310 г. он составлял акты об обмене между королем и Мариньи⁵, в сентябре 1312 г. он производил подсчет денег⁶, а в 1314 г. вместе с Жоффруа де Бриансоном и Жоффруа Кокатриком⁷ занимался распределением эд⁸. Что же касается Гильома дю Буа, нет фактов, которые связывали бы его с Мариньи, хотя Жоффруа Парижский и включал этого казначея, наряду с Бриансоном и Бурдене, в число «выходцев из рода Ангеррана»⁹. Напротив, наряду с ними необходимо назвать сборщика налогов во Фландрии, Тота Ги, о котором мы уже упоминали как о помощнике Ангеррана: сначала, будучи королевским слугой, он служил в отеле¹⁰, затем стал сборщиком десятины в Реймсе¹¹ и сборщиком налогов во Фландрии¹². Таким образом, не остается никаких сомнений в том, что на протяжении многих лет поддерживать влиятельное положение Мариньи помогали его люди, а также в том, что без всяких на то оснований камергер начиная с 1309 г. через посредников проникал в сферу финансов королевства.

Говоря об изменении монетного курса, необходимо прежде всего уточнить, что влияние Мариньи не имело к этому никакого отношения. Оценка стоимости серебряной марки¹³, а также другие цифры, указанные А. Дьедонне, согласно данным исследований Бо-

¹ J. de Saint-Victor, dans Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. I, p. 110.

² Cont. de G. de Nangis, éd. Géraud, p. 416.

³ Borrelli de Serres, *op. cit.*, t. III, p. 101–102.

⁴ См. с. 21.

⁵ Arch. nat., JJ 47, № 7, f. 5 r.-6 v.; JJ 45, № 181, f. 111.

⁶ R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. II, p. 757.

⁷ Ch.-V. Langlois, *Inventaire d'anciens comptes...*, p. 200, № 1613.

⁸ Эд (*фр. aides*) — досл. помощь, экстраординарный налог. — Прим. ред.

⁹ Edit. A. Diverrès, p. 228.

¹⁰ J. Viard, *Journaux du Trésor de Charles IV*, № 7988.

¹¹ Ch.-V. Langlois, *Inventaire d'anciens comptes...*, p. 116, № 847.

¹² Arch. municipales de Bruges, chartes № 251 et 259.

¹³ Bibl. nat., Baluze 391, № 522, f. 1.

релли де Серра¹, свидетельствуют о том, что глобальная девальвация, произошедшая в период правления Филиппа Красивого, предшествовала фавору Мариньи. Положение Ангеррана стало более влиятельным в то время, когда произошла внезапная ревальвация, которую нельзя связывать с именем камергера, поскольку в 1306 г. он еще не мог принимать хоть сколько-нибудь важные решения. Однако нужно обратить внимание на его роль в последних изменениях монеты, которые вызвали рост стоимости серебряной марки с 75 турецких су в 1312 г. до 54 в 1313 г. Действительно, в это время Мариньи утверждал свои полномочия в финансовой сфере, а мэтру монеты приходилось составлять отчеты для Мишеля де Бурдене. Тем не менее нет оснований считать произошедшую ревальвацию делом рук Мариньи; денежная политика, вызвавшая девальвацию 1295–1305 гг., после финансового выравнивания 1306 г., которое, по мнению г-на Ж. Лафори, продолжалось вплоть до 1311 г.², вполне могла спровоцировать новое обесценивание в 1311–1313 гг. Нет никакой необходимости объяснять произошедшие в этой ситуации изменения влиянием Мариньи, поскольку тот единственный феномен, возникновение которого можно было бы отнести на счет чьего-либо вмешательства, — стабилизацию финансовой ситуации в 1306 г. — нельзя приписывать стараниям королевского камергера. Хотя авторами монетной истории последних лет правления Филиппа Красивого как раз были Мариньи и его верные помощники. Также несомненно то, что Мариньи находился в Мобюиссоне в момент заверения того самого ордонанса о монете в июне 1313 г. Но это отнюдь не говорит о том, что он приложил к нему руку.

Следовательно, современные авторы совершенно безосновательно обвинили Мариньи в том, что он подделывал деньги, изымал выручку у иностранных торговцев³ и насаждал политику изменения монетного курса, забывая, что эти злоупотребления практиковались с давних пор. Нетрудно заметить, что проведение этой политики вызвало не инфляцию, а финансовое оздоровление, правда установившееся не сразу и непрочное. Участие Мариньи в проведении этой политики не имело особого значения, к тому же его влияние на ситуацию могло проявиться лишь ближе к концу описываемого нами правления, когда цена денег стала увеличиваться.

Теперь мы должны обратиться к рассмотрению вопросов исключительно финансового толка, оставаясь на этот раз в рамках строгой

¹ A. Dieudonne, *Les variations monétaires...*, dans *Le Moyen Age*, 2e serie, t. IX, 1905, p. 217–257.

² J. Lafaurie, *Les monnaies des rois de France*, p. 27–34.

³ J. de Condé, éd. Scheler, t. III; *Li dis du seigneur de Maregni*, vers 150–153.

хронологической последовательности. Для начала мы познакомимся с деятельностью Мариньи, выражавшейся в мероприятиях местного или частного значения, проводя параллель с основной на тот момент политикой, претворением в жизнь которой Ангерран еще не руководил, но в которой уже участвовал. В июле 1310 г. он добился вручения хартии «de non-prejudice»¹ вассалам графства Алансонского, которые передали в казну по случаю бракосочетания Изабеллы Французской излишек, полученный от сбора эд, хотя, согласно традиции, могли оставить его себе²; восемнадцать грамот подобного содержания, вероятно, составленных по приказу Мариньи, в октябре предыдущего года получили нормандцы³. В сентябре 1310 г. он выступил в качестве посредника между королем и ломбардцем Николем Ги, братом и наследником Биша и Муша Ги (Биччо и Мушьятто Гвиди): Ангерран откупил у него *каждый двадцать первый день со всех денье, составляющих ливр*, то есть право на получение 0,019% с прибыли — этот процент ломбардцы, торговавшие на ярмарках Шампани, Нима и провинции Нарбонн, должны были выплачивать королю, который передал эту привилегию Бишу и Мушу; Мариньи уступил право собирать этот процент королю, получив от него взамен ренту в 600 турецких ливров из казны⁴: это не только юридический документ, подтверждающий выгоду короля от этой сделки, это также и финансовая операция личного характера, но подробности ее проведения говорят об активности и компетентности Мариньи⁵. Ангерран, безусловно, провел не одну подобную операцию, чтобы перегруппировать или увеличить доходы короля; об этом мы уже говорили в предыдущей главе. Равным образом он занимался вопросами отмены мер наказания, которые имели какое-либо значение для финансов государства, как, например, уменьшение вполтину штрафа в 10 000 ливров, наложенного на город Ажен за преступление в церкви Сен-Капре⁶.

В 1305 г. Ангеррана, только что ставшего камергером, отправили на пасхальную сессию Палаты Шахматной доски в Руан. Сессия проходила в течение недели, с 18 по 24 апреля 1305 г. Все мэтры были писцами или рыцарями короля: Жан де Даммартен, Санс де

¹ Хартия, которая подтверждала, что налог, выплата в пользу королевской власти или любое экстраординарное посягательство на статус одного человека или группы лиц не станут прецедентом. — *Прим. ред.*

² Arch. nat., J 384, № 2 et 2 bis.

³ Arch. nat., JJ 42 B, № 136, f. 68 v.

⁴ Arch. nat., JJ 45, № 181, f. 111.

⁵ Из этого видно, какова была прибыль от торговли на этих ярмарках: три миллиона ливров в год!

⁶ Arch. municipales d'Agen, FF 131, № 7.

Шармуа, Пьер де Шамбли, Ангерран де Мариньи, Гильом д'Аркур; среди них не было, ни принцев, ни крупных феодалов. Из счета бальяжей 1305 г. нам стало известно, что сумма, выделенная им на дорожные и бытовые расходы¹, составляла 541 турский ливр 19 су².

Весьма вероятно, что Мариньи присутствовал на пасхальной сессии Палаты Шахматной доски 1306 г., но в нашем распоряжении нет никаких относящихся к этому событию документов³. Но, поскольку архиепископ Руанский 21 апреля 1306 г. дал свое подтверждение совершенному Мариньи обмену, вполне возможно, что Ангерран находился в Руане в начале этого месяца⁴.

Напротив, о заседании Палаты Шахматной доски 1307 г. у нас достаточно сведений. После четырех недель работы 26 апреля был издан ордонанс⁵; на этот раз перед именами рыцарей и мэтров счетов фигурируют также имена важных персон: Жиль Асцелин, архиепископ Нарбоннский, Ги де Сен-Поль, Пьер де Шамбли, Ангерран де Мариньи, Гильом д'Аркур, Матье де Три, казначей Тампля, то есть, несомненно, Гильом де Анже, Жан де Даммартен, Санс де Шармуа, Реньо Барбу и Жан де Сен-Жюст⁶. После проверки счетов были приняты решения разного рода, например, о том, что на последующие заседания Палаты Шахматной доски на Пасху и на праздник Святого Михаила балы должны были представлять для отчета свои счета, а также об аренде откупов с королевского домена, для которого требовалось поручительство.

Можно подумать, что Мариньи начал разбираться в вопросах государственных финансов именно на заседании Палаты Шахматной доски в Руане, куда король, как правило, посылал своих рыцарей вместе с казначеями и мэтрами счетов. Нам не кажется, что присутствие на этом заседании, даже в 1307 г., было столь важным,

¹ R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. I, p. 316–317, № 6475–6483.

² На самом деле, 541 турский ливр 18 су 8 денье; переписывавший счет писец ошибся и написал XXI вместо XLI; см. Bibl. nat., Baluze 394, pièce 695, № 2 v.

³ Ордонанс, содержащийся в мемориалах *Noster, Qui es in Coelis*, Croix и Saint-Just, относится не к 1306, а к 1307 г.; J. Petit, *Essai de restitution...*, p. 43, № 187, datée de 1306, et p. 73, № 386.

⁴ *Cartulaire*, № 6.

⁵ Датировано 1306 г. в большинстве копий и во всех изданиях (*Ordonnances...*, t. I, p. 462; S. Fournival, *Recueil général des titres...*, p. 32–34); соответствующая действительности дата указана лишь в одной копии Дом Геру, по данным Орлеанского манускрипта (Bibl. nat., Moreau 219, f. 7; тот же текст, по данным мемориала Saint-Just, датирован 1306 г. в манускрипте Moreau 218, f. 213). Кроме того, достаточно учесть, что 23 апреля, дата ордонанса, могло быть воскресеньем только 1307 г.

⁶ П. Клеман утверждает, не приводя никаких доказательств, что Мариньи председательствовал на заседании, что нам кажется маловероятным; P. Clément, *Trois drames...*, p. 16.

однако, на наш взгляд, посещение заседаний Палаты Шахматной доски в Руане в 1305 и 1307 гг., а может быть, и позже, сыграло определяющую роль в формировании юного камергера.

Мариньи не имел определенного места в Палате счетов; все должности в этом учреждении были четко распределены. Самое большее, на что он был в тот момент способен, это 25 июня 1310 г. сообщить в Палату счетов о необходимости регистрации суммы, которую король задолжал Карлу Валуа, то есть 4000 ливров ренты¹. Но представленный им рапорт отнюдь не считался указом, исходящим от лица, наделенного властью в сфере финансов: Мариньи довольствовался тем, что как обычное частное лицо попросил зарегистрировать документы, являвшиеся для него доверенностями, поскольку Карл Валуа, получив ассигнование 2000 ливров с Гайфонтена, через три дня обменял Гайфонтен на имущество Мариньи в Шампроне².

В 1311 г. камергер стал значительной фигурой в основном в вопросах дипломатии. Разве не благодаря своей осведомленности и своим полномочиям в сфере государственных финансов он получил один из ключей от ларца, в котором хранилась денежная сумма приданого Бланки Бургундской, жены Карла Маршского? Конечно же, существовал казначей, Ги Флоран, обладатель четвертого ключа, а первые два находились у Маго д'Артуа, матери Бланки, и графа де Сен-Поля, кравчего Франции³. Таким образом, эта привилегия могла достаться Ангеррану всего лишь как королевскому служащему, в данном случае управляющему Палатой короля⁴. Но в декабре 1311 г. Мариньи составил два других документа: 40 000 турецких ливров, которые уже уплатила Маго, а Мариньи использовал в интересах короля, переросли в 4000 ливров ренты⁵; но, скорее всего, Маго опротестовала этот акт произвола и, согласно грамоте от 28 декабря, распоряжения о выплате остававшихся 60 000 ливров были изменены: чтобы увеличить приданое своей дочери до 60 000 ливров, Маго предоставляла доверенность на город Сент-Омер, выплаты по которой, то есть 5000 ливров на каждое Рождество, должны были быть перевезены в Аррас, в ларец церкви Святой Богоматери — к этому ларцу прилагались четыре ключа, второй из которых получил Мариньи⁶, — и превращены в земли или ренту, с согласия графини

¹ J. Petit, *Essai de restitution...*, p. 93, № 500 (mémoire A).

² Arch. nat., J 225, № 6 et 7.

³ 1311 г., 15 февраля; Arch. du Pas-de-Calais, A 57, № 6.

⁴ В таком случае его стоило бы назвать дипломатом, а не финансистом.

⁵ Arch. nat., JJ 46, № 162, f. 94.

⁶ У Маго был первый ключ, а у казначея Ги Флорана четвертый. Третий доверили казначею графини, Тьерри д'Ирсону, заменявшему графа де Сен-Поля, которому в феврале передали второй ключ от казны Тампля.

д'Артуа; при этом были составлены два экземпляра грамот, для короля и для Маго, и оговаривалось, что выкупленные таким образом земли и рента возвращались указанной графине в том случае, если бы Бланка умерла, не оставив наследников¹. В этом случае Мариньи выступал не просто как хранитель ларца, а как должностное лицо, специализировавшееся в финансовых вопросах.

Именно по приказу Ангеррана Тот Ги в промежуток с июня 1309 г. по июнь 1310 г. получил 12 000 парижских ливров из суммы долга, которую представители города Камбре должны были выплатить Маго д'Артуа, и передал их в руки Жоффруа де Бриансона для тайного дела, подробности которого были известны лишь самой графине. Наконец, не кто иной, как Мариньи в конце сентября 1311 г. добился реорганизации городской администрации Дуэ и, в частности, разрешил несколько вопросов из сферы муниципальных финансов, распределив налоги между представителями партий и организовав управление коммунальными фондами². Впервые он располагал столь обширными полномочиями в экономических вопросах, причем благодаря именно своему весу в сфере дипломатии. Он не был главой управления финансов королевства, однако руководил дипломатией во Фландрии и в силу этого обладал компетенцией в финансовой сфере.

Не обладая ни званием, ни определенным должностным положением, Мариньи в 1311 или 1312 г. занимал такое же положение, как, например, Жоффруа Кокатрикс или Бодуэн де Руа: иногда король доверял ему решение какого-либо финансового вопроса, но, как и вышеупомянутые люди, он был всего лишь исполнителем, степень инициативности которого очень сложно определить. По всей видимости, ему помогло приобрести вес в сфере дипломатии участие в переговорах во Фландрии в 1311 г., и благоприятная почва для финансовой деятельности камергера была подготовлена королем для Мариньи как для дипломата в Турне, Вьенне и Понтуазе, о чем мы поговорим в третьей части нашего труда. После 1312 г., когда внешнеполитические дела уже не оставляли Мариньи времени для занятия финансами или руководством отелом, и после его дипломатического успеха, главной составляющей которого была успешная финансовая операция, передача имущества тамплиеров внутри страны госпитальерам, что давало Филиппу Красивому возможность оценить задолженности Тампля, в последние годы правления мы будем рассматривать главного советника Филиппа Красивого как главу финансового ведомства королевства.

¹ Arch. nat., JJ 46, № 161, f. 93 v.-94 r.

² См. ниже, с. 226–228.

4. РУКОВОДСТВО ФИНАНСАМИ КОРОЛЕВСТВА (1313–1314 гг.)

Ордонанс о реформе финансовой организации от 19 января 1314 г.¹ стал подтверждением власти Ангеррана де Мариньи, истоки которого уже нельзя относить к началу 1314 г., поскольку ранее приведенные доводы стали для нас доказательством постепенного движения Мариньи к широте полномочий в финансовых вопросах, которую к 1313 г. ему обеспечили нарабатанная им за несколько лет компетентность и увеличившееся благодаря дипломатическим успехам влияние.

Мы не станем детально анализировать этот ордонанс, подробнейшим образом изученный Борелли де Серром². Его основные пункты сугубо реалистично изложены в грамоте Людовика X от 24 января 1315 г.: согласно ему Филипп Красивый

«передал своему возлюбленному и верному рыцарю и камергеру, впредь и нашему, Ангеррану, сеньору де Мариньи, управление своей казной в Тампле и Лувре с тем, чтобы согласно указам и предписаниям нашего отца и господина или указанного Ангеррана деньги из казны могли быть отданы под залог, потрачены или выданы»

в то же время король

«передал право управлять и распоряжаться в своей Палате своему возлюбленному и верному писцу, впредь и нашему, мессиру Мишелю де Бурдене, канонику Меца, с тем, чтобы он действовал согласно советам и предписаниям указанного Ангеррана»³.

Необходимо заметить, что Людовик X объявил ответственным за управление королевской Палатой Мариньи, а не Бурдене, который в таком случае предстает как подставное лицо.

Казна Тампля, согласно указу от 19 января 1314 г., была поручена заботам Жоффруа де Бриансона и Ги Флорана. Нам известно, какие узы связывали первого из них с Мариньи; с доходов, которые приносили одиннадцать бальяжей и сенешальств, они должны были оплачивать «нужды королевского отеля, оцененные в С парижских ливров в день». Можно легко догадаться, что Мариньи без всякого

¹ Arch. nat., JJ 57, f. 18; éd. E. Boutaric, *Notices et extraits...*, t. XX, 2e partie, p. 209–213.

² *Recherches sur divers services publics...*, t. III, p. 53–59.

³ Arch. nat., JJ 50, № 115, f. 75; éd. L. Lacabane, dans la *Bibl. de l'École des chartes*, t. III, 1842, p. 14, et P. Clément, *Trois drames historiques*, p. 339–341.

труда добился фактического руководства казной, один из казначеев которой ранее служил у него писцом¹ и к тому же обязан был совершать регулярные выплаты для королевского отеля. Казна Лувра находилась в ведении Гильома дю Буа и Бодуэна де Руа; они должны были выдавать деньги только

«по приказу, который будет содержаться в приказе, написанном королем, с печатью со львом или с маленькой печатью монсеньора де Мариньи, либо в цедуле с одной из этих двух печатей, и ни в каком другом случае».

Таким образом, Мариньи становился, наравне с королем, единственным распорядителем расходов в королевстве, и фактически ему были подчинены все казначеи. Он даже мог заверять личной печатью¹ королевские приказы! Чуть позже мы еще вернемся к вопросу о подобных предписаниях и действительно имевших место цедулах.

Казначеи были обязаны принести клятву в том, что они будут выдавать деньги только лишь по представлении им заверенной цедулы и

«также должны были поклясться, что о состоянии доходов казны никому, кроме монсеньора де Мариньи, они не расскажут в течение двух лет от того момента, если только король не пожелает, чтобы они представили полный подробный отчет в его присутствии или в присутствии одного из сеньоров, которого для этой цели направит король, и что в другое время они не откроют имена тех, у кого будут взяты деньги в долг».

Следовательно, только Мариньи, помимо самого короля, находился в курсе истинного состояния государственной казны. Именно это, несколькими неделями ранее, понял Пьер Барьер, упомянув в докладной записке, предназначавшейся для Климента V, о том, что Ангеррану были известны все секреты короля².

Сложность системы, в которой друг от друга были отделены сведения о доходах с указанием, какого они рода и из какого баляжа получены, и о расходах, распределенных согласно их назначению, могла быть выгодна лишь тому, кто обеспечивал ее общность своей личной властью, то есть Мариньи. Как очень верно сказал Борелли де Серр, он стремился к тому, чтобы «благодаря

¹ Может быть, это та маленькая печать геральдического типа, которой он пользовался в 1299 г.?

² J. Schwalm, *Neues Archiv...*, t. XXV, 1900, p. 564.

создаваемой им неразберихе оставить за собой исключительную осведомленность о финансовых службах в их совокупности, право распределять расходы по своему усмотрению и возможность управлять всей этой системой»¹.

Широта власти одного человека и секретность состояния казны вполне могли дать повод для подозрений. Поэтому Мариньи, предупреждая обвинения в растратах, организовал комиссию по проверке счетов, которые не выверялись примерно с 1311 г. Более того, этот поступок можно расценить не только как принятие необходимой меры в предчувствии опалы, как написал Борелли де Серр², но и просто как стремление избежать необоснованной критики. Мариньи, добивавшийся абсолютного могущества в сфере финансов и достигший его, руководствовался своими честолюбивыми стремлениями, а не желанием обогатиться за счет государства. Даже у его врагов не было возможности в чем-либо его упрекнуть. С другой стороны, он не мог догадываться о грядущей немилости до болезни короля, которая, как нам известно, прервала работу комиссии, начавшуюся, следовательно, до королевского недомогания³. Наконец, зачем бы Мариньи стремился устроить преждевременную проверку, если бы он был виновен в финансовых махинациях? Это бы очень скоро обнаружилось; подобная проверка могла лишь ускорить опалу. Иными словами, добившись власти, Мариньи хотел доказать, что достойно ее использует.

Именно в качестве распорядителя расходами королевства он в конце 1313 г. выступил против поставки галер, которые требовались Клименту V для крестового похода. Пьер Барьер в своей докладной записке, на которую мы ссылались чуть выше, описал сцену, очевидцем и участником которой ему пришлось стать: король и его совет практически единогласно постановили выдать необходимые субсидии; тогда Мариньи отвел Барьера в сторону и в присутствии одного Филиппа Красивого рассказал ему о затруднениях короля, посоветовав ему передать его слова папе. Кроме того, Мариньи добавил, также при короле, что другие советники не были в курсе дела, поскольку они не занимались статьей государственных расходов, руководство которой осуществлял только Мариньи⁴. В ре-

¹ Borrelli de Serres, *Recherches...*, t. III, p. 56; толкование приведенной Борелли де Серром фразы под знаком 3 ошибочно, поскольку это суждение высказал не Мариньи, а Барьер.

² *Op. cit.*, t. I, p. 330–331.

³ *Arch. nat.*, JJ 50, № 115, f. 75.

⁴ «Господин Ангерран, которому были известны все королевские секреты, в присутствии одного только короля рассказал мне, вышеупомянутому Петру, обо всех затруднениях короля... поскольку только он занимался вопросами государственных расходов, в которых остальные советники не разбирались...» («*Dominus Ingerranus qui scit omnia secreta regia, presente solo Rege, aperuit michi predicto*

зультате Барьер отправился к папе, чтобы передать ему королевский отказ. Опасаясь, что Мариньи употребит сумму, полученную от сбора десятины, не на подготовку крестового похода, а на какие-нибудь другие цели, Климент V ссудил королю Франции 160 000 флоринов¹. Таким образом, вместо того чтобы оплачивать галеры, Мариньи пополнил королевскую казну примерно на 80 000 турецких ливров. Очевидно, что мнение Совета при этом абсолютно ничего не значило; вмешательство Ангеррана смогло изменить взгляд короля на столь важный вопрос. Итак, не будет преувеличением сказать, что Филипп Красивый полностью доверялся своему советнику и что он не был, по крайней мере в тот период правления, таким, деспотичным самодержцем, в услужении у которого находились безгласные статисты, каким его порой хотели представить.

Режим, установленный ордонансом 19 января 1314 г., утвердил Мариньи на положении распорядителя расходами монархии. О его функционировании подробно рассказано в журнале Луврского казначейства, который Гильом де Монфокон начал вести на следующий день, 20 января 1314 г.²; в нем очень часто упоминаются выданные Ангерраном цедулы, тогда как вплоть до этого момента все платежи по распоряжению Мариньи представлялись счетоводам или служащим казначейства королевскими указами³.

Двадцать третьего января 1314 г., по указу Мариньи, маршал Жан де Гре получил 150 турецких ливров, часть той суммы, которую должны были ему выплатить из казны⁴. Двадцать восьмого января Бодуэну де Руа, который сочетал службу казначеем в Лувре с обязанностями гофмейстера, были переданы 5000 ливров на организацию турнира, который должен был проходить в Компьене в 1314 г., в последний перед постом день⁵. Первого июля Гильом дю Буа выдал Тибо, архидиакону из Лиона⁶, 500 ливров ссуды, а 13 июля, согласно указу с печатью Мариньи, гофмейстер Мартен дез Эссар получил 4000 ливров для каких-то тайных целей, о которых, само собой, он не должен был сообщать никому, кроме

P(etro) omnes necessitates Regis..., quia ipse solus haberet onus expensarum faciendarum et de hoc alii consiliarii non curarent...»); J. Schwalm, *loc. cit.*

¹ J. Schwalm, *loc. cit.*, p. 562–563, et G. Lizerand, *Clément V...*, p. 366–367.

² J. Viard, *Journaux du Trésor...*, col. 889–908.

³ Так, составленное Мариньи предписание от сентября 1307 г., согласно которому Тибо де Шепуа должны были быть ассигнованы 600 турецких ливров ренты (Arch. nat., JJ 44, № 9, f. 7), было исполнено 10 марта 1309 г., а в журнале по этому поводу содержится запись о выплате, сделанной «по цедуле из курии, то есть по приказу короля» («per cedulam Curie que dicit per litteras Regis») (J. Viard, *op. cit.*, col. 881, № 5983).

⁴ J. Viard, *op. cit.*, col. 890, № 6006.

⁵ *Ibid.*, col. 891, № 6007.

⁶ *Ibid.*, col. 895, № 6028.

короля и Мариньи¹. В сентябре Мариньи, через Реньо Букора, писца отряда арбалетчиков², заплатил оруженосцу Жану Бланкару за службу в войске и за убитую лошадь 79 турецких ливров 5 су³, а рыцарю Жаку де Берсе за службу в Дуэ 33 турецких ливра⁴; 17 ноября из казны в Лувре по устному приказанию Мариньи передали сумму в 1729 турецких ливров 2 су 6 денье, которую Ангерран одолжил Карлу Валуа на расходы, связанные с турниром последнего дня перед постом, сопроводив его «королевской грамотой с печатью вышеупомянутого сеньора (Мариньи), поверх которой стояла королевская печать»⁵, следовательно, предписание было заверено королем и Мариньи. Эта сумму не выплатили из казны, а занесли на счет Ангеррана, так как он лично отдал распоряжение о ее выдаче Гильому дю Буа.

О денежных выплатах из казны Тампля, за отсутствием журнала, нам ничего не известно. Сохранилась одна незапечатанная цедула, возможно автограф, предназначавшаяся виконту Руанскому: это приказ выплатить некому поставщику за десять вышитых золотом драпировок сумму в 62 турецких ливра, которую нужно было занести на счет этого виконта. Этот составленный не по форме документ, написанный в приказном тоне, на листе пергамента, который представлял собой второй лист какого-то акта⁶, без указания даты, можно рассматривать как одну из цедул, выданных Ангерраном в 1314 г.; в них речь шла о закупке домашних принадлежностей, и кредит виконта Руанского относился к ведомству казны Тампля или королевской Палаты.

После смерти Филиппа Красивого Мариньи, что, впрочем, неудивительно, лишился своего необыкновенного могущества, о котором мы только что рассказывали, и 30 декабря, когда он еще не попал в немилость, но уже не располагал столь широкими полномочиями, жалование ему было выплачено «по цедуде двора», согласно одной из последних записей в журнале Гильома де Монфокона⁷.

Помимо рассмотрения функционирования финансовых институтов и деятельности Мариньи в 1313 и 1314 гг., мы должны упомянуть об ассамблее, которую в большинстве случаев называют Штатами. О Штатах 1313 г. ничего не известно, и существование ордонасов

¹ *Ibid.*, col. 896, № 6029.

² Этот человек являлся также служащим в королевской Палате.

³ Оригинал квитанции (1314 г., 12 сентября); *Bibl. nat.*, Clairambault 15, № 51.

⁴ Оригинал квитанции (1314 г., 13 сентября); *Bibl. nat.*, Clairambault 13, № 194.

⁵ J. Viard, *Journaux du Trésor*, col. 904, № 6068.

⁶ *Bibl. nat.*, fr. 25993, № 158; посередине есть три прорези. См. *Cartulaire, actes*, № 17.

⁷ J. Viard, *op. cit.*, col. 908, № 6080.

от 18 сентября¹ и от 10 октября², в которых шла речь о денежном курсе, не позволяет даже утверждать, что они вообще проводились в этом году.

Впрочем, 1 августа 1314 г. собрание ассамблеи состоялось в Париже, во дворце Сите. Король восседал на возвышении, посреди баронов и епископов, лицом к горожанам. Он пригласил Мариньи встать подле себя, и тот, обращаясь к жителям города, начал свою речь, используя игру слов «природа» (*nature*) и «пища» (*nourriture*): некогда природным правом «царственных особ» было получать пищу от города Парижа, который поэтому назывался «Королевской Палатой». Следовательно, король может доверять добрым советам парижан.

По свидетельству автора «*Больших Французских Хроник*»³, которому мы обязаны возможностью воспроизвести этот эпизод, Мариньи говорил долго; он даже был излишне многословен. Он говорил о поражении Феррана⁴, о завоевании Фландрии Филиппом-Августом, о том, в чем он прекрасно разбирался и на чем он основывал свои резкие выпады в адрес фламандцев в Турне в 1311 г.⁵ В заключение он сказал, что графы находились во Фландрии «лишь на положении стражей и верноподданных короля Франции»⁶. *Следовательно, Ги де Дампьер нарушил свой долг: война продолжалась и приносила огромные убытки. Теперь фламандцы уже не поддерживают мир, как они поклялись!*

Тогда Мариньи обратился к присутствовавшим горожанам с вопросом: «кто из них окажет ему помощь, чтобы отправить войско для сражения во Фландрии против фламандцев». Тогда для большей убедительности, показывая, что он говорил от лица короля, Мариньи эффектным жестом попросил короля подняться, чтобы тот смог увидеть тех, кто согласится ему помочь: «и тогда этот Ангерран, сказав это, предложил приподняться своему господину, королю Франции, с того места, где он находился, чтобы он увидел тех, кто захочет ему помочь»⁷. Этьен Барбет встал и изъявил свою готовность следовать за господином от имени горожан Парижа, тотчас же последовали заверения в верности

¹ Ordonnances, t. I, p. 529.

² *Ibid.*, p. 520, note.

³ Grandes Chroniques, éd. J. Viard, t. VIII, p. 299–301.

⁴ Ферран, граф Фландрии, в 1214 г. участвовал в битве при Бувине на стороне противников французского короля Филиппа-Августа, попал в плен и долгое время находился в заключении. — *Прим. ред.*

⁵ См. гл. VIII, § 2.

⁶ Grandes Chroniques, loc. cit.

⁷ *Ibid.*, p. 300.

жителей и других городов. Король поблагодарил всех и объявил заседание закрытым.

Именно это соглашение повлекло за собой рост податей, вызвавший бесконечные жалобы современников, которые считали, что король поддался на уговоры бесчестных советников, а именно Мариньи¹. Непопулярность Ангеррана еще больше увеличилась после принятия указа о взыскании в королевскую казну шести денег с каждого ливра, то есть 2,5%, при проведении денежных операций, причем позже королю пришлось отменить действие этого указа из-за угрозы бунтов².

Мариньи самостоятельно принимал меры для исполнения решений из налоговой сферы. В первые месяцы 1314 г. он, по просьбе графа Филиппа де Пуатье, отсрочил жителям Пуатье выплату эд для посвящения в рыцари Людовика Наваррского на две недели после Троицына дня³. Наконец, нужно полагать, что Мариньи повлиял на знаменательное решение, принятое Филиппом Красивым на следующий день после отказа от военной кампании во Фландрии в 1313 г.: взимаемые на этот поход деньги были возвращены⁴, чему немало был удивлен Фанк-Брентано⁵. Этот факт позволяет взглянуть на моральный облик короля и его советника под необычным углом зрения; и речи быть не может о том, чтобы приписать этот поступок честности одного лишь Филиппа Красивого, зная, с какой легкостью Мариньи удалось изменить решение короля по поводу галер, которые Климент V требовал в 1313 г. Если бы Мариньи захотел, деньги остались бы в казне.

Безусловно, Мариньи заботился о поддержании собственного могущества и в государственных интересах не гнушался применением насильственных мер. Порой, особенно при решении вопросов с фламандцами, он бывал груб, жесток и надменен. Но он никогда не был нечестен по отношению к королю⁶ и к тем, кто служил с ним⁷. Из рассказанного нами ясно, что, не преминув вытянуть деньги из Климента V для короля, он вместе с тем на благо народа создал прецедент необычайной порядочности в налоговой области, подобных которому истории известно не так уж и много.

¹ *Ibid.*, p. 301; Yves de Saint-Denis, *Bibl. nat.*, latin 5286, f. 212.

² *Grandes Chroniques*, *loc. cit.*, p. 296–297.

³ *Bibl. nat.*, fr. 16600, f. 59, по мемориалу *Pater*, f. 152.

⁴ J.-R. Strayer et Ch.-H. Taylor, *Studies in early french taxation*, p. 86–87.

⁵ Funck-Brentano, *Philippe le Bel en Flandre*, p. 640–641.

⁶ Это подтверждает «quitus» от 24 января 1315 г.

⁷ Мы уже упоминали о возмещении убытков сержанту Баквиля, о точности обменов и имущественных оценок, несмотря на обвинения, которые высказывали в 1315 г. нашедших свое отражение примерно в 1335 г. в «*Больших Французских Хрониках*».

5. РОЛЬ МАРИНЬИ ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ

Хронисты, показавшие нам настоящего главного министра Филиппа Красивого или даже коадьютора правителя, нас не обманули. Но историки, которые, основываясь на этих текстах, возводили Ангеррана в ранг влиятельнейшего министра Капетингской монархии при Филиппе Красивом, часто забывали о том, сколько времени продлилось это необычайное могущество: апогей его власти длился, по видимости, чуть более двух лет, четыре или пять лет он просто располагал широкими полномочиями, около восьми лет как камергер он пользовался королевским благорасположением. Что же до положения «финансового сюринтенданта», которым наградили его некоторые писатели периода XVII–XIX вв., он, не обладая никаким титулом, пользовался предоставляемыми им возможностями на протяжении всего лишь одиннадцати месяцев...

Хоть карьера Мариньи и была непродолжительной, зато ему было суждено стремительное восхождение по служебной лестнице: между 1304 и 1308 гг. Мариньи ознакомился с основными вопросами той деловой сферы, которой спустя несколько лет он стал руководить. В 1308 г., после смерти Пьера де Шамбли, он стал главным камергером и уже тогда благодаря своему положению в отеле набравший дипломатический опыт. Он, бесспорно, занимал главенствующее положение в отеле, и его власть распространялась на королевский домен, казну, на финансы монархии, наконец. Впрочем, нужно особо отметить то, что в 1304 г. осведомленность молодого человека в сфере политики и финансов должна быть еще довольно ограниченной.

Превосходство Мариньи в управлении делами государства утвердилось прежде всего в области дипломатии, в тех условиях, когда Ногаре и Плезиан утратили свое влияние, а новая политика государства, которая проводилась в основном с целью подчинить графа Фландрии, стала основываться благодаря уступкам на поддержке понтифика. Именно влияние Мариньи во внешнеполитических делах позволило ему в 1313 г. обеспечить себе руководящее положение в финансовой и экономической сфере, познакомившись со спецификой подобной деятельности в Палате Шахматной доски в Руане и в Денежной палате, а также на посту управляющего отелем и при завершении работ по возведению дворца, хотя король Франции никогда не передавал право возглавлять эти службы одному человеку.

Необычайно быстро расширившиеся полномочия Мариньи, которые в последние месяцы описываемого нами правления превратились

в безоговорочное господство, он осуществлял на двойной манер: лично и косвенно.

У истоков власти Мариньи стояла благосклонность короля. Таким образом, именно своим постоянным присутствием при дворе, ежедневным общением с королем, чему благоприятствовала его камергерская деятельность, советами, которые он мог давать государю, все время находясь подле него, и постепенно все большим и большим участием в обсуждении решений, принимаемых все же самим королем¹, Мариньи укрепил и развил власть, доставшуюся ему по воле правителя. С этой точки зрения, он действовал в качестве особого советника, а также как королевский посланник.

Но в то же время Ангерран был членом Совета, о составе и деятельности которого в эпоху Филиппа Красивого почти ничего не известно. Единственное, в чем мы уверены, это то, что в зависимости от рассматриваемых вопросов состав участников менялся², но определенные люди, как правило, всегда присутствовали на заседаниях и в различных письменных свидетельствах и хрониках могли, хотя и неофициально, быть названы советниками короля: среди них были как принцы королевской крови, так и высокопоставленные чины, такие, как Людовик де Клермон или Ги де Сен-Поль, Жан де Гре, Ангерран де Мариньи, Гильом де Ногаре... Посылаемые в путь для выполнения какой-либо миссии «люди короля» часто были его советниками, постоянными или же временными³.

Точно сказать, когда Мариньи попал в Совет, невозможно. Мы не считаем подходящим для нас в этом случае указанием тот факт, что по его распоряжению составили указы (*mandements*), относившиеся к марту 1305 г.⁴, поскольку здесь речь шла, несомненно, о должностных обязанностях камергера. Но в мае 1308 г., во время переговоров в Пуатье, он уже, по всей видимости, был королевским советником. Мало-помалу он возвысился над простыми советниками. Кардинал Бертран де Борд, камерарий Климента V, 5 апреля 1311 г. писал о том, что гвельфские посланники не смогли попасть на прием ни к Мариньи, ни к какому-нибудь другому принцу или

¹ Мы не раз упоминали о решениях, которые король принимал в присутствии Мариньи, например, об отправке Реньо де Сен-Бёва с миссией в Лион; Ch.-V. Langlois, *Inventaire d'anciens comptes royaux...*, p. 338, № 2621.

² Присутствие казначеев и мэтров счетов на Совете во время утверждения ордонанса 19 января 1314 г. может быть оправдано лишь спецификой этого вопроса; они бы не могли там находиться во время заседания, посвященного делам Папства или Империи.

³ «Поскольку наш господин король послал монсеньора де Мариньи со многими другими членами его Совета... вышеупомянутого королевского Совета...»; Arch. du Nord, B 255, Godefroy 4794.

⁴ Bibl. nat., Clairambault 15, № 166; 43, № 19; 54, № 250; 71, № 199; 81, № 114; 93, № 64; 99, № 42; 110, № 32.

советнику высокого ранга, включив таким образом Ангеррана в число как близких родственников короля, так и советников¹. Мы уже показали, насколько, начиная с конца 1313 г., Совет был далек от обсуждения действительно важных вопросов, а мнение его участников Мариньи с одобрения короля не принимал в расчет.

Но по мере того как расширялись полномочия Мариньи и он становился все более могущественным, ему нужно было предоставлять другим право руководить, согласно его директивам, превращением в жизнь тех мер, выполнению которых он отныне мог оказывать лишь поверхностное внимание. Такими людьми, прежде всего в области финансов, стали его подчиненные — Мишель де Бурдене, Жоффруа де Бриансон, Тот Ги — еще до того момента, как Мариньи достиг достаточной степени могущества, и именно они поспособствовали ему в этом продвижении. Эта же система распространилась на королевскую Палату и отель, руководство которыми он вплоть до 1313 г. практически полностью предоставлял своим коллегам Пьеру де Шамбли и Гуго де Бувилю, оставив за собой лишь дипломатическую и политическую сторону своих камергерских обязанностей. В конце концов, он назначил Мишеля де Бурдене финансовым распорядителем в королевской Палате — нам неизвестно, на какую ступеньку иерархической лестницы он его при этом определил, — оставив тем самым остальным камергерам лишь титул и немногочисленные привилегии.

Мы более не будем возвращаться к рассмотрению роли Мариньи во внутренней политике государства и обратим внимание только на один факт: компетенция Ангеррана в юридической сфере была ограниченной, что становится заметно при анализе его деятельности. Прошения о помиловании, о которых мы упоминали, редки и составлены в одно и то же время, что говорит о том, что лишь в ноябре 1311 г. Мариньи довелось заняться делами, связанными с королевским помилованием², что, впрочем, входило в его обязанности камергера. Также он участвовал в расследовании убийства некого Транше де Жуа и стал одним из авторов смертного приговора убийцам³. За исключением процесса Гишара де Труа, роль Ангеррана

¹ См. с. 140. — Кардинал писал: «...ни к господину Ангеррану, ни к какому-нибудь другому лицу другого рода или советнику высокого ранга...» («*nec ad dominum Ingerranum, nec ad aliquem alium de sanguine vel consilio qui sit magni status*»); J. Schwalm, *Constitutiones...*, t. IV, p. 557.

² Arch. nat., JJ 46, № 142, f. 84 v., et № 151, f. 87 v.

³ Это был изложенный в вольной форме приговор, который вынесли королевские комиссары; впрочем, они не были беспристрастны: Мариньи связывали родственные узы с кузенами жертвы, Гильомом де Флавакуром и его родственником. Жаном; два остальных уполномоченных также были «из числа родных и близких друзей» жертвы. Матье де Три, присутствие которого было формальной необходимостью, не принял никакого участия в расследовании. — Arch. nat., JJ 49, № 24, f. 14 v.-16 v.

в котором не вполне однозначна, камергер Филиппа Красивого не принимал участия ни в одном из громких судебных процессов периода описываемого правления; его имя не фигурирует в записях судебной канцелярии¹.

В заключение добавим, что полномочия Мариньи в вопросах финансов и управления королевскими Палатой и отелом с 1304 по 1314 г. неуклонно расширялись. Мы не утверждаем, что в этот последний год его власть достигла своего апогея лишь потому, что продвижение Ангеррана к пику могущества трагически оборвалось в ноябре 1314 г. Тем не менее можно сказать, что в области внутренней политики начиная с 1313 г. Мариньи был главным советником и, с позволения сказать, настоящим министром Филиппа Красивого.

¹ Точнее, он не упомянут среди тех, кто участвовал в расследовании, не будучи членом Парламента, в том списке, в котором в 1313 г. значилось имя Гильома де Плезиана; Arch. nat., U 447, f. 2.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

ГЛАВА VI

АНГЛИЯ, ГРАФСТВО АРТУА И ФЛАМАНДЦЫ

1. ОТНОШЕНИЯ С ГРАФИНЕЙ МАГО

В рамках рассказа об отношениях камергера Филиппа Красивого и внучатой племянницы Людовика Святого необходимо сразу сказать две вещи: эти люди часто общались, переписывались и расточали друг другу любезности; в период своего могущества Мариньи оказывал значительное влияние на основные сферы деятельности графини Артуа, что не вызывает сомнений, несмотря на то что сохранилось очень мало письменных свидетельств. К сожалению, связь между этими двумя утверждениями установить практически невозможно. Именно поэтому мы сначала рассмотрим, как происходило общение Маго и Ангеррана, а затем причины, повлекшие за собой его начало.

Несомненно то, что одной из множества тем переписки периода 1309 г. была женитьба Луи де Мариньи на Роберте де Бомец¹, которая, по всей видимости, как утверждал Г. Лизеран², являлась протеже графини. Перед 8 мая 1309 г. Маго послала Ангеррану в Менневиль два письма³; она писала ему также 12 ноября в Париж, 16 и 30 в Нормандию и 31 декабря ко двору⁴. 14 декабря в Аррасе⁵ она заверила официально составленный от ее имени брачный контракт⁶. Бракосочетание состоялось в январе в Венсенне: графиня преподнесла в дар Роберте де Бомец, ее матери Иде де Круазиль и Жанне де Танкарвиль золотые венки, украшенные рубинами и изумрудами⁷; ее дочь, Бланка Бургундская, также сделала всем

¹ 27 ноября 1309 г. Маго написала Адаму Гурле, который должен был стать попечителем Луи, и Жану де Гре, кузену и свидетелю Изабеллы де Мариньи; Arch. du Pas-de-Calais, A 261, f. 14 v.

² G. Lizerand, *Enguerrand de Marigny*, p. 1.

³ Arch. du Pas-de-Calais, A 249.

⁴ Arch. du Pas-de-Calais, A 261, f. 14 v. et 15 v.

⁵ Arch. du Pas-de-Calais, A 261, f. 6 r. et 13 r.

⁶ Заверенная королем копия, 1310 г., январь; JJ 42 b, № 189, f. 89 v.-90 v.

⁷ Arch. du Pas-de-Calais, A 261, f. 13 v.; J.-M. Richard, *Mahaut...*, p. 69.

дорогостоящие подарки, но, согласно счетам, они были оплачены из королевской казны¹.

Впрочем, делать подарки тем, в ком она нуждалась, или тем, кого она просто хотела почтить своим вниманием, было свойственно графине Артуа². Когда Жана де Мариньи представили к сану епископа, графиня подарила ему крест и изумруд для кольца. Поэтому не стоит удивляться тому, что в конце 1310 г.³ Ангерран получил от нее серебряные кубки, крупную дичь⁴, тончайшей работы ковер, «расшитый различными фигурами», а в июне 1314 г., когда он вместе с канцлером Пьером де Латильи находился в Аррасе, Маго преподнесла ему осетра⁵, что считалось роскошным подарком⁶. Наконец, она устроила в Бомеце рынок⁷, чтобы впоследствии подарить его Мариньи, и в дополнение к подарку, вероятно, передала право высшего суда в Бомеце и Круазиле⁸.

Они встречались при дворе, когда Маго находилась в Париже или в Иль-де-Франс, также они оба присутствовали при подписании брачного контракта и на свадьбе Луи де Мариньи, и, помимо этого, необходимо упомянуть и о поездке Ангеррана в Эден в феврале 1311 г., куда он заехал перед тем, как отправиться в Авиньон. Маго действительно отправила двух своих слуг «в Эден, навстречу монсеньору Ангеррану де Мариньи»⁹.

После бракосочетания Луи переписка отнюдь не прекратилась. В 1310 г., перед праздником Всех Святых, Маго послала своего слугу Корнильо к Мариньи в Булонь, затем отправила Ангеррану письмо в Менневиль¹⁰ и еще одно послание 26 октября 1310 г. в Нормандию¹¹. В июле или в начале августа 1311 г. к Мариньи во Фландрию по ее приказу поехал ее слуга Форталье¹². Письмо от нее было отправлено в Париж 6 февраля 1312 г.¹³; 19 марта с еще одним письмом в Вьенн поехал Квентен¹⁴. Безусловно, речь шла о каком-то неотложном деле; чуть раньше, 29 мая, Маго выслала

¹ R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. II, p. 549-550.

² J.-M. Richard, *op. cit.*, p. 19.

³ Arch. du Pas-de-Calais, A 284, № 1.

⁴ *Ibid.*, p. 69.

⁵ Arch. du Pas-de-Calais, A 324.

⁶ В 1328 г. по приказу Маго осетра искали в Брюгге и в Голландии, чтобы она могла подарить его герцогу Бургундскому; J.-M. Richard, *op. cit.*, p. 137.

⁷ 1311 г., 24 октября; *Cartulaire*, № 121.

⁸ *Grandes Chroniques de France*, éd. J. Viard, t. VIII, p. 310.

⁹ 1311 г., 27 февраля; Arch. du Pas-de-Calais, A 280, f. 22 r.

¹⁰ Arch. du Pas-de-Calais, A 267.

¹¹ Arch. du Pas-de-Calais, A 270.

¹² Arch. du Pas-de-Calais, A 286, № 34.

¹³ Arch. du Pas-de-Calais, A 293, f. 17 r.

¹⁴ *Ibid.* f. 18 r.

депешу «спешно из Парижа во Вьенн, монсеньору Ангеррану»¹; он немедленно ответил, поскольку 15 июня Маго послала своего слугу к Мариньи с подарком². В конце августа и в начале сентября 1312 г. графиня с нетерпением следила за Людовиком д'Эвре и Мариньи, которые направлялись в Англию: 27 августа она послала двух слуг в Амьен и в Аббевиль, чтобы «узнать последние новости»³, а третий 7 сентября направился в Виссан, порт, откуда корабли отправлялись в Англию⁴. Наконец, перед 1 ноября 1312 г. некий сержант передал Мариньи письмо от графини и последовал за Ангерраном в Нормандию⁵.

Что же отвечал Мариньи на это огромное количество писем, ни одно из которых не сохранилось? Нам известно только лишь то⁶, что 15 июня 1312 г. Мариньи передал одному из своих слуг подарок. Впрочем, нет никаких сомнений в том, что Мариньи отвечал графине и оба они поддерживали оживленную переписку. В нашем распоряжении есть, по крайней мере, одно послание, написанное рукой Ангеррана, письмо без указания даты⁷; к разговору о нем мы еще вернемся, когда рассмотрим те вопросы, которые могли обсуждаться в этом загадочном документе. Во всяком случае, содержание этого письма дает нам понять, что Мариньи был в курсе абсолютно всех, даже секретных, дел Маго д'Артуа и давал ей в сложных ситуациях весьма полезные советы. Таким же образом он помогал в затруднительном положении Эдуарду II, о чем мы поговорим чуть позже.

Последнее письмо, о котором нам известно, Мариньи получил в сентябре или октябре 1312 г. После этого, по всей видимости, переписка прекратилась, либо из-за того, что исчезли проблемы, которые обсуждали Ангерран с графиней, либо потому, что в отношениях между ними возникла некоторая напряженность: учитывая то, что в 1314 г. Маго подарила Мариньи осетра, было бы вполне логичным предположить, что инициатива прекращения от-

¹ «То же для. I. слуги, везущего письма из Парижа во Вьенн, которые Форталье привез в Париж в Дени... XX с.»; сюда же относится и следующий пункт, подчеркнутый в счете как дублирующий первый: «То же за аренду жилья. I. слуге, который спешно вез письма из Парижа во Вьенн монсеньору Ангеррану, и привез их в Париж Форталье...XX с.»; Arch. du Pas-de-Calais, A 298, f. 17 v.

² «То же монсеньор Симон де Гре собственноручно передал. I. слуге монсеньора Ангеррана де Мариньи... XVI с.»; *ibid.*, f. 18 г.

³ *Ibid.*, f. 24 г.

⁴ *Ibid.*

⁵ Arch. du Pas-de-Calais, A 294.

⁶ То, что 14 декабря 1309 г. «I. менестрелю м. Ангеррана де Мариньи» был сделан подарок, ни о чем не говорит, поскольку в то время Мариньи находился вместе с Маго на свадьбе Луи де Мариньи; Arch. du Pas-de-Calais, A 261, f. 13 г.

⁷ *Cartulaire, actes*, № 3.

ношений исходила от Ангеррана, а графиня старалась их наладить. Именно поэтому в конце ноября 1313 г., написав письмо 23-го числа в Англию, адресат которого нам, к сожалению, неизвестен¹, она поджидала приезда Мариньи и Людовика д'Эвре², послав своего служащего Леско в Виссан, чтобы сразу узнать об их возвращении. Поэтому одним из вопросов, причем немаловажных, на который нам нужно будет попытаться найти ответ, можно считать следующий: почему в 1314 г. Маго оказалась в числе противников Мариньи?

Прежде всего Маго нуждалась в поддержке королевского камергера в борьбе с ее племянником, Робером д'Артуа. Ж. Пти³ посчитал даже, что именно это позволило Мариньи выудить из графини известные нам подарки. Не углубляясь в рассмотрение подобных предположений, далее скажем, что, на наш взгляд, Мариньи действительно участвовал в этих родственных трениях и действовал в интересах Маго. В 1329 г. Робер представил свидетелей, которые заявили, что экземпляр *договора* от 1281 г., переданный в Сокровищницу хартий Франции, по наущению Тьерри д'Ирсона⁴ уничтожил именно Мариньи. Но, помимо того, что представленные доказательства были делом рук Жанны де Дивьон, а все свидетельства впоследствии признали ложными, мы думаем, что с помощью такого обвинения Робер д'Артуа мог настоять на обоснованности своих притязаний, не прилагая практически никаких усилий, поскольку человека, который более всего был заинтересован в ином исходе этого дела, к тому моменту уже не было в живых и он не мог ничего сказать в свою защиту! Уже одно это могло натолкнуть на некоторые сомнения. Впрочем, Мариньи, несомненно, участвовал в процессе, результатом которого стало признание прав Маго на графство Артуа. Мариньи лично выслал договор от 9 октября 1309 г. в Артуа, то есть Маго, которую мог порадовать вынесенный приговор⁵.

Он был вынужден заниматься делами Артуа также и по причинам финансового характера. Власти города Камбре должны были выплатить графине 32 000 парижских ливров. По неизвестной нам причине, на которую, впрочем, нам приходится сослаться, предлагая объяснение письму Мариньи, Маго должна была передать королю

¹ Arch. du Pas-de-Calais, A 316, f. 16 r.

² Указаны в такой последовательности в счете от праздника Вознесения 1314 г.: *ibid.*, f. 16 v.

³ J. Petit, *Charles de Valois*, p. 151.

⁴ J.-M. Richard, *Mahaut, comtesse d'Artois...*, p. 18–26.

⁵ 1309 г., 9 октября. — Аньер; оригинал, третий экземпляр, с печатью на шелковом шнурке, Bibl. nat., *Mélanges Colbert* 347, № 66. На обороте современным, но несколько необычным почерком написано: «Это грамота короля о споре, который произошел между госпожой и Робером, ее племянником, по поводу графства Артуа», из чего, само собой, следует, что это был экземпляр Маго.

некоторую сумму не на приданое Бланки, а «для неких целей, о которых было известно госпоже»¹. Поэтому она уплатила королю сумму, равную всем тем выплатам 4000 ливров, которые представители города Камбре должны были выплачивать в королевскую казну два раза в год. Но эти деньги не попали в руки сборщика податей Артуа, Берту де Бенжи, поскольку их передал прямо верному помощнику Мариньи и королевскому казначею Жоффруа де Бриансону² Тот Ги, которого Берту де Бенжи трижды называл «приближенным монсеньора Ангеррана де Мариньи». Мы не располагаем свидетельствами того, что выплаченные во время праздника Св. Иоанна 1309 г. деньги были переданы королю, но тот факт, что их получил Тот Ги, а также схожесть текстов счета этого и следующего годов, наталкивают нас на эту мысль³. Выплаченные на Рождество 1309 г.⁴ и на праздник Св. Иоанна 1310 г.⁵ деньги Тот Ги передал Жоффруа де Бриансону, и таким образом сумма, которую король получил для неких секретных целей, составила 12 000 ливров. Мы не знаем, оставила ли себе Маго сумму от двух первых и трех последних выплат.

Деньги выплачивались по приказу Мариньи. Того, что Тота Ги недвусмысленно называли человеком Ангеррана, а Жоффруа де Бриансон совершенно точно был его помощником, было бы вполне достаточно, чтобы убедить нас в этом. Но во время судебного процесса⁶ Мариньи обвинили в том, что он изъясил у графини и присвоил денежный долг города Камбре, невзирая на запрет короля. Чтобы получить 40 000 турских ливров — или 32 000 парижских ливров, — в хищении которых он, по мнению хрониста, был повинен, ему пришлось бы лично получить восемь выплат за период с июня 1308 г. по Рождество 1311 г., причем устроить это было бы нелегко, или же попытаться получить деньги через посредника, чего на самом деле не произошло. В действительности Мариньи

¹ Arch. du Pas-de-Calais, A 258.

² А, на наш взгляд, не Жоффруа Кокатриксу, как посчитал Ришар; Richard, p. 70.

³ «От города Камбре, в качестве третьей выплаты XXXIII^m п.л. денег, которые представители этого города были должны отдать госпоже. из рук Тота Ги, приближенного монсеньора Ангеррана де Мариньи... III^m п.л.»; Arch. du Pas-de-Calais, A 252.

⁴ Arch. du Pas-de-Calais, A 258.

⁵ «От города Камбре, в качестве пятой выплаты денег, которые представители данного города были должны отдать госпоже к празднику Св. Иоанна, из рук Тота Ломбара, приближенного монсеньора Ангеррана де Мариньи... III^m п.л.; по устному приказанию госпожи деньги переданы в руки мессире Жоффруа, казначею монсеньора короля, для неких тайных нужд, о которых известно госпоже, из рук Тота Ломбара, приближенного монсеньора Ангеррана де Мариньи, причем эти деньги этот Тот получил от представителей города Камбре в качестве пятой выплаты денег на праздник Св. Иоанна, в году. M.IIIe et dis... III^m л.»; Arch. du Pas-de-Calais, A 266.

⁶ *Grandes Chroniques...*, éd. J. Viard, t. VIII, p. 309–310, § XVII.

доставил в королевскую казну практически подпольным путем те деньги, которые должны были пойти на некие секретные цели, известные графине, как выразился Берту де Бенжи, а также и королю, поскольку необходимую сумму получил его казначей. Если бы Ангерран хотел оставить эти деньги себе, он не допустил бы, чтобы их передали Жоффруа де Бриансону, ведь вмешательство третьего лица, пусть даже и верного Мариньи, в данном случае могло бы только навредить.

Имена Маго и Мариньи упоминаются вместе также при рассказе о разногласиях, существовавших долгое время между графиней и фламандскими торговцами по поводу пошлины, которую они должны были выплачивать при проезде через Бапом. В тот момент горожане судились с людьми графини, изъывшими у них товар в ответ на отказ уплатить налог¹. А начиная с 1307 г. камнем преткновения для улаживания отношений Маго с жителями Ипра была таможня в Бапومه², причем страсти особенно накалились в 1309 г. Мариньи был вдвойне заинтересован в разрешении этих спорных ситуаций. Прежде всего с 1311 г. он являлся владельцем рынка в Бомеце и не видел ничего хорошего в том, чтобы в этом районе возникали препятствия свободному товарообороту, тем более что эти неурядицы могли отразиться на доходах от ярмарок и рынков в Лоншане и Экуи. Кроме того, он был отцом наследника шателенства Бапома³, где в мае 1311 г. по приказу Маго был построен огромный замок⁴. Далее, в 1313 и 1314 гг. он являлся постоянным ходатаем для некоторых горожан Ипра, среди которых самыми влиятельными были Бротерламы, де Ло, Бели, Ангили, Ле Вагенеры, Эли и так далее. Он начал вести с ними дела в июне 1312 г., а в июне 1313 г. выслал им копию грамоты об открытии ярмарки в Экуи⁵. Поэтому, учитывая то, что конец разногласиям между Маго и торговцами Ипра был положен, причем в пользу последних⁶, изданной королем грамотой от 24 февраля 1312 г., сложно не увидеть в этом следов стараний Мариньи, который действовал в своих интересах и учитывал интересы своих протече.

Маго, которую, по всей видимости, напугала такая резкая перемена поведения Ангеррана, приняла меры предосторожности: она передала Бомец Мариньи как своему человеку⁷ и, конечно же, стала более настойчиво добиваться его расположения. Все было напрасно. Мариньи неумолимо переходил на сторону торговцев

¹ См. *Stilus Curie*, G. du Breuil, éd. F. Aubert, chap. XVIII, p. 130–131.

² Diegerick, *Inventaire analytique*., № 260 et № 274, notamment.

³ *Cartulaire*, № 120.

⁴ J.-M. Richard, *op. cit.*, p. 389–391.

⁵ Diegerick, *op. cit.*, № 305.

⁶ Им вернули их товары и возместили убытки; Diegerick, *op. cit.*, № 291.

⁷ Он получил рынок в качестве фьефа; *Cartulaire*, № 121.

Ипра, посетить который в 1313 и 1314 г. он рекомендовал Филиппу Красивому и Эдуарду II¹. Отныне интересы графини и Ангеррана не совпадали, и в 1313 г. переписка сошла на нет.

В ноябре того же года Маго попыталась встретиться с Мариньи; в июне 1314 г. она преподнесла ему в дар осетра; все это были всего лишь попытки возратить бывшее влияние на могущественного советника. Становится понятным, что Маго была одним из врагов Ангеррана, попавшего в немилость несколько месяцев спустя. Тогда она испугалась того, что Мариньи обнародует их отношения, что поставило бы ее в неловкое положение перед Валуа, Эвре и Пикиньи. Позже мы увидим, что у Мариньи не было возможности защищаться, но Маго, вернувшись из Париж² после смерти короля, на всякий случай благоразумно удалилась в Артуа на время слушания его дела³; во время казни Ангеррана она находилась в Эдене. В июне она послала в Аррас своего капеллана и милостынщика, Жана де Курселя, за копией показаний Ангеррана⁴. На самом деле, он ни в чем не признался, но возможность того, что он мог о чем-нибудь проговориться, не давала покоя графине Артуа.

Последними из дел Артуа, которыми занимался королевский камергер, были выплата и последующее распределение приданого Бланки Бургундской, жены Карла Красивого⁴, то есть 100 000 турских ливров. Еще до самой первой выплаты король приказал поместить в Тампль ларец, сопроводив этот приказ грамотой от 15 февраля 1311 г. о том, что четыре ключа от этого ларца должны были находиться у Маго, Ги де Сен-Поля, Ангеррана де Мариньи и Ги Флорана, королевского казначея⁵. Эту грамоту заказал Пьеру д'Обиньи для составления сам Ангерран, доказательством чему служит не относящаяся к содержанию помета на оригинале.

В декабре того же 1311 г. были внесены 40 000 ливров. Это не те деньги, которые Тот Ги передал Жоффруа де Бриансону, пятую выплату которых произвели в то же время, когда был установлен ларец для приданого, к тому же из них было внесено только 35 000 турских ливров, в то время как 40 000 ливров приданого уже были потрачены к тому моменту. Ведь в декабре 1311 г. Мариньи составил документ⁶, согласно которому король назначал Карлу Маршскому

¹ Bibl. nat., Moreau 694, f. 15–18; *Calendar of the Patent Rolls*, Edward II, t. II, p. 42; *Calendar of the Close Rolls*, Edward II, t. II, p. 26.

² J.-M. Richard, *op. cit.*, p. 70.

³ «Июня XIII дня монсеньору Жану де Курселю выдано, чтобы получить список с признанием монсеньора Ангеррана де Мариньи... XXIII с.»; Arch. du Pas-de-Calais, A 334, f. 25 v.

⁴ Карл IV Красивый — младший сын Филиппа IV, граф Маршский, с 1322 по 1328 г. король Франции. — *Прим. ред.*

⁵ Оригинал с печатью, arch. du Pas-de-Calais, A 57, № 7.

⁶ 1311 г., декабрь (конец). — Пуасси; Arch. nat., JJ 46, № 162, f. 94.

и Бланке Бургундской 4000 турских ливров ренты взамен тех 40 000 ливров, которые выплатила Маго, а король использовал их для других целей. Впоследствии эта рента из королевской казны должна была быть превращена в земельную. Следовательно, Ангерран нашел в том ларце, ключ от которого был в его распоряжении, необходимую королю сумму и обменял ее на ренту, одинаково выгодную как для ее обладателей, поскольку они ничего не теряли при таком обмене, так и для казны, так как на тот момент земельная рента наносила ей меньший урон. 28 декабря король обнародовал в грамоте, составленной все тем же Мариньи, тот факт, что Маго передала ему доверенность на город Сент-Омер, для выплаты оставшихся 60 000 турских ливров, из расчета 5000 на каждое Рождество, и то что эти деньги нужно было поместить в ларец, находившийся в соборе в Аррасе, передав ключи от него Маго, Ангеррану де Мариньи¹, Тьерри д'Ирсону и Ги Флорану, и что их нельзя было брать взаймы или использовать для покупки ренты или земель в отсутствие графини или ее письменного разрешения. Это было гарантией того, что деньги не будут потрачены на нужды короля и не станут объектом хитроумных уловок Мариньи².

В последнем пункте договора оговаривалось, что в том случае, если Бланка умрет, не оставив наследника, вся сумма — включая и земли, и ренты, которые нужно было выкупать вместе с ними, — вернется Маго или ее наследникам. Итак, 9 апреля 1314 г. из-за королевских невесток разразился настоящий скандал³. Бланку отправили в Шато-Гаиар. Маго имела все основания опасаться конфискации, решение о которой вполне мог вынести суд, поэтому становится понятным, отчего она была так любезна по отношению к Мариньи и Латильи в августе 1314 г.

Мы уже видели, что ее отношения с Ангерраном от этого не переставали быть несколько натянутыми. Период его величия подошел к концу, многие перестали скрывать свою злобу, и Маго д'Артуа в том числе. Современники считали ее одним из злейших врагов Мариньи. Жоффруа Парижский написал:

Во всем его противником был
Особенно мессир Карл,
Но он не нанес ему никакого вреда;
А Артуа графиня
Стала для него (Мариньи) заботой и тяжким бременем⁴.

¹ Граф де Сен-Поль, чье имя фигурировало в списке лишь формально, более не упоминался.

² 1311 г., 28 декабря. — Пуасси; Arch. nat., JJ 46, № 161, f. 93 v. 94 г.

³ Бланку Бургундскую вместе с Маргаритой, супругой наследника престола Людовика, уличили в супружеской измене своим мужьям, сыновьям Филиппа IV, и приговорили к заключению. — *Прим. ред.*

⁴ Edit. A. Diverres, p. 225.

По мнению Жана де Сен-Виктора, именно под влиянием Карла Валуа и графини Артуа, а также графа Арманьяка Людовик X отступился от Ангеррана¹. Более того, если верить Ж.-М. Ришару², адвокат Жан Аньер, выступавший в суде против Ангеррана, получал деньги от Маго; но мы чуть позже покажем, что он их получал также и от Роберта Бетюнского. Наконец, мы уже рассказали, зачем Маго сделала для себя копию показаний Ангеррана.

Произошедшее представляется нам ясным: Мариньи, который помог торговцам Ипра победить в споре людей Маго, долгое время поддерживал с ними взаимовыгодные отношения; по его наущению³ была арестована Жанна Бургундская, жена Филиппа Длинного, виновная лишь в том, что вовремя не сообщила о проделках своих сестры и невестки, причем как Бланка, так и Маго сохранили к ней доброе отношение. Наконец, Маго, по всей видимости, должна была разделять досаду высокородной знати; для ее зятьев, для ее племянника по браку, Людовика д'Эвре, его родственников и союзников Мариньи был всего лишь выскочкой. Присвоение в декабре 1313 г. поместью Мариньи статуса баронского, конечно же, вызвало раздражение даже у тех, кто не имел никаких личных претензий к Ангеррану. Естественно, что Маго д'Артуа, которая более не могла рассчитывать на услуги Мариньи, перешла на сторону его противников, причем сделала она это очень аккуратно, чтобы избежать назойливых пересудов.

Мы еще не рассматривали подробно письмо, адресованное Ангерраном графине Маго, которое мы опубликовали в другом издании⁴. Это письмо, написанное так, чтобы его могла понять лишь та, кому оно предназначалось, безусловно, не представляет большой ценности для истории королевского камергера. Тем не менее из него становится понятно, что Ангерран был настолько влиятелен в глазах графини, что мог давать указания ее посланнику⁵. Но отсутствие даты и указаний о событии, о котором шла речь, не позволили нам основывать какие-либо выводы в нашем исследовании на этом документе.

Дату написания этого письма можно определить, опираясь на пять фактов: присутствие Мариньи при дворе в конце ноября; пребывание Пьера, аббата Сен-Медара, и Жоффруа дю Плесси при папском дворе некоторое время до того; дата отправки двух предыдущих писем — Ангерран получил письмо по поводу того дела,

¹ Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. I, p. 112.

² J.-M. Richard, *op. cit.*, p. 36; автор не приводит никаких доказательств.

³ *Grandes Chroniques...*, ed. J. Viard, t. VIII, p. 310, § XVIII.

⁴ Arch. du Pas-de-Calais, A 59, № 11; édit. dans *Musée des Archives départementales*, p. 220–221 et pl. 103; *Cartulaire, actes*, № 3.

⁵ «Посланник пришел ко мне, и я сказал ему, что он должен будет сказать»; *ibid.*

о котором она ему рассказывала в другом послании¹; поручение, которое Мариньи выполнил какое-то время спустя после ноября. К сожалению, аббат и протонотариус приезжали в Авиньон несколько раз в году, а Мариньи отмечал праздник Святого Андрея при дворе каждый год с 1308 по 1314-й! Мы не можем согласиться с выдвинутым Ж.-М. Ришаром предположением о 1309 г., поскольку 14 декабря Маго и Ангерран вместе присутствовали в Аррасе при подписании брачного контракта Луи де Мариньи и Роберты де Бомец: ни один из них не стал бы обсуждать столь важное и секретное дело, о каком шла речь, в письмах, зная, что встретится с собеседником менее чем через месяц². Маго, покинув Париж 9 ноября и Понтуаэ 11-го, 9 января вернулась в Сен-Дени, а 10-го в Париж³. Кроме того, в письмах, отправленных Мариньи 12 ноября, 16 ноября, 30 ноября и 31 декабря 1309 г., говорилось о подготовке брачного контракта и о приготовлениях к свадьбе: 17 ноября, как мы отмечали выше, графиня написала Жану де Гре, свидетелю своей кузины, Изабель де Мариньи, и Адаму Гурле, который должен был стать попечителем Луи и, по всей видимости, был его родственником⁴.

Отнести это письмо к 1311 или к 1313 г. также невозможно, поскольку в указанные дни не было написано никаких посланий. Остается лишь 1310 г., что, на наш взгляд, наиболее вероятно, или, может быть, 1312 г.

Таким образом, мы считаем, что это послание было отправлено в октябре или ноябре 1310 г. В то время Мариньи, находившемуся в Нормандии, пришло два письма, кроме того, в октябре 1310 г. слуга Корнильо отправился с еще одним письмом для Ангеррана в Булонь. Видимо, Мариньи ответил на одно из этих писем, возможно, на то, которое было отправлено 26 октября⁵. В благодарность — не за помощь, а за обещание серьезно подумать об этом деле — Маго немедленно выслала ему в подарок роскошный го-белен, заставив оплатить его Дени д'Ирсона 4 января 1311 г.⁶

На момент выплаты, приходившейся на праздник Вознесения в 1310 г., Берту де Бенжи в первый раз употребил формулировку «По устному приказу госпожи... для неких секретных целей, о которых известно госпоже...»⁷, но, видимо, речь шла о некоем деле,

¹ «Ваши письма, которые относятся к тому делу, о котором Вы мне писали».

² Ж.-М. Ришар основывает свое предположение на факте присутствия аббата Сен-Медара в Авиньоне в конце 1309 г.; J.-M. Richard, *op. cit.*, p. 68.

³ Arch. du Pas-de-Calais, A 261, f. 4 r. et 7.

⁴ *Ibid.*, f. 14 r.-15 v.

⁵ Arch. du Pas-de-Calais, A 270, f. 26 v.

⁶ Arch. du Pas-de-Calais, A 284, № 1.

⁷ Arch. du Pas-de-Calais, A 258.

обсуждение которого происходило еще до праздника Всех Святых 1309 г., поскольку к тому времени штраф в Камбре собирал уже Тот Ги¹. Следовательно, это уже не могло бы последовать за письмом. Если два дела, упоминания о которых содержатся в счетах и в письме, в действительности являются одним и тем же, мы не сможем датировать письмо на основании счетов. Поэтому мы остановимся на предположении об октябре-ноябре 1310 г.

Что же касается темы письма, в нем говорится о человеке, вне всяких сомнений, о мужчине, «которому вполне достаточно стольких владений...». В этом человеке Ж.-М. Ришар увидел Тьерри д'Ирсона², на наш взгляд, более вероятно, что это либо прелат, которому Маго помогла получить более высокий сан, либо Робер д'Артуа, по приговору 9 октября 1309 г. получивший многочисленные фьефы. К другим переговорам, происходившим между Маго и королем или Мариньи, римский двор не имел никакого отношения. Напротив, вполне возможно, что Маго постаралась убедить папу подтвердить или, скорее, ручаться за исполнение судебного приговора, которое фактически лишало имущества ее племянника, Робера д'Артуа.

2. ЭДУАРД II И МАРИНЬИ

Деятельность Ангеррана в Англии нужно рассматривать в связи с его взаимоотношениями с Эдуардом II. Камергер впервые посетил Англию спустя некоторое время после восшествия на престол этого короля, и, общаясь, они чаще всего обсуждали дела личного характера. Таким образом, обращаясь к их изучению, необходимо различать дела короля Франции, дела короля Англии и дела Ангеррана де Мариньи.

Двадцать четвертого февраля 1308 г. Мариньи вместе с Карлом Валуа и Людовиком д'Эвре присутствовал на коронации Эдуарда II и Изабеллы Французской в Лондоне. В одном из писем от 3 февраля³ Филипп Красивый сообщил своему зятю о том, что для участия в церемонии приедут его братья, его камергер и некоторые другие. Возможно, во время свадебных торжеств, 25 января, Мариньи находился в Булони вместе со всеми собравшимися там придворными⁴. Покинув Булонь, он вместе с принцами и со своими коллегами

¹ Arch. du Pas-de-Calais, A 252.

² Это было всего лишь предположение с его стороны; *op. cit.*, p. 68.

³ 1308 г., 3 февраля. — Нефмарше; copie de Bréquigny, Bibl. nat., Moreau 692, f. 47-48; éd. Th. Rymer, *Foedera...*, 3e éd., t. I, 4e partie, p. 111, ошибочно датировано 9 февраля; по всей вероятности, оригинал был написан на французском языке (у Брекини и во 2-м издании Римера), а Ример для третьего издания своей книги перевел его на латинский!

⁴ *Istore et chroniques de Flandres*, éd. Kervyn de Lettenhove, t. I, p. 294.

пересек Ла-Манш, поскольку ему, безусловно, было поручено передать торжественные поздравления по поводу коронации, но, помимо этого, ему также доверили еще одну важную миссию. Речь шла о том, чтобы уверить молодого короля в поддержке «во всем, что является делом как Вашей, так и Нашей чести, поэтому, по большей части, Вам все будет передано от нас в устной форме», как заявил Филипп Красивый в своем письме.

Филипп, кстати, недавно расстался с Эдуардом II, с которым с огромным удовольствием проговорил в течение всего бракосочетания. Возможно, этим письмом он хотел предостеречь молодого короля, а под «делом» подразумевалась необходимость удалить Гавестона¹. В действительности в тот момент от Филиппа Красивого нельзя было ожидать ничего другого, кроме плохой осведомленности о личности фаворита своего зятя. В подобной ситуации он предпочел бы молчать, но, отправляя в Англию послов, которым он полностью доверял, Филипп Красивый поручил им, осмотревшись на месте и разобравшись в том, что следовало сказать в данной ситуации, побеседовать с Эдуардом II. Предостережение возымело свое действие, и в 1308 г. Гавестона удалили со двора, впрочем, через несколько месяцев он вернулся и стал еще более влиятельным, чем прежде. Его вновь отослали в 1311 г., а 19 июня 1312 г. фаворита обезглавили взбунтовавшиеся бароны.

Если бы Мариньи занимался исключительно делами Филиппа Красивого, он не обращался бы больше к проблемам Англии. Но такую возможность ему предоставил сам Эдуард II. Молодой правитель действительно нуждался в советах как по поводу своих финансов, находившихся в плачевном состоянии, так и в области внутренней политики своего государства, где ситуацию с бесконечными притязаниями баронов и интригами придворных довершала сложность управления королевством Англии вместе с герцогством Аквитанским. Когда в 1313 г. волнения практически прекратились, 23 сентября король созвал своих баронов. Ему необходимо было достойно противостоять им, не наделать глупостей и постараться, по возможности, обвести их вокруг пальца. Для всего этого Эдуарду II недоставало опыта. Тогда ему в голову пришла идея попросить совета у двух выдающихся дипломатов короля Франции, у Людовика д'Эвре и Ангеррана де Мариньи.

Каким образом королю Англии стало известно о том, что Ангерран был весьма осведомленным человеком в области дипломатии? Мариньи не участвовал в переговорах 1310–1313 гг. по поводу Гиени; его имя, по нашим сведениям, не упоминалось ни в одном из документов или писем, которыми обменивались в то время два правителя. Но из счетов отеля Маго д'Артуа нам известно, что

¹ Гавестон, Пирс — фаворит Эдуарда II. — *Прим. ред.*

Людовик д'Эвре и Мариньи побывали в Англии в конце августа и в начале сентября 1312 г.¹ Кроме того, необходимые сведения мог сообщить королю приезжавший во Францию с дипломатическим поручением Эймар де Валанс, граф Пемброк: он прибыл во Францию по делам Эдуарда II в феврале 1313 г. и привез с собой рекомендательные письма, чтобы передать их Филиппу Красивому, Людовику Наваррскому, Карлу Валуа, Людовику д'Эвре, архиепископу Руанскому, Жилью Асцелину, графу де Сен-Полу и, наконец, Мариньи². Нет никаких сомнений относительно того, что именно он повлиял на решение правителя Англии пригласить Мариньи, который показался ему компетентным и влиятельным человеком.

Наконец, Эдуард II присутствовал на празднованиях Троицына дня в Париже в 1313 г., во время которых Филипп Красивый посвятил в рыцари своих сыновей и многих других юношей благородного происхождения. Кроме того, в связи с этими торжествами, как уже говорилось, фактически произошло открытие новых зданий в Париже. В то время Мариньи уже был близок к вершинам своего могущества. Новый дворец всем казался его творением — причем в какой-то степени так оно и было — кроме того, именно камергеры постарались сделать праздник как можно более роскошным. По всей видимости, имя Мариньи, как в связи с его недавней деятельностью во Фландрии, так и из-за его запомнившегося появления на церковном соборе в предыдущем году, было у всех на устах. Мариньи постоянно находился в поле зрения приглашенных царственных особ. Он заплатил 100 ливров коннетаблю Гоше де Шатильону и 40 ливров Гильому д'Аркуру за право шествовать перед английской царствующей четой³. Вероятно, именно он позаботился о размещении их в Париже и об оказании им соответствующих их положению услуг. И когда в начале лета 1313 г. Эдуард II выбирал для себя советников, он, само собой, пригласил вместе с Людовиком д'Эвре Анггеррана. Мариньи был влиятелен, пользовался репутацией умелого человека, и поэтому его присутствие в окружении молодого короля было крайне желательным.

Поводом для приглашения стала встреча с баронами 23 сентября. К этому неотложному на тот момент для короля делу добавлялась еще и необходимость разрешения спорных вопросов между Англией и Францией по поводу Гиени. 23 апреля король в Парламенте наложил на герцога Гиеньского штраф в размере 12 000 ливров за притеснение его сенешаля⁴, но он отменил этот приговор 5 мая⁵.

¹ Arch. du Pas-de-Calais, A 298, f. 24 r.

² *Calendar of the Close Rolls*, Edward II, t. I, p. 512.

³ R Fawtier, *Comptes royaux...*, t. II, p. 774, № 27684 et 27685.

⁴ Bibl. nat., Moreau 693, f. 235-237.

⁵ *Ibid.*, f. 243-244.

Было ли в таком случае празднование Троицына дня настоящим перемирием, во время которого никто не упоминал о взаимных претензиях, или же возможностью поторговаться? Нам об этом ничего не известно, но из-за отсутствия в документах окончательного результата, можно предположить, что в августе 1313 г. не было принято никаких решений.

К тому же после торжеств 3 июня возник новый мотив для разногласий: Эдуард II, которого Филипп Красивый в конце июля 1313 г. неоднократно и очень настойчиво вызывал в Аррас, для того чтобы вместе отправиться в поход против графа Фландрии, если возникнет такая надобность, в итоге не явился¹. Должно быть, он считал это для себя тяжким обязательством, но его отказ мог повлечь за собой оккупацию Гиени. Следовательно, вполне возможно, что король Англии хотел ввести в заблуждение Людовика д'Эвре и Мариньи во избежание серьезных проблем.

28 августа 1313 г. он попросил Филиппа Красивого отправить в Англию его брата и его камергера, в надежде выгодно использовать их опыт и ум², чтобы как можно удачней уладить свои дела ко времени созыва парламента, назначенного на 23 сентября в Лондоне. Естественно, что ждали их совета по поводу разногласий с баронами, поскольку оба деятеля пользовались репутацией миротворцев, стремящихся ко всеобщему согласию³; вместе с тем, каждому из них было направлено письмо, где говорилось о том, что сенешалю отеля, Эдмонду де Молею, поручено изложить им все подробности этих дел, но природа рассматриваемых вопросов не уточнялась. Таким образом Эвре и Мариньи, до визита сенешаля ничего не знавших, поставили в известность о том, чего от них ждали, перед их отъездом в Англию, при этом вполне возможно, что во время этого визита разговор шел скорее о делах Гиени, чем Англии, поскольку разъяснение английских проблем скорее поручили бы юстициарию или другому должностному лицу с острова. О разговоре сенешаля с Эвре и Мариньи Филиппу Красивому не сообщалось, так как сенешаль должен был всего лишь получить у него разрешение на отбытие дипломатов в Англию, представив ему верительное письмо от Эдуарда II. Четвертое письмо Эдмонд де Молей доставил королю Людовику Наваррскому, чтобы получить его согласие⁴.

¹ *Ibid.*, *passim*.

² «Зрелостью их советов и проницательностью предсказаний» («Eorumque maturitatem consilii et providentiam circumspectam»); Th. Rymer, *Foedera...*, 3e éd. t. II, 1re partie, p. 48.

³ «Миротворцы, стремящиеся к согласию» («Viros pacis et concordiae zelatores»); *ibid.*

⁴ Th. Rymer, *op. cit.*, p. 48.

Речь не шла о том, чтобы ввести в курс дела одного или другого короля; им даже не сообщили, что сенешаль должен будет поговорить именно с Эвре и Мариньи. В итоге Эдуард II сделал вид, что просит своих тестя и шурина прислать ему в помощь двоих, которым он тем временем разъяснил, чего он от них ожидал. Чтобы усилить впечатление того, что от Филиппа Красивого ничего не скрывают, король Англии сообщил ему, что назначил Мариньи ренту в 1000 турецких ливров, и попросил предупредить об этом Ангеррана¹. Сенешаль, конечно же, не стал дожидаться этого сообщения и лично указал камергеру на столь важную подробность: двумя днями ранее, 28 августа, было составлено свидетельство, согласно которому Мариньи назначалась пожизненная рента в 1000 ливров, выплачиваемая в маленьких турецких ливрах на праздник Святого Михаила², и документ этот Эдмонд де Молей, естественно, передал лично в руки тому, кому он предназначался.

Отправился ли Мариньи в Англию 23 сентября? В конце августа он должен был находиться в Грозо, рядом с Климентом V, а в начале сентября он отправился в район Парижа, где его можно было встретить в октябре (10-го числа). Поэтому кажется вполне вероятным, что он уехал в Лондон в указанный день. Но без сомнения можно сказать, что он вернулся оттуда в ноябре, и путешествие это мог совершить лишь в сентябре, задержавшись с отъездом по неизвестным нам причинам.

Восемнадцатого ноября в Вестминстере Мариньи получил от Эдуарда II охранное свидетельство для горожан Ипра³, а 28-го личное право на доход от сбора пошлин⁴. В промежутке между этими двумя датами он находился при английском дворе вместе с Людовиком д'Эвре, поскольку Маго д'Артуа посылала следить за ними.

Какими проблемами они занимались? Конечно же, баронами и Аквитанией. Но Мариньи более всего заботил вопрос о передаче госпитальерам имущества тамплиеров⁵, поскольку с решением этого вопроса все больше и больше затягивали. Возможно, он уже занимался этим делом во время поездки в Англию, состоявшейся практически сразу после его возвращения из Вьенны, где проходил церковный собор. Об этой поездке свидетельствуют счета из отеля Маго д'Артуа; кроме того, вместе с ним в Лондон ездили Людовик д'Эвре и Жан де Гре⁶. Без всяких сомнений, он отсутствовал

¹ 1313 г., 30 августа. — Виндзор; *ibid.*, p. 49.

² *Calendar of the Patent Rolls, Edward II, t. II, p. 13.*

³ *Cal. of the Pat. Rolls, ibid.*, p. 42; *Cal... Close Rolls, Edw. II, t. II, p. 26.*

⁴ *Cal. of the Patent Rolls, ibid.*, p. 45.

⁵ Этого Мариньи добился на церковном соборе во Вьенне.

⁶ «То же. II. слугам, один из которых ездил в Амьен, а другой в Аббевиль, чтобы узнать новости о монсеньоре Людовике Французском и монсеньоре Ангерране

довольно долго, поскольку за период с августа по декабрь 1312 г. под его руководством не было выпущено ни одного королевского акта.

В ноябре 1313 г., имело это отношение к его сентябрьской поездке или же нет, Ангерран был при дворе Эдуарда II. Двадцать пятого ноября, через неделю после своего приезда, в ответ на прошение представителей ордена госпитальеров¹ и в соответствии с решением понтифика, Эдуард II обнародовал и приказал официально оформить² акт передачи имущества ордена тамплиеров госпитальерам, что не должно было нанести никакого вреда ни Короне, ни ее подданным. Свидетелями этого заявления стали восемь человек, в числе которых был и Мариньи³. В его присутствии не было явной необходимости. Речь шла о принятии меры из разряда внутренних дел, при заявлении которой не полагалось присутствовать французам; к тому же впоследствии будет замечено, что находившийся тогда в Лондоне Людовик д'Эвре не присутствовал при ее обнародовании. Это становится понятным, если вспомнить, что он отрицательно относился к идее о принятии такого решения, в поддержку которого на церковном соборе из членов Совета высказывались только Карл Валуа и Мариньи. Из того, что Мариньи стал свидетелем заявления 25 ноября, следует, что он сыграл немаловажную роль в переговорах между госпитальерами и Эдуардом II. В своем стремлении добиться этого перевода имущества, о причинах которого мы расскажем чуть позже, Мариньи воспользовался своей поездкой в Англию или получил разрешение съездить туда еще раз, чтобы завершить свой труд. Двадцать седьмого ноября он получил от Эдуарда II охранное свидетельство для горожан Ипра⁴, а двадцать восьмого добился того, что ему и его компаньону Тоту Ги были переданы доходы от сбора пошлин в Лондоне⁵. В тот же день, 28 ноября 1313 г., Эдуард II отдал юстициарию Лондона, Эймару де Валансу, приказ передать имущество тамплиеров про-

де Мариньи... V с.» (1312 г., 27 августа); Arch. du Pas-de-Calais, A 298, f. 24 г. — «То же сентября, VII дня, .I. слуге, отправленному из Булони в Виссан, чтобы узнать новости о монсеньоре Людовике Французском... VIII д.» (1312 г., 7 сентября); *ibid.* — «То же передано. .I. слуге, отвезшему письма в Англию для монсеньора Жана де Гре... XXX с.» (1312 г., около 10 сентября); *loc. cit.*, f. 25 v.

¹ Прецептора, представителя великого магистра, и приора Венеции.

² *Calendar of the Close Rolls*, Edward II, t. II, p. 88.

³ Избранный архиепископ Кентерберийский, Жан де Сандал, Эймер де Пемброк, Гуго Деспенсер-старший, Ангерран де Мариньи, Эдмонд де Молей, Жан де Карлтон и Гильом де Монтегю; *ibid.* et P. Dupuy, *Histoire de l'ordre militaire des Templiers*, p. 463–466.

⁴ *Calendar of the Patent Rolls*, Edward II, t. II, p. 44.

⁵ *Ibid.*, p. 45.

курорам ордена госпитальеров¹, а Маго д'Артуа, все в тот же самый день, послала своего слугу Леско в Виссан², чтобы узнать, когда Мариньи и Людовик д'Эвре вернутся из Англии³. Задача, которую Мариньи поставил перед собой в Англии, была выполнена.

Тем не менее по ту сторону Ла-Манша Ангерран преследовал и свои личные интересы. Он не забывал об этом во время своего первого путешествия и воспользовался своим пребыванием в Лондоне в феврале 1308 г., чтобы встретиться с обладателями владений, расположенных вблизи Плесси, и приобрести у них эти земли. Двадцать девятого февраля 1308 г., через пять дней после коронации Эдуарда II и Изабеллы, Жан и Робер дю Плесси продали Мариньи свои владения в Мениль-Веркливе, Крессенвиле и в их окрестностях. Эту продажу ратифицировал и Эдуард II, поскольку оба брата жили в Англии, и Филипп Красивый, так как земли находились во Франции. Из того, что Мариньи не присутствовал при юридическом оформлении продажи, а послал вместо себя своего представителя, Жилия де Реми⁴, отнюдь не следует, что он лично не занимался вопросами своей недвижимости. Собственно, как мы уже замечали, именно он управлял своим доменом, а также делал его таким, каким хотел его видеть. Вместе с тем нельзя сказать, что оформление этой сделки было каким-либо образом связано с Англией. Лондон в 1308 г. был не более чем местом ее заключения. Но в 1313 и 1314 гг. Мариньи действительно преследовал в Англии личные интересы, не имевшие к Франции никакого отношения.

В том, что Эдуард II назначил Ангеррану ренту, не было ничего необычного. Филипп Красивый был предупрежден об этом, более того, он сам должен был сообщить эту новость Ангеррану: это был обычный способ платы за такого рода услуги. Рента в 1000 турских ливров, по всей видимости, была назначена из казны Англии⁵. Но выплачивалась ли она? Мы так не думаем. Мариньи должен был получить 1000 ливров на праздник Святого Михаила⁶, то есть 29 сентября 1313 г., и столько же в 1314 г.

Помимо того, примерно в мае или июне 1313 г. Ангерран одолжил Эдуарду II во Франции 15 000 ливров. Не имея возможности вернуть эту сумму самостоятельно, 8 июля король поручил своему торговцу, генуэзцу по имени Антонио Пессено⁷, вернуть долг, передавая ему

¹ P. Dupuy, *op. cit.*, p. 466–467.

² Порт, из которого с XIII в. обычно отправлялись корабли в Дувр; см. F. Lot, *Etude sur Lancelot en prose*, p. 141.

³ Arch. du Pas-de-Calais, A 316; J.-M. Richard, *Mahaut...*, p. 69, n. 1.

⁴ *Cartulaire*, № 48 et 49.

⁵ Th. Rymer, *Foedera...*, t. II, 1re partie, p. 49.

⁶ *Calendar of the Patent Rolls*, Edward II, t. II, p. 13.

⁷ *Ibid.*, p. 4.

из своих собственных привилегий право на доход от сбора пошлин в порту Лондона. Пессено должен был передать 15 000 ливров Мариньи за неделю до праздника Святого Михаила, поскольку было очень нежелательно, чтобы рента выглядела как возвращение долга. Он смог выплатить только 5000 ливров, причем 2679 ливров 13 су 7 денье из этой суммы в сентябре получили действовавшие по доверенности Мариньи Манан Франциски и *Тальдус Валорис*, компаньоны Барди¹; Мариньи сообщил об этом Эдуарду II, и король 28 ноября 1313 г., перед отъездом Мариньи, передал ему и Тоту Ги доходы от сбора обычных пошлин на шерсть, кожу и шкуры баранов в Лондонском порту, вплоть до суммы в 10 000 ливров, которые он оставался должен Мариньи от одолженных ему 15 000 во Франции, и 3000 фунтов стерлингов, которые Мариньи и Тот Ги одолжили ему помимо того².

Итак, Эдуард II, вместо того чтобы возратить долг, передал права на доходы, которые должны были образоваться в будущем, и занял еще 3000 ливров. Следовательно, Мариньи одолжил королю Англии порядка 16 000 или 17 000 турецких ливров, из которых благодаря Антонио Пессеню к нему вернулось только 5000 ливров. К тому же, отправляясь в Англию в ноябре 1313 г., Мариньи и Тот Ги ссудили в казну Эдуарда II еще 200 ливров, «чтобы облегчить решение королевских проблем»!³

Настаивать на чем-либо бесполезно: заем 15 000 ливров во Франции можно при желании объяснить удаленностью от собственного государства, длительностью пребывания, расходами на празднике... Но то, что король Англии взял двести ливров взаймы для собственной казны, говорит о его отчаянном положении на тот момент. В таком случае представляется совершенно неправдоподобным, что Мариньи выплачивали ренту. Впрочем, его это не особенно беспокоило. Возможно, он думал, что, утвердившись на троне, Эдуард II сумеет его отблагодарить и заплатит все свои долги с лихвой. Поскольку он тогда не мог предположить, какая его ожидает участь, его не пугала небольшая задержка с возвращением денег.

Таким образом, Эдуард II остался должен 13 000 ливров Мариньи и Тоту Ги, из которых более 11 000 — лично Мариньи. Получение этих сумм было переведено на доходы со сбора обычных пошлин в Лондонском порту. Действительно, один из людей, действовавших по доверенности Мариньи и Тота Ги в Англии, ломбардец по имени Ванн *Пуций* Фортгер, держал под своим контролем вывоз и ввоз

¹ *Calendar of the Fine Rolls*, Edward II, t. II, p. 178.

² *Calendar of the Patent Rolls*, Edward II, t. II, p. 45.

³ *Ibid.*, p. 255.

шерсти, кожи и шкур. В его распоряжении даже находилась оборотная сторона печати Кокет¹, которой отмечали мешки во время процедуры уплаты пошлин². Это ассигнование оказалось удачным, поскольку еще до 27 ноября 1314 г. Мариньи и Тот Ги получили 10 000 фунтов стерлингов от Гильома Серва и Гильома Тулузского, собиравших вышеупомянутые пошлины³. Несомненно, перед 12 апреля 1314 г. Антонио Пессено уплатил остающуюся часть долга Мариньи и Гильберту Клэру, графу Глостера и Херефорда⁴.

Мы не будем подробнее останавливаться на том, какую роль во всех этих делах играл Тот Ги, поскольку его участию в них нужно было бы посвятить отдельное исследование; в сделках, заключенных Мариньи в Англии, он выступал как посредник и доверенное лицо Ангеррана, и начиная с 1310 г. сборщик податей Артуа Берту де Бенжи называл его «приближенным монсеньора Ангеррана де Мариньи»⁵. Поэтому нельзя с полной уверенностью говорить о том, что Мариньи не имел никакого отношения к другим аферам этого уроженца Лукки, например, к поставкам продовольствия людям Эдуарда II в Шотландию, которые он передал от имени короля Блезу Альдебрандини из Сиены, добившись на основании этого ассигнования себе доходов от сбора пошлин в Лондонском порту⁶.

О собственной выгоде думал Мариньи и тогда, когда в ноябре 1313 г. добивался для горожан Ипра охранных грамот. Он поддерживал деловые отношения с теми из них, кто поставлял сукно на ежегодную ярмарку в Экуи⁷. Эти горожане, доказывая, что их благополучие принесет прибыль и Ангеррану, сумели заинтересовать его до такой степени, что тот сам за них ходатайствовал. Поведение горожан во время войны могло настроить королей против них, и король Англии, стремясь понравиться своему тестю, закрыл доступ в свое королевство для тех фламандцев, которые провозгласили себя противниками Франции. Английские моряки отбирали у них

¹ «Вторая часть печати» на самом деле, не что иное, как оборотная сторона печати.

² Ванн Фортгер передал ее инспектору сбора пошлин, Ришару де Люда, по приказу Эдуарда II от 14 марта 1315 г.; *Calendar of the Close Rolls, Edward II, t. II, p. 163.*

³ *Calendar of the Patent Rolls, Edward II, t. II, p. 204.*

⁴ К этому моменту Эдуард II действительно признал свои долги перед Антонио Пессенем и пообещал вернуть их через флорентийцев Манана Франциски и Жиня Воненсеня из банка Барди, которые 6 февраля 1315 г., в свою очередь, дожидались выплаты задолженности по пошлинам Лондонского порта; *Cal. of the Close Rolls, Edward II, t. II, p. 26.*

⁵ *Arch. du Pas-de-Calais, A 252.*

⁶ *Cal. of the Close Rolls, Edward II, t. II, p. 64.*

⁷ Заверенная королем копия (1313 г., 23 июня) свидетельства об основании ярмарки (1313 г., март) была отправлена в Ипр и там сохранилась; *Diegerick, Inventaire...*, № 305.

корабли, доходило даже до убийства; в 1312 г. жители Ньюпорта неоднократно жаловались Роберту Бетюнскому на то, что три раза в июле и августе 1312 г. моряков убивали и забирали их товары¹.

Именно поэтому в письме своему зятю Филипп Красивый посоветовал ему хорошо обращаться с жителями Ипра, хотя они и были вынуждены перейти на сторону фламандцев — ведь в действительности они поддерживали короля Франции². Но 18 ноября 1313 г. Мариньи добился от Эдуарда II выдачи трем горожанам Ипра охранной грамоты, которая была действительна в течение двух лет и обеспечивала им свободный въезд в Англию со своими товарами при единственном условии уплаты обычной пошлины³. Кого же, таким образом, облагодетельствовал Мариньи? Андре Бротерлам и Франсуа Бель были городскими советниками; они как члены городской администрации присутствовали на судебном процессе в апреле 1310 г.⁴; второй из них, будучи главой магистрата, защитником (*avoué*) Ипра в 1305 г., также представлял свой город во время ратификации Атиского договора⁵. Третий, Жан де Ло, был обычным горожанином, торговцем. Прежде чем покинуть Англию, 27 ноября Мариньи получил охранную грамоту также для некого Жана Доти, о котором нам более ничего не известно⁶.

Ангерран больше не встречался с Эдуардом II, но тем не менее не оставил своих попыток проложить для жителей Ипра торговый путь в Великобританию. Восьмого июля 1314 г. из Арраса он отправил множество писем, адресованных Филиппом Красивым Эдуарду II⁷, с просьбой оказать покровительство горожанам Ипра и создать благоприятные условия для их деятельности. Этими протееже Мариньи были Жан Ангиль, сын Пьера, защитник Ипра и глава делегации, ездившей в Аррас в 1313 г.⁸ (он также был защитником Ипра в 1319 г.)⁹, Гильом де Вагенер или, на фламандский манер,

¹ Arch. d'Etat de Gand, Chartes des comtes..., Saint-Genois 945-946.

² 1314 г., 25 июля. — Компьень; Bibl. nat., Moreau 692, f. 151, et Moreau 693, f. 266; см. *infra*.

³ *Calendar of the Close Rolls*, Edw. II, t. II, p. 26, et *Calendar of the Patent Rolls*, Edw. II, t. II, p. 42.

⁴ Против них выступали представители аббатства Мессин, в присутствии графа; Diegerick; *op. cit.*, № 280.

⁵ *Ibid.*, № 245 et 246.

⁶ Охранная грамота, действительная в течение пятнадцати дней, была предоставлена только Жану Доти, который собирался приехать вместе с семьей и имуществом: он, без всяких сомнений, предполагал окончательно обосноваться в Англии, и охранная грамота была ему необходима, главным образом чтобы пересечь Ла-Манш; *Calendar of the Patent Rolls*, Edward II, t. II, p. 44.

⁷ Схожесть времени составления и темы этих посланий позволяют нам предположить, что письма, о которых нет упоминания в копии Брекини, были написаны при посредничестве Ангеррана; Bibl. nat., Moreau 694, f. 15 à 18.

⁸ Arch. nat., J 560 A, № 6, pièce 29.

⁹ Arch. nat., J 563 A, № 37.

де Вагенер¹, Тьерри Эли, Жак де Укерк, Андре Бротерлам, Франсуа Бель и Жан де Ло. Очевидно, что все эти люди были знатными горожанами, высокопоставленными должностными лицами в городской администрации, либо членами семей, которые сыграли немаловажную роль в истории Ипра².

Поэтому мы считаем возможным написать, что Мариньи был в достаточно тесных отношениях с коммуной и с руководством города Ипра³, а также извлекал экономическую, чтобы не сказать денежную, выгоду из своего влияния на королей Франции и Англии. Впрочем, именно к общине Ипра было обращено уже упоминавшееся нами письмо Филиппа Красивого, который просил Эдуарда II взять под свое покровительство всех горожан Ипра, которые собирались торговать в Англии; это письмо Мариньи повелел составить Пьеру Барьеру 25 июля 1314 г.⁴

Это был последний акт помощи Ангеррана горожанам Ипра, положивший к тому же конец его вмешательству в область политики и администрации Английского королевства. Тем не менее в 1314 г. Мариньи считал, что его звездный час близок. Возможное избрание Николя де Фревиля на папский престол могло придать Мариньи гораздо больший вес в сфере европейской политики и предоставить бескрайние возможности для реализации его планов. Андре Сапити, представитель Эдуарда II на сессиях церковного собора, 31 августа 1314 г. посоветовал своему господину наладить отношения с кардиналом ввиду крестового похода против шотландцев!⁵

Таким образом, Эдуард II мог заранее придумать способ, как надежней привязать к себе кузена будущего папы, но не способ спасти его. Впрочем, получив известие о смерти Филиппа Красивого, 20 декабря 1314 г. король Англии отправил новому королю Франции и Наварры письмо, в котором дал отличную рекомендацию Мариньи; он прекрасно понимал, что период могущества камергера завершился. В своем послании он ни единым словом не обмолвился о тех услугах, которые оказал ему Ангерран, а говорил лишь о том, как преданно служил камергер Филиппу Красивому и о привязан-

¹ См. A. Merghelink, *Recueil de généalogies...*, t. I, p. 212, et t. II, p. 402.

² Например, все, кому покровительствовал Ангерран, присутствовали в начале июля на конференции в Аррасе; *Comptes de la ville d'Ypres*, éd. G. des Marez et E. de Sagher, t. I, p. 473–474.

³ Данные городских счетов свидетельствуют о их переписке; *ibid.*, p. 358 et 480. В отсутствие Ангеррана эшеваны Ипра, посетившие Париж в июне 1312 г., ничуть не смущаясь, «из любезности» давали деньги его писцу, чтобы обратить на себя благосклонное внимание камергера; *ibid.*, p. 385.

⁴ *Bibl. nat.*, Moreau 692, f. 151, 693, f. 266, et 694, f. 18; предложенная Брекини датировка — 1310 и 1313 г. — не верна, поскольку единственно возможной в данном случае датой является 1314 г.; см. *Hist. Fr.*, t. XXI, p. 463.

⁵ Public Record Office, Ancient Correspondence LV, № 47; éd. Ch.-V. Langlois, dans le *Journal des Savants*, 1904, p. 449–450.

ности, которую испытывал к нему покойный правитель. Людовик X, на самом деле, ничего не имел против Мариньи, но король Англии пекся не только о спокойствии Ангеррана. Он хотел, чтобы камергер остался в Совете и, соответственно, в услужении у нового короля. Эдуард II, очевидно, был заинтересован в том, чтобы советник Филиппа Красивого стал советником Людовика X. В письме сообщалось также о грядущем визите Антонио Пессеня, которому, несомненно, было поручено отстаивать приведенные доводы на словах и постараться сделать некоторые из них еще более убедительными¹.

Старания Эдуарда II не увенчались успехом, но кое-кто все же получил свою выгоду от исчезновения Ангеррана: Тот Ги, который пользовался доверием камергера, перевел на себя доверенности, оформленные одновременно на него и на Мариньи².

¹ Th. Rymer, *Foedera...*, t. II, p. 75.

² *Calendar of the Patent Rolls*, Edward II, t. II, p. 255; *Calendar of the Close Rolls*, Edward II, t. II, p. 163 et *passim*.

ГЛАВА VII

ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ПАПСТВА ДО 1312 Г.

1. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОПРОСЫ ДО 1310 Г.

На каких основаниях Ангерран де Мариньи занимался вопросами религии и вмешивался в политику в отношении папства? Вполне понятное удивление вызывает тот факт, что Филипп Красивый поручил решение подобных проблем рыцарю, никоим образом не подходящему для такого рода деятельности; Мариньи не был юристом¹, в то время как к услугам короля были Ногаре и Плезиан. К тому же в большинстве случаев послы, отправляемые к папскому двору, были людьми духовного звания, такими, как аббат Сен-Медар де Суассон, епископ Байе, Жоффруа дю Плесси, Жиль Асцелин или Ален де Ламбаль. Появление фигуры Мариньи в сфере папской политики не было вызвано недоверием Филиппа IV к вышеупомянутым церковникам, ведь данные королем поручения он чаще всего выполнял в сотрудничестве с ними: изменялся лишь его статус в сменявшихся друг друга посольствах. Следовательно, можно заключить, что в ситуации, когда речь шла уже не о спорах на тему канонического права, которые в течение долгих лет вел Гильом де Ногаре, а о возможности получения от папства политических и финансовых привилегий, король сделал ставку на ловкость умелого дипломата. Именно это изменение подхода к отношениям между французами и понтификом позволило Мариньи утвердить свое влияние в этой области и вместе с тем навязать собственную концепцию переговоров.

Его задачей было получить поддержку папского престола, чтобы облегчить решение целого ряда находившихся в то время в его компетенции проблем, которые его особенно беспокоили: заставить Роберта Бетюнского окончательно и бесповоротно подчиниться королю, а Генриха VII ратифицировать союз с Францией, не говоря уже об имуществе тамплиеров, в отношении которого он надеялся на то, что папа присоединится к решению короля Франции. Речь

¹ Луиджи Тости ошибочно включил Ангеррана де Мариньи в число *юристов* (*giureconsulti*) Филиппа Красивого; возможно, это всего лишь досадная оплошность автора, который имел в виду королевских советников; L. Tosti, *Storia di Bonifazio VIII*., t. II, p. 126.

теперь шла не о борьбе с папством и попытке доказать превосходство короля, а о примирении с духовной властью. Сама личность папы играла тут роль немаловажную и способствующую успеху дела. Но Клименту V отнюдь не была свойственна покорность королевским приказаниям, которую ему иногда приписывали. То, что король согласился на ряд уступок, из которых впоследствии смог извлечь немалую выгоду, было отчасти заслугой Мариньи. Он подтолкнул короля к решению отложить идею проведения судебного процесса, чернившего память Бонифация VIII, а затем оставить ее вообще, к огромному сожалению Ногаре, и добился того, что взаимным упрекам короля и папы был положен конец, что отразилось в булле «*Rex glorie*» от 27 апреля 1311 г. Наконец, он сгладил последствия, которые мог повлечь за собой суровый приговор, вынесенный Гишару де Труа, устроив перевод епископа на другую кафедру и позволив ему обосноваться в Авиньоне.

Если Мариньи сумел добиться претворения в жизнь подобной концепции отношений с Климентом V, это означает, что король с ней соглашался. Вполне возможно, что излишества Ногаре уже довольно давно начали вызывать раздражение у набожного Филиппа Красивого. Бонифаций VIII умер, и королю уже не нужно было добиваться признания его вины. Гораздо большую пользу в виде ценного союзника могла принести королю уступка в этом вопросе, взамен которой он получил признание своего «справедливого рвения», чем приговор, вынесенный мертвому противнику. Даже если Филипп Красивый и не уступил, он все же отошел от бесполезно-непримиримой позиции Ногаре. Как точно заметил Ж. Лизеран, у короля было слишком много требовавших внимания дел, чтобы он надеялся преуспеть в каждом. В итоге реальную выгоду ему могло принести — и он это понял — следование той политике, за которую ратовал Мариньи.

Ангерран был представлен Клименту V лишь в 1307 г., и к его мнению в окружении папы стали прислушиваться только на переговорах в Пуатье в 1308 г. До того момента Мариньи уделял вопросам религии отнюдь не больше внимания, чем остальным государственным делам. Ведь Эрнест Ренан отвел Мариньи место в парламенте, собравшемся в 1301 г. в Санлисе на слушании дела, в котором обвинялся Бернар Сессе, лишь потому, что слишком буквально воспринял незначительное высказывание Тости¹.

Как камергер короля Ангерран последовал за своим господином в Пуатье в 1307 г. и не преминул извлечь выгоду из представившейся возможности, добившись от папы некоторых привилегий 31 мая и 3 июня². Но в 1308 г. он выступил в качестве независимого

¹ *Histoire littéraire de la France*, t. XXVII, p. 239.

² *Regestum...*, t. II, p. 42, № 1699, p. 50, № 1742, et p. 61, № 1775.

посланника с достаточно типичной целью. Еще до приезда Филиппа Красивого в Тур Мариньи побывал в Пуатье¹, где занялся приготовлениями к путешествию короля и провел предварительные переговоры, все так же по указу государя². Тотчас же по прибытии в Тур в королевском кортеже ему пришлось вновь отправиться в Пуатье по просьбе кардинала Раймонда де Го: 13 мая кардинал отправил Филиппу Красивому письмо с просьбой прислать Ангеррана, который помог бы положить конец стычкам между королевскими сопровождающими и людьми из свиты кардинала, спорившими о месте их размещения в городе³. Следовательно, на этот раз к Мариньи обратились по вопросу жилья и расселения людей, решение которого, само собой, входило в обязанности королевского камергера.

Но в булле от 22 октября 1308 г. упоминалось уже не о камергере⁴: в ней Климент V, помимо прочего, напомнил королю о том, что в Пуатье, в присутствии Людовика д'Эвре и графа де Сен-Поля, Мариньи от имени короля открыл ему несколько секретных проектов, относившихся к проблеме Константинополя. Карл Валуа, ссылаясь на принадлежащее ему право на корону Куртене, добился того, что ему официально позволили получать суммы от сбора десятины на Сицилии⁵ и во Франции⁶. При этом французский налог должен был предоставляться ему прежде, чем пожалованные королю деньги от сбора двух других десятин, а позже и трех, поскольку в качестве компенсации Филиппу IV было дано право на еще одну. Король в этой ситуации ничего не терял, так как 30 000 ливров, собранных Жоффруа Кокатриком для Карла Валуа, были отправлены, с согласия последнего, в королевскую казну. Мариньи, первым подавший идею изъятия этих денег, обещал, что их вернут не позднее ноября 1307 г.⁷ Кроме того, все так же в Пуатье Ангерран обратился к Клименту V с просьбой о том, чтобы тот согласился стать посредником на переговорах с венецианским дожем, от которого требовалась помощь в организации грядущего похода на Константинополь.

¹ Девятого апреля ему были переданы две буллы; *Regestum...*, t. III, p. 240–241, № 3240 et 3242; *Cartulaire*, № 43 et 44.

² Действительно, в журнале королевской казны содержится запись о том, что на поездку Сен-Поля и Мариньи в Пуатье туда и обратно было выделено 300 парижских ливров; J. Viard, *Journaux du Trésor...*, col. 878–879, № 5974.

³ Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. III, p. 94.

⁴ Or. sc., Arch. nat., J 703, № 164; J. Schwalm, *Constitutiones...*, t. IV, p. 213, № 249.

⁵ 1307 г., 3 июня. — Пуатье; *Regestum...*, t. II, p. 55, № 1758.

⁶ 1306 г., 14 мая. — Arch. nat., J 703, № 50.

⁷ 1307 г., 25 сентября. — Париж; Arch. nat., J 164 A, № 17.

Впрочем, о переговорах, проходивших с мая по июнь 1308 г. в Пуатье, известно достаточно¹. Там брали слово Плезиан, Жиль Асцелин, Эджилио Колонна и другие, но не Мариньи. Речь шла о том, чтобы настроить папу против тамплиеров, а это должны были сделать специалисты по каноническому праву, а не кто-нибудь другой. Кроме того, если бы Мариньи выступал на этом собрании, это ни в коем случае не упустил бы из виду наш главный информатор, арагонский посланник.

Мариньи упоминал вопросы особой секретности, в отношении которых члены консистории были настроены не особенно благожелательно. То, что на этой встрече присутствовал граф де Сен-Поль, подсказывает нам, что она могла состояться во время визита Мариньи и графа в Пуатье около 9 апреля 1308 г., уже упоминавшегося нами. Последней причиной, по которой мы относим предпринятый им демарш к апрелю 1308 г., является то, что 1 мая был убит Альберт Австрийский; Филипп Красивый узнал о случившемся в Пуатье²; в конце мая король и его брат еще не выработали окончательной позиции по отношению к имперским выборам, а в сфере разбирательств по поводу Константинополя все оставили без изменений.

Мариньи должен был присутствовать на обсуждении вопроса об имуществе тамплиеров, поскольку это было дело уже политического и финансового, а не канонического толка. Кроме того, он не смог бы возглавить комиссию по этому делу в 1312 г., если бы в 1308-м он хотя бы не присутствовал на переговорах, после которых было принято решение передать имущество ордена королю.

После этого необходимо было осудить тамплиеров. Ввиду огласки, которую получил вынесенный в Санской провинции приговор, который должен был оказать решающее влияние на ход дела, фигура архиепископа Санского приобрела особую значимость. К тому же Этьен Бекар был при смерти. Собрание уполномоченных по данному делу отложили с августа на ноябрь 1309 г. в ожидании того момента, когда назовут его преемника, что, по мнению Ж. Лизерана³, очень важно.

С конца 1308 г. Филипп Красивый беспрестанно увещевал Климента V назвать преемника умирающему, предварительно заручившись королевским согласием; в секретном послании 26 января 1309 г. папа пообещал, что выберет архиепископа лишь после того, как узнает мнение короля по этому поводу и примет во внимание его волю⁴. Этьен Бекар скончался 29 марта 1309 г.; 23 апреля

¹ G. Lizerand, *Clément V et Philippe le Bel*, p. 122 et suiv.

² G. Lizerand, *op. cit.*, p. 166.

³ *op. cit.*, p. 149.

⁴ Arch. nat., L 292, № 22.

Климент V лично занялся избранием нового архиепископа¹. К началу октября Филипп Красивый уже мог выразить ему свою благодарность за то, что на этот пост был выдвинут Филипп де Мариньи, бывший ранее епископом Камбре². Ангерран де Мариньи вполне мог предложить кандидатуру своего брата, отрекомендовав его как человека, который будет исполнять королевскую волю так же ревностно, как и он сам. Филипп де Мариньи ранее служил писцом у короля и был королевским уполномоченным по делам приобретения имущества³; но сделанный королем и доведенный до сведения папы⁴ выбор больше напоминает выбор человека, которого плохо знаешь, сделанный по рекомендации. Впрочем, упоминания о следующем событии достаточно, чтобы избавиться от любого рода сомнений на этот счет: в декабре того же года Филипп де Мариньи приобрел фьеф в Генневиле и в марте 1310 г. подарил его своему брату Ангеррану в благодарность за оказанные ему бесценные услуги⁵.

То, что Ангерран поспособствовал возвышению своего брата до сана архиепископа, несомненно. Но один лишь только процесс тамплиеров стал причиной такого выбора. Начиная с 9 февраля, в отсутствие Этьена Бекара, епископы Орлеана и Оксера возглавляли судебный процесс, обвиняемым на котором был Гишар, епископ Труа, и дело нисколько не продвигалось.

Гишара часто выставляли жертвой Мариньи, так же как и Ноффо Деи. А. Риго считал, что на мнение суда повлияли зависть Ангеррана и его обеспокоенность амбициями епископа⁶, но не настаивал на том, что роль Мариньи была решающей. Нам кажется, что некоторые отрывки из документов, относившихся к процессу, были неправильно истолкованы. Так, Риго, утверждая, что на первом процессе Мариньи давал показания против обвиняемого, отсылал читателя к истории о некоем еврее, который якобы намеревался околдовать королеву Жанну⁷; в действительности же об этом случае в суде рассказал брат Дюран, который, чтобы обелить себя и к тому же назвать источник подобных сведений, добавил, что слышал, как Мариньи

¹ Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. III, p. 116–117.

² *Op. cit.*, p. 119–120.

³ 1301 г., 5 июля; Arch. nat., JJ 38, № 88, f. 49 v.

⁴ Arch. nat., JJ 42 a, № 65, f. 94 v.

⁵ «Учитывая огромное количество услуг, которые возлюбленный брат наш... с равными верностью, благоразумием и любезностью нам оказал, мы хотели как подобает щедро вознаградить его через наши дары...» («Obsequia diuturna que dilectus frater noster... tam fideliter et prudenter quam etiam diligenter exhibuit, ac proinde volentes eundem, ut decet, largicionis nostre munificentia premiari...»); *Cartulaire*, № 78.

⁶ A. Rigault, *Le procès de Guichard...*, p. 237.

⁷ *Ibid.*, p. 223.

рассказывал об этом королеве Жанне¹: пресловутое свидетельство свелось к пересказу разговора, который задолго до процесса услышал брат Дюран. Почему же Мариньи, если он хотел обвинить Гишара, не рассказал эту историю судьям сам, не перекладывая эту обязанность на другого?

Что же касается показаний, которые 3 марта 1309 г. давали Мариньи, Плезиан и Пьер Барьер, то их по причине позднего часа снимали уже после того, как обвиняемого увели, в присутствии его доверенного лица; свидетельство Ангеррана, зафиксированное уполномоченными лицами и, по мнению Риго², вредоносное для обвиняемого, должно было быть занесено в общий список показаний. Но, обнаружив в нем множество показаний Пьера Барьера, мы не нашли ничего, что было бы записано со слов Мариньи или Плезиана³. Кажется, что решением проблемы для нас может стать список обвинений, седьмая статья которого гласит: «Также выявлено, что он совершил множество клятвопреступлений, что доказано... (таким-то) и мессиром Ангерраном де Мариньи»⁴. Однако в списке указан автор этого свидетельства — это Жан Гарнье: накануне Пасхи в 1303 г. Мариньи от имени королевы Жанны проводил инвентаризацию движимого имущества и денежных сбережений епископа, и тогда он обнаружил 17 000 ливров, тогда как тремя неделями ранее Гишар, чтобы не расплачиваться с долгами, поклялся, что в его распоряжении не было 300 ливров; при оценке присутствовал Жан Гарнье⁵. Это свидетельство показывает, что королева продолжила свои гонения на епископа даже в области его имущества⁶, но также заставляет нас убедиться в том, что доказательство обвинения в клятвопреступлении может быть отнесено только лишь на счет Жана Гарнье. Во второй раз в качестве доказательства предстает история, одним из участников которой является Мариньи, и нам вновь остается лишь удивляться тому, что Ангерран не стал свидетельствовать лично, хотя мог сделать это лучше, чем кто бы то ни было.

Имя Мариньи вновь упомянул Пьер де Вильи, каноник из Сент-Этьена де Труа, который, рассказывая о проведенном по приказу королевы Жанны Готье де ла Портом и им лично расследовании

¹ «И он услышал, как господин Ангерран де Мариньи рассказывал об этом королеве Франции...» («Et hoc idem audivit narrari dicte regine Francie a domino Anjorrande de Marreigniaco...»); Arch. nat., J 438 B, № 6.

² *Op. cit.*, p. 122.

³ Arch. nat., J 438 B, № 6.

⁴ Arch. nat., J 438 A, № 5; A. Rigault, *op. cit.*, p. 97.

⁵ «Господин Ангерран де Мариньи, в присутствии рассказчика, заранее описывал имущество указанного епископа...» («Dominus Anjorrandus de Marreigniaco, presente ipso qui loquitur, invenit de bonis dicti episcopi...»); Arch. nat., J 438 B, № 6; A. Rigault, *op. cit.*, p. 28–29.

⁶ Она даже заставила его вырубить леса, чтобы заплатить ей долг; *ibid.*

по делу об убийстве священника и еще трех человек, настаивал на виновности Гишара, а также заявил, что «по всей видимости, документальная запись расследования находится у господина Ангеррана де Мариньи»¹. Это не соответствовало истине, поскольку впоследствии эту запись так и не нашли. В любом случае, Мариньи вследствие сказанного представал как хранитель личных архивов королевы, как ее доверенное лицо, но отнюдь не как злейший, пылающий ненавистью враг епископа Труа, каким его порой изображали. Наконец, в подлинных или же подложных письмах, которые были написаны Жаном де Кале на смертном одре или, по крайней мере, считаются таковыми, среди преследователей упоминаются только Симон Фестю и Ноффо Деи². Мариньи был в ответе за заключенного главным образом потому, что являлся комендантом Лувра: в 1315 г., как мы в дальнейшем увидим, Карл Валуа настоял на том, чтобы Ангеррана перевезли из Лувра, где он был как у себя дома³; и именно в Лувре Гишара держали в заключении с 1308 по 1311 г.

Можно с уверенностью сказать, что этот процесс был очень важен. Нужно было не допустить возобновления разбирательств по делу Бернара Сессе, то есть чтобы скандал не бросил тень на епископат, и во что бы то ни стало избежать осложнений с папством, которые могли бы помешать переговорам Мариньи с Климентом V по поводу других дел.

Таким образом, возникала необходимость в том, чтобы председатель трибунала был полностью предан королю и даже Мариньи. Филипп де Мариньи подходил для этого как нельзя лучше. По окончании процесса нужно было обязательно избавиться от Гишара, которого не ждали в Труа и в то же время нельзя было держать в тюрьме, особенно после того как повесили его главного обвинителя, Ноффо Деи. По просьбе Ангеррана, находившегося в то время на вершине власти, Климент V перевел епископа на престол Дьяковара, в Боснию⁴, примерно в период с 23 января по 14 марта 1314 г.

В узкоспециальных делах религиозного и церковного плана, о которых мы только что упоминали, Мариньи не играл большой роли, по крайней мере, в хронологических рамках этой главы. В действительности только в области политики и финансов он проявлял инициативу в сложнейших обстоятельствах, принимал решения и внушал их папе или королю. Другими словами, благо-

¹ Arch. nat., J 438 A, № 4.

² Arch. nat., J 438 A, № 1 et 2; A. Rigault, *op. cit.*, p. 37–39.

³ *Grandes Chroniques de France*, éd. J. Viard, t. VIII, p. 306.

⁴ «Перевод папой на другую кафедру, по настоянию Ангеррана» (*Per papam translatus est ad aliam sedem, ad instantiam Enjorenni*): Jean de Saint-Victor, dans *Hist. Fr.*, t. XXI, p. 644.

склонность папы к Мариньи, о которой мы еще будем упоминать, не должна вводить нас в заблуждение по поводу истинной сути его визитов в Авиньон, Пуатье, Грозо или Вьенн: даже при дворе понтифика Мариньи оставался дипломатом, которому размышления о полноте власти (*plenitudo potestatis*), об ересь и о теориях насчет Защитника мира (*Defensor pacis*) были чужды.

Его «департаментом», если посчитать позволительным употребление подобного термина для рассказа о XIV в., были фламандские дела, и именно в связи с ними фигура Мариньи стала приобретать все большее и большее значение в отношениях Франции с папским престолом.

Когда 31 декабря 1308 г. Климент V, желая выиграть время, написал Филиппу Красивому с просьбой подтвердить законность полномочий Латили, он вместе с тем наметнул на послание графов Валуа, Эвре, Сен-Поля и Ангеррана де Мариньи, содержавшее предложение (*ipso facto*) отлучать от церкви всех тех фламандцев, которые нарушали условия Атиского договора¹. Можно в связи с этим судить о доверии, которым камергер Филиппа Красивого пользовался при дворе как в Риме, так и во Франции: он вместе с двумя братьями короля и с Ги де Шатильоном, графом де Сен-Полем и великим кравчим Франции, являлся соавтором послания к папе. Его личное влияние на папу ничуть бы не увеличило значимость письма от самых знатных сеньоров Франции. Наиболее вероятно, что Мариньи вдохновил на написание этого послания, а не был его автором. Фламандские проблемы являлись для него делами первостепенной важности, и если Климент V мог оказать в этой связи какую-то помощь, нужно было найти к папе такой подход, чтобы сомнения в том, что он окажет содействие, исчезли. В 1309 г. его помощь заключалась в отлучении от церкви мятежников, которым король мог помешать получить отпущение грехов.

В 1310 г. папа вновь засомневался по поводу этого последнего условия. Мариньи попытался получить подтверждение решения 1309 г. и с этой целью лично отправился к Клименту V. Мы располагаем немногочисленными сведениями об этом визите, состоявшемся летом 1310 г. Двенадцатого мая следующего года по просьбе Мариньи Тоту Ги за поездку в Авиньон в 1310 г. выплатили 976 турецких ливров из королевских денег². Утраченный в наше время свиток из Палаты счетов, название которого, впрочем, скопировал Николя-Шарль де Сен-Март³, был озаглавлен «Счет Ан-

¹ Funck-Brentano, *Philippe le Bel en Flandre*, p. 542.

² J. Viard, *Journaux du Trésor de Charles IV*, col. 1305, № 7988.

³ Bibl. nat., français 20691, p. 607.

геррана де Мариньи за его путешествие до Лиона и оттуда к папе в 1310 г.». Наконец, 7 августа 1310 г. Мариньи вытребовал и получил три буллы¹, 16-го — еще восемь и 17-го — еще две².

Переговоры закончились для Мариньи полным провалом: 23 августа 1310 г. Климент V вручил ему письмо для Филиппа Красивого: он отвергал пункт договора, согласно которому отлученные от церкви фламандцы могли получить отпущение грехов только лишь по просьбе короля Франции. Тем не менее это не было, как посчитал Фанк-Брентано³, следствием заявления, которое 26 апреля в Авиньоне от имени графа Фландрии сделал Даниель де Тилт; согласно наблюдению Ж. Лизерана⁴, в июне папа еще склонялся к тому, чтобы согласиться с этой королевской прерогативой. Объяснение создавшейся ситуации, данное Ж. Лизераном, кажется нам вполне приемлемым: Климент V ужесточил свои требования, чтобы добиться от короля прекращения процесса, чернившего память Бонифация, и 23 августа отослал Мариньи обратно, снабдив письмом. Ранее между ними состоялся длинный разговор — то, что имя Мариньи упоминается в булле, убедило нас в значимости его роли, — и камергер уверился в необходимости избавиться, наконец, от этого залога, осложнявшего отношения Франции с понтификом, — посмертного процесса над Бонифацием. Мариньи вновь отправился в путь по направлению к Авиньону в феврале 1311 г. лишь после того, как добился королевского согласия на прекращение этого отныне бесполезного разбирательства.

Необходимо было обеспечить поддержку Климента V перед визитом к Генриху VII, чтобы добиться ратификации договоров, подписанных в июне 1310 г., и получить согласие на перенос коронации императора, в район Троицына дня, как мы увидим чуть позже. Для этого прежде всего было необходимо положить конец этим немислимым разбирательствам по делу Бонифация, но при этом согласие короля завершить судебный процесс не должно было походить на признание своих ошибок. Поэтому по возвращении Мариньи из миссии, которой он, собственно, и руководил (доказательством чему служат те выражения, в которых упоминал о нем кардинал-камерарий), расследование стали проводить уполномоченные понтифика, а именно кардиналы Наполеон Орсини, Ландольфо Бранкаччо, Джакомо и Пьетро Колонна. Двадцать третьего апреля 1311 г. Мариньи представил цедулу, текст которой довольно трудно истолковать⁵: Ангерран заявлял, что королем двигало справедливое

¹ *Regestum...*, t. V, p. 222, № 5711, et p. 257, № 5712 et 5714.

² *Ibid.*, p. 258, № 5843–5844 et p. 222, № 5712 et 5714.

³ *Philippe le Bel en Flandre*, p. 580.

⁴ *Clément V...*, p. 222.

⁵ *Cartulaire, actes*, № 5.

и мудрое усердие. Он слышал, как король рассказывал о том, что ему стало известно от достойных доверия людей и даже от кардиналов, что папа был еретиком, защищал злонравие, супружеские измены и преступления, противные самой человеческой натуре. Король показал ему письма¹ от некоего кардинала, запечатанные маленькой печатью, и спросил, известно ли Ангеррану, кому принадлежала эта печать; услышав отрицательный ответ, король сказал, что это был кардинал, сообщивший ему в письме о том, что папа — еретик и обманщик. Наконец, письмо короля Клименту V, в котором он отказывался от обвинения, но сохранял все те же выражения, было абсолютно правдивым, в чем Мариньи поклялся.

Мариньи не был полностью в курсе дела и поэтому не понял смысла писем кардиналов и короля; так, король был вынужден объяснить ему, по секрету, в чем было дело, — по крайней мере, об этом он сообщает в своей цедуле. Мы не думаем, что Ангерран был настолько наивным, каким хотел себя представить. Он не мог не знать о том, в чем обвиняли Бонифация VIII, но считал более разумным казаться папе и кардиналам абсолютно несведущим в этом деле. Поскольку он не принимал никакого участия в кампании против Бонифация и папского престола, Мариньи посчитал, что будет лучше притвориться, будто он ничего не знает о прошлом, и попросить у Климента V помощи в новых делах. Таким образом, становится понятно, почему Ногаре и Плезиан, которые находились рядом с Мариньи, пребывали в тени на протяжении переговоров в марте-апреле 1311 г. Убеждая всех в своем справедливом усердии, они оказывались заинтересованными лицами, следовательно, на них падало подозрение. А поскольку это дело не представляло для Мариньи никакой личной выгоды, он мог гораздо эффективнее служить интересам короля.

Тем же самым принципом французы, и Мариньи в том числе, руководствовались, согласившись, чтобы прощение не было даровано тем, кто грабил в Ананьи². Таким образом, булла под названием «*Rex glorie virtutum*» от 27 апреля положила конец бесконечным спорам по поводу Бонифация VIII, и влияние Мариньи на принятие этого решения, без всяких сомнений, весьма ощутимо. От проведения курса политики, предложенного Ногаре, само собой, отказались.

Мариньи действовал не в одиночку. На ход событий повлияли также некоторые клирики: Пьер, аббат Сен-Медара в Суассоне, и Жоффруа дю Плесси, протонотариус Франции, избранный епископом Эвре. Во многих случаях мы обнаруживали, что предпринимаемые

¹ По всей видимости, речь шла о единственном письме, поскольку упоминается печать (*sigillum*).

² Arch. nat., J 491 A, № 784–786; *Regestum*, t. VI, p. 421–422, № 7504–7505.

ими совместные усилия были созвучны деятельности Ангеррана. Их частое присутствие при дворе в Риме предоставляло им возможность близко познакомиться с политикой понтифика и, следовательно, давать полезные советы Мариньи. Тогда как Ангерран никогда не поддерживал отношений с Ногаре или Плезианом, его письмо к Маго, написанное примерно в то же время, когда разворачивались описываемые нами события, дает понять, что он питал глубокое доверие к «аббату Сен-Медара» и «мессире Жоффруа дю Плесси», к которым он даже посоветовал графине Артуа обратиться по очень важному и секретному делу¹. Наконец, именно аббат Сен-Медара в декабре 1310 г. заявил от своего имени и от имени Ангеррана, что как Мариньи, так и ему казалось целесообразным отсрочить коронацию Генриха VII². Аббат действительно был доверенным лицом Мариньи и его сотрудником в делах, связанных с папством.

Мы остановимся еще на одном вопросе: речь идет об особом расположении Климента V к Ангеррану. Подтверждаемое скандализованными этим фактом современниками, это расположение действительно имело место: свидетельствуют об этом присуждавшиеся королевскому камергеру почетные и более существенные привилегии. Мы уже говорили о том, что Бертрану де Го сначала не было известно о том, кто такой Мариньи. Как и в регистрах Бонифация VIII, в первом томе регистров Климента V не упоминается имя Ангеррана. Лишь приняв во внимание утверждение одной из хроник³, в которой повторялись слова из «Романа об уродливом Лисе»⁴, Лизеран смог высказать мнение о том, что возвышение Фревиля до сана кардинала в 1305 г. — дело рук Мариньи⁵. Но начиная с 1307 г. во время каждого визита к папскому двору Ангерран получал от понтифика отраженные в буллах привилегии для себя, своих родственников или друзей. Поскольку мы уже о них говорили, здесь мы хотим только лишь подчеркнуть важность этого факта для оценки положения Мариньи. С мая 1307 г. и до смерти понтифика Климента V для Ангеррана было выпущено, по крайней мере, восемьдесят булл⁶. Таким образом, он оказался на втором месте среди людей, добившихся подобных милостей для себя или для других: кардинал Раймонд де Го упоминается в регистрах сто

¹ *Cartulaire, actes*, № 3.

² Arch. ant., J 704, № 179; J. Schwalm, *Constitutiones*, t. IV, № 467, p. 414.

³ «Он сделал одного из своих кузенов кардиналом в Риме»; *Hist. Fr.*, t. XXI, p. 149.

⁴ 2e branche; éd. G. Raynaud et H. Lemaître, t. II, p. 292, § 152.

⁵ G. Lizerand, *Clément V.*, p. 53.

⁶ Уточнить их количество не представляется возможным, поскольку регистры, к сожалению, не полные.

раз, Арнольд де Пеллегрю восемьдесят раз, Бертран де Го пятьдесят раз и Раймонд-Гильем де Фарж только пятнадцать раз¹; следовательно, Мариньи был облагодетельствован больше, чем большинство племянников папы!

Из огромного количества таких булл интерес представляет сфера приложения лишь некоторых из них. Исключая предоставление личных исключительных прав, как, например, позволение, данное Мариньи и его близким разделить после смерти их тела на части и быть захороненными в нескольких местах, в основном это разрешения на совместительство церковных бенефициев, снятие ограничений по возрасту, резиденции для клириков семейства или для членов окружения камергера. Практически все влиятельные люди того времени получили подобные преимущества². Тем не менее один из документов можно назвать действительно значительным: 31 декабря 1311 г. Климент V аннулировал все дарственные, которые предоставил кому бы то ни было его племянник, Бернар де Фарж, архиепископ Руанский, с целью восстановить финансовое состояние архиепископства, которое, по мнению Жилья Асцелина, было плачевным; было сделано два исключения для принятия этой меры, одно из которых относилось к Мариньи, ранее получившему права на пользование лесом в Лионе (Lyons)³.

В заключение мы хотели бы упомянуть о том, что дало нам самое четкое представление о силе доброго расположения понтифика к Ангеррану — это вручение ему самого высокого знака отличия из тех, что Папство могло присудить мирянину, Золотой розы⁴. Единственным свидетельством, где упоминается об этой награде, является рифмованная хроника Жоффруа Парижского, говорящая в основном о достоверных фактах. Это событие, видимо, немало удивившее Жоффруа, произошло в Авиньоне: папа

Золотую розу ему преподнес...
Золотую розу вручил ему
В четверг третьей недели поста.

Хронист относит эти события к 1313 г.⁵ Но делает он так лишь потому, что в связи с этим временем представилась возможность упомянуть об этом событии, так как в марте-апреле 1313 г. Мариньи находился подле короля. Сразу отказываясь от предположения о

¹ J. Bernard, *Annales du Midi*, t. VIII, p. 142, № 9202.

² Даже Пьер де Шамбли добился неких привилегий для своего брата; *ibid.*, p. 18, № 8939.

³ *Ibid.*, t. VII, p. 11, № 7652.

⁴ E. Müntz, dans les *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions*, 1895, p. 48–50.

⁵ G. de Paris, éd. A. Diverres, p. 197.

1312 г., когда папа был не в Авиньоне, а во Вьенне, мы полагаем, что Золотую розу Мариньи получил в четверг третьей недели Великого поста в 1311 г., то есть 18 марта 1311 г. В то время Ангерран находился в Курии¹, чего в тех же числах не происходило ни в 1310, ни в 1313 г.

Мы поместили апогей власти Мариньи между 1311 и 1314 гг., проведя исследование, на протяжении которого должны были довольствоваться сохранившимися документами и редкими историографическими источниками, дающими точную, не окутанную легендами информацию. Но так как знак отличия, который Церковь приберегала для князей, со всех точек зрения достойных ее внимания, был вручен Мариньи в 1311 г., приходится предположить, что его влияние было довольно обширным уже в то время, и что о значительной части его деятельности в этой сфере, как, несомненно, и во многих других, нам неизвестно.

2. ОТНОШЕНИЯ С ГЕНРИХОМ VII (1311–1312 гг.)

Мариньи очень редко вмешивался в императорские дела. Слишком поздно влившись в среду, вращавшиеся в которой люди не понаслышке были знакомы с противостоянием итальянских городов, с мятежами гвельфов и гибеллинов, с кровавыми событиями в Ананьи и на Сицилии, а порой и лично вмешивались в итальянские дела, он, безусловно, предпочел остаться в стороне от проблем Италии, для решения которых он не обладал ни достаточным опытом, ни рвением заинтересованных Ногаре или Плезиана, и превратил в инструмент для достижения честолюбивых целей свою фламандскую политику. Лишь только в конце 1311 и в начале 1312 гг. Мариньи, уже достаточно влиятельный для того, чтобы утвердить собственную концепцию отношений с папством вместо той, которую предлагал Ногаре, начал проводить в отношении понтифика политику, никак не связанную с той, которая применялась для решения фламандских вопросов. Он никогда не проводил политики в отношении императора, и причину этого мы узнаем чуть позже. Поэтому не стоит удивляться тому, что в сборниках документов Генриха VII² ни разу не упоминается имя Ангеррана де Мариньи.

Ему чуть было не представилась возможность вмешаться в дела Неаполя. Примерно в начале 1310 г. Роберт Анжуйский попросил

¹ Согласно предписаниям главного камергера; J. Schwalm, *Constitutiones...*, t. IV, № 594, p. 552.

² Fr. Bonaini, *Acta Henrici VII Romanorum Imperatoris* (Florence, 1877), et W. Dönniges, *Acta Henrici VII Imperatoris Romanorum* (Berlin, 1839).

Филиппа Красивого приехать на встречу в Труа или в Лион и предложил своему кузену, в том случае, если тот не мог приехать, прислать Карла Валуа, Людовика д'Эвре, Гоше де Шатильона и Ангеррана де Мариньи¹. Первого февраля король ответил², что не смог сделать ни того, ни другого, поскольку на 1 апреля было назначено собрание ассамблеи баронов, которое должно было продолжиться до начала Святой недели, то есть более пятнадцати дней. Таким образом, Мариньи вновь пришлось столкнуться с делами Неаполя лишь на церковном соборе в Вьенне.

Единственным делом, в обсуждении которого он принимал участие вместе с представителями империи, был знаменитый договор 1310–1312 гг. К тому же именно Ангеррану можно поставить в заслугу то, что его ратификация все же состоялась. Он не ставил перед собой цели добиться ее любой ценой, а пытался как можно тщательней, не забывая при этом о своей задаче, следовать интересам короля Франции. Двадцать третьего июня 1310 г. Филипп Красивый передал Людовику де Клермону и Пьеру де Латильи доверенность³ на проведение переговоров с теми, кого 26 апреля назначил для этой цели Генрих VII: с Жаном Намюрским и Симоном де Марвилем⁴. Переговоры прошли очень быстро, и 26 июня был заключен договор о мире и согласии⁵, статья 7-я которого, в частности, гласила, что Филипп, сын Филиппа Красивого, может принести оммаж римскому королю за графство Бургундское: тем самым признавалась уступка графа Оттона. Оставалось лишь ратифицировать это согласие для того, чтобы оно стало настоящим договором. Этим занялся Мариньи, который до этого момента оставался в стороне от происходившего.

Это дело действительно относилось к его компетенции, поскольку касалось также и папства. Основное противодействие ратификации договора оказывал Генрих VII, видя, что в Италии против него восстают сторонники партии гвельфов, поддерживаемые анжуйцами, а тем временем папа, по наущению Филиппа Красивого, все так

¹ «В том же случае, если этого сделать не сможем, и даже любезных и верных наших братьев, графов К. Валуа и Л. Эвре, а также возлюбленных и верных графа Г. де Сен-Поля и Ангеррана де Мариньи, нашего рыцаря и камергера, мы не можем послать в Лугдун (Лион) к указанному праздничному дню [Благовещение] к вашему Величеству...» («Vel saltim, si hoc facere non possemus, carissimos germanos et fideles nostros K. Valesiensem et L. Ebroicensem comites, necnon dilectos et fideles G. comitem Sancti Pauli et Ingerrandum de Marrigniac, militem et cambellanum nostrum, Lugdunum ad festum predictum [l'Annonciation] ad vestram Excellence(m) mitteremus...»); ответ Филиппа Красивого, *infra*.

² Arch. nat., JJ 42 A, № 97, f. 105 v.-106 r.

³ J. Schwalm, *Constitutiones...*, t. IV, № 352, p. 299.

⁴ *Ibid.*, № 351, p. 298.

⁵ *Ibid.*, № 353, p. 299–302.

же противился его императорской коронации. Генрих VII прежде всего хотел получить императорский венец. Филипп же Красивый считал, что все вопросы можно будет гораздо быстрее уладить с римским королем, нежели с императором. Поэтому местом переговоров, которые закончились ратификацией договора, стал, само собой, Авиньон.

Именно в этом городе примерно в начале декабря 1310 г. аббат Сен-Медарда в Суассоне объяснил папе¹, от своего имени и от имени Ангеррана де Мариньи, что, на их взгляд, целесообразней было бы отложить императорскую коронацию до Троицына дня 1311 г., чтобы ускорить ратификацию договора². Подобное мнение, будь оно изложено в письме от короля, могло бы оказать пагубное влияние на франко-немецкие отношения. Мнение же двух советников, устно переданное одним из них, было менее опасно и однозначно давало понять папе позицию короля. В данном случае мы впервые видим, что Мариньи, официально или нет, стал выразителем воли короля.

Итак, речь теперь шла о ратификации договора. Четырнадцатого февраля 1311 г. Филипп Красивый выдал доверенности на проведение переговоров по этому вопросу³: имя Мариньи значилось первым среди мирян. Король облек своих доверенных лиц полно-

¹ А не кому-то другому, кто передал сказанное папе, как написал Ж. Лизеран: G. Lizerand, *Clément V.*, p. 228.

² «Поскольку некоторые из твоих советников и нунции апостольского престола нам по секрету сообщили, что некоторые говорят о том, что мы нечаянно вошли в курс дела этого короля и что твоя искренность, как мы знаем, к чести нашей и Римской церкви, чистосердечно на всех распространялась, мы их и других предупредили, что мы делаем только то, что может принести пользу апостольскому престолу; возлюбленный сын наш, аббат монастыря святого Медара в Суассоне, от Светлейшего короля к нам направленный, в тайне от нас, не от твоего имени, а от своего и от имени возлюбленного сына нашего, благородного мужа Ангеррана, твоего камергера, рассказал о том, что казалось полезным ему и данному Ангеррану, то есть о том, что, на их взгляд, следовало отложить коронацию вышеупомянутого короля вплоть до вышеуказанной даты, чтобы договор между тобой и им, полезный для тебя, него и Римской церкви, может быть, был бы скорее подписан...» («Verum quia quidam ex consiliariis tuis et nuntiis nunc apud Sedem apostolicam constitutis nobis secrete dixerunt aliquos dicere quod nos repente processeramus in negotio dicti Regis, et quod sinceritas tua quam scimus honorem nostrum et romane Ecclesie puro corde diligere affectabat, quod nos in hiis et aliis essemus avari quodque faceremus id quod expedire utilitati ipsius Sedis apostolice videremus, dilectus filius abbas monasterii sancti Medardi Suessionensis a Regia Serenitate ad nostram presentiam destinatus, nobis secrete, non ex parte tua sed ex se ipso et ex parte dilecti filii nobilis viri Ingerrani, cambellani tui, exposuit quod sibi et dicto Ingerranno utile videbatur quod coronationem dicti Regis differremus saltum usque ad terminum supradictum propter aliqua bona que inter te et ipsum utilia tibi et ei ac nobis et romane Ecclesie forsitan interim facilius firmarentur...»; 1310 г., 9 декабря. — Авиньон; Arch. nat., J 704, № 179; J. Schwalm, *op. cit.*, № 467, p. 414.

³ Гильому Бонне, епископу Байе, Жоффруа дю Плесси, избранному епископом Эвре, Пьеру, аббату Сен-Медара в Суассоне, Алену де Ламбалю и Жану Форже, Ангеррану де Мариньи, Гильому де Ногаре, Гильому де Плезиану и Пьеру де Галару; J. Schwalm, *op. cit.*, № 576, p. 531–532.

мочиями вести обсуждения, делать выводы и давать клятвы от его имени¹. В действительности обсуждение этого вопроса с римским королем, который в то время находился в Ломбардии, не получилось. Но 28 февраля Климент V начал собственные переговоры с Генрихом VII² по поводу договора, заключенного 26 июня 1310 г., и с этой целью послал к нему своих капелланов, Роберта Салернского и Гуго-Жеро, архидиакона Ожа. Поскольку путь от Парижа до Авиньона занимал примерно восемь дней³, мы считаем позволительным утверждать, что между выдачей доверенностей Филиппом Красивым и установлением контакта Климента V с Генрихом VII существовала связь, тем более что Мариньи, без всяких сомнений, находился в Авиньоне в марте 1311 г.

Ведь именно Мариньи обсуждал это дело с папой. По всей видимости, Ногаре, который лишился всякого уважения в глазах папы и более не имел на него никакого влияния, был вынужден уйти в тень, как и Плезиан, тогда как отношения между королем и папой несколько разрядились.

В Курии Мариньи действовал в двух направлениях. Прежде всего он добивался фактической ратификации договора, то есть обмена грамотами с печатями. Затем он попытался напугать Генриха VII, устанавливая контакты с итальянскими гвельфами, оставаясь верным той политической линии, которую, по его настоянию, выразил аббат Сен-Медара: если бы коронацию отложили, Генрих VII стал бы с большим интересом рассматривать идею союза с французами, который мог благоприятно повлиять на его отношения с папством; римский король мог бы воспользоваться помощью своего французского союзника, в котором уже бы не нуждался, став императором. Генрих VII догадался об этой уловке, как только ему стало известно о визите французов в Авиньон, и ответом именно на его жалобу стало возмущенное письмо кардинала Бертрана де Борда, папского камерария: чистой ложью в письме посланникам понтифика, находившимся при дворе Генриха VII, назвал он высказывания о том, что аббат Сен-Медара и другие послы короля Франции присутствуют в Курии лишь для того, чтобы помешать реализации планов римского короля!⁴

Чтобы получить от Генриха VII должным образом оформленный текст соглашения со всеми необходимыми печатями, Климент V выслал ему, как и Филиппу Красивому, образец⁵. Оставалось лишь

¹ Arch. nat., J 611, № 30, pièce 3; J. Schwalm, *op. cit.*, № 577, p. 532–533.

² J. Schwalm, *Constitutiones...*, p. 541–559, et *Neue Aktenstücke*, p. 4–27.

³ Курьеры преодолевали это расстояние за шесть дней; Y. Renouard, dans la *Revue historique*, t. CLXXX, 1937, p. 29.

⁴ «Вовсе не для того, чтобы помешать королю римлян»; J. Schwalm, *Constitutiones...* № 594, p. 552.

⁵ «Чтобы он послал грамоту также (оформленную)... как представленный образец» («Quod mittat litteras... quarum tenores habetis»); предписание от 5 апреля 1311 г.; *ibid.*, № 596, p. 557.

убедить Генриха. В марте 1311 г. папские посланники получили от кардинала де Борда¹ указание уверить римского короля в добром к нему расположении со стороны французских послов, находившихся в Авиньоне: Мариньи никогда не разговаривал с папой ни о чем, что могло бы повредить интересам вышеупомянутого короля, и не обсуждал с ним никаких подобных распоряжений²; ранее уже было сказано, что аббат Сен-Медара и остальные находились при дворе понтифика не для того, чтобы помешать Генриху VII в его стремлениях, поскольку они никогда об этом не говорили; более того, Мариньи относится к королю как преданный друг и желает ему — верх лицемерия — быстрее восхождения к титулу императора³; наконец, отдельные недоброжелатели уверяли, что король Франции или один из его приближенных сказал или написал что-то супротив Генриха VII — но это неправда: в таком случае французские кардиналы не поддерживали бы идею коронации⁴. В заключение всего этого лживого политического хитросплетения говорилось о том, что Генриху VII, как и Филиппу Красивому, следовало выслать к папе послов с ратификационными грамотами.

Ответ, впрочем, не был удовлетворительным. Заверений в преданной дружбе Мариньи, переданных папским камерарием, было не достаточно для того, чтобы римский король ратифицировал договор от июня 1310 г. На самом деле, Генрих VII, должно быть, прекрасно знал, как правильно воспринимать демарши Ангеррана в Авиньоне: составленное де Бордом по просьбе Ангеррана подобное послание как раз и доказывает то, что Генрих VII воспринимал камергера Филиппа Красивого как противника.

Тогда камергер применил другую тактику, и тон составляемых кардиналом Бертраном де Бордом предписаний изменился: камерарий, по наущению Мариньи, при каждом удобном случае сообщал папским посланникам при дворе Генриха VII о том, что если бы Филипп Красивый изъявил такое желание, Франция могла бы оказать помощь гвельфским городам! Представители итальянских

¹ 1311 г., перед 30 марта; *ibid.*, № 594, р. 551–553.

² «Также объяснили... что господин Ангерран де Мариньи, находящийся в данное время в Римской курии, никогда не разговаривал и не рассуждал с господином нашим ни о чем, что могло бы повредить чести или благоденствию вышеупомянутого короля» («Exponatis... quod dominum Ingerranus de Marigniaco, qui nunc est in romana curia, nunquam aliquid domino nostro dixit nec procuravit cum eo, quod esset contra honorem vel prosperitatem dicti Regis»); *ibid.*, р. 552.

³ «Напротив, упомянутый господин Ангерран ведет себя как преданный друг этого короля и желает ему быстрее возвышения» («Immo, dominus Ingerranus predictus multum ostendit se esse devotum et amicum dicti Regis, et quod multum vult promocionem suam»); *ibid.*

⁴ «Известные вам кардиналы, если бы король Франции что-либо подобное думал... не поддерживали бы так рьяно его возвышения» («Cardinales quos vos nostis, qui saltim si rex Franciae cordi haberet... non ostendissent se ita voluntarios ad promocionem ipsius»); *ibid.*, р. 553.

городов, писал он, приехали в Париж, чтобы узнать, следует ли им оказывать сопротивление Генриху VII; они настаивали на встрече с королем или с Мариньи; многие из них с этой же целью находятся в Авиньоне и пытаются добиться аудиенции у Ангеррана де Мариньи. Но членам Курии было достоверно известно, что ни Мариньи, ни один из принцев и ни один из членов Совета короля Франции не захотел их принять и выслушать¹.

Эти высказывания имеют под собой реальную основу: 1 апреля 1311 г. представители Флоренции отправили своим агентам в Авиньоне письмо, в котором говорилось о необходимости действовать во Франции в интересах этого города, не забывая также о сотрудничестве с Луккой и Сиеной². Лизеран выдвинул достаточно правдоподобное, но бездоказательное предположение о том, что Мариньи и аббат Сен-Медара поддерживали отношения с агентами Лукки³.

Таким образом, это послание уже не было ложью, как предыдущее, но тем не менее его составители хотели оказать давление на Генриха VII: он должен был понять, что французы могли без всякого труда доставить ему множество неприятностей и что в его интересах было как можно быстрее выслать требуемые документы. Кардинал-камерарий показал себя ловким политиком, а сноровка Мариньи просто беспримерна: начав переговоры с гвельфами, Мариньи вызвал бы недовольство римского короля и спровоцировал бы окончательный разрыв, что вынудило бы Францию, ради достижения политической выгоды, оказывать итальянским городам финансовую или военную помощь в весьма сомнительном предприятии; а поставив себя в положение снисходящего, он вынудил Генриха VII опасаться нависшей над ним нешуточной угрозы, причем не было никакой необходимости ни порывать с гвельфскими городами, ни прекращать переговоры с Генрихом. Кроме того, этот маневр никак не отразился на государственной казне... Уверения кардинала де Борда в том, что Мариньи не встречался с флорентийцами, вероятно, подобны прозвучавшим в марте заявлениям, но хлопоты представителей гвельфских городов, без всяких сомнений, не возымели никакого результата.

Эти едва завуалированные угрозы, само собой, предварили просьбу выслать ратификационные грамоты, составленные по заранее высланному образцу, к подготовке которого французская сторона имела непосредственное отношение. Но камерарий предусмотрел также возможность формального отказа Генриха VII, которую, безу-

¹ 1311 г., 5 апреля. — Авиньон; J. Schwalm, *Constitutiones...*, t. IV, № 596, p. 556–557.

² «Тем не менее обсудите эти вопросы с послами короля франков и делайте все, что посчитаете нужным и полезным для государства и благополучия нашего и приверженцев церкви...» («Nichilominus etiam cum ambaxiatoribus regis Francorum procureritis et faciatis omnia que credideritis expedire et redundare ad statum et salutem nostram et devotorum ecclesie...»); *ibid.*, № 597, p. 559.

³ G. Lizerand, *Clément V...*, p. 229.

словно, обсуждали во время многочисленных этапов подготовки к высылке мартовских инструкций. Так, в инструкции папским посланникам от 5 апреля объяснялось то, что им следовало сказать по секрету Генриху VII в том случае, если всякая надежда на ратификацию договора будет потеряна: римский король подвергает себя огромной опасности, исходившей со стороны Франции; папа ожидает ратификационных грамот от Филиппа Красивого; король Франции не будет брать в расчет интересы Генриха, если тот не хочет заключения мира, и сам папа более не будет снисходителен к римскому королю, поскольку у него вызывает раздражение тот факт, что коронация Генриха и его чествование (!) при дворе понтифика задерживают начало крестового похода; поэтому совесть подсказывает понтифику необходимость порвать отношения с римским королем¹.

На этот раз угроза исходила от папы и от короля Франции, которые объединились против Генриха VII, чтобы вынудить его дать согласие, благодаря деятельности французских посланников в Авиньоне, причем из самого текста предписаний, составленного кардиналом-камерарием, становится понятно, что самым активным, самым заметным участником этого движения, наконец, его реальным руководителем, был Ангерран де Мариньи². Несомненно, это объединение было связано с тем, что в феврале прекратились разбирательства по делу Бонифация VIII³. Уступив в вопросе, очень важном для Филиппа Красивого и тем более для Ногаре, но, по мнению Мариньи, хотя и не безнадежном, но абсолютно бесперспективном, французская сторона добилась того, что папа стал сторонником имперской политики Мариньи, проводя которую он ставил перед собой цель отложить коронацию и с помощью угроз, поскольку убеждения не приносили должного результата, добиться ратификации договора от июня 1310 г.

Генрих VII был вынужден прибегнуть к крайним средствам. Он сделал несколько оговорок относительно условий договора, то есть отказался оставить Арльское и Вьеннское королевства, о чем Климент V предупреждал Филиппа Красивого⁴. Затем 8 мая в Кремоне он ратифицировал договор⁵, подготовив публичную грамоту, которая соответствовала представленному образцу лишь частично и была

¹ J. Schwalm, *Constitutiones...*, t. IV, № 596, p. 557–558.

² «Ни к королю, ни к господину Ангеррану, ни к кому-нибудь другому из иного рода или советнику высокого ранга...» («Nec ad Regem, nec ad dominum Ingernum, nec ad aliquem alium de sanguine vel de consilio qui sit magni status...»); *ibid.*, p. 557.

³ Письмо графов Эвре и де Сен-Поля, например, написано 14 февраля 1311 г., в тот же день, когда Мариньи и остальным были переданы верительные грамоты: éd. P. Dupuy, *Histoire du différend...*, *Actes et preuves*, p. 301.

⁴ Булла *Rex pacificus* (Король-миротворец) от 1 мая 1311 г.; Arch. nat., J 704, № 178; J. Schwalm, *op. cit.*, № 612, p. 575–576.

⁵ *Ibid.*, № 613, p. 576–577.

составлена по абсолютно другой форме. Папа немедленно потребовал ратификации с французской стороны, и 14 июня Филипп Красивый подписал документы в Пуасси, в присутствии Людовика д'Эвре, Мариньи, Латильи, Ногаре и Мальяра¹; со своей стороны, он практически полностью воспроизвел образец².

В Авиньон документы отвез не Мариньи, а Плезиан³. Речь уже шла не о переговорах, а об обмене ратификационными грамотами, и в отправке посольства не было необходимости. Кроме того, Плезиан наравне с Мариньи и остальными получил от короля доверенность на ведение этого дела 14 февраля 1311 г. Во время обмена он обнаружил, что составленный Генрихом VII документ не соответствовал образцу⁴ и, заподозрив, что по этой причине в будущем договор не будет соблюдаться, отказался его принять. Затем он потребовал вернуть акт Филиппа Красивого, который ранее уже вручил папе. В булле от 29 ноября 1311 г., из которой Филипп Красивый узнал об этом происшествии, ни слова не было сказано о Мариньи, а вся вина за случившееся возлагалась на Плезиана; следовательно, Лизеран допустил ошибку, написав: «Поэтому, когда в Авиньоне начался обмен ратификационными грамотами, Ангерран де Мариньи обнаружил это расхождение и потребовал, чтобы ему вернули документы его господина»⁵, причем в своем высказывании он основывался именно на фактах, переданных этой буллой, в которой не упоминается никто, кроме Гильома де Плезиана, рыцаря и посланника короля Франции⁶.

Папа отказался вернуть ратификационный документ французской стороны во избежание полного и окончательного разрыва отношений, но попросил Генриха VII выслать как можно скорее грамоту, соответствующую образцу. Булла «Magnificantes» от 18 декабря 1311 г., адресованная римскому королю, свидетельствует о том, что к тому моменту грамота все еще не была выслана⁷. Возможно, что такая же просьба содержалась и в другом, ранее написанном письме. Авиньонский инцидент произошел до 18 сентября, последнего дня пребывания Климента V в этом городе. Так, 23 сентября 1311 г. Генрих VII составил ратификационную грамоту, в точности соответствовавшую образцу⁸. Можно считать, что на принятие этого решения влияние оказали первое укоризненное замечание Климента V

¹ Указаны по порядку; J. Schwalm, *op. cit.*, № 615, p. 577–579.

² *Ibid.*, № 591, p. 549.

³ Согласно булле от 29 нояб. 1311 г.; *ibid.*, № 717, p. 705–706.

⁴ «По словам твоего рыцаря, в некоторых вещах он (документ) отличается от твоей грамоты» («In aliquibus substantialibus ab eisdem tuis patentibus litteris dicebantur per eundem tuum militem discordare»); *ibid.*, p. 705.

⁵ G. Lizerand, *Clément V.*, p. 248, et *Enguerrand de Marigny*, p. 6.

⁶ «Возлюбленного сына моего, Гильома де Плезиана, рыцаря твоего Величества» («Dilectus filius Guillelmus de Plasiano, tue Celsitudinis miles...»).

⁷ J. Schwalm, *op. cit.*, № 718, p. 706–708.

⁸ *Ibid.*, № 692, p. 665–667.

и настойчивые просьбы кардинала Арнольда де Фальгюера, епископа Сабинского, папского легата при дворе римского короля. Эти документы, о подписании которых папе стало известно уже 18 декабря, не были немедленно отправлены по назначению¹. В конце марта 1312 г., когда Мариньи находился рядом с папой, присутствуя на Вьеннском церковном соборе, грамоты наконец попали к Клименту V², который, получив документы от обеих сторон, заявил о своей готовности начать обмен. Никаких свидетельств этого обмена не осталось, но, поскольку ратификационная грамота Генриха VII содержится в Сокровищнице хартий Франции³, мы можем быть уверены в том, что Ангерран де Мариньи добился своего.

Так закончилось участие Ангеррана в имперской политике Филиппа IV. Этот договор превратился в бесполезный кусок бумаги, так как отношения с Генрихом VII испортились, а некоторое время спустя он был коронован и умер в Италии. В 1313 г. встал вопрос о французском претенденте на трон Германии, и Филипп Красивый какое-то время поддерживал кандидатуру своего сына Филиппа. По всей видимости, Мариньи не принимал в этой истории никакого участия; нам кажется, что Ж. Лизеран⁴ очень точно отразил суть вещей в своем предположении: Мариньи, несомненно, осудил бы кандидатуру, выдвижение которой не только не принесло бы никакой политической выгоды, но и стало бы катастрофой с финансовой точки зрения. В действительности, весьма сомнительно, что Мариньи обделил бы своим вниманием столь важный вопрос, тогда как в конце 1313 г. он контролировал практически все государственные дела либо руководил ими. Полному отсутствию документов по этому поводу можно подыскать единственное объяснение: камергер враждебно относился к предприятию, которое стало бы личным проектом короля.

Итак, обстоятельства положили конец этому периоду деятельности Мариньи, и в завершение необходимо сказать, что политические перипетии в делах с империей, развернувшиеся в 1311 г., были всего лишь эпизодом в истории отношений Ангеррана с папством.

3. ВЬЕННСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ СОБОР

Когда в октябре 1311 г. во Вьенне был наконец созван церковный собор, его участники оказались перед необходимостью найти ре-

¹ «...Что эти грамоты уже были подписаны, и ты распорядился их отослать...» («...quod jam erant dicte littere sigillate, ipsas distulisti litteras assignare...»); J. Schwalm, *op. cit.*, № 718, p. 707.

² Письма арагонских посланников, присутствовавших на церковном соборе 1312 г., 31 марта; H. Finke, *Acta aragonensia*, t. I, p. 292.

³ 1311 г., 23 сентября. — Брешия; ориг. с печатью на шелковом шнурке, Arch. nat., J 386, № 2; J. Schwalm, *op. cit.*, № 692, p. 665–667.

⁴ G. Lizerand, *Clément V.*, p. 357.

шения для множества проблем, объединенных к тому же нешуточным интересом, который испытывал к ним король Франции.

Слушания по делу, очернявшему память Бонифация VIII, практически закончились. В начале февраля 1311 г. Филипп Красивый отказался от обвинения, которое долгое время предъявлялось усопшему папе¹, чтобы получить поддержку здравствующего папы в делах с империей; из текста буллы «*Rex glorie*» от 27 апреля 1311 г.² становится ясно, что Климент V принял в качестве оправдания рвение короля к справедливости и снял отлучение с Ногаре; тем не менее он не согласился даровать свое прощение тем, кто разграбил и присвоил чужое имущество в Ананьи, и эту оговорку поддержали представители короля, в частности Мариньи и Ногаре. Несмотря на то что некоторые свидетели до сих пор давали показания, оправдывающие или обвиняющие Бонифация, дело было практически закрыто.

Оставалось решить судьбу ордена тамплиеров, над которым нависла угроза упразднения, распорядиться о передаче его имущества и попытаться погасить конфликт между Генрихом VII и представителями Анжуйской династии, к которому имел прямое отношение Филипп Красивый, поддерживавший анжуйцев.

В последние месяцы 1311 г. создавалось впечатление, что участники собора сочувствовали тамплиерам и что оправдание возможно. Точку зрения короля в этом вопросе защищали три французских архиепископа, если верить Бартоломео Луккскому: все епископы, в том числе французы, были согласны предоставить тамплиерам возможность защищаться, а против высказывались архиепископы Реймса, Санса и Руана, то есть Робер де Куртене, Филипп де Мариньи и Жиль Асцелин³. Находившаяся там в то время французская делегация состояла из одного Гильома Плезиана в сопровождении капеллана и двух секретарей⁴. Семнадцатого февраля 1312 г. прибыло специальное посольство, о составе которого арагонские посланники немедленно известили своего господина: Людовик д'Эвре⁵, графы де Сен-Поль и Булонский, Мариньи, Ногаре и Плезиан⁶, причем последний, несомненно, приехал раньше других. Участники этой делегации тотчас же предприняли попытку встре-

¹ P. Dupuy, *Histoire du différend... Actes et preuves*, p. 296; Ch.-J. Hefele, *Hist. des conciles...*, trad. J. Leclercq, t. VI, 1re part., p. 568; G. Lizerand, *Clément V...*, p. 239.

² Arch. nat., J 491 A, № 784, 784 bis, 786, etc.; *Regestum*, t. VI, p. 421–422.

³ «А также Галлы, кроме трех митрополитов Реймса, Санса и Руана» («Item Gallici, preter tres metropolitano videlicet Remensem, Senonensem et Rothomagensem»); Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. I, p. 42.

⁴ E. Müller, *Das Konzil von Wien*, p. 68.

⁵ Е. Мюллер вместо него называет Людовика Наваррского, сына короля (sic); E. Müller, *Das Konzil von Wien*, p. 178.

⁶ 1312 г., 17 февраля. — Вьенн; Донесение Хайме II, éd. H. Finke, *Papsttum und Untergang...*, t. II, p. 276–279.

титься с представителями церковного собора, в данном случае с кардиналами, из которых четверо были французами, а один итальянцем: Арнольд де Пеллегрю, племянник папы, Арнольд де Кантелу, Беренже Фредоль, Николя де Фревилль и вице-канцлер, Арнольд Новелли. Единственное, что могла сделать кардинальская комиссия в таком составе, — очень быстро достичь согласия! Двадцать девятого февраля после многочисленных, проходивших каждый день, встреч французские посланники тайно выехали из Вьенны в Макон, где в тот момент находился король. По мнению арагонцев, наших основных информаторов, Мариньи, скорее всего, пустил слух о том, что согласие было достигнуто и что король собирался посетить церковный собор; они считали, что в данном случае речь могла идти только о согласии по вопросу о тамплиерах, которого никак не могли добиться участники собора¹.

Мы перечислили эти, впрочем, небезызвестные факты² затем, чтобы показать, как мало-помалу выкристаллизовывается роль Мариньи в этом предприятии и он оказывается преобладающей фигурой. Он был назван в числе мирян прежде, чем Ногаре, который также принимал очень действенное участие в разрешении вопросов, поднимавшихся на церковном соборе, не только лишь потому, что камергер стоял на должностной лестнице выше хранителя печати. Создается впечатление, что Мариньи являлся главным лицом во всей этой длинной серии переговоров. Было бы неверно, соглашаясь с Мюллером³, полагать, что Ангерран осуществлял руководство посольством. Но вполне возможно, что его привилегированное положение в королевском окружении, а также в среде кардиналов, поскольку его кузен, Николя де Фревилль, не был наименее влиятельным из них, предоставило ему возможность стать основным выразителем мнения французской стороны.

Король все же не приехал во Вьенну. Мариньи вернулся туда один, если не втайне, то, по крайней мере, без всякой помпы. Тем не менее король, желая быть как можно ближе к месту проведения церковного собора, обосновался в Лионе. Арагонцы думали, что согласие в вопросе о тамплиерах так и не было достигнуто⁴. Именно во время этой тайной миссии Мариньи они стали подавать все больше и больше прошений о передаче имущества тамплиеров на полуострове королям Испании, а не какому бы то ни было, новому или старому, ордену. Этот вопрос разрешался чрезвычайно долго, и нет никаких сомнений в том, что во время переговоров чаще обсуждали именно передачу имущества тамплиеров, нежели воз-

¹ *Ibid.*

² E. Müller, *op. cit.*, p. 179.

³ *Ibid.*, p. 68.

⁴ 1312 г., 17 марта. — Вьенн; Донесение Хайме II, éd. H. Finke, *op. cit.*, t. II, p. 280.

возможность упразднения ордена. В какой-то момент начался откровенный торг, чем были нешуточно взволнованы арагонцы, между папой, Мариньи и приорами госпитальеров Франции и Оверни¹.

Итак, вполне возможно восстановить развитие событий в первой половине марта 1312 г. Приехавшие в Масон вечером 29 февраля члены делегации ознакомили короля со сложившейся ситуацией: было принято окончательное согласие об упразднении ордена, но остался открытым вопрос о судьбе его имущества. Существовала вероятность основания нового ордена, который временно унаследовал бы все функции тамплиеров. Филипп Красивый отправил на церковный собор своего камергера, облеченного широчайшими полномочиями², возможно, также вручив ему послание от 2 марта, чтобы тот потребовал упразднить орден тамплиеров и передать его имущество другому рыцарскому ордену³. Если бы целью этой миссии действительно являлось упразднение ордена, король для обсуждения канонических и религиозных вопросов послал бы Ногаре или Плезиана, который скомпрометировал себя в меньшей степени, чем хранитель печати. Выбор в качестве посланника Мариньи говорит о том, что это была миссия политического и финансового характера.

Во Вьенне Ангерран часто встречался с самим папой⁴ и с некоторыми из пяти прибывших в феврале кардиналов, возможно, с Фредодем и Фревилем. Проанализировав факты, можно понять, что было решено на словах перед отъездом Мариньи: уступив практически явному ультиматуму, объявленному королем в письме от 2 марта, Климент V заявил, что упразднит орден своим приказом, что, впрочем, было решено еще в конце февраля; принятие решения о передаче имущества тамплиеров откладывалось на неопределенный срок. Следовательно, часть миссии Мариньи провалилась, поскольку не был улажен вопрос об орденском имуществе. Зато появилась уверенность в том, что болезненно воспринятое участниками собора упразднение ордена тамплиеров должно было состояться в скором времени. Это не дало бы папе возможности изменить свое решение и вынудило бы его заняться вопросом оставшегося без владельца имущества.

Король мог, наконец, приехать во Вьенн, так как теперь он уже не подвергался риску получить отказ. Мариньи отправился в Лион, чтобы отчитаться о предпринятых им действиях, совершенно точно

¹ H. Finke, *Papsttum...*, t. II, p. 284.

² Без этого он не мог бы вести переговоры с самим папой.

³ Ch.-J. Hefele, *Histoire des conciles*, tr. H. Leclercq, t. VI, p. 653.

⁴ «И этот Ан Герра весь день находился подле папы»; 1312 г., 17 марта. — Вьенн, донесение Хайме II, éd. H. Finke, *loc. cit.*, p. 280.

после 11 марта¹ и, возможно, даже после 17-го². Двадцатого марта король в сопровождении придворных прибыл во Вьенн³, и 22-го числа Климент V на закрытом собрании консистории дал официальное согласие на упразднение ордена. Так как король, по всей вероятности, приехал во Вьенн вечером 20 марта, у него в распоряжении было всего лишь тридцать или сорок часов до начала собрания консистории, то есть необходимый срок для того, чтобы достойно оформить предложение подобной важности. Следовательно, сам документ был долгожданным результатом февральских переговоров и миссии Мариньи, а приезд во Вьенн Филиппа Красивого со двором практически ничего не изменил⁴.

Оставался открытым вопрос о передаче имущества тамплиеров, за которое соперничали Филипп Красивый, испанские короли и другие ордена, поскольку, по всей видимости, Климент V не захотел или не осмелился оставить их папству. Мы рассмотрим претензии сторон, выработанное решение и роль в этом деле Ангеррана де Мариньи, какой она нам представляется в свете происходивших во время и даже после церковного собора событий.

Попытавшись четыремья годами раньше вытребовать для короля Арагона владения тамплиеров в его королевстве⁵, арагонцы перешли к просьбам передать это имущество их национальным орденам, в частности ордену Калатраву, которые, впрочем, отнюдь не бедствовали в 1308 г. и буквально осаждали папу и кардиналов. За основание нового ордена высказывалось большинство прелатов⁶ и, возможно, король Франции, по крайней мере, в начале марта⁷. Притязания госпитальеров, наконец, поддержали Ангерран де Мариньи и Карл Валуа. Что касается Ногаре, в одном из значившихся в описи его архивов документе⁸ были указаны причины, по которым

¹ В это время он добивался пожалования его брату некой награды; *Regestum*, t. VII, p. 50, № 7809.

² В это время арагонские посланники более не упоминают об его отъезде и говорят о нем, как если бы он все еще находился во Вьенне; Н. Finke, *op. cit.*, p. 280–285.

³ Ch.-J. Hefele, *Histoire des conciles*, trad. H. Leclercq, t. VI, p. 652–653.

⁴ Различные исследователи довольно часто ссылались на отрывок из труда продолжателя Нанжи, доказывая, что король вынудил членов церковного собора дать согласие буквально с оружием в руках. Мы полагаем, что такой акт насилия вызвал бы возмущение современников и, в частности, арагонцев; но, по всей видимости, никто не заметил ничего подобного.

⁵ «Если земля короля Франции принадлежит ему по праву или по случаю, пусть и у короля Арагона остается его земля, потому что к нему не должны применяться другие порядки, чем применяются во Франции»; мемуары ризничего с Майорки, находившегося по доверенности в Курии, 1308 г., февраля; А.С.А., Jayme II reg. 334, f. 137–138.

⁶ По мнению арагонцев; Н. Finke, *Papsttum...*, t. II, p. 299–300.

⁷ G. Lizerand, *Clément V...*, p. 268.

⁸ Edg. Boutaric, *Notices et extraits...*, t. XXXIX, p. 235, № 303.

имущество тамплиеров было бы целесообразней передать уже существовавшему ордену, но нет никаких доказательств тому, что эта бумага была составлена хранителем печати или по его приказу, как посчитал Лизеран¹.

Каковы были причины благосклонности Мариньи к госпитальерам? Возможно, высокопоставленные лица, принадлежавшие к этому ордену, которые участвовали в переговорах со 2 по 17 марта, добились его поддержки, предложив некое финансовое вознаграждение или пообещав в обмен на содействие нечто выгодное для Ангеррана. Они позаботились о подарках: передали золоченую драпировку королю² и, несомненно, что-то еще советникам. Но также существует вероятность того, что Мариньи в выборе позиции руководствовался государственными интересами: передать имущество другому ордену, то есть ордену, специально для этого основанному, означало перевести его в другую финансово обеспеченную организацию, которая оказалась бы по отношению к королю в такой же ситуации, как и тамплиеры, и, возможно, была бы вынуждена потратить свое приобретение на проведение крестового похода; полностью отдать эти владения испанским орденам значило лишить собственное государство обширного капитала. Безусловно, получив это имущество, орден госпитальеров становился еще более могущественным, чем орден тамплиеров, но он имел бы такие же недостатки, от которых, в свою очередь, новый орден мог бы избавиться. Пока же капитал оставался во Франции в распоряжении короля, который, не теряя надежды на его окончательное присоединение к казне в будущем, мог при первой необходимости черпать оттуда неограниченные средства, поскольку орден был обязан своим обогащением королевской милости.

На собрании Совета лишь только Мариньи и Карл Валуа высказывались в поддержку претензий госпитальеров³. Становится очевидным существование противостояния между папой, некоторыми кардиналами, которые поддерживали госпитальеров, так как были преданы королю или зависели от него, и остальными прелатами, в большинстве своем воспринявшими это решение в штыки; в конце концов, папе пришлось отказаться от попыток привести их к согласию. Нам кажется, что не король, как написал Лизеран, «присоединился к мнению Курии»⁴, а, напротив, папа и члены Курии

¹ Заметки об этом нет в ящиках J 413–418 Национального Архива, где она могла бы сохраниться.

² «И один большой позолоченный отрез драпировки, который дали нам госпитальеры...» («Et unum magnum rannum aureum quod nobis dederunt hospitalarii...»); приписка к завещанию Филиппа Красивого, Arch. nat., J 403, № 18; см. Douet d'Arcq, dans la *Revue des Sociétés savantes*, 1876, p. 278.

³ 1312 г., 22 апреля; донесение арагонцев; H. Finke, *loc. cit.*, p. 299–300.

⁴ G. Lizerand, *op. cit.*, p. 269.

присоединились к мнению короля под влиянием Карла Валуа и Ангеррана де Мариньи. Необходимо заметить, что из них только Мариньи принимал участие в февральских переговорах; следовательно, его выступление на Совете стало определяющим для принятия решения. Результатом стала булла «*Ad providam*» от 2 мая 1312 г., официально утвержденная 3 мая, согласно которой папа передавал имущество ордена тамплиеров госпитальерам, за исключением владений в испанских королевствах¹. Эта оговорка была выгодна для Филиппа Красивого, который не был солидарен с другими королями в их отношениях с госпитальерами.

Сложно сказать, занимался ли Мариньи этой операцией лично, поскольку не сохранились многочисленные приказы, не зарегистрированные в Сокровищнице хартий, которыми должны были сопровождаться все пересылки бумаг — которые осуществлялись в течение очень небольшого периода времени, так как о расторопности французской стороны Климент V рассказывал, например, королю Сицилии², — и акт о выплате 200 000 турецких ливров, затребованных королем в качестве возмещения вкладов в казну ордена тамплиеров³. Но, в любом случае, Мариньи, несомненно, поспособствовал передаче имущества тамплиеров госпитальерам.

В июне 1312 г. он все еще находился при дворе понтифика. Четвертого июня Климент V наградил Пьера Асцелина, ректора Сент-Женевьев-ан-Брей, из уважения к Мариньи, у которого Асцелин некогда служил писцом⁴. В счетах отеля Маго д'Артуа упоминается о том, что в конце мая было выплачено 20 су «на ночлег. I. слуге, который срочно отвозил бумаги из Парижа в Вьенн для монсеньора Ангеррана»⁵. Мы думаем, что, вернувшись в Париж в одно время с королем, в июне он уже не ездил во Вьенн. Самое большее, он доехал до Сетфона, где расстался с королем 25 или 26 апреля⁶, получив до этого множество хартий, поскольку в промежутке между составлением двух документов об аноблировании во Вьенне 10 апреля 1312 г.⁷ и акта о помиловании, датированного 12 июля⁸, больше ни один королевский указ не был составлен по распоряжению Мариньи: это, в какой-то степени, подтверждает тот

¹ J.-D. Manst, *Sacrorum Consiliorum...*, t. XXV, col. 389–392.

² *Regestum*, t. VIII, p. 206, № 9386.

³ G. Lizerand, *op. cit.*, p. 343.

⁴ *Regestum*, t. VII, p. 256, № 8651.

⁵ Archives du Pas-de-Calais, A 298, f. 17 v.

⁶ *Cartulaire*, № 18, 19, 45 et 52. Король все еще находился во Вьенне 12 апреля; в Лионе он был 22 и 25-го, а в Париже с 27-го числа; обозначение «1312 г., 11 апреля. — Париж», указанное в маршруте (*Hist. Fr.*, t. XXI, p. 459), скорее всего, относится к 1313 г.

⁷ Arch. nat., JJ 46, № 228, f. 127 v., et № 230, f. 129 v.

⁸ Arch. municipales d'Agen, FF 131.

факт, что Мариньи, вновь встретившийся с папой в конце апреля, вернулся ко двору только в июне, когда на суд был вызван Роберт Бетюнский.

Ангерран опасался, что, если он покинет Вьенн одновременно с отъездом короля, 22 апреля, уверенность папы и кардиналов в правильности сделанного ими выбора ослабнет и Климент V изменит свое решение прежде, чем обнародует его публично. Ведь до сих пор в разные страны довольно неспешно высылались предписания передать имущество тамплиеров госпитальерам; например, булла от 16 мая предписывала это графу Фландрии¹. С согласия баронов Филипп Красивый дал свое окончательное подтверждение этому решению 24 августа². Невозможно было бы поверить в то, что Филипп Красивый уехал бы до принятия окончательного решения, по поводу которого все еще оставались некоторые разногласия, не оставив вместо себя проверенного, способного и расторопного человека. Поэтому Мариньи остался во Вьенне, готовый вмешаться, если бы папа вновь нашел причину для сомнений, и настоять на скорейшем завершении этого предприятия.

В ноябре 1313 г. Мариньи оказался в Англии. Поскольку цель этого путешествия, о котором мы уже рассказывали, была в прошлом, Мариньи проводил время при дворе английского короля, улаживая личные дела и ходатайствуя за горожан Ипра. Но 25 ноября Эдуард II заявил, что передача имущества тамплиеров госпитальерам не наносит никакого ущерба Короне или ее подданным, в присутствии Вальтера, избранного архиепископом Кентерберийским, казначея Джона Сандала, Эймара де Валанса, графа де Пемброка, Гуго Деспенсера Старшего, Ангеррана де Мариньи и т. д.³; французами из свидетелей были только два человека, Мариньи и Гильом де Монтегю. Двадцать восьмого ноября Эдуард II ассигновал Мариньи и Тоту Ги содержание в уплату своих долгов⁴ и в тот же день приказал Эймару, графу Пемброку, передать имущество тамплиеров представителям госпитальеров⁵. Мариньи тотчас же уехал из Англии: его имя более не фигурировало в документах. Маго д'Артуа послала своего слугу Леско в Виссан, чтобы тот сообщил ей о возвращении Ангеррана и Людовика д'Эвре⁶. Из этого следует, что в ноябре 1313 г. Людовик д'Эвре также находился в Англии. То, что в акте от 25 ноября не упоминается его имя, означает, что Людовик д'Эвре все так же, хотя и безрезультатно, противился передаче имущества госпитальерам и что он не забыл,

¹ Arch. d'Etat de Gand, Saint-Genois № 1245.

² Письмо папе; Arch. nat., J 413 A, № 13.

³ P. Dupuy, *Histoire de l'ordre militaire des Templiers*, p. 463–466.

⁴ *Calendar of the Patent Rolls*, Edward II, t. II, p. 45.

⁵ P. Dupuy, *op. cit.*, p. 466–467.

⁶ Arch. du Pas-de-Calais, A 316; J.-M. Richard, *Mahaut...*, p. 69, n. 1.

как вмешательство Мариньи и Карла Валуа на Вьеннском соборе перечеркнуло мнение большинства членов Совета. Он не участвовал в деле, которого не одобрял. Но это также доказывает, что включение имени Мариньи в акт от 25 ноября не просто дань вежливости; это свидетельствует о том, что Ангерран подталкивал Эдуарда II к решению передать имущество тамплиеров госпитальерам, из-за чего французскому посольству пришлось отложить свой отъезд.

В заключение скажем, что, на наш взгляд, деятельность Мариньи в основном, а может быть, и в первую очередь повлияла на выбор решения об имуществе тамплиеров. Во Вьенне, когда нужно было убеждать, в Вестминстере, когда нужно было приводить приговор в исполнение, он оказывался на первом плане. Более того, он остался в Англии, поставив под удар свое положение при дворе Филиппа Красивого, вплоть до фактической передачи имущества госпитальерам. Если, как мы сказали, предлагая собственное решение данной проблемы, Ангерран руководствовался интересами государства и короля, остается непонятной причина его столь длительного пребывания в Англии. Конечно же, госпитальеры преуспели, убеждая Мариньи, что, занимаясь их делами, он только выиграет, а Ангерран как никто другой умел ловко сочетать интересы короля со своими собственными!

Еще одной проблемой, которая относилась если не к Франции, то, по крайней мере, к династии Капетингов, было противостояние гибеллинов и анжуйцев, причем король Франции поддерживал последних. На протяжении всего вторника, 28 марта, по этому вопросу велись переговоры между папой, с одной стороны, и королевскими советниками и принцами, с другой стороны¹, — что касается этих переговоров, мы, к сожалению, остаемся в таком же неведении, как и арагонские посланники, — а на следующее утро, 29 марта, состоялась очень важная встреча папы и членов консистории с французами. Мюллер полагает, что эта встреча состоялась во второй половине дня 28-го числа, но нам кажется, что в данном случае этот вывод сделан из-за неправильного истолкования донесения арагонцев, которые точно заметили «И затем, в следующую среду», то есть в среду, 29-го числа².

¹ Людовик Наваррский, Карл Валуа, Филипп де Пуатье и Карл Маршский. Поскольку эти принцы, по своему обыкновению, редко брали слово во время совещаний, нам кажется, что их сопровождали и другие дипломаты, такие, как Плезиан или Мариньи, о которых арагонцы не стали упоминать.

² «Собрание консистории, сеньор, состоялось в первый вторник после Пасхи, утром, и перед папой во время обсуждения этого вопроса предстали король Наварры и Карл, брат короля Франции, Филипп и Карл, сыновья короля Франции, и они долго говорили, но о чем, нам неизвестно. И затем, в следующую среду утром они предстали перед папой на собрании кардинальской консистории...»; éd. H. Finke, *Acta aragonensia*, t. I, p. 290. — E. Müller, *op. cit.*, p. 204–205.

Король, у которого был сильный жар, послал вместо себя Людовика Наваррского, Карла Валуа, Филиппа де Пуатье, Карла Маршского, сенешаля Прованса, Ангеррана де Мариньи и Гильома де Плезиана. Утром 29 марта последний из вышеперечисленных на собрании консистории обратился к папе от имени короля. Суть была в том, чтобы помешать Клименту V оказать помощь Генриху VII в борьбе с анжуйцами. Но Иоанн Анжуйский оборонял Рим, потеря которого означала конец анжуйского господства. Поэтому французские дипломаты решились на отчаянный ход: король Франции поддержит Анжуйский дом «и короля Роберта, который происходит из крови королей Франции»¹, в борьбе с союзом Генриха VII и Фридриха Сицилийского, за старшего сына которого император отдавал замуж свою дочь. На первый взгляд могло показаться, что короля заменял именно Плезиан, но нельзя забывать о том, что именно он умел выступать перед толпой и, следовательно, аудитория могла быть очень многочисленной.

Именно тогда Мариньи предоставил слово сенешалю Прованса, чтобы тот повторил перед папой и консисторией то, что он уже рассказывал королю и членам его Совета, то есть описал приготовления гибеллинов к борьбе с королем Робертом. Именно Мариньи как руководитель делегации принял решение обнародовать это свидетельство². Этот факт может вызвать удивление. В присутствии короля Наварры и других принцев все происходило так, как будто Мариньи распоряжался в группе представителей короля Франции, что он, кстати, по всей видимости, и делал. Нет причин сомневаться в истинности свидетельства арагонцев: такую подробность могли отметить только очевидцы. При необходимости они всегда приводили источник переданной ими информации. Далее мы еще увидим примеры того, как Мариньи вел себя подобно главе дипломатической миссии, например, на совещании в Турне, состоявшемся за полгода до встречи, о которой мы только что рассказали.

Папа ответил, что любит короля Роберта и желает ему добра, и поэтому принял решение отложить отправление буллы, которая предписывала Иоанну Анжуйскому оставить Рим гибеллинам, а также сделать все возможное, чтобы избежать заключения союза между императором, Фридрихом и королем Арагона³. Наконец, он изъявил готовность поспособствовать обмену ратификационными грамотами по договору между королем Франции и императором,

¹ Finke, *loc. cit.*

² «Этот Ан Герра сказал сенешалю Прованса, чтобы тот повторил в присутствии папы и членов консистории то, что говорил королю Франции; 1312 г., 31 марта, донесение Хайме II; Н. Finke, *Acta aragonensia*, t. I, p. 291.

³ *Ibid.*, p. 292.

именно по тому договору, который, как мы уже сказали, был ратифицирован благодаря дипломатическому таланту Мариньи.

Чтобы завершить рассказ о деятельности Мариньи на церковном соборе во Вьенне, остается перечислить те награды, которые ему удалось вытребовать у папы по этому случаю. Прежде всего, вполне возможно, что он вместе с королем добивался для государства права на ежегодный сбор десятины, то есть, по оценке арагонцев, около 100 000 флоринов¹. Поскольку этот вопрос входил в его компетенцию, именно он на следующий год вел с папой переговоры, при посредничестве Пьера Барьера, о ссуде 160 000 флоринов, которая, по словам Мариньи, была необходима для того, чтобы расходы короля за 1313 г. не затронули суммы десятины².

Безусловно, Ангерран не забыл также о себе и о своих близких. Мюллер называет Мариньи в числе сопровождавших Филиппа Красивого, для которых король добивался некоего вознаграждения. Это мнение кажется нам ошибочным, поскольку множество булл было составлено, несомненно, по просьбе короля, но вместе с тем были и буллы, составленные по просьбе самого Мариньи³. Совершенно очевидно, что Ангерран в данном случае не нуждался в королевском вмешательстве, которого, впрочем, в случае булл от 29 апреля⁴ Филипп Красивый просто не мог оказать. Эти буллы предназначались для членов семьи Ангеррана, а также, что представляет для нас особенный интерес, его помощникам: его братьям Жану и Роберу де Мариньи, его шурина Жану де Монсу, его капелланам Берто де Монтегю и Жерве дю Бю, его писцам Мишелю де Бурдене и Жану де Шармуа, некоему Роберу Лемаршану, декану Сен-Ромен-де-Кольбоск, и, вероятно, Реньо Паркье, королевскому нотариусу. Награды представляли собой снятие ограничений по месту постоянного пребывания, возрасту, разрешение на совмещение бенефициев, позволение входить в аббатство и т. д.

Сам Ангерран получил право назначать наследников своим братьям или Жану де Монсу, если последние решили бы отказаться от бенефиция в церковном округе Санса⁵, назначить им всем бенефиции церкви в Экуи⁶ и Гамаше, где он мог бы основать капитул⁷, основать

¹ H. Finke, *Papsttum und Untergang...*, t. II, p. 301–302.

² J. Schwalm, *Beiträge zur Reichsgeschichte des 14. Jahrhunderts...*, dans *Neues Archiv...*, t. XXV, 1900, p. 559.

³ Заметки «по просьбе Ангеррана де Мариньи» («consideratione Ingerrani de Margniaco») часто встречаются в регистрах Климента V; см., например: *Regestum*, t. VII, p. 48 à 58.

⁴ *Regestum*, t. VII, p. 48, № 7792 à 7796, et p. 49, № 7805.

⁵ *Ibid.*, p. 53, № 7829.

⁶ *Ibid.*, p. 57, № 7854, et *Cartulaire*, № 61.

⁷ *Ibid.*, p. 58, № 7856.

две должности капеллана в Менневиле и заменить церковную десятину налогом на мельницы¹.

Наряду с отдельными моментами истории церковного собора во Вьенне, мы показали также поступки Ангеррана де Мариньи и их значимость, порой при анализе его деятельности выходя за рамки нашего конкретного рассказа, чтобы он гармоничней вписался в общую канву повествования. Отнюдь не пытаюсь преуменьшить роль Ногаре и в особенности Плезиана, мы полагаем все же, что политика короля во Вьенне явилась отражением идей Мариньи. Оставив в стороне юридические и канонические притязания Ногаре, король избрал более реалистичный политический курс, добившись примирения с папой ценой уступок второстепенной важности и, таким образом, с честью послужив интересам государства.

Во время переговоров по вопросу тамплиеров, хоть и не принимая участия в процессе самого с начала, в 1307 г. Мариньи, исполняя тайную миссию, определявшую исход всего предприятия, добился решения Климента V и вернулся к королю, оставив для него лишь заботу поучаствовать при публичном завершении дела. Во время болезни короля именно Мариньи руководил переговорами, даже в присутствии принцев. Наконец, своим присутствием он поддерживал атмосферу влияния французской стороны при дворе понтифика, пока еще существовали некоторые сомнения по поводу судьбы имущества тамплиеров, и проследил за исполнением этого важнейшего решения, присвоившего имущество госпитальерам, отправившись для этого ко двору Эдуарда II через восемнадцать месяцев после опубликования буллы «Ad providam».

Поэтому мы считаем возможным в заключение сказать, что Мариньи был одним из главных действующих лиц на церковном соборе во Вьенне, начиная с февраля 1312 г., и умело защищал там интересы короля, утверждая при этом свое влияние, которое, если бы не смерть Филиппа Красивого, возможно, отразилось бы на конклаве в 1314 г.

¹ *Ibid.*, p. 58, № 7855.

ГЛАВА VIII

ФЛАМАНДСКАЯ ПОЛИТИКА

1. ПУТЬ К РУКОВОДСТВУ ФЛАМАНДСКОЙ ПОЛИТИКОЙ

Мы уже описали две ситуации, в которых Ангерран де Мариньи общался с фламандцами. Они, на самом деле, являются частью истории начала карьеры Ангеррана и не имеют никакого отношения к той роли, что спустя несколько лет он сыграл во франко-фламандских отношениях. Вкратце напомним, что тогда король отправил Мариньи, тогда еще оруженосца, вместе с Готьё де Митри и Гильомом де Талле в дипломатическую миссию, которая, по всей видимости, относится к апрелю-маю 1302 г. Речь шла о проведении переговоров с восставшими знатными горожанами и бюргерами; посланников облекли в действительности довольно обширными полномочиями¹. Гильом Гиар упоминает Мариньи, в «Генеалогии королевских линияжей», в числе рыцарей, которые в 1304 г. сражались при Монс-ан-Певеле², и тот факт, что это произведение было написано до 1307 г., когда камергер был еще очень мало известен за пределами королевского отеля, позволяет нам считать это утверждение вполне достоверным.

Если верить также свидетельствам «Хроник Нидерландов, Франции, Англии и Турне», Мариньи начал играть довольно значительную роль в отношениях с Фландрией в 1305 г. Действительно, в одном из упомянутых трудов можно прочесть, что

«когда граф Намюрский понял, что его людям угрожает опасность, он направил в Париж письмо Ангеррану де Мариньи, главному советнику короля, графу Савойскому и герцогу Бретонскому, которые негласно так повлияли на короля, что он отозвал гарнизоны, стоявшие вокруг Фландрии, и установил перемирие с фламандцами, продлившееся вплоть до Вербного воскресенья»³.

¹ Arch. nat., JJ 35, № 56, f. 17 et JJ 36, № 54, f. 19.

² Bibl. nat., Français 5698, f. 344, verso, 2e col., vers 20445.

³ De Smet, *Recueil...*, t. III, p. 126.

Речь, само собой, могла идти только о перемирии, продолжившемся вплоть до 30 марта 1305 г., но в верительных письмах имя Мариньи не упоминается в числе назначенных королем представителей¹, к тому же маловероятно, что подобные полномочия могли быть предоставлены камергеру в начале 1305 г. Эту ошибку, по всей видимости, хронист допустил в оглядке на проходившие с 1311 по 1314 г. переговоры², которыми очень часто руководил Ангерран.

В 1307 г., видимо, дела Фландрии еще не были прерогативой Мариньи, и он занимался решением подобных проблем лишь тогда, когда они были сопряжены с его прямыми обязанностями. Пятого июня он вместе с Матье де Три, камергером Франции, присутствовал при том, как графы Фландрии и Люксембурга приносили присягу, которая состояла в клятве соблюдать и заставлять соблюдать других условия Атиского мирного договора³. Мариньи, как и Матье де Три, в данном случае просто выполнял должностные обязанности камергера: то есть он присутствовал при принесении присяги вассалами короля. Действительно, эту присягу можно рассматривать как повторное принесение оммажа сеньору. Но ввиду необычного характера этой клятвы оба камергера в данном случае выступали в качестве свидетелей.

В сентябре Мариньи распорядился назначить ренту в 600 турецких ливров из королевской казны Тибо де Шепуа, командиру отряда арбалетчиков и доверенному лицу Карла Валуа: это была компенсация за то, что Жирару де Соттегему, шателену Гента, была вновь передана рента в 600 ливров, которые он получал в Удене, близ Бетюна, до войны; король отнял ее за измену и передал Тибо де Шепуа⁴. В 1297 г. наказание Жирару де Соттегему было смягчено, в связи с чем ему была выделена такая же рента из королевской казны, а после помилования ему была возвращена первоначальная рента с города Удена, в обмен на выплату с казны, которую передали Тибо де Шепуа⁵. Какую роль в этом деле сыграл Ангерран? Речь шла о попытке примирения с шателеном Гента, но Мариньи, скорее всего, занимался данной проблемой не только по этой причине. Более вероятно, что, поскольку этот вопрос относился к финансовой сфере, а также был некоторым образом связан с королевским отелом — как командир отряда арбалетчиков Тибо де Шепуа мог попросить камергера, чтобы тот занялся выплатой ему

¹ 1305 г., 14 февраля; Bibl. nat., *Mélanges Colbert* 346, № 50.

² Fr. Funck-Brentano, *Philippe le Bel en Flandre*, p. 669, n. 1.

³ Нотариальный акт от 8 июня, подтверждающий подлинность грамоты от 5 июня; Arch. d'Etat de Gand, Saint-Genois 1165; éd. Th. de Limbourg-Stirum, *Codex diplomaticus...*, t. II, № 205, p. 28–32.

⁴ Arch. nat., JJ 44, № 9, f. 7.

⁵ J. Petit, *Le Moyen Age*, 1897, p. 227–230.

ренты из королевской казны, так как это избавило бы его от лишних хлопот накануне отъезда на Восток, — его должен был разрешить именно Мариньи.

Впрочем, примерно в это время имя Ангеррана стало все чаще появляться в связи с фламандскими вопросами: в январе 1308 г. Вильгельм I, граф Голландии и Эно, передал ему 300 ливров ренты с земли; Ангерран принес оммаж за ренту, которая считалась фьефом¹. Мы не сомневаемся в том, что это последнее условие было полностью в духе эпохи, но тем не менее полученный Мариньи дар однозначно свидетельствует о том, что он уже оказал графу достаточно услуг, чтобы показаться ему достойным внимания. Как и в случае с религиозными делами, мы можем обнаружить факт благосклонности к Мариньи, который не подтверждает ни один из сохранившихся за этот период документов.

Вторая — известная — миссия Мариньи во Фландрии относится к 23 февраля 1309 г., когда он вместе с Людовиком д'Эвре должен был поддержать в Турне лже-сеньора Мортаня, Жана де Вьерзона², которого в действительности звали Жак де Гистель³. По мнению Жюль Ле Мюизи, эту уловку придумал Ангерран, чтобы в дальнейшем король смог без всякого труда получить шателенство Мортань⁴. Но Р. Фотье показал, основываясь на мнении арагонского посланника, которое тот высказал 10 мая 1309 г., что король и его Совет, вероятно, сами были обмануты⁵. Как бы то ни было, участие Мариньи в миссии во Фландрии впервые имело столь большое значение. При выполнении большинства поручений королевского камергера рядом с ним в качестве коллеги находился Людовик д'Эвре, с момента коронации Эдуарда II в феврале 1308 г. вплоть до совещания в Маркетте в сентябре 1314 г.

¹ Cartulaire de Guillaume I, dans le *Bulletin de la Commission royale d'histoire de Belgique*, 2e serie, t. IV, 1852, p. 80–81.

² Wauters, *Table*., t. VIII, p. 319.

³ Начало эта афера берет в 1297 г., когда Мария Мортаньская, знатная дама и, владелица сеньории Мортань (что на слиянии рек Шельды и Скарпы) и шателенства Турне, вышла замуж за брабантского аристократа Жана де Вьерзона, который в 1302 г. погиб в битве при Куртре. Поскольку тело его не было найдено на поле сражения, стали ходить слухи, что он не был убит. И 23 февраля 1309 г. «воскресший» Жан де Вьерзон действительно торжественно въехал в Мортань в сопровождении Людовика д'Эвре и Ангеррана де Мариньи. Лишь через несколько недель обман раскрылся: самозванцем был некий Жак де Гистель. По приказу короля его повесили. Многие обвиняли Филиппа IV и его советников в том, что они подготовили появление Жака, чтобы прибрать к рукам Мортань: ведь Мария Мортаньская, умирая, завещала свои владения королю. — *Прим. ред.*

⁴ Ed. H. Lemaitre, p. 18–19.

⁵ L'aventure de la dame de Mortagne, dans les *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions*., 1950, p. 392.

После авантюры с Мортанем Мариньи мог по праву считаться одним из королевских советников, сведущих в фламандских вопросах. По прошествии небольшого периода времени он превратился в настоящего министра по делам Севера, и в сферу его деятельности можно было включить равным образом Фландрию, Артуа или Англию. Мы уже упоминали о том, как в декабре 1308 г. он поддержал предложение короля, его братьев и графа де Сен-Поля отлучить от церкви фламандцев, выступивших против Атиского договора; присутствие рядом с вышеперечисленными именами также и имени Мариньи можно объяснить только тем, что именно ему принадлежала инициатива этого демарша. Можно задаться вопросом, почему в создавшихся условиях король послал к папскому двору Плезиана, тогда как в январе 1309 г. понтифик оспорил верительные грамоты Латилы¹. Мы считаем, что причину этого поступка нужно искать именно во Фландрии: присутствие людей короля и, как думал Мариньи, его собственное было необходимо для уверенности в том, что «восстановление сира де Мортаня» состоится. От короля зависело, войдет ли он в Турне, и ситуация требовала быстрых действий: в случае провала Жаку де Гистелю оставалось только бежать. Папа, напротив, вполне мог еще подождать, и переговоры были отложены.

В действительности в августе 1310 г. Мариньи уже был в Грозо, подле Климента V: необходимо было немедленно отреагировать, как мы уже показали в предыдущей главе, не столько на протест Даниеля де Тилта, объявленный от имени графа Фландрии, а на неизвестное нам событие, из-за которого папа примерно в июне или июле 1310 г. внезапно изменил свое мнение. Миссия Мариньи провалилась: король потерял возможность продолжать отлучать фламандцев от церкви на свое усмотрение, поскольку Климент V посчитал подобную привилегию бесчеловечной². И вновь фламандская политика повлекла за собой визит к папе и переговоры Климента V с Мариньи. Для Ангеррана дела Фландрии были гораздо важнее всех остальных, можно даже сказать, что дипломатическая деятельность Мариньи вплоть до 1311 г. и даже в 1314 г. была по большей части, насколько мы можем судить, обусловлена его фламандской политикой.

Были попытки обнаружить связь между преобладающими интересами Мариньи и женитьбой сына Ангеррана, Луи де Мариньи, на Роберте де Бомец. Нам представляется, что подобное предположение можно считать не лишенным смысла, если иметь в виду, что наследство Роберты — Бапом — интересовало Ангеррана как база для налаживания экономических отношений между суконной

¹ Fr. Funck-Brentano, *Philippe le Bel en Flandre*, p. 543–545.

² *Ibid.*, p. 580–581.

промышленностью Фландрии и ярмарками в Верхней Нормандии. Роберта была кузиной, затрудняемся сказать, в какой степени, Людовика Неверского¹, и желание Ангеррана женить своего сына на кузине знатного феодала также могло стать причиной заключения этого брака. Но фламандская политика не имела к этой женитьбе никакого отношения. Маго, графиня д'Артуа, подруга и покровительница семейства Круазиль, к которому принадлежала мать Роберты, подписала брачный контракт, преподнесла венки и драгоценности в дар во время свадебной церемонии и после сделала еще один подарок новобрачным: это бракосочетание в какой-то степени было делом ее рук.

Людовик Неверский преподнес свой первый и единственный подарок тем, на чьей свадьбе он не присутствовал, лишь 20 февраля 1311 г., то есть через тринадцать месяцев после бракосочетания. Он подарил им сеньорию Кудре в Неверне вместе с угодьями и правом судебной власти². Это был действительно прекрасный подарок, но лишь на этом основании нельзя утверждать, как это сделал без каких бы то ни было доказательств Фанк-Брентано, что «Людовик Неверский был особенно близок с сыном Ангеррана де Мариньи»³. Этот дар, возможно, предназначался для сына королевского камергера или для мужа кузины Людовика Неверского, а не для юнца, каким в то время был Луи де Мариньи.

В 1311 г. фламандская политика короля полностью находилась в руках Мариньи. Примерно за четыре года он приобрел то, что в дальнейшем позволило ему вести дела в этой сфере по-своему: опыт и связи. И тем, и другим он был обязан своей должности, поскольку в качестве камергера он постоянно оказывался на пути тех, кто приходил на встречу с королем, и имел возможность с близкого расстояния следить, хотя и оставаясь при этом в стороне, за событиями, переговорами, высказываниями опытных людей. Кроме того, у него сложились свои политические взгляды, которые он, как мы увидим, реализовывал с 1312 по 1314 г. в постановке проблем и деятельности в отношении папы или против фламандцев. Наконец, во время своего пребывания на службе у короля и в особенности в королевской Палате, он добился того, что его имя стало известно как лицам, получившим королевские верительные грамоты, или знатым людям, приносившим присягу; так и послам или гонцам, и даже, во время поездки в поддержку Гистеля, народу.

¹ «Наш родственник Луи де Мариньи... и муж нашей родственницы Роберты, госпожи де Бомец» («Consanguineus noster Ludovicus de Marrigniac... maritusque consanguinee nostre Roberte, domicelle de Biaumes»); акт, составленный Людовиком Неверским и заверенный королем; Arch. nat., JJ 48, № 3, f. 4 v.

² *Заверенная королем копия*, 1312 г., май; Arch. nat., JJ 48, № 3, f. 4 v.-6 r.

³ Fr. Funck-Brentano, *op. cit.*, p. 585-586.

Именно на эти качества Филипп Красивый делал ставку, когда с 1311 г. начал давать Мариньи различные важные поручения, рискуя вызвать недовольство тех, кто считал себя более достойным, даже не будучи более способным, — то есть в первую очередь принцев королевской крови.

2. КОНФЕРЕНЦИИ В ТУРНЕ (1311 Г.)

Когда летом 1311 г. возникла необходимость послать во Фландрию представителей короля для переговоров с Робертом Бетюнским и Людовиком Неверским, выбор в первую очередь пал на Ангеррана де Мариньи, и вместе с ним исполнять эту миссию отправились маршал Жан де Гре, Пьер де Галар, Арпен д'Аркери и Жерар де Куртон. Фанк-Брентано посчитал, что на этот выбор повлияли тесные отношения Людовика Неверского с Луи де Мариньи¹. Нельзя отрицать, что в неких обстоятельствах Луи мог бы повлиять на избрание своего отца, чему, впрочем, нет никаких доказательств. В любом случае, совершенно неправдоподобно звучит предположение о том, что ролью самого первого плана, которую Ангерран сыграл в 1311 г., он был обязан своему в то время шестнадцатилетнему или восемнадцатилетнему сыну, чье имя никогда не появлялось ни в одном документе, относящемся к внешней или внутренней политике государства. Назначение Ангеррана объясняется, будучи единственно логичным, тем, что на протяжении трех лет он приобретал все больший и больший вес в отношениях с Фландрией или в политике Франции в фламандских вопросах, а также возмужавшим благоволением к нему короля.

Представители французской стороны, проводившие переговоры, и в особенности Мариньи, были облечены широчайшими полномочиями, судя по протоколу встречи между Людовиком Неверским и Мариньи, составленному примерно в августе 1311 г.² Королевский камергер предложил графу Неверскому несколько вариантов: уступить Фландрию королю в обмен на обширный пэрский фьеф в баляжах Буржа и Санса, который примкнул бы, таким образом, к Неверской и Ретельской областям; назначить Фландрию в приданое своей дочери Жанне, которая вышла бы замуж за Филиппа д'Эвре; даровать графство своему сыну Людовику (Неверскому), который женился бы на сестре Филиппа. Все три предложения, третье из которых было гораздо менее дерзким, чем два предыдущие, были отклонены. Потерпев поражение, Мариньи отнюдь не отчаялся. Он возобновил переговоры в Турне и стал просить меньших уступок.

¹ *Ibid.*

² Arch. du Nord, B 225, Godefroy 4770; ed. Funck-Brentano, *op. cit.*, p. 586–587, en note; далее, с. 233.

Но эти попытки уже являются для нас свидетельством того, какую свободу действий король предоставлял своему советнику, который, помимо этого, обладал достаточными полномочиями для того, чтобы произвести оценку и предложить Людовику Неверскому в качестве фьефа ренту с земли в 10 000 ливров¹. Далее мы увидим, что у него также была возможность продлевать на свое усмотрение срок перемирия между Фландрией и Эно; кроме того, у него на руках находились четыре акта, но он использовал из них лишь тот, который показался ему подходящим².

Мариньи должен был вернуться во Францию, чтобы отчитаться в своих действиях во время переговоров. Действительно, он находился во Фландрии в начале августа, доказательством чему является поездка к нему посланника Маго д'Артуа³; в любом случае, он совершенно точно находился подле короля в Сент-Уане, когда Филипп Красивый принимал решение о продлении срока перемирия между Фландрией и Эно⁴ и вручил своим посланникам бумаги с поручениями⁵, поскольку в августе, и именно в Сент-Уане, он составил приказ о вознаграждении двух служащих отеля⁶. После этого он вновь уехал во Фландрию.

Как мы уже сказали, членами делегации являлись Мариньи, Жан де Гре, Пьер де Галар, Арпен д'Аркери и Жерар де Куртон. Одна легенда гласит, что руководителем миссии был Карл Валуа, и когда Мариньи, вытеснив его, возглавил проведение переговоров, брат короля воспылал к нему всем известной ненавистью. Жозеф Пти, занимавшийся исследованием истории Карла Валуа, утверждает, что он «являлся главой» дипломатической миссии в Турне⁷, ссылаясь на строчку из творения Жилия Ле Мюизи⁸. Это не более чем легенда. Карл Валуа действительно был в то время в Турне, но как частное

¹ Фанк-Брентано посчитал, что Мариньи предоставил 40 000 турецких ливров ренты: это соображение он основывал на фразе: «и все эти двадцать тысяч, как те, что будут выплачены с земли, так и те, что будут платить из казны». Это, напротив, означает, что было всего 20 000 турецких ливров, доказательством чему служит и предыдущая фраза: «двадцать тысяч турецких ливров, десять тысяч из которых будут выплачиваться с земли... и десять тысяч из королевской казны»; Funck-Brentano, *op. cit.*, p. 586–588.

² Arch. nat., JJ 42 A, № 141 à 144, f. 124 r.

³ 1311 г., 10 августа; Форталье, слуга графини, подтвердил, что ему выплатили обещанные деньги за поездку из Артуа во Фландрию к Мариньи; Arch. du Pas-de-Calais, A 286, № 34.

⁴ 1311 г., 15 августа; в нотариально заверенном протоколе; Arch. nat., J 559, № 12.

⁵ 1311 г., 20 августа; *id.*, Arch. nat., J 559, № 14.

⁶ Arch. nat., JJ 46, № 81, f. 61 r., et № 126, f. 77 r.

⁷ J. Petit, *Charles de Valois*, p. 135.

⁸ «Граф де Валуа, посланный господином королем» («Comes de Valois, missus a domino Rege»); éd. H. Lemaître, p. 79.

лицо, так как хотел встретиться с Людовиком Неверским по личному делу: старший сын графа Неверского, Людовик, женился в 1308 г. на Изабелле Валуа, дочери Карла, и Карл пообещал ему помочь в выплате 10 000 ливров ренты, к которой обязывал Людовика Атиский договор, дав ему по доверенности на имя короля 6000 ливров в качестве приданого Изабеллы, и оказать ему военную поддержку в случае войны, но не против короля¹. Вполне возможно, что граф Валуа приехал в Турне именно по этим причинам. Но, в любом случае, без всяких сомнений, король не направлял Карла Валуа в Турне², он не руководил никакой миссией и не принимал участия в дипломатических переговорах. Упомянув о Карле Валуа, Ле Мюизи недвусмысленно заявляет, что главой французской миссии был Ангерран де Мариньи, которого король отправил и от своего имени наделил широчайшими полномочиями³, тогда как «Хроника Турне» называет Мариньи «наместником короля в этом деле»⁴, а в счетах города Ипра упоминается о том, как со всей страны люди отправились в Турне, «чтобы встретиться с монсеньором де Мариньи»⁵. Что же касается выражений, в которых составлены нотариально заверенные протоколы конференции 13 сентября 1311 г., они отличаются такой же точностью: Мариньи говорил от своего имени и от имени своих коллег, отправленных королем во Фландрию вместе с ним⁶. Он был столь высокопоставленным лицом в этой делегации, что даже приказывал зачитывать грамоты комиссии, а не читал их самостоятельно⁷.

Приезд Ангеррана в Турне был обставлен необыкновенно пышно, и нельзя отрицать возможности того, что приехавший туда как частное лицо Карл Валуа был этим очень раздосадован. Городские власти ехали перед камергером, которого сопровождали, как короля⁸, многочисленные сержанты и оруженосцы, а также целая свита, состоявшая, по всей видимости, из его коллег и их прислуги. Как

¹ J. Petit, *op. cit.*; p. 134.

² Его имя не фигурировало в верительной грамоте от 20 августа.

³ «Господин Ангерран де Мариньи, посланный господином королем вместо себя и наделенный от его имени всеми королевскими полномочиями» («Dominus Ingelrandus de Maregni, missus etiam a domino Rege, loco ejus et tamquam Rex, habens omnimodum potestatem ab eodem»); G. Le Muisit, éd. H. Lemaître, p. 79.

⁴ Fr. Funck-Brentano, *chronique artésienne et chronique tournaisienne*, p. 94.

⁵ Ed. G. des Marez et E. de Sagher, t. I, p. 355–356.

⁶ «Благородный муж господин Ангерран де Мариньи, рыцарь знаменитейшего короля Франции и камергер (*sic*), выступал от своего имени и от имени своих коллег, которых король от своего имени направил во Фландрию»; Arch. nat., J 559, № 14.

⁷ «Приказал зачитывать публично» («In publico legi fecit»); *ibid.*

⁸ «Как короля» («Sicut Rex»); G. Le Muisit, *loc. cit.*

по случаю королевского визита, в его честь была объявлена амнистия осужденным на ссылку и изгнание. Он остановился в замке Брюй, близ Турне, и каждый день приезжал в замок Турне верхом на коне в сопровождении целого кортежа всадников¹.

Все так же по свидетельству Ле Мюизи, Мариньи вел долгие беседы с епископами Камбре и Арраса, но об этих встречах нам ничего не известно.

Роберт Бетюнский и Людовик Неверский приехали в то же время и провели с представителями городов и короля совещание, основное заседание которого состоялось 13 сентября². Хотя мы располагаем сведениями только об этом заседании, его, безусловно, предваряли, вероятно, менее торжественные встречи, которые, впрочем, проходили в гораздо более деловой обстановке. Согласно протоколу заседания, состоявшегося 13-го числа, на нем действительно обсуждали мирный договор в том виде, каким его утвердили ранее и изложили в серии документов, которые несколькими днями ранее зачитали перед народом³.

Официальное завершение переговоров состоялось 13 сентября в полдень, в доме метра Дюрана, каноника и казначея церкви Турне. Там присутствовали Мариньи и его коллеги, представлявшие короля, Созе де Буссор и некоторые другие рыцари, замещавшие графа Эно, и лично Роберт Бетюнский со своим братом Жаном Намюрским, сыном Людовиком Неверским, знатью и представителями фламандских городов. Срок перемирия между Фландрией и Эно истек 31 августа, и король наделил Мариньи полномочиями продлить его; таким образом, положившись на его авторитет, обе стороны сошлись на предложенной им дате — празднике Святого Иоанна в 1312 г. Нужно заметить, что, покидая королевский двор, Ангерран увез с собой во Фландрию четыре абсолютно одинаково составленные грамоты, в которых говорилось о продолжении срока перемирия вплоть до 15 сентября, 30 сентября, 31 октября и, наконец, до 30 ноября текущего 1311 г.⁴

¹ Согласно Le Muisit, *loc. cit.*

² «Они говорили в Турне с мессиром Ангерраном де Мариньи»; *Chron. tourn.*, *loc. cit.* — «И они долго между собой говорили о войне» («et fuit inter eos grande parlamentum super querris»); G. Le Muisit, *loc. cit.* — Нотариально заверенный протокол, 1311 г., 13 сентября; Arch. nat., J 559, № 12 et № 14; второй документ, свидетельствующий о напряженности в отношениях между королем и графом, издан Фанк-Брентано; Funck-Brentano, *op. cit.*, p. 594–596.

³ «Грамоты, которые несколькими днями ранее громко и членораздельно зачитали публично» («In litteris que, quadam die noviter precedente, eis fuerant ad plenum et alta et intellegibili voce exposite»); Arch. nat., J 559, № 14.

⁴ Эти четыре грамоты относились, несомненно, к 15 августа, поскольку о них сохранилось упоминание в регистре JJ 42 A, fol. 124 г., между 13 и 22 августа 1311 г.

Он посчитал целесообразным озвучить в Турне третий из этих документов¹: закончив продолжительную речь, с которой он обратился к довольно многочисленной аудитории², Ангерран приказал зачитать указ короля Франции, согласно которому срок перемирия продлевался вплоть до 31 октября. Затем он вновь взял слово и добавил, что соблюдение перемирия являлось обязательным и что он сам и его коллеги будут рассматривать все жалобы на нарушителей³.

Уладить второе дело было гораздо сложнее; речь шла о соблюдении мирного договора между королем и графом Фландрии. В этой связи мы располагаем двумя цитатами с заседания 13 сентября: одна, очень краткая, взята из протокола⁴, другая, более подробная, из рассказа о заседании 15 октября, во время которого королевские приближенные вспоминали о том, что произошло месяцем раньше⁵. Мы объединим эти два свидетельства, чтобы показать то, что в действительности происходило на заседании.

Поскольку граф согласился с тем, что в качестве третейского судьи выступал король, шла подготовка к подписанию соглашения, как вдруг Людовик Неверский заявил протест от своего имени и от имени отца, утверждая, что Мариньи нельзя доверять, что он собирался оставить спорные земли графу Эно, как сообщил сир де Сен-Венан. Мариньи на это возразил, что в таком случае король не предложил бы себя в качестве третейского судьи; затем он вкратце напомнил о событиях, произошедших до этого заседания. Он рассказал о войне, переложив ответственность за ее начало на плечи Ги де Дампьерра и его сыновей, и обосновал законность союза короля Франции с графом Эно — того союза, факт заключения которого Роберт Бетюнский использовал, чтобы поставить под сомнение выбор короля в качестве посредника и его добрые намерения.

«Сир граф, — сказал Мариньи⁶, — вы не должны ничуть удивляться заключению союза между королем и графом Эно,

¹ Его содержание отражено в протоколе; Arch. nat., J 559, № 12.

² «Там было очень много знатных и простых людей, сидевших по рядам»; *Chronique tournaisienne*, éd. Funck-Brentano, p. 94.

³ «И он добавил для указанных сторон, что если одна из сторон пожалуется на то, что в условиях данного перемирия другая сторона нарушит данные условия, он и его коллеги охотно обе стороны выслушают и сделают все, что подскажет им разум» («Et significavit partibus predictis quod si pars aliqua de aliquo vellet conquerri quod in dictis treugis per aliam partem in dictarum treugarum prejudicium contra eam factum esset, quod ipse ejusque college eas libenter audirent et facerent quod ratio suaderet»); Arch. nat., J 559, № 12.

⁴ Arch. nat., J 559, № 14; éd. Funck-Brentano, *Philippe le Bel...*, p. 594–596.

⁵ Arch. du Nord, B 225, Godefroy 4794.

⁶ Мы предпочли привести здесь текст оригинала в прекрасном переводе Фанк-Брентано; *op. cit.*, p. 597–598. Тем не менее все это — слова нотариуса, а не Мариньи.

который они и их наследники считают союзом против монсеньора Ги, вашего отца, и его детей. Ведь монсеньор Ги, ваш отец, принеся оммаж и поклявшись в верности королю Франции, чьим вассалом он был за графство Фландрии, без какой бы то ни было на то причины и без всякого неправого суда или ущерба своим правам со стороны короля, заключил союз против короля и вступил в сговор с королем Англии, который в то время являлся врагом Франции и находился в состоянии войны с ней, и принял его в королевстве¹, на земле Фландрии, и оказал помощь и содействие королю Англии, а также многим другим, которые открыто и юридически были врагами и воевали против упомянутого короля Франции.

И после этого этот монсеньор Ги, ваш отец, через некоего аббата, ставшего его посланником, передал королю открытое письмо, скрепленное его собственной печатью, в котором заявил, что полностью отказывается от верности и от подданства королю Франции, чего он никак не мог сделать, поскольку силой, подняв мятеж, удерживал в своем владении фьеф и земли Фландрии; но в глазах короля он лишился доверия, которое ранее испытывал к нему король как к своему вассалу, и поэтому король стал оказывать помощь и всевозможное содействие графу Эно, и вступил с ним в союз, чтобы подавить мятеж, поднятый вашим отцом, который направлял все вышеуказанные действия также и против его детей; да будет известно вам, сир граф, при том что вы явились вместе с вашим отцом основным зачинщиком смуты, и вашим братьям, которые также участвовали в этих делах и находили их удобными для себя, что вам не следует удивляться тому, что король вступил в подобный союз, поскольку если он это сделал, он нашел это правильным и справедливым, как сказано выше».

Затем, обратившись ко времени проведения предварительных переговоров о мире, Мариньи процитировал те формулировки договора, которые звучали на протяжении всего предыдущего обсуждения этого вопроса. Ранее до него дошли слова Роберта Бетюнского о том, что король применял к нему «довольно суровые меры»², и поэтому Ангерран добавил, что мир заключался на вполне приемлемых для всех условиях и что король уже продемонстрировал свое милосердие:

«Сир граф, ни вы, ни ваш сын, граф Неверский, не должны упоминать о каких бы то ни было действиях короля без должного уважения или с упреком, и даже давать случай

¹ Принял его на земле, вассальной короне.

² «По поводу услышанного им о том, что данный граф жаловался на своей земле на то, что король, как он говорил, применял к нему довольно суровые меры»: Arch. du Nord, B 225, Godefroy 4794.

народу в это верить, поскольку ни вы, ни кто-либо другой не может сказать, что король не добр и не лоялен. К тому же он оказал вам столько милостей, за которые вы должны быть ему безмерно благодарны, а не упрекать его; ведь когда вы и ваш отец, и другие дети находились в тюрьме за измену, и он мог в полном согласии с законом лишить вас головы или как-нибудь по-другому отомстить вам, особенно если бы он таил злобу на вас, ваших братьев и ваших людей в то время, когда вы находились в заключении, но он избрал путь закона и справедливости, которого вы чуждались, даже имея перед глазами пример истинного милосердия и стремления к справедливости. Он усмирил желание оставить графство Фландрии в своем домене, причем не многие богатые люди согласились бы выпустить из рук подобные владения, обладая на них правами, выпустил вас из тюрьмы, вновь принял у вас клятву верности и оммаж, позволил вам обосноваться во Франции на такой прекрасной территории, какой является графство Фландрии, только лишь его собственной милостью, при том что вы не имели на него никакого права; есть ли где-нибудь государь любезнее короля Франции, который так милосердно с вами обошелся, и как удивительно, что вы упрекаете короля, при том что вы ни в коем случае не должны были его упрекать, поскольку должны понимать, что он, если и не жизнь, то состояние и земли передал вам единственно лишь собственной милостью».

После этого Мариньи призвал фламандцев уважать принятый ими самими договор, который они поклялись защищать. Его перебили оба графа. Роберт Бетюнский возразил, что он находился в тюрьме не по своей воле и тем более не как преступник, как сказал Мариньи. Людовик Неверский высказался гораздо более резко, поставив под сомнение то, что королевский камергер выступал как официальное лицо:

«Он предположил, что заявление сеньора де Мариньи не соответствовало тому, что хотел бы передать и думал сам король».

Мариньи ответил, что ни в коем случае не откажется от своих слов и что сможет в качестве доказательства продемонстрировать графу королевские грамоты; Роберт Бетюнский поставил под сомнение их подлинность, на что Мариньи заявил, что не считается с их существованием невозможно:

«Король и его совет — это не канцлер ваш»¹!

¹ Arch. du Nord, B 225, Godefroy 4794.

Представители городов, утомленные этими бесконечными спорами, заявили, что примут условия этого мира, несмотря на то что они очень тяжелы. Мариньи, не сложивший оружия, вновь взял слово и ответил:

«...что условия мирного договора не тяжелы, а снисходительны и милосердны, и так должно казаться всем из этой страны, учитывая то, сколько зла они причинили».

Затем, в ответ на возражение Людовика Неверского, он уверил всех в том,

«...что сказанные им слова он произнес от имени короля, а не Ангеррана де Мариньи, и что в намерения короля как раз входило передать именно эти слова, поскольку они являются чистой правдой».

Чтобы подтвердить свои полномочия, он заставил громко и членораздельно зачитать верительные грамоты, составленные 20 июня, согласно которым он и его коллеги были направлены во Фландрию с целью добиться исполнения и дальнейшего соблюдения условий мирного договора, причем король предписывал графу, своей семье, всем лицам знатного происхождения и городским общинам повиноваться им как ему самому¹. В заключение он сказал, что фламандцы все же должны согласиться соблюдать условия этого договора. Роберт Бетюнский и Людовик Неверский дали обещания, на что Мариньи, желая оставить за собой последнее слово, заявил, что одних слов недостаточно и что он надеялся в дальнейшем увидеть эти обещания на бумаге². На этом совещание закончилось.

Чем был занят Ангерран между 13 сентября и 14 октября, когда он уже оказался в Турне? Поскольку, по всей видимости, он не возвращался в Париж, он, естественно, ездил по Фландрии. Он отправился в Дуэ и подготовил там соглашение, о котором мы упомянем чуть позже, так как, на наш взгляд, учитывая, что король заверил его в Лилле 18 октября, вряд ли тщательная подготовка столь важного документа могла занять менее двух дней. К тому же это соглашение, по выражению короля, которое он употребил в одном из писем, было детищем Мариньи, Жана де Гре, Арпена д'Аркери, Галара и Куртона³, то есть всех тех, кто присутствовал в Турне 13 сентября. Было бы странно, если бы после 15 октября к ним не присоединились также и остальные королевские советники.

¹ Arch. nat., J 559, № 14; Funck-Brentano, *Philippe le Bel...*, p. 594–595.

² «Слов недостаточно к вашему удовлетворению, нужен акт» («Quod ad eorum complementum verba non sufficiebat sed effectus»); Arch. nat., J 559, № 14.

³ Arch. nat., JJ 46, № 130, f. 78 r.

Затем Мариньи и его коллеги вернулись в Турне, где к ним присоединились Филипп Красивый, Гоше де Шатильон, Гильом де Ногаре и Рауль де Прель. Графа Фландрии попросили присутствовать на заседании 14 октября. Но он не появился. Пятнадцатого октября прибыл гонец: оба графа, Роберт Бетюнский и Людовик Неверский, находились на расстоянии четырех лье от места назначения, но отказывались ехать дальше без охранной грамоты.

Несмотря на присутствие короля, коннетабля и хранителя печати, этой проблемой занялся Мариньи. Он выслал графу Фландрии охранную грамоту, запечатанную его личной печатью, включив в текст этого документа доказательство того, что король наделил его такими полномочиями:

«Сеньор де Мариньи отправил ему эту сопроводительную грамоту, включив в ее текст данное королем подтверждение его полномочиям»¹.

Есть искушение расценить эту подробность как достаточно важный и интригующий факт, который мог бы зародить сомнения по поводу истинности протокола, впрочем, вполне правдоподобного. Мог ли королевский камергер, хотя и по приказу короля, но от собственного имени предоставить охранную грамоту пэру Франции? Тем не менее приходится допустить такую возможность — и, таким образом, признать невероятное могущество Ангеррана, — поскольку мы обнаружили охранную грамоту, абсолютно идентичную той, которая упоминается в протоколе, выданную 14 сентября некоему горожанину Брюгге². В этом документе, адресованном Ангерраном всем судьям королевства, с печатью на простом шнурке содержался текст королевского приказа от 20 августа, согласно которому Мариньи получал

«...все полномочия, власть и специальное указание предоставлять охранные грамоты... всем тем, кто проживает на землях графства Фландрии... чтобы они могли приехать к нему и к другим посланникам, чтобы говорить с ними, обсуждать нужные вопросы и заниматься другими делами с ним и с теми, кто вместе с ним были посланы, со всеми вместе или с каждым по отдельности, согласно пожеланиям Ангеррана...»

Обладая возможностью вызвать кого угодно на свое усмотрение, вполне вероятно, и, поскольку об этом свидетельствуют данные протокола, даже очевидно, что Мариньи отправил эти грамоты, в сопро-

¹ Arch. du Nord, B 225, Godefroy 4794.

² Оригинал, печать сильно повреждена, Arch. générales du royaume de Belgique, Trésor des chartes de Flandre, № 2250; см. *Cartulaire, actes*, № 6.

вождении двух сержантов, Роберту Бетюнскому и Людовику Неверскому¹.

Поскольку графы не прибыли, коннетабль, который руководил проведением встречи, поскольку король был болен, начал переговоры с присутствовавшими представителями городов и знати, «при большом скоплении доброго люда». В число выступавших тогда «людей нашего сеньора короля» Мариньи, без сомнения, не входил, так как нотариусу было известно его имя и, несомненно, он упомянул бы его; этих ораторов он, по всей видимости, не знал. Они рассказали о недавно произошедших событиях: о мнимой ссоре Роберта Бетюнского и Людовика Неверского, с целью ввести в заблуждение Мариньи и его коллег, которые

«...благоразумно сознавая, какой вред могла нанести графу, его сыну и всей Фландрии эта ссора...»

постарались примирить их; короля предложили в качестве посредника, и граф Эно согласился с этим, хотя и не являлся королевским вассалом, потому что

«...гораздо хуже было бы, если бы пэр Франции, вассал короля за графство Фландрию, который каждодневно находил короля не только хранителем его прав, но милостивым и снисходительным к нему, отказался бы принять посредничество короля...»

— представители городов и даже советники графа поддерживали выбор короля в качестве третейского судьи, но Роберт все равно действовал «по своему разумению». Нетрудно заметить, что высказывания «королевских людей» во многом совпали со словами Мариньи, который, конечно же, принимал действенное участие в составлении их речи.

Затем был зачитан текст обращения, с которым Мариньи обратился к аудитории 13 сентября, и коннетабль Гоше де Шатильон «сказал, что эти слова очень понравились королю». Это и было ответом на сомнения Людовика Неверского.

Вслед за этим присутствующих, наконец, оповестили о том, что Роберт Бетюнский и Людовик Неверский вызваны к королю, и после объяснения причин того, почему их присутствие было желательно, представителям городов, которые того потребовали, предъявили копию вызова с королевской печатью. Цель этого была ясна: обнародовать претензии короля к графу и факт неявки последнего. Также им предъявили копии ордонанса, запрещающего ношение оружия и частные войны.

¹ Arch. du Nord, B 225, Godefroy 4794.

Под конец заседания 15 октября для представителей коммун разъяснили понятие суверенной власти короля и то, какие преимущества они могли получить, подчинившись ей. Они:

«...были обязаны суверенной и правовой защитой королю, поскольку если самый бедный житель Фландрии, пострадавший от графа, жаловался королю, король всенепременно призывал графа к порядку и к праву, а если он не желал подчиниться, король и все его королевство боролись с ним, в случае необходимости, с оружием в руках»¹.

Эти слова неизвестного оратора, безусловно, прозвучали из уст Мариньи. Мы так полагаем вместе с Фанк-Брентано². Искусство убеждать, которым, по свидетельствам хронистов, обладал Ангерран, практичный смысл, отличавший всю его политическую деятельность, — все это нашло отражение в этом выступлении: король обещал горожанам, которых многое отдаляло от графа, творить правосудие, не останавливаясь ни перед чем, чтобы сдержать свое слово и защитить их права. Экономическая выгода побуждала их на заключение мирного договора; в этом им препятствовал один лишь граф. За недостаточную лояльность по отношению к королю ему бы полагалось такое же наказание, как любому другому подданному, такое же, какое прежде претерпели герцог Нормандии и граф Тулузский. А граф Неверский за соблюдение мирного договора поручился своими земельными владениями; он разорвал договор, и земли оказались в руках у короля... Тот человек, который написал эту последнюю, обращенную к фламандцам речь, и тот, кто составил воззвание, оглашенное Мариньи перед жителями Парижа 1 августа 1314 г., — одно и то же лицо³.

Графа тогда вызвали в Париж 3 февраля 1312 г., чтобы с его помощью уладить разногласия по поводу арбитража между Фландрией и Эно. Поскольку король в то время был болен, пригласить графа решил Мариньи, выславший королевский вызов на 29 ноября⁴, а также его копию, заверенную королем, которая была обнародована 5 октября в Крее⁵.

Мы уже упоминали о том, что в промежутке между двумя заседаниями в Турне королевские посланники ездили по французской Фландрии, верша по пути справедливый суд, о чем свидетельствует прошение о помиловании, составленное Мариньи в Лилле практически сразу после заседания 15 октября, но все же по

¹ Archives du Nord, B 225, Godefroy 4794.

² *Philippe le Bel en Flandre*, p. 602.

³ См. далее, с. 107.

⁴ 1311 г., 15 октября. — Турне; Bibl. nat., M^{él}. Colbert 347, № 72.

⁵ 1311 г., 15 октября. — Турне; Archives communales de Gand, charte № 273.

окончании расследования, во время которого искали подтверждение невинности предполагаемого убийцы, Жана Ле Неве¹.

Но в Дуэ они действовали особенно любопытным образом. Жителей поделили на два лагеря, в зависимости от того, на чьей стороне они были во время войны, и жизнь в городе практически остановилась. Действуя в качестве посредника, Мариньи вынудил представителей обоих лагерей прийти к согласию и полностью преобразовал городскую администрацию. Конечно же, к заключению согласия приложили руку и все остальные королевские посланники. Но даже то, как сформулированы сами королевские грамоты от 18 октября 1311 г., является доказательством тому, что главную роль в этом деле сыграл Мариньи:

«Это соглашение было заключено с помощью Ангеррана, сеньора де Мариньи, нашего камергера, Жана де Гре, маршала, Арпена д'Аркери, хлебодара, Пьера де Галара, командира арбалетчиков Франции, рыцаря, и мэтра Жиара де Куртона, парижского каноника, нашего писца, наших возлюбленных и верных посланников, направленных нами во Фландрию, то есть трудами Ангеррана и его компаньонов»².

Мариньи основал временный совет эшевенгов, включавший в себя представителей обоих лагерей, для руководства городом вплоть до 29 сентября 1312 г.³ К этому моменту совет должны были преобразовать в соответствии с одной из статей обычного права, то есть по системе кооптации, утвержденной хартией Феррана в 1228 г.⁴ Таким образом, прежде всего это была миротворческая, посредническая мера, принятие которой должно было несколько успокоить сторонников графа, но и вместе с тем ободрить тех, кто поддерживал короля. Их присутствие в совете должно было уменьшить⁵ злоупотребления.

Творение Мариньи имело отношение по большей части к области финансов, что, впрочем, неудивительно. «Ордонанс 1311 г. ... — это в первую очередь финансовый документ», справедливо заметил Эспина⁶. Прежде всего необходимо было упорядочить систему городских финансов путем преобразования муниципальной системы, в частности, поровну распределив налоговые повинности между

¹ Arch. nat., JJ 46, № 129, f. 78 r.

² 1311 г., 18 октября. — Лилль; or. sc., Arch. munic. de Douai, AA 17; copies: Arch. munic. de Douai, AA 84, f. 6 v.; Arch. nat., JJ 46, № 130, f. 78 r.-79 r.; éd.: *Ordonnances...*, t. XI, p. 423-425; P. Clément, *Trois drames...*, p. 353-355, с неправильно указанной датой и источником (декабрь; JJ 46, № 150).

³ Соглашение, возможно, было заключено 29 сентября 1311 г.

⁴ G. Espinas, *Les finances de la commune de Douai*, p. 30, 33-40 et 73.

⁵ Фанк-Брентано проанализировал ее состав; Funck-Brentano, *op. cit.*, p. 605.

⁶ G. Espinas, *op. cit.*, p. 84 et 87-88.

всеми жителями города. Довольно значительный долг поделили поровну между двумя партиями, исключая возмещение военных издержек, которые вменялись фламандскому лагерю, то есть тем из него, кто остался в Дуэ. Для руководства городским финансовым ведомством была организована комиссия из шестнадцати человек, состав которой подлежал обновлению каждый год; первоначально в нее вошли восемь человек с каждой стороны, которые впоследствии должны были назвать своих преемников. В их обязанности входило контролировать поступления в муниципальную казну и их расходование, распределять налоги и хранить городскую печать. Во избежание злоупотреблений со стороны эшевенгов они должны были отчитываться в своих действиях членам комиссии.

Желая усмирить брожение умов и увеличить благосостояние города, Мариньи тем не менее не забывал о своем служении королю: отождествляя интересы города с государственной выгодой, он, по выражению Жоржа Эспина, «объединил город и взял его под опеку».

Мы засвидетельствовали то, как с 1308 по 1311 г. возрастало влияние Мариньи во фламандской политике. Мы видели, как он использовал свою все возрастающую осведомленность для того, чтобы обрести право голоса во время обсуждений и переговоров, относившихся к проблемам Фландрии. Но в течение 1311 г. произошло несколько событий, значимость которых мы хотели бы подчеркнуть, подводя итог нашим рассуждениям. Прежде всего в 1311 г. Мариньи превратился из личного советника короля по фламандским вопросам в его официального «наместника»; отныне он не просто оказывал влияние на королевскую политику, он отправился приводить ее в исполнение, управляя этим процессом на местах; в частности, он стал появляться среди фламандцев.

До сих пор его деятельность заключалась в составлении документов, исполнении поручений и в частных переговорах при папском дворе. В 1311 г. он открыто предстал перед графом, знатью и представителями городов. Мариньи не удовлетворился произнесением бесконечных речей перед толпой, чем с 1302 г. занимался Плезиан; наделенный широчайшими полномочиями, он начал переговоры с графом Фландрии и его сыном. Он даже преобразовал от имени короля целый город, назначив в нем эшевенгов.

Упомянутый на первом месте в тех нескольких документах, где он был назван не один, — нотариусом ли, местным ли хронистом, Людовиком Неверским или Филиппом Красивым, — наделенный достаточными полномочиями для того, чтобы вызывать в суд кого угодно и вести переговоры так, как он считал нужным, Мариньи в 1311 г. действительно стал настоящим министром по фламандским вопросам.

3. ПЕРЕДАЧА ЗЕМЕЛЬ ФЛАНДРИИ (1312 г.)

Продemonстрировав в Турне свое собственное могущество и силу французской королевской власти, Мариньи и в дальнейшем сохранил за собой в отношениях с Фландрией господствующее, хотя и не столь явно, положение. В большинстве случаев он если и не проявлял открытой враждебности графу, то, по крайней мере, изыскивал возможности добиться выгоды для короля в ущерб интересам графским. Оставив для следующей главы разъяснение целей и идей дипломата, поскольку подобное исследование не может разместиться в хронологических рамках данного обзора, мы изложим здесь факты, на основе которых Мариньи смог в 1312 г. присоединить к королевскому домену Лилль и Дуэ, а также, хоть временно, Бетюн, Неверскую и Ретельскую области.

В декабре 1311 г. Людовик Неверский предстал перед парламентом, согласно полученному ранее вызову, и потребовал вернуть ему графства. Мариньи, не имевший никакого отношения к парламенту, по всей видимости, не выступал на этом заседании, но не исключено, что он повлиял на выбор оратора со стороны короля, которым стал адвокат Рауль де Прель. Действительно, арестованный в 1315 г. вместе с Мариньи и его приближенными Рауль де Прель¹, видимо, был другом Ангеррана.

В ожидании обещанных заложников Людовика Неверского заключили в темницу. Он уже стал оплакивать участь, уготованную человеку столь высокого звания, как тут к нему пришел один человек и объяснил, что жаловаться ему как раз и не стоило. Кто же это был? Свидетельства источников разнятся. В своем воззвании от 14 апреля 1313 г. граф утверждает, что то был Гильом де Ногаре, который якобы сказал графу, что единственное, чего он мог опасаться, это остаться в тюрьме вплоть до суда, и ему следовало радоваться тому, что не произошло чего-нибудь похуже².

¹ В мемуаре судебной Палаты (*Mémoire concernant les Chambres de justice*; Archives nationales, U 956) на левом поле страницы 8 по поводу произведенных в 1315 г. арестов сообщается: «и среди других Рауль де Прель, знаменитый адвокат, из страха, как бы он не предоставил ему (Мариньи) возможности для защиты». Текст этого комментария на полях кажется нам вполне правдоподобным, судя по результатам проверки его точности; возможно, он был составлен при помощи не дошедших до нас хроник. Не разделяя мнения о том, что арест Преля был уловкой, направленной против Мариньи, мы все же полагаем, что они были в достаточно тесных отношениях.

² «И тогда сеньор Гильом де Ногаре ответил мне, что единственное, чего я мог опасаться, это остаться в тюрьме вплоть до дня суда, и мне следовало радоваться тому, что не произошло чего-нибудь похуже» («Tunc respondit mihi dominus Guillelmus de Longarz quod ego possem velle vel quod expediret mihi posse optare quod non incurrerem deterius seu graviolem penam quam essendi in tali prisione, usque ad diem Iudicii»); Arch. du Nord, B 1268, Godefroy 4938 et 4938 bis, Arch. d'Etat de Gand, Saint-Genois 1260 et 1311; éd. Th. de Limbourg-Stirum, *Codex* t. II, № 290, p. 217–227.

В докладной записке аналогичного содержания, озаглавленной «То, что мессир Неверский рассказал и хотел рассказать на земле и на совете во Фландрии»¹, сказано, что «мессир Гильом де Ногаре» якобы сказал Людовiku Неверскому, «что король, вполне вероятно, мог продлить ему срок вплоть до дня суда». Но, по свидетельству Жоффруа Парижского, Мариньи, отправившись навестить Людовика Неверского, сказал ему, что он должен был радоваться тому, что останется в тюрьме вплоть до дня суда, и что с его стороны было бы непростительной дерзостью требовать правосудия, совершив такое преступление²; Жан де Сен-Виктор также вкладывает в уста камергера очень похожие слова: графу не следовало тревожиться о своем графстве, а нужно было надеяться на то, что король сохранит ему жизнь³.

Естественно, что реплики, приписываемые Мариньи и Ногаре, в сущности, одинаковы. Следовательно, эти слова должен был произнести один из них. Общественное мнение, само собой, посчитало автором этого высказывания Мариньи, который в тот момент представлялся всем основной фигурой во фламандской политике короля.

Мы полагаем, что Мариньи, а не Ногаре, нанес Людовiku Неверскому этот отнюдь не дружеский визит. Конечно, сам главный персонаж, являясь заинтересованным лицом, обвинил Ногаре, но в данном случае необходимо обратить внимание скорее на полемический, чем на исторический характер воззвания от 14 апреля 1313 г. Чью поддержку в борьбе с королем хотел получить граф? Главным образом, понтифика. Ногаре тем временем скончался. Итак, задача оказалась простой⁴. Кроме того, сложившаяся ситуация позволяла оставить в покое Мариньи, который мог быть очень полезен во время последующих переговоров, а попытка очернить его в глазах Климента V, осыпавшего камергера милостями, рисковала оказаться по меньшей мере безуспешной. А недавно умершего Ногаре, при жизни немало досадившего папам, можно было с легкостью винить во всех грехах.

¹ Примерно 1314 г.; Arch. d'Etat de Gand, Saint-Genois 1309, дата по ошибке стоит на обороте карточки с 1304 г.; éd. part., Limbourg-Stirum, *op. cit.*, № 305, p. 256.

² Geoffroi de Paris, éd. A. Diverrès, p. 171.

³ «Пришел к нему Ангерран де Мариньи и сказал ему: Господин граф, вы не должны заботиться о вашем графстве, поскольку король окажет вам огромную милость, если сохранит вам жизнь» («Venit ad eum Enjorianus de Marigniac, dixitque ei: Domine comes, non curetis de vestro comitatu, quia Rex magnam gratiam vobis faciet si vivere vos permittat»); Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. I, p. 17, note.

⁴ Точно так же в 1320 г. Роберт Бетюнский стал уверять, что Мариньи пообещал ему вернуть три города, которые тот уступил согласно условиям Понтуазского договора, причем при жизни Ангеррана Роберт об этом не упоминал; *Grandes Chroniques*, éd. J. Viard, t. VIII, p. 350–351; Jean de Saint-Victor, éd. par Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. I, p. 127.

Это подтверждает то, что для Людовика Неверского гораздо выгодней было приписать высказывания Ангеррана Ногаре. Нам остается добавить, почему мы считаем возможным восстановить авторство Мариньи в данном случае и, следовательно, довериться Жоффруа Парижскому. Людовик Неверский сознательно допустил в тексте своего воззвания множество неточностей. Он якобы более трех месяцев дожидался вызова в суд в заключении в Монтлери; хотя Фанк-Брентано доказал¹, что граф никогда не был в этой темнице, поскольку его привезли из Море в Париж, чтобы 2 января 1312 г. он предстал перед судом, а 6 января он сбежал из своей парижской резиденции, где его держали под надзором, следовательно, он пробыл пленником в общей сложности менее месяца. Кроме того, по словам графа, его якобы специально поместили в тюрьму — Монтлери, — где до этого перерезали тамплиеров. Вся эта ложь предназначалась для того, чтобы взволновать аудиторию и разжалобить придворных понтифика, — ясно, зачем в эту мрачную историю была добавлена еще и фигура Ногаре. Впрочем, Ногаре очень мало занимался фламандскими делами, и не вполне понятно, зачем бы ему понадобилось в Париже ввязываться в историю с Людовиком Неверским. Наконец, стиль этого высказывания, в любой его версии, тот же, в каком произносились речи в Турне, а фраза «Король сделает вам огромное одолжение, если сохранит вам жизнь», несомненно, принадлежит тому же человеку, который 13 сентября предыдущего года ответил представителям фламандских городов, «что условия мирного договора не тяжелы, а снисходительны и милосердны, и так должно казаться всем из этой страны, учитывая то, сколько зла они причинили»².

В завершение рассказа о периоде неволи Людовика Неверского мы хотели бы дать краткое опровержение анекдотической истории, описанной в *«Хронике Нидерландов, Франции, Англии и Турне»*³: Мариньи якобы отправил шателену Монфокона запечатанный королевской печатью приказ тайно умертвить заключенных; шателен будто бы предупредил Людовика Неверского и позволил ему устроить пир для всей округи с тем, чтобы после его смерти люди молились бы за него; на пир собралось три тысячи человек, и, когда все напились, граф сбежал. Жан д'Утремез, рассказавший этот анекдот, даже уточнил, что Людовика Неверского вместе с его сыном должны были повесить на Рождество в 1311 г.⁴ Всем известно, что произошло на самом деле: отпраздновав вместе со своими друзьями чудо Богоявления, Людовик Неверский восполь-

¹ Fr. Funck-Brentano, *Philippe le Bel en Flandre*, p. 616–618.

² Archives du Nord, B 225, Godefroy 4794.

³ De Smet, *Recueil...*, t. III, p. 132–133.

⁴ Jean d'Outremeuse, éd. St. Bormans, t. VI, p. 94.

зовался тем, что оба охранявших его стражника были мертвецки пьяны, чтобы улизнуть¹. После своего прибытия в парламент он оставался в Париже. Таким образом, участие в этой истории шателена Монфокона — чистой воды выдумка, как и пир для трех тысяч человек, которые должны были молиться за спасение души графа, тогда как шателен готовился его умертвить тайком от всех. Наконец, Мариньи ничуть не пытался разжечь войну, на что намекает «Хроника Нидерландов...»: он высказывался против вооруженного конфликта, в этой связи мы обратимся к письму, адресованному им капеллану кардинала Орсини, Симону Пизанскому, и отнюдь не в его интересах было создавать условия, которые дали бы военным преимущество перед дипломатами².

Несмотря на это, мы согласимся со свидетельством тех же хроник о миссии Мариньи в Турне, куда он направился сразу после так или иначе состоявшегося побега Людовика. В данном случае речь шла о событиях местного значения, с которыми автор «Хроники Нидерландов, Франции, Англии и Турне», по всей видимости, смог ознакомиться гораздо лучше, чем с происшествием в одном из парижских особняков.

Седьмого января 1312 г. Филипп Красивый, удостоверившись в том, что Людовик Неверский сбежал, пригрозил Роберту Бетюнскому вызовом в суд пэров³, который вполне мог принять решение о конфискации графства Фландрии. Вызов в суд по назначению доставили два тринитария и два слуги, что, по мнению Фанк-Брентано⁴, означало объявление ультиматума. Затем король отправил Мариньи во Фландрию, чтобы тот выяснил у самого беглеца причины такого поступка. Королевский камергер выслал ему официальный вызов, и Людовик Неверский приехал в Турне, поселившись во «дворце Короны»⁵ на центральной площади, в то время как Мариньи остановился в монастыре Святого Мартина. Граф отправился в монастырь и был несказанно удивлен, увидев там вместо короля Ангеррана, «восседавшего, как король на троне, и окруженного десятью вооруженными людьми»; не поприветствовав его, он заявил:

«Где король или его наместник, который вызвал меня сюда?»

Мариньи на это ответил:

¹ Fr. Funck-Brentano, *op. cit.*, p. 618.

² По словам Жана д'Утремеза, Мариньи был виноват в разрыве отношений с... Ги де Дампьером; *loc. cit.*, p. 67.

³ Or. sc., Bibl. nat., Mélanges Colbert 348, № 79.

⁴ *Op. cit.*, p. 620.

⁵ Подобная деталь говорит о достоверности топографического указания.

«Это я вас вызвал сюда, чтобы вы объяснили мне причину, по которой вы покинули заключение без королевского на то разрешения».

Граф вспыхнул:

«Бесчестный предатель, я отчитаюсь перед королем, когда окажусь перед ним, но перед тобой — никогда!»

Поскольку, сказав это, он ушел, Мариньи вновь вызвал графа ко двору через пятнадцать дней. Затем он вернулся в Париж¹. Описанная сцена представляется нам вполне правдоподобной, в любом случае, не менее чем факт поездки Анггеррана в Турне после побега Людовика Неверского. Эта миссия, по всей видимости, состоялась сразу после побега, то есть примерно 15 или 20 января 1312 г.

В начале февраля суд вынес Людовику Неверскому приговор, несмотря на то что он отсутствовал на заседании. Гораздо позже он ссылался на то, что суд над ним был произведен совершенно постыдным образом: его не пригласили на заседание² и судили его недостойные люди³. И то, и другое — ложь. Он находился в бегах после того, как его неоднократно пытались держать под наблюдением, ожидая передачи заложников; впрочем, позже, противореча самому себе, он заявил, что король вызвал его в суд в должной форме, но что этот вызов так и не попал к нему в руки, о нем он якобы узнал от постороннего лица⁴; видимо, под этим разговором с посторонним он подразумевал миссию Мариньи.

Своими заявлениями о том, что его осудили, поправ все юридические нормы⁵, Людовик Неверский просто хотел склонить общественное мнение на свою сторону: его действительно осудили *extra ordinem*, как сказали бы в эпоху Поздней Римской империи, то есть по его делу было вынесено административное решение, в данном случае, уполномоченными королем членами Совета. Жалоба графа по этому пункту также не имеет под собой достаточных

¹ *Chronique des Pays-Bas...*, éd. de Smet, *Recueil...*, t. III, p. 133–134. — Жан д'Утремез воспроизвел эту историю, развив тему оскорблений, которые нанесли Мариньи Людовик Неверский; Jean d'Outremeuse, éd. St. Bormans, t. VI, p. 96–97.

² «Меня туда не вызвали» («Me ad hoc non vocato»); воззвание от 14 апреля 1313 г., Arch. d'Etat de Gand, Saint-Genois 1260; Limbourg-Stirum, *Codex...*, t. II, № 290, p. 218.

³ «Те... кто произвел этот суд, недостойные и презренные люди, и они не только не должны, но и не могут судить самых знатных людей...»; *ibid.*, p. 223.

⁴ «Мне рассказали, что король вновь меня вызывал... известив как обычно, и ни это письмо, ни вызов в суд ко мне не попали» («Relatum est mihi quod de novo rex me mandavit... cum intimatione solita, et licet dicta vocatio seu adjornatio ad me non pervenissent»); *ibid.*, p. 222.

⁵ «Презрев все юридические нормы»; *ibid.*, p. 223.

оснований. Его судили Ангерран де Мариньи, Гильом де Ногаре, Пьер д'Исси и другие члены Совета¹. Именно их он назвал людьми, не достойными его судить. Иными словами, эти люди не были равны Людовику Неверскому по своему социальному положению. Однако присутствия двух рыцарей в числе его судей было вполне достаточно, чтобы приговор мог вступить в силу, к тому же король облек их такой же властью, какой обладали судьи парламента. Следовательно, у графа не было веских оснований требовать, чтобы его судили равные ему по знатности люди, а не члены Совета². Но прежде всего он хотел дискредитировать своих судей, поэтому, низведя их до положения презренных королевских нахлебников, он перешел на личности: по его мнению, они не имели права судить вообще кого бы то ни было по причине собственной бесчестности; Мариньи все считали колдуном, который явно навел на короля свои чары, чтобы внушать ему любые свои решения; ни один высокопоставленный, ни один обеспеченный человек не смел и не мог ему перечить³; что же касается Ногаре, он был более открыт для критики, поэтому Людовик Неверский нашел что сказать о нем, даже не прибегая к обвинениям в колдовстве.

Несмотря на последовавший гневный протест графа, Мариньи, Ногаре и их коллеги приговорили Людовика Неверского как изменника к потере всех ленных владений и объявили о конфискации Неверской и Ретельской областей. Это произошло, скорее всего, в начале февраля, поскольку 17 февраля Мариньи и Ногаре уже находились во Вьенне.

После описанных нами событий король и его советники, участвовавшие в церковном соборе, несколько отвлеклись от решения фламандских проблем. Но, защищая интересы короля в деле об имуществе тамплиеров, Мариньи ни на миг не упускал Фландрию из виду и во время своего кратковременного визита к королю, находившемуся в Маконе⁴, графу Фландрии был направлен королевский приказ вернуть имущество некоему

¹ «По приговору Ангеррана де Мариньи, Гильома де Ногаре, рыцаря, Пьера д'Исси и некоторых других из Совета (*camere*)» («*Per iudicium Ingerranni de Marigni, Guillelmi de Longaret, militum, Petri de Isci et aliquorum camere sue*»); *ibid.*, p. 223–224. — Слово *Camera* можно в данном случае понять только как Совет, поскольку Ногаре не служил в королевской Палате и не относился к ведомству отеля.

² «Равными себе, а не членами Совета» («*Per suos pares et non per consilium camere*»); *ibid.*, p. 224.

³ «Все считали его за колдуна-волшебника... он говорил королю все, что хотел, зачаровывал его и вынуждал к добрым и злым поступкам» («*Pro quodam magico incantatore teneatur... dictum Regem quoorsum vult, sit ad fas vel ad nefas, trahit et seducit*»); *ibid.*, p. 223.

⁴ Примерно двое суток.

сеньору, у которого незаконно его конфисковали¹. Тем временем, дату вызова Роберта Бетюнского в суд перед королем и пэрами постоянно переносили.

В июне 1312 г. Мариньи последовал за Филиппом Красивым в Париж. Девятнадцатого июля графа Фландрии освободили от штрафа в 60 000 ливров, что свидетельствовало о некотором разряжении обстановки. В действительности это была обычная дипломатическая уступка, поскольку еще до 11 июля Роберт Бетюнский согласился с условиями договора, заключенного в Понтуазе, согласно которому к королю отходили Лилль, Дуэ и Бетюн в обмен на его отказ от 10 000 парижских ливров ренты — одно из условий, так и не выполненных, Атиского договора.

Мы не станем анализировать здесь прекрасно известный факт «передачи земель Фландрии»², а зададим себе единственный вопрос: какую роль в заключении одного из самых значительных договоров в истории Франции сыграл Ангерран де Мариньи?

Фанк-Брентано посчитал, что Мариньи являлся автором или, по крайней мере, главным вдохновителем «передачи земель Фландрии», но в подтверждение своему высказыванию не сослался ни на один источник, подразумевая, само собой, что такое активное участие Мариньи в заключении договора было в порядке вещей: поскольку, как предполагал Фанк-Брентано³ и как в этом труде показали мы, Ангерран был настоящим министром по делам Фландрии. Вполне возможно, что автор книги *«Филипп Красивый во Фландрии»* просто перенял ни на чем не основанное предположение Кервина де Леттенхова, по словам которого Мариньи воспользовался тем, что Людовик Неверский находился в плену, чтобы вынудить Роберта Бетюнского уступить французскому королю три города⁴, что, впрочем, хронологически абсолютно неправдоподобно.

Упоминания об этом мы нашли только в *«Больших Французских хрониках»*⁵, где этой теме посвящена единственная фраза, и у Жана де Сен-Виктора, который включил в свою работу более подробный рассказ⁶. Но об участии Мариньи в переговорах июля 1312 г. свидетельствует произошедший в 1320 г. инцидент, суть которого была изложена Жаном де Сен-Виктором и составителями *«Больших Французских хроник»*: Мариньи якобы дал графу «наде-

¹ Arch. du Nord, B 1268, Godefroy 4809.

² Fr. Funck-Brentano, *Philippe le Bel en Flandre*, p. 621 и далее.

³ Но в данном качестве он представляет Мариньи преемником Пьера Флота, что можно посчитать преждевременным выводом; *op. cit.*, p. 427.

⁴ Kervyn de Lettenhove, *Histoire de Flandres*, t. II, p. 181.

⁵ «И он посоветовал графу уступить их королю в обмен на указанную ренту»; *Grandes Chroniques*, éd. J. Viard, t. VIII, p. 350–351.

⁶ Рассказ приводится в описании событий 1320 г., см. *infra*.

жду на то, что он будет ходатайствовать перед королем о том, чтобы он вскоре вернул ему своей особенной милостью» три потерянных города¹. По крайней мере, именно это утверждал Роберт Бетюнский в 1320 г., заявив, что он подписал договор от 11 июля 1312 г. лишь на этом условии и что Мариньи обманул его, «подписав документы без упоминания об этой милости, и король оставил у себя эти города как свои собственные»². Именно поэтому, по рассказу Жана де Сен-Виктора, граф сказал, что ратифицирует договор только после того, как эти три города будут ему возвращены.

Это кажется нам более вероятным, чем рассказ как таковой, включенный в описание этого происшествия. На деле, граф сознательно выдвинул против Ангеррана лживое обвинение в мошенничестве: он прекрасно знал, что в договоре от 11 июля 1312 г., от которого он в ближайшее время отказался, составив специальную грамоту, но позже не упомянул об этом отказе, впрочем, формальном³. Но даже не отказываясь, граф 25 декабря 1313 г. утратил бы свое право на города, поскольку так и не выплатил штраф, наложенный на него Понтуазским договором. Следовательно, в недобросовестности графа не осталось сомнений. И в качестве поручителя за свои слова он выбрал того, кто уже не мог ему противоречить: он сослался на обещание Мариньи, который умер пять лет тому назад. Если Людовик Неверский выдвинул обвинение против Ногаре, поскольку оно звучало правдоподобно и за пределами государства, Роберт Бетюнский обвинил Мариньи, так как это никого не могло удивить⁴: здравствовавшие враги Ангеррана с

¹ *Grandes Chroniques, loc. cit.*, p. 351.

² *Ibid.* — Жан де Сен-Виктор также сообщает о том, что Мариньи якобы подтолкнул графа к решению уступить города королю: «чтобы он ради чести короля уступил эти города, пообещав, что будет ходатайствовать перед королем, чтобы тот вернул города своей особой милостью» («quod pro honore Regis quittaret villas illas, promittens, se facere apud Regem quod sibi restitueret de gratia speciali»); Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. I, p. 127.

³ «За исключением оказанной милости, о которой сказано выше, названные замки, города, шателенства и бальяжи Лилля, Дуэ и Бетюна с их округами вернуть нам и нашим наследникам, когда мы ему вручим в других местах земли доходностью в 10 000 ливров и прочее, о чем сказано выше. И от каковой милости мы отказывались и отказываемся ныне»; Arch. nat., J 559, № 19.

⁴ Нельзя провести полную параллель с обвинением, выдвинутым Людовиком Неверским, поскольку граф в Генте приписал Ногаре слова, в действительности произнесенные Мариньи в Париже. Напротив, Роберт Бетюнский при дворе короля в Париже обнаружил то, в чем он обвинял Мариньи. Обвинение 1313 г. должно было показаться правдоподобным посторонним людям; обвинение 1320 г. было рассчитано на свидетелей происходившего; это дает возможность опровергнуть факт сделанного втайне обещания с такой же легкостью, с какой на него ссылается обвинитель, но не отрицать дипломатическую деятельность главного королевского советника, которая для этих свидетелей была не в новинку.

радостью засвидетельствовали бы его двуличие; более того, при дворе всем было известно, что автором договора 1312 г. был Мариньи. В другой ситуации Роберт Бетюнский не осмелился бы предпринять подобных действий. Обещание Мариньи сделать все возможное, чтобы вернуть графу его города, само собой, выдумал сам граф, так как подписанные им 13 июля 1312 г. бумаги не оставляли ему никакой надежды. В любом случае, мы абсолютно уверены в том, что такая выгодная для французского монарха сделка, как Понтуазский договор, была делом рук Мариньи.

Добавим также, что факт присутствия Мариньи в Понтуазе во время предварительного обсуждения и заключения договора не вызывает более никаких сомнений. В июле 1312 г. в Понтуазе король пообещал возместить ему расходы, которое Ангерран выплатил с собственного имущества братьям де Сансеррам¹, а 12 июля, в промежутке между заключением договора и отказом графа выполнять статьи о передаче городов, Мариньи находился в Мобюиссоне, то есть на расстоянии нескольких сот метров от Понтуазы, где составлял акт о прощении для Ажена².

По словам Жана де Сен-Виктора, канцлер Фландрии отказался поставить свою подпись на договоре: таким образом, сказал он, граф лишал себя наследства³. Даже если это было не совсем так, по крайней мере, этот анекдот является отражением того, что в действительности думало и говорило о происходящем большинство высокопоставленных лиц при Фландрском дворе⁴. Копию договора графа тем не менее 1 августа 1312 г. получил не Ангерран⁵, а Ногаре. Так же верно и то, что обмен грамотами между Жераром де Фреленом и хранителем печати Филиппа Красивого состоялся в Этрепаньи⁶, тогда как король и Мариньи находились неподалеку, в Лоншане, как и то, что передача бумаг Ногаре была простой формальностью, с точки зрения дипломатии, не имевшей абсолютно никакого значения.

В Лоншан-ан-Лионе король поручил Гуго Пальяру и Пьеру де Галару заняться вопросом установления новых границ между Флан-

¹ Arch. nat., JJ 48, № 77, f. 45 v.

² Arch. municipales d'Agen, FF 131.

³ Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. I, p. 127.

⁴ Фанк-Брентано показал также и то, какие преимущества мог извлечь для себя граф из условий Понтуазского договора; Fr. Funck-Brentano, *Philippe le Bel en Flandre*, p. 622.

⁵ В противоположность утверждению Жана де Сен-Виктора: «Были им запечатаны и переданы Ангеррану» («fuerunt per alium sigillate et tradite Enjoranno»); Baluze, *loc. cit.*

⁶ 1312 г., 1 августа. — Этрепаньи; Arch. du Nord, B 256, Godefroy 4836.

дрий и Эн¹. Автором этого постановления стал, безусловно, Мариньи, который все еще сопровождал короля².

Если дипломатическая деятельность Мариньи во Фландрии в 1312 г. была не такой эффектной, как в сентябре и октябре 1311 г., от этого она стала лишь более результативной. Бурные переговоры в Турне утвердили превосходство камергера и сделали его известной личностью во Фландрии, но чтобы торжественно провозгласить непоколебимость суверенитета короля и могущества королевской власти, потребовалось приложить немало усилий, которые отнюдь не дали немедленного результата. Именно в 1312 г. политика Ангеррана, которая теперь выражалась в мирных обсуждениях проблемы — после очень вовремя прогремевшего в Турне грома, — наконец, принесла пользу королевству. Этот политический подход оказался еще более обременительным для Роберта Бетюнского; и теперь нужно было заставить уважать договор противника, которому было выгодно раздувать смуту.

¹ 1312 г., 31 июля. — Лоншан; orig. sc., Arch. d'Etat de Gand, Saint-Genois 1249; copies: Arch. du Nord, B 256, Godefroy 4835 et B 1584 (3e cartulaire de Hainaut), № 37, f. 31 v.

² 1312 г., начало августа. — Ла Фейи-ан-Лион; Arch. nat., JJ 48, № 72, f. 43 r., et № 75, f. 45 r.

ГЛАВА IX АПОГЕЙ ПОЛИТИКИ МАРИНЬИ

1. МАРИНЬИ, ГЛАВНЫЙ СОВЕТНИК КОРОЛЯ (1313 г.)

Когда летом 1312 г. Роберт Бетюнский вернулся во Фландрию, многие проблемы все еще оставались нерешенными. Статья Атиского договора об уплате долгов королю и плата за то, что горожане Брюгге не отправляются в паломничество, вызывала наибольшее количество противоречий, принимая во внимание то, что отношение короны к фламандским городам было далеко не одинаковым. В частности, Ипр много раз освобождался от необходимости производить выплаты в награду за верное служение королю, и 11 мая 1309 г. Филипп простил этому городу все оставшиеся невыплаченными задолженности¹. Другие города хотели вынудить горожан Ипра заплатить часть взыскиваемых денег, поэтому они обратились с жалобой к королю, после чего Роберт Бетюнский был вызван в парламент². Этот спорный вопрос не был разрешен и в 1312 г., так как 5 ноября граф получил указание явиться в суд в марте 1313 г., чтобы выступать в качестве ответчика по делу о жалобе горожан Ипра, которых хотели вынудить принять участие в выплатах за отказ брюггских горожан отправиться в паломничество³.

Необходимо учесть немаловажную роль Ангеррана де Мариньи в улаживании дел в пользу Ипра. Безусловно, в тексте трех названных нами документов его имя не упоминается, впрочем, как и имя любого другого королевского советника. Но нам известно, что личные интересы Мариньи были связаны с этим городом и что он стал ходатайствовать о разрешении вопроса в пользу Ипра по собственной инициативе. Именно он, о чем мы уже упоминали, в качестве посредника при дворе Филиппа Красивого и Эдуарда II добился того, что к торговцам Ипра не стали применять мер, суровость которых в 1313–1314 гг. после заключения франко-английского союза смогли ощутить на себе фламандцы, и дали им возможность спокойно торговать в Англии. Нужно также принять

¹ Original, Arch. d'Etat de Gand, Saint-Genois 1199.

² 1310, 1 октября. — Chartres; Arch. gén. roy. Belg., Très. ch. 2130.

³ Муниципальные архивы Ипра; Diegerick, *Inventaire...*, № 302.

во внимание то, что эти торговцы, поддерживавшие дипломатические и коммерческие отношения с Ангерраном, были не кто иные, как защитник (*avoué*) и главные советники города. В этих обстоятельствах не остается никаких сомнений, что настойчивое желание короля защищать интересы Ипра появилось под воздействием уговоров Мариньи.

Такие же споры разгорались и вокруг других вопросов: соблюдение и сохранение в силе Понтуазского договора, о факте заключения которого уже сожалел Роберт Бетюнский; необходимость остановить Людовика Неверского, который не сложил оружия, колесил по имперской Фландрии и пытался разжечь восстание против короля Франции и французов.

Четырнадцатого апреля 1313 г. в Генте Людовик Неверский приказал зачитать воззвание к папе, которое он самостоятельно перевел; на следующий день оно же было адресовано императору¹; этот документ мы уже рассматривали: в нем не было нападок на Мариньи, хотя именно он был основным ответственным за заключение графа. Но все это позволяло предполагать, что фламандцы не станут поддерживать мир с особым рвением.

Двадцатого июня 1313 г. Климент V отправил Николя де Фревилю письмо с очень интересным содержанием²: папе стало известно о намерениях Людовика Неверского расторгнуть мирный договор; поэтому он поручил кардиналу, находившемуся в то время во Франции в качестве посла по вопросу о крестовом походе³, сделать все возможное для того, чтобы избежать начала войны, которая задержала бы начало крестового похода, и наделил его широчайшими полномочиями. Здесь следует упомянуть о том, что Николя де Фревиль, будучи одним из королевских приближенных, в 1313 г. принимал участие в праздновании Троицына дня и расхваливал придворным идею крестового похода. В этот период между 1 и 14 июня Климент V наделил привилегиями Жерве дю Бю и Робера де Мариньи, по просьбе Ангеррана⁴. Последний должен был третьего июня находиться в Париже, так как сложно даже представить, чтобы он не присутствовал на праздниках, во время торжественного открытия дворца, посвящения в рыцари королевских детей и, помимо прочих, Луи де Мариньи, и, кроме того, на приеме в честь английской царствующей четы, который он сам подготовил. Он не мог

¹ Первый документ датирован 14 апреля 1313 г.; здесь использован хронологический стиль Благовещения, так как эта дата не может существовать по Пасхальному стилю, где 1313 г. начинается 15 апреля 1313 г. и заканчивается 6 апреля 1314 г.; Arch. d'Etat de Gand, Saint-Genois 1260; Limbourg-Stirum, *Codex...*, t. II, № 290, p. 217–227.

² 1313 г., 20 июня. — Грозо; Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. III, p. 122–123.

³ «Нунций во Французском королевстве по делу о Святой Земле», так он сам себя поименовал 26 июля 1313 г.; Arch. nat., J 560 A, № 3.

⁴ *Regestum*, t. VIII, p. 181, № 9294, et p. 188, № 9331.

быть в Бедарриде 1 и 14 июня. Таким образом, оба прошения доставил кто-то из его людей: обычно он не поручал их курьерам или слугам, а передавал самостоятельно¹, поэтому, вероятно, на этот раз он послал с поручением к папе свое доверенное лицо, одного из писцов или коллег; возможно, это был человек, об интересах которого Ангерран радел в одном из этих прошений, его капеллан Жерве де Бю? Так, отсутствие упоминаний о короле Англии в «Романе о Фовеле» говорит о том, что его автор не был при дворе в конце мая и в начале июня 1313 г. Впрочем, как бы то ни было Мариньи никого не послал в Лангедок за двумя привилегиями того же порядка. Какое совпадение: в то же самое время Климент V принял у себя доверенного человека Мариньи, который сообщил, что в лагере Людовика Неверского наблюдаются волнения и было бы целесообразно, чтобы разрешению фламандских дел поспособствовал кардинал церкви Св. Евсевия, то есть кузен Ангеррана. Вывод напрашивается сам собой.

Легат организовал конференцию представителей короля и фламандцев 22 июля в Аррасе. Теоретически он все так же действовал в качестве папского посла по делу Святой Земли, доказательством чему является представленная 26 июля копия буллы (*vidimus*), о которой мы упоминали выше². Хронисты называют имена разных легатов: Гослен Дюзе, если верить «Истории и хроникам Фландрии»³, или Арнольд Ахенский, согласно «Хронографии»⁴, причем и то и другое далеко от истины. Таким образом, мы не слишком доверяем подробностям изложенного в этих хрониках рассказа о конференции⁵.

Короля представляли Людовик д'Эврё, Людовик де Клермон, Ги де Сен-Поль и Гоше де Шатильон, упомянутые легатом лишь в последнем акте⁶, но также Жиль Асцелин, архиепископ Руанский, Ангерран де Мариньи, Пьер де Галар и Тома де Морфонтен, проводившие переговоры с Робертом Бетюнским⁷ и с представителями городов, среди которых нужно отметить горожан Ипра: защитника Пьера Ангилы и городских советников, в частности Андре Бротерлама и Гильома ле Вагенера, протеже Мариньи⁸.

¹ Остальные переданные ему буллы относятся к периоду его пребывания на папском дворе.

² Or., sc. détaché, Arch. nat., J 560 A, № 3; éd. Limbourg-Stirum, *Codex*., t. I, № 25, p. 88.

³ Ed. Kervyn de Lettenhove, Recueil..., t. I, p. 300.

⁴ Ed. Moranville, p. 212–213.

⁵ В первой из них, например, сказано, что Климент V умер во время правления Людовика X; Kervyn de Lettenhove, Recueil..., t. I, p. 306.

⁶ 1313 г., 31 июля. — Appas; Arch. nat., J 560 A, № 4.

⁷ Th. de Limbourg-Stirum, *Codex*., t. II, № 25, p. 236–239.

⁸ 1313 г., 21 июля. — Ипр; Arch. nat., J 560 A, № 6, pièce 29.

Королевские представители потребовали, чтобы фламандцы разрушили свои крепости и выделили необходимый королю отряд из шестисот человек. Услышав это, граф со всей резкостью ответил, что у короля очень плохие советчики, после чего покинул залу. С ловкостью дипломата Фревилль убедил его послать к королю своих представителей и тех, кто занимался делами городов, но Филипп Красивый, которому передали слова графа, отказался принять этих людей. Тем не менее переговоры продолжались, и речь на них главным образом шла об укреплениях, которые жители Ипра с необыкновенным пылом пообещали снести, причем на это уже согласились горожане Брюгге. Наконец, граф и его сын, Робер Кассельский, поклялись поддерживать мир.

Какую роль в произошедшем сыграл Мариньи? Может показаться, что не слишком важную, но необходимо тем не менее учитывать малое количество и неточность существующих исторических источников. Нам неизвестно, кто говорил от имени короля. Что касается советов, данных графу тремя рыцарями¹, мы не можем согласиться с мнением, высказанным на этот счет Фанк-Брентано², нам кажется, что предупредили его, скорее всего, граф Эврё или граф Сен-Поль, Мариньи и Галар. Суждение Фанк-Брентано об их словах требует некоторого уточнения: эти советы, очевидно, не относились к вопросу о первопричине фламандской проблемы, но если они «не могли коснуться самого источника зла»³, то, скорее всего, и не претендовали на это. Нам кажется, что рыцари не собирались искать решения проблемы, они всего лишь хотели намекнуть Роберту Бетюнскому, чтобы он изменил свое отношение к данному вопросу на такое — пассивное, — которого от него ожидали, предварив свой совет общими фразами о любви к миру...

Также в 1313 г. Мариньи, по-прежнему с Николя де Фревилем, занялся и другим делом: крестовым походом. Что он в действительности думал об этой затее? Она была абсолютно невыгодной по двум причинам: как всякая военная кампания, она бы предоставила ведение дел в королевстве преимущественно знати, то есть главным образом принцам, что противоречило личным интересам камергера; кроме того, она бы повлекла за собой немалые траты и не принесла государству никакой пользы, как показал опыт Людовика Святого. Таким образом, отнюдь не Мариньи стал причиной того, что 6 июня 1313 г. французские сеньоры дали обет

¹ После того как Роберт Бетюнский поклялся соблюдать мир, три рыцаря короля дали ему несколько советов по поводу дальнейшего поведения графа. Советы были также вручены Роберту в письменной форме. — *Прим. ред.*

² Он считает, что речь шла о графах Эврё, Клермона, де Сен-Поля и о коннетабле, то есть о четверых; *op. cit.*, p. 636.

³ *Ibid.*, p. 638.

крестоносцев после проповеди кардинала де Фревиля¹. Кардинал выступал в качестве папского легата по делам Святой Земли, и трем присутствовавшим королям² не оставалось ничего, кроме как ответить согласием. Мариньи пересмотрел свою политику так, чтобы извлечь из сложившейся ситуации как можно больше преимуществ для королевства, где король принял крест, чьему примеру, безусловно, последовал.

Ловкий маневр позволил ему сначала получить поддержку папы в противостоянии Роберту Бетюнскому и добиться направления Фревиля в Аррас: достаточно было упомянуть о том, что сложности с Фландрией задержат отправление экспедиции на Святую Землю и, возможно, нанесут всему предприятию непоправимый урон³. Также, чтобы отсрочить начало крестового похода, Мариньи обратил всеобщее внимание на другую, впрочем, реальную опасность: недостаток субсидий.

В конце 1313 г. папа обратился к королю с просьбой предоставить для участников похода галеры. Именно тогда, как и в первый раз, когда он высказывался о владениях имуществом тамплиеров во Вьенне, Мариньи вновь пошел наперекор мнению большинства участников Совета. Несмотря на то что советники согласились на просьбу папы, Мариньи и король отвели Пьера Барьера в сторонку, и камергер поведал ему о затруднениях короля, иными словами, о причинах, по которым он не собирался платить: расходы, связанные с войнами в Гаскони (!) и Фландрии, посвящение принцев в рыцари и прием короля и королевы Англии, подготовка войска для войны во Фландрии, снабжение вооружением принца Тарентского и т. д. Для поставки галер необходимо было бы взять необходимую сумму из денег, полученных от сбора десятины, которых, впрочем, не доставало. Папе, таким образом, следовало бы разрешить королю еще раз собрать десятину или выплатить ему какую-нибудь субсидию... Филипп Красивый и Мариньи посоветовали Пьеру Барьеру донести эти слова до слуха папы. Он передал все в точности, посчитав, что Мариньи более всего стремился воплотить в жизнь все желания папы⁴. Результатом этой миссии стала ссуда в 160 000 флоринов, предоставленная королю Климентом V.

На примере другой миссии, доверенной теперь уже Реньо де Сен-Бёву, становится понятно, насколько велико было могущество Мариньи. Об этой миссии остались лишь упоминание в заголовке

¹ *Grandes Chroniques*, éd. J. Viard, t. VIII, p. 288.

² Филипп Красивый, Эдуард II и Людовик Сварливый.

³ «Во избежание... бесчисленных опасностей, издержек, растрат и непоправимого вреда для Святой Земли»; булла от 20 июня 1313 г., Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. III, p. 123.

⁴ J. Schwalm, *Neues Archiv...*, t. XXV, 1900, p. 564–566.

счета от 23 ноября 1314 г.¹ и в его неполной копии², из которых мы узнаем, по какому маршруту следовал Реньо, чтобы попасть из Парижа в Лион³. Счет был озаглавлен следующим образом: «Вот опись расходов на некоторые нужды рыцаря короля⁴ на пути следования его в Лион, по приказу короля, данного в присутствии сеньора де Мариньи...» Миссия, приведшая Реньо де Сен-Бёва в Лион, о которой мы ничего не знаем, относится к февралю 1314 г. Вероятно, ее выполнение каким-то образом было связано с переводом епископа Гишара на кафедру Дьяковара в Боснию, решение о котором, согласно мнению современников, имеющему под собой веские основания, было принято под влиянием доводов Мариньи⁵ Климентом V в промежутке от 23 января до 14 марта 1314 г. Но, приводя пример с данной миссией, мы хотели главным образом показать, что король поручил эту миссию одному из своих рыцарей в присутствии Мариньи, так как это обстоятельство оказалось настолько важным, что было отражено в счете. Складывается впечатление, что Мариньи, вероятно, благодаря своей неограниченной власти в области финансов, полностью контролировал действия Филиппа Красивого в последние месяцы его правления начиная с 1313 г.

После рассказа о двух миссиях, о которых мы упомянули, чтобы завершить рассмотрение значимости фигуры Мариньи в 1313 г., то есть в промежутке между двумя периодами напряженной дипломатической деятельности, камергер Филиппа Красивого предстал перед нами как настоящий король (*regulus*), чьи деяния спешили описать все хронисты. Мы также показали, какую малую значимость порой придавали сам король и Мариньи решениям Совета; Пьер Барьер утверждал, что советники были не в курсе важнейших финансовых и дипломатических вопросов, которые решались с учетом личных интересов Ангеррана. Даже Пьер Барьер, — свидетельство которого особенно важно, так как он был прекрасно знаком с происходившим при дворе, в Совете и с методами правления короля и, кроме того, вряд ли слишком благосклонно относился к Мариньи, испытывая симпатию к Ногаре, — написал: «Ангеррану известно о всех тайных делах короля»⁶. Наконец, нам известно,

¹ Ch.-V. Langlois, *Inventaire d'anciens comptes royaux*, p. 338, № 2621.

² Bibl. nat., nouv. acq. fr. 3295, f. 17 v.-18 r.

³ Жуани, Оксер, Везеле, Мулен, Шарлье.

⁴ Это имя, по всей видимости, невозможно было прочесть в оригинале, с которого в XVIII в. в Санкт-Петербурге сделал копию Гюстав Бертран, неверно датировав его 1313 г.; но его сходство с надписью на *Inventaire* Робера Миньона позволило восстановить имя этого рыцаря.

⁵ «По причине перевода папой на другую кафедру на предстоящий срок»; Jean de Saint-Victor, dans *Hist. Fr.*, t. XXI, p. 644.

⁶ «Сеньору Ангеррану известно о всех тайных делах короля»; J. Schwalm, *Neues Archiv*., t. XXV, 1900, p. 564.

что Мариньи давал наставления Барьеру в присутствии короля, но не было и намека на контроль Филиппа над поступками своего камергера, так как спустя несколько недель король дал ответственное поручение Реньо де Сен-Бёву в присутствии Мариньи: совершенно очевидно, что речь здесь шла о тесном сотрудничестве в управлении делами.

Политика Мариньи уже не производила такого явного фурора, как в 1311 и 1312 гг. Но сведущим людям было понятно, что в 1313 г. Мариньи находился на пике власти. Он был уже не просто министром по делам Фландрии, которые оказались в его ведении между 1308 и 1310 гг.; в сферу его деятельности помимо фламандских районов попали папство и, в какой-то степени, Империя. С другой стороны, расширяя свои полномочия камергера, он добился возможности управлять финансами королевства. Таким образом, к концу 1313 г. он уже мог лично или через своих людей управлять практически всеми делами короля. Опережая и в некоторых случаях вовсе не допуская исходящие из Совета идеи до короля, Ангерран де Мариньи стал его главным советником, а, учитывая то, что он не ограничивался лишь советами, — главным министром Филиппа Красивого.

2. КОНКЛАВ И ВОЕННЫЙ ПОХОД В 1314 Г.

Разделяя с королем верховную власть в области принятия важных решений дипломатического и финансового порядка, Мариньи рано или поздно, в любом случае, не упустил бы возможности проводить собственную политику. Было бы преувеличением растягивать хронологические рамки этого периода подобно тому, как это сделали историки XVII и XVIII вв., доверившись свидетельствам хронистов XVI в.; в памяти которых сохранился лишь кульминационный момент деятельности Ангеррана, но также нельзя отрицать того, что на протяжении двух последних лет правления Филиппа он обладал необычайным могуществом. И в 1314 г., получив всю выгоду, какую только можно было извлечь из служения королю, Мариньи начал проводить свою политику, сочетающую интересы короля с его собственными, впрочем, очень ловко, и свои первые робкие шаги в русле этой новой политики он сделал в 1312 г. во Вьенне.

Мариньи стал более терпимым по отношению к фламандцам, и это изменение тактики короля, отмеченное Фанк-Брентано¹, легко объясняется необходимостью сохранить ту выгодную, но очень неустойчивую позицию, которая была обретена после заключения Понтуазского договора. Учитывая неизменно враждебное отношение

¹ Fr. Funck-Brentano, *Philippe le Bel en Flandre*, p. 648–649.

Роберта Бетюнского и Людовика Неверского, необходимо было заручиться поддержкой городов во избежание конфликта, который поставил бы под удар все предыдущие политические завоевания. Именно поэтому жителям Брюгге 26 апреля 1314 г. объявили, что привилегии, дарованные горожанам Гента, Ипра и Поперинга, никоим образом не повредят их правам, которые они уже собирались отстаивать. Таким образом, была подтверждена солидарность городов Фландрии, а городам, которым ранее всех сделали послабления в выплатах, предоставили еще одну отсрочку, для того чтобы не вызывать раздражения у сторонников короля. Доля выплаты Гента, Ипра и Поперинга не увеличилась, но уменьшилась сумма, взыскиваемая с Брюгге. Письмо, в котором жителям Брюгге была засвидетельствована королевская милость, написали по распоряжению Мариньи и Латильи, что следует из формулировки, подобной которой нельзя было встретить во времена влияния Ногаре: «Per vos et dominum Marregniaco»¹. Но в данном случае пострадали интересы Роберта Бетюнского. При дворе он пожаловался на то, что его обманули, и отказался продолжать переговоры до тех пор, пока ему не вернут три города; кроме того, он заявил, что деньги были уплачены Мариньи². Это совершенно неправдоподобно, так как граф не мог собрать эту сумму — при том что ежегодные выплаты практически невозможно скрыть — в 1313 г., точно так же, как не смог этого сделать за семь лет! С другой стороны, еще сложнее представить себе, что граф заплатил некоторую сумму в погашение этого долга в надежде вернуть себе города, не потребовав никакой расписки. Наконец, граф Фландрии отказался от этих упований, подписав договор 13 июля 1312 г. Вероятно, нужно считать это всего лишь одной из ошибок в поздних хрониках.

Таким же образом мы объясним то, что в «Хронографии» и «Историях и хрониках» рассказывается о событиях, относящихся к 1313 г., как если бы они произошли годом позже в Аррасе, учитывая, что кардинал-легат не мог там присутствовать летом 1314 г. во время заседания конклава³.

В Эльшене состоялась встреча Мариньи с Людовиком Неверским (дата неизвестна)⁴, затем, в конце июня 1314 г.⁵, Мариньи побе-

¹ Arch. du Nord, B 254, Godefroy 4941.

² «Деньги, которые предназначались в уплату по мирному договору, были уже выплачены, и Ангерран де Мариньи, камергер короля, их получил и присвоил», хроника, авторство которой приписывают Жану Денуэлю, в книге *Hist. Fr.*, t. XXI, p. 196. — Та же история в книге *Chronicon Flandriae* d'Andrien de Budt, éd. par J.-J. de Smet, *Recueil...*, t. I, p. 314.

³ *Istorie et croniques...*, éd. Kervyn de Lettenhove, t. I, p. 301–302; *Chronographia...*, éd. Moranville, t. I, p. 217; старинные хроники Фландрии, в книге *Hist. Fr.*, t. XXII, p. 399–401.

⁴ Cant. Dottignies, arr. Courtrai, Flandre occidentale, Belgique.

⁵ Arch. du Pas-de-Calais, A 324.

седовал с братом Симоном Пизанским, которому он позже написал письмо, намекая на эти две встречи. О чем же шла речь? Мариньи прежде всего стремился к тому, чтобы во Фландрии воцарился мир, и советовал Людовику Неверскому прекратить сеять смуту. Но в июле фламандцы захватили потерянные в 1312 г. территории и, потерпев неудачу под Турне, стали готовиться к осаде Лилля¹.

Именно тогда, 30 июля 1314 г., Мариньи отправил письмо Симону Пизанскому, капеллану Наполеона Орсини, кардиналу-диакону церкви Св. Адриана, доверенному лицу Людовика Неверского². Автор этого послания предстает перед нами не «сторонником заключения мира любой ценой, слишком уверенным в себе, чтобы казаться провидцем», как выразился Ж. Пти³, а проницательным человеком, с насмешкой наблюдающим за попытками дипломатического шантажа, которые тайный агент Людовика Неверского предпринимал для того, чтобы напугать его, заставив поверить в неиссякаемость мощи Фландрии. Для обоих собеседников переговоры были предпочтительней войны, но брат Симон попытался обмануть королевского камергера, чтобы захватить первенство в диалоге.

Мариньи действительно получил ответное письмо брата Симона, в котором он сообщает, что фламандцев обуревают желание драться. Безусловно, подобный пыл поддерживает в них летняя жара, заявил камергер. Результаты переговоров в Аррасе не стоит обнародовать во Фландрии в данной ситуации. Не стоит этого делать и в Париже, поскольку французы также ждут не дождутся настоящей драки. В таком случае лучше подождать 15 августа, будет не так жарко... Впрочем, Людовик Неверский вскоре увидит настоящую сущность фламандцев и тогда пожалеет, что не послушал Мариньи⁴. Что же касается планов внезапной атаки на французские города, к чему они приведут, станет ясно, когда армия будет сформирована; брат Симон может и не верить Мариньи, но он все же должен посмотреть правде в глаза⁵. Королевство не готово к тому, что его будут делить: Людовик Неверский поймет это, как только вернет себе Лилль и Дуэ! О претензиях Людовика Неверского на корону Германии Симон Пизанский написал, что они вот-вот завершатся успехом, что все

¹ Jean de Saint-Victor, dans Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. I, p. 108; Gilles Le Muisit, éd. Lemaître, p. 83, etc.

² Orig., arch. du Nord, B 257, Godefroy 4834; см. *Cartulaire, actes*, № 12. Фанк-Брентано исправил допущенный предыдущими издателями недочет в отношении года, но сохранил ошибочную дату 25 июля; Funck-Brentano, *Philippe le Bel en Flandre*, p. 656, n. 3. — См. также: Limbourg-Stirum, *Codex...*, t. II, № 288, p. 211–213.

³ J. Petit, *Charles de Valois*, p. 141.

⁴ Возможный намек на новую политику Франции по отношению к фламандским городам.

⁵ Совершенно невозможно представить себе Мариньи в роли пацифиста, мечтающего добиться мира любой ценой!

уже давно улажено и остается только заплатить, что не составит никаких проблем. Грешно рассказывать подобные небылицы; Мариньи лучше чем кому бы то ни было известно, как у фламандцев обстоят дела с деньгами, людьми и могуществом. Кроме того, он прекрасно знает, что об этом думают электоры. Поэтому пусть брат Симон впредь воздержится писать ему чепуху такого рода:

«Никогда больше не пытайтесь писать мне таких глупостей, как вы уже мне написали. Храни вас Господь от этого».

Не похоже, что это ответное послание составил наивный человек, и еще менее того — предатель, как посчитали некоторые исследователи, а Бутарик, основываясь на их высказываниях, предположил, что это письмо — подделка, составленная врагами камергера, желавшими дискредитировать его¹. Так и Молинье, ни разу, по собственному признанию, не видевший этого письма, посчитал его сфабрикованным². Мы же тем не менее убеждены в его подлинности.

В действительности приведенные Бутариком доводы разрушают его же гипотезу. Желая дискредитировать Мариньи с помощью подложного документа, недоброжелатели должны были бы подделать расписку, отправленную камергером Роберту Бетюнскому, или что-нибудь в таком же духе, но не письмо, которое, как точно заметил Фанк-Брентано, доказывает «абсолютную верность Мариньи» королю³. Это послание говорит о его убежденном желании заключить мир, несмотря на протесты знати, не желающей отказаться от войны.

Впрочем, это письмо не является автографом Ангеррана. Судя по стилю, написал его человек, который умел составлять подобные документы в начале правления Филиппа Красивого или даже раньше; это не Ангерран и не составитель его картулярия, но этот же человек написал многие акты Мариньи⁴. Подписано письмо, само собой, не Ангерраном, поскольку последняя строчка послания гласит «со слов господина де Мариньи»; все письмо, и содержание, и подпись, написано одно рукой. Заметим, что его не переписывали. Три встретившиеся в тексте ошибки можно объяснить только тем, что письмо писали под диктовку. Два раза писец поторопился, пропустив одно или несколько слов. Вероятно, не успевая за быстрым темпом диктовки, он в спешке написал: «...и их от этого

¹ *Archives des missions scientifiques et littéraires*, 1865, p. 315–316.

² *Les sources de l'Histoire de France*, t. III, p. 227.

³ *Op. cit.*, p. 663.

⁴ *Cartulaire, actes*, № 7, 8 et 10.

пылкость от этого уменьшится», сразу же зачеркнув первое «от этого». Подобная ошибка появилась на следующей строчке, причем продиктованное слово и то, которое записал писец, поставив его с опозданием, но все же на свое место, просто одинаковы по звучанию: «...вы пока еще не осмелились заговорить об этом (parlé) затронуть эту тему (touche; sur les paroles)», причем слово-повтор parlé он тотчас же зачеркнул: либо Мариньи уже продиктовал «paroles», и писец ошибся, либо Мариньи повторился при диктовке. Третью ошибку писец допустил, опустив слово «те», но приписал его над строчкой, так как без этого слова фраза теряла смысл: «...из них вы — именно те, кому он хорошо заплатит». Такую ошибку мог допустить только человек, очень быстро писавший под диктовку, у которого не было времени на то, чтобы разобраться в написанном. Невозможно представить себе, что человек, скрупулезно составляющий поддельный компрометирующий документ, смог бы допустить подобные ошибки. Следовательно, письмо Ангеррана де Мариньи Симону Пизанскому аутентично и принадлежит перу одного из писцов камергера.

Этот документ имеет для нас особенное значение, поскольку является доказательством не только верности Мариньи королю, но и ловкости, а также широчайшей осведомленности Ангеррана. В июле 1314 г. он полагал, что демонстрация военной мощи неизбежна и даже необходима, так как она подготовила бы выгодную позицию для дальнейших переговоров. Практически все шаги, предпринятые Ангерраном в конце августа, описаны и объяснены в его письме от 30 июля. Чтобы ускорить события, он провел незаконный сбор налогов и 1 августа добился от короля согласия на то, чтобы жители Парижа помогли собрать войско для похода против фламандцев. В августе целая армия, разделенная на четыре колонны, двигалась по направлению к Дуэ, Сент-Омеру, Турне и Лиллю. Двадцатого числа приговоры об отлучении фламандцев от церкви были оглашены в Турне, где находились Карл Валуа и Мариньи, а также граф Маршский, командовавший одной из колонн.

Двадцать четвертого августа Жан Намюрский отправился в аббатство Пре-Порсен¹, где встретился с Мариньи. Там, конечно же, состоялись предварительные переговоры, в которых, по предположению Артонна², принял участие и Симон Пизанский. Мариньи настоятельно потребовал, чтобы фламандцы сняли осаду Лилля³.

¹ Это установил Фанк-Брентано; Funck-Brentano, *Philippe le Bel en Flandre*, p. 660, п. 1.

² А. Артоннэ, *Le mouvement de 1314...*, p. 17.

³ «Господин Жан, граф Намюрский направился в женский монастырь, расположенный близ Турне, и приехал туда Ангерран, чтобы провести с ним переговоры, говорили они как о перемирии и мирном договоре, так и о том, что фламандцы

Перемирие было установлено, граф Валуа и Карл Маршский вместе с Мариньи отправились на встречу с командующими остальными войсками в Орши¹. Именно тогда было решено начать переговоры. Карл Валуа и его племянники, король Наварры и Карл Маршский, рвались в бой² и старались помешать Мариньи осуществить его миротворческие планы. Но Ангерран заручился поддержкой короля, кроме того, на его стороне был Людовик д'Эвре, самый искусный дипломат среди принцев. Карл Валуа напрасно пытался доказать, сколь малое значение придавали фламандцы недавно заключенным договорам, но Мариньи просто не обратил на это никакого внимания³.

Переговоры, помимо Мариньи, проводили графы Сен-Поль и Эвре⁴, но в действительности этим вопросом занимался один Ангерран, встречаясь попеременно с представителями то фламандской, то французской стороны⁵, следовательно, по всей видимости, нужно было, чтобы с условиями договора согласились оба графа. Участие Людовика д'Эвре и Ги де Сен-Поля в переговорах, состоявшихся близ Лилля, в Маркетте, не играло абсолютно никакой роли⁶. Третьего сентября Жан Намюрский и Ангерран де Мариньи заключили соглашение⁷, которое Карл Валуа, находившийся в Турне, заверил 6 сентября⁸, гарантировав, что король вскоре ратифицирует этот документ. Немаловажен тот факт, что договор заверил Карл Валуа, а не Людовик д'Эвре, лишившийся авторитета и потерявший какую бы то ни было значимость в глазах Мариньи. Король ратифицировал этот договор 10 октября в Сен-Дени⁹.

Итак, воины вернулись во Францию, ни разу не обнажив мечей:

должны были снять осаду...» («Venit dominus Johannes, comes Namurcensis, in monasterio monialium prope Tornacum, et ibi ivit Ingelrannus cum eo tenere parlamentum, et tantum ibi fuit prolocutum de treugis et de pace quod Flandrenses a sede recesserunt...»); Gilles Le Muisit, éd. Lemaitre, p. 83.

¹ *Ibid.*

² «Перемирие и мирный договор... этим брат короля вовсе не был доволен»; *Chronique tournaisienne*, loc. cit.

³ Fr. Funck-Brentano, *Philippe le Bel en Flandre*, p. 660; A. d'Herbomez, Notes et documents..., dans la *Bibliothèque de l'École des chartes*, t. LIX, 1898, p. 496; J. Petit, *Charles de Valois*, p. 140–141.

⁴ Continuation de Guillaume de Nangis, éd. Géraud, p. 411.

⁵ «То с фламандцами, то с галлами встречался...» («Nunc ad Flamingos, nunc ad Gallicos recurrendo...»); Jean de Saint-Victor, dans Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. I, p. 108.

⁶ Мы не учитываем здесь сказку, плод изобретательного ума Людовика Неверского, которую приводит в своем труде Фанк-Брентано, показывая при этом, что она лишена каких бы то ни было фактических оснований; Funck-Brentano, *Philippe le Bel en Flandre*, p. 667.

⁷ Arch. nat., J 561 A, № 24, et Bibl. nat., Mélanges Colbert 348, № 96 bis; éd. Fr. Funck-Brentano, Additions au Codex..., *Bibl. de l'École des Chartes*, t. LVII, 1896, p. 560–564.

⁸ Bibl. nat., Mél. Colbert 348, № 96.

⁹ Bibl. nat., Moreau 496, f. 289–291.

«И когда было предложено наступать на Фландрию и на фламандцев, по решению Ангеррана, коадьютора и правителя Французского королевства, короля Филиппа и графа Неверского, сына графа Фландрии¹, этот Ангерран удержал и завернул войско, которое, ничего не предпринимая, бесславно и без всяких почестей вернулось во Францию»².

Этого было вполне достаточно для того, чтобы договор стал откровенно непопулярным, а знать возненавидела Мариньи. Повсюду стали говорить об измене. Жан де Сен-Виктор утверждает, что Мариньи якобы уверил короля в том, что фламандцы вот-вот снесут все свои крепости³. Впрочем, в договоре, подписанном Карлом Валуа, об этом не упоминалось, и мы ранее уже поднимали вопрос о новой политике Французского государства по отношению к городам: о разрушении крепостей, которое только наметилось, в Маркетте ничего не было сказано. Несмотря на это, Мариньи обвинили в том, что он позволил себя подкупить: он якобы получил 200 000 ливров⁴, а в Экуи фламандцы отправили телеги, груженные сукном⁵. Нам это отнюдь не кажется правдоподобным: если бы эти деньги заплатили Мариньи, чтобы заручиться его содействием и добиться прекращения кампании, не совсем понятно, как бы об этом стало известно широкой публике, тогда как ни граф, ни Мариньи не были бы в этом заинтересованы; кроме того, во время судебного процесса Ангеррана обвинили лишь в том, что он получил от Людовика Неверского «два бочонка с серебром и множество драгоценностей»⁶, но подобные подарки всегда преподносили на встречах столь высокого уровня; кроме того, если бы существовало хоть малейшее подтверждение истории о 200 000 ливров, враги Ангеррана не преминули бы рассказать ее во время суда, тем более что, как мы видим, судебный обвинитель Жан Аньер был прекрасно осведомлен о происходившем во Фландрии.

¹ Двое последних, как нам кажется, принимали в этом вопросе не самое деятельное участие.

² *Grandes Chroniques...*, éd. J. Viard, t. VIII, p. 302.

³ Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. I, p. 109.

⁴ А не 20 000, как написал Ж. Пти; J. Petit, *Charles de Valois*, p. 140, n. 8.

⁵ Сформулированное Жоффруа Парижским обвинение: он взял у них двести тысяч ливров, как всем известно; а также множество сукна. (éd. A. Diverès, p. 210) — подхватил Жан де Сен-Виктор: «он получил... огромное вознаграждение, несомненно, двести тысяч ливров... однако, кроме того, фламандцы направили Ангеррану в Экуи множество повозок, груженных сукном» («recepta..., maxima pecunie quantitate, scilicet ducentis milibus librarum... Flamingi tamen, hoc facto, plures quadrigas, pannis onustas, Enjoranno apud Escoias transmiserunt»); Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. I, p. 109.

⁶ *Grandes Chroniques*, éd. J. Viard, t. VIII, p. 308.

Несомненно лишь то, что Ангерран извлек выгоду из заключения мира и что фламандское сукно появилось на ярмарке в Экуи в сентябре 1314 г.

Сукно из Фландрии в Экуи
Привезли на его ярмарку,

написал Жоффруа Парижский¹, и именно так должны быть истолкованы слова Жана де Сен-Виктора²: сукно не было доставлено в замок Ангеррана в Экуи в качестве подарка, как посчитал Фанк-Брентано³; его продали на ярмарке, что обеспечило Мариньи некую единовременную прибыль, — но Ангерран не получал этого сукна в подарок от графа. Впрочем, нам прекрасно известно, что Мариньи, как и сам король, оказывал покровительство городам, особенно Ипру, жители которого поставляли сукно на ярмарку в Экуи⁴. Случившееся нельзя считать доказательством измены, поскольку ни граф, ни его сын не имели к этому никакого отношения: можно, единственно, сказать, что Ангерран был лично заинтересован в заключении мирного договора.

Была ли для него в этом деле личная выгода превыше интересов короля? Анализ формулировок заключенного в Маркетте соглашения не позволяет сделать такого вывода. Конечно, к Людовику Неверскому вернулись Неверская и Ретельская область, а Робер Касельский вышел на свободу. Но взамен король вновь обрел шателенство в Куртре. Договор о «передаче земель Фландрии» был ратифицирован. Людовик Неверский, наследник Фландрии, пообещал выдать свою дочь Жанну за одного из сыновей Людовика д'Эвре, к чему Мариньи стремился с 1311 г.; его старший сын, Людовик, должен был жениться на дочери графа Эвре, а до момента бракосочетания передавался заботам последнего: таким образом, после смерти Людовика Неверского Фландрии было уготовано оказаться в руках принца, воспитанного при французском дворе, а затем — во власти его дальнего родственника Филиппа Храброго. Мариньи, вероятно, думал, что при таком положении вещей Фландрия непременно должна была перейти в полное подчинение королю, а со временем, вполне возможно, и присоединиться к домену короны. Пример с бургундскими Валуа заставляет нас усомниться

¹ Ed. A. Diverrès, p. 210.

² Этот отрывок из «Рифмованной хроники» Жоффруа Парижского перевел Жан де Сен-Виктор, но из перевода исчезло уточнение «на его ярмарке», что дало возможность неправильно истолковать латинский текст.

³ *Philippe le Bel en Flandre*, p. 663.

⁴ Заверенная королем копия об учреждении ярмарки сохранилась в Ипре; Diegerick, *Inventaire...*, № 305.

в правомочности первого предположения, но мы не можем, тем не менее упрекнуть Мариньи в том, что он об этом не догадывался...

Мариньи, бесспорно, сумел блестяще воссоединить интересы короля со своими собственными. Но, как бы то ни было, как только представилась такая возможность, он немедленно изъявил готовность к заключению перемирия, кроме того, он созвал целую армию, лучше чем кто бы то ни было зная, чего это стоило французам, но позже не позволил ей одержать победу, в которой тем временем был абсолютно уверен, когда писал Симону Пизанскому. Мы считаем, что для подобной спешки могло быть две причины: близость начала ярмарки в Экуи, которая открывалась 8 сентября, а фламандские торговцы располагали временем лишь только для того, чтобы успеть приехать на нее, и, несомненно, проведение конклава.

Двадцатого апреля 1314 г. умер Климент V. Если верить Жофруа Парижскому, Ангерран, узнав о его кончине, прослезился:

И Мариньи Ангерран
Сильно плакал о нем¹.

Впрочем, это похоже на правду. Ангерран был близко знаком с папой, к тому же его смерть могла очень невыгодно сказаться на будущей политике Филиппа Красивого и, в частности, его камергера. Тем временем конклав отнюдь не подходил к концу. В начале лета стороны все еще не могли прийти к согласию, поскольку итальянцы поддерживали кандидатуру Вильгельма де Мандагу, к избранию которого негативно относились французы и гасконцы. Лишь один кардинал мог бы стать посредником между противоборствующими сторонами — Николя де Фревилль, к которому итальянцы были благожелательны. Но после бурно прошедшего конклава в Карпантресе, то есть с мая, кардиналы разъехались, не договорившись о месте будущего собрания, так же как и об имени избранника.

Филипп Красивый надеялся на избрание Николя де Фревиля, который некогда был его исповедником. Нужно ли говорить, что Мариньи желал своему кузену того же? Король и его советник намеревались приложить все усилия к тому, чтобы добиться его избрания. Когда начались переговоры по поводу места проведения конклава, вмешался король. Поскольку итальянцы не соглашались ехать в Авиньон, гасконцы — в Лион и абсолютно все — в Карпен-трас, король предложил предоставить право решить этот вопрос комиссии из трех кардиналов: ими должны были стать француз и итальянец, избранные своими соотечественниками, а также Фревилль, по выражению короля, озвучивавший его волю².

¹ Ed. A. Diverres, p. 200.

² «Кто выражает с нами одно желание» («Qui nobiscum in eadem voluntate concurrat»); письмо короля кардиналам, примерно середина августа; Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat,

Андре Сапиту, английский посланник, находившийся среди кардиналов, предупредил Эдуарда II о том, что по поводу избрания Николя де Фревиля папой не осталось никаких сомнений. Четырнадцатого августа он сообщил о том, что Филипп Красивый открыто оказал Фревилю свою поддержку, и посоветовал своему господину действовать так же, чтобы впоследствии казалось, что кардиналы избрали папой при содействии как короля Франции, так и короля Англии: таким образом, Эдуард II не будет ничем обязан Филиппу Красивому¹. Тридцать первого августа Сапиту объявил, что комиссия в предложенном Филиппом Красивом составе собиралась назвать город, а у Николя де Фревиля оставались все шансы стать папой, поскольку представители противоборствующих сторон сошлись в решении избрать именно его². Поэтому он настоятельно советовал своему господину поддержать эту кандидатуру, чтобы привлечь на свою сторону папу и короля Франции, представив дело так, как будто выборы произошли благодаря королю Англии, равно как и королю Франции³.

Филипп Красивый действительно ратовал за избрание Фревиля, но находился слишком далеко, поскольку не мог поехать на конклав так же, как он ездил на церковный собор во Вьенне. Но в первой декаде августа, когда французское войско пересекало Фландрию, Мариньи вызвался поехать на конклав лично, чтобы обеспечить успех своему кузену. Действительно, 14 августа Сапиту сообщил, что из Франции пришли письма для кардиналов — написанные не королем — с просьбой обозначить место выборов, а также отложить сами выборы примерно до праздника Всех Святых, поскольку один из королевских сыновей и Ангерран де Мариньи собирались приехать сразу по окончании фламандской кампании⁴. Мы уже видели,

t. III, p. 242 (издатель ошибочно датировал это письмо сентябрем, поскольку оно было написано немного раньше послания А. Сапиту от 31 августа, о котором мы упоминаем ниже).

¹ «Чтобы показалось, что его избрали при таком же содействии с вашей стороны, как и со стороны короля Франции» («Ita quod videatur creatus ad instantiam vestram sicut domini regis Francie prefati»); письмо, написанное А. Сапиту; 1314 г., 14 августа. — Авиньон; Public Record Office, Anc. Corr., XXXIV, № 177; copie, Bibl. nat., Moreau 694, f. 63 v.-64 r.; éd. Ch.-V. Langlois, *Le fonds de l'Ancient Correspondance... dans le Journal des savants*, nouvelle série, t. II, 1904, p. 450–451.

² «Теперь очевидно, что кардиналы из всех партий проголосуют совершенно точно за него, и все считают, что он станет папой» («Nam apparet quia utraque pars cardinalium elegit eum pro certo, et sic est communis opinio quod fiet Pappa»); письмо, написанное А. Сапиту; 1314 г., 31 августа. — Авиньон; Public Record Office, Anc. Correspondence LV, № 47; Bibl. nat., Moreau 694, f. 70 v.

³ «Чтобы казалось, что его выбрали как благодаря королю Франции, так и благодаря вам» («Ita quod videretur electus ad preces vestras sicut ad preces ipsius Regis Francie»); *ibid.*, éd. Ch.-V. Langlois, *loc. cit.*, p. 450.

ехать сразу по окончании фламандской кампании¹. Мы уже видели, чем закончился совместный визит во Фландрию двух братьев и сыновей Филиппа Красивого, один из которых сам был королем, а также Мариньи, когда члены королевской семьи просто подписали или были вынуждены подписать то, что указал им камергер. Следовательно, Мариньи собирался приехать и вынудить кардиналов избрать Фревиля, взяв с собой для большей солидности сына короля. Это вмешательство, кстати, могло оказаться не лишним. Кардинал де Фревил, которого прекрасно воспринимали итальянцы и часть французов, не очень нравился гасконцам. Впрочем, по рассказу Сапити, они согласились голосовать за Фревиля, но лишь учитывая королевскую волю; они надеялись, что Филиппу Красивому станет известно о том, что они сделали такой выбор специально для него и что, не будь он столь благосклонен к Фревилю, они не стали бы за него голосовать². Кардиналы, которые были только рады последовать чьему-нибудь указу, перенесли, в ожидании лучшего, дату открытия конклава с 1 сентября на 1 октября³.

Становится понятно, почему Мариньи несколько поторопил завершение фламандской кампании. В начале августа он попросил кардиналов или передал им свою просьбу отложить начало конклава, зная, что 1 сентября он будет занят. Первое октября, предложенное кардиналами, все же должно было наступить слишком скоро, и необходимо было как можно быстрее заканчивать все дела с Фландрией. Уже 30 июля, когда было написано письмо брату Симону, Мариньи решил начать переговоры, но он, по всей видимости,

¹ «Из Франции пришли письма с просьбой обозначить место выборов, а также отложить сами выборы примерно до праздника Всех Святых, поскольку один из сыновей короля Франции и сеньор Ангерран де Мариньи собирались приехать практически сразу по завершении дел во Фландрии к кардиналам...» («Circa de Francia venerunt littere continentes quod ordinetur locus et electio differatur per aliquod tempus circa festum omnium Sanctorum, quia unus de filiis domini regis Francie, et dominus Ingerandus de Marigniaco, posito negotio Flandrie, in aloquo certo puncto quod asserunt esse debere in brevi, venient ad dominos cardinales...»); письмо, написанное А. Сапити; 1314 г., 14 августа; *loc. cit.*

² «Другие же, которые не торопились соглашаться, по всей видимости, желая, чтобы королю Франции стало известно о том, что они решились выбрать брата Николая согласно его настоянию, и без настоячивых просьб господина короля, они не стали бы за него голосовать» («Alii, qui nondum expresse consentiunt, videntur velle quod rex Francie cognoscat plene quod ad ejus instanciam consenciant in eundem fratrem Nicolaum, in quem sine dicti domini Regis precibus intimis nullatenus consentirent»); *ibid.*

³ «Кардиналы перенесли дату открытия с первого дня сентября на первый день октября» («Cardinales prorogaverunt primam diem septembris usque ad primam diem octobris proxime futurum»); автор письма А. Сапити; 1314 г., 31 августа; *loc. cit.* — Это решение приняли во второй декаде августа, но письмо «из Франции» было написано Мариньи или по его просьбе примерно в начале месяца, то есть через несколько дней после письма Симону Пизанскому.

должен был начать их только после победы или, по крайней мере, после демонстрации мощи королевской армии. Необходимость присутствовать на конклаве в октябре вынудила его несколько потропить события: 3 сентября в Маркетте он заключил с Жаном Намюрским соглашение, которое Карл Валуа ратифицировал 6 сентября, и тогда же во Францию «бесславно» вернулось войско. Но Мариньи не изменил королю, более того, он радел за его интересы, подготавливая прежде всего кульминацию своей дипломатической деятельности: избрание своего кузена преемником Климента V. Современники, конечно же, почувствовали силу его тщеславия, и поэтому, поскольку истина со временем исказилась, Жан де Конде представил Филиппа де Мариньи тем самым счастливым кандидатом, которого поддерживал Ангерран:

Он хотел архиепископа Санского,
Который был его братом,
Сделать папой...¹

Возможно, на пике своей карьеры, Мариньи был движим еще одним чувством: чувством признательности к тому, кто, как мы сказали, в нужное время оказался в нужном месте и помог, если не сказать позволил, юному Ангеррану начать свою деятельность при дворе короля. Но признательность, как и королевские интересы, двигали Мариньи исключительно одновременно с его собственной выгодой.

Мы не знаем, состоялось бы это путешествие или нет. Смерть короля и крах камергера лишили Фревиля шанса быть избранным. Не вдаваясь в размышления о том, что могло бы быть, все же позволим себе предположить, что, если бы король не умер, Мариньи благодаря своей предприимчивости стал бы арбитром европейской политики; благорасположение к нему короля усилилось бы за счет того доверия, что испытывал бы к нему папа, и наоборот. Двойные имперские выборы октября 1314 г. обеспечили бы как папе, так, следовательно, и Мариньи возможность оказывать значительное влияние на историю Империи.

Уже это подготавливало крах Ангеррана, но в то время никто не мог предвидеть такого поворота событий. Мариньи вполне мог поздравить себя с быстрым и абсолютным успехом, поскольку в истории смутных времен вряд ли можно подыскать много подобных примеров.

¹ Jean de Condé, *Li dis du seigneur de Maregny*, vers 194–196, éd. par Aug. Scheler, *Dits et contes*., t. III.

3. РОЛЬ МАРИНЬИ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИЛИППА КРАСИВОГО (1307–1314 гг.)

В рамках обсуждения роли Ангеррана де Мариньи во внешней политике короля необходимо выяснить, что действительно являлось заслугой Мариньи, а также как и в каких областях развивалась его деятельность. Таким образом, мы последовательно рассмотрим идеи дипломата, средства, которые он использовал для достижения своих целей, рост его влияния, изменение характера его политики и, наконец, подведем окончательный итог.

Вначале мы предполагали отдельно проанализировать политические взгляды камергера, но нам пришлось отказаться от этой затеи: в соответствии с результатами отложенного на потом (*a posteriori*) исследования, которое мы провели на основе голых фактов, не обращаясь к неизвестной нам в целом сфере идей Ангеррана, мы были вынуждены заключить, что у нашего героя не было никаких политических убеждений. Впрочем, это и неудивительно: как мы не раз говорили, Мариньи никогда не был ни теоретиком, ни легистом. Ему, человеку дела, сформировавшемуся в действии и обладающему огромным опытом, который приобретался им постепенно, по мере роста его компетентности, были чужды юридические теории и любые предвзятые мнения. Для этого «эмпирика» существовала только одна действительность: интересы короля, финансовая, домениальная, экономическая выгода, а также в какой-то мере личное благосостояние. Именно в соответствии с материальной выгодой он выстраивал свою дипломатическую деятельность, стремясь добиться нужного результата и используя для этого любую возможность. Естественно, что при столь прагматичном методе работы Мариньи часто было необходимо обладание широкими полномочиями, неременным атрибутом его относительно неустойчивой политики — стоит только вспомнить о предложениях, которые он одно за другим делал Людовику Неверскому в августе 1311 г., — и что порой ему приходилось совершать явно противоречивые поступки, как, например, по отношению к фламандским городам в 1314 г. или по отношению к французам, когда он начал переговоры, не позволив французской армии напасть на фламандцев, хотя и грозил этим несколькими неделями ранее в письме к Симону Пизанскому.

Очень часто его влияние в экономической и финансовой сферах определяла его политическую и дипломатическую деятельность. Этим объясняется то, что он предпочел переговоры военным действиям, выступил против имперской политики короля в 1314 г., а также то, какое решение он для себя принял в отношении имущества тамплиеров и крестового похода. Несомненно также, что личные амбиции Ангеррана во многом определили неоднократно продемонстрированный им пацифизм, что нам *a priori* доказывает письмо к Симону Пизанскому,

текст которого не позволяет заподозрить его автора в малодушии. Ангерран стремился укрепить позиции короля, чтобы тем самым облегчить задачу посланникам, проводившим переговоры. При этом нужно было избежать необходимости начинать военные действия, которая на некоторое время предоставила бы командующим армией, в первую очередь принцам, преимущество над дипломатами и, в частности, над Мариньи, что исключительно неблагоприятно повлияло бы на его политический вес. Мир, установить который было непросто, а поддерживать еще сложнее, был все же предпочтительней войны, которая свела бы на нет все полученные преимущества и лишила бы Мариньи власти.

Описать в общих чертах процесс роста влияния Мариньи довольно легко. По воле обстоятельств и короля он занялся делами Фландрии, но, необходимо заметить, что он попал в эту сферу политики во многом потому, что ею в то время не интересовались те, с кем молодой камергер при всем желании не смог бы помериться силами, то есть легисты. Последовав, например, за Ногаре, Мариньи надолго остался бы безвестным исполнителем чужих приказов. Лишь отличившись в той политической области, которую на тот момент никто из власть имущих не считал своей «вотчиной», Мариньи смог увеличить свое влияние и чуть позже начать конкурировать с Ногаре.

Решение фламандских проблем привело Ангеррана к довольно плотному общению с папским двором, с которым он контактировал также и в качестве камергера. Именно тогда его заметил Климент V. Это, по всей видимости, произошло не только благодаря дипломатическому таланту Ангеррана, его блестящим умственным способностям, в которых он никогда не давал повода сомневаться, или внушаемой им симпатии. Папе также необходимо было поддерживать дружественные отношения со двором Филиппа Красивого, и союзников в этом деле он стал искать среди новых людей.

Итак, в начале своей политической деятельности, примерно с 1307 по 1310 г., Мариньи предстает перед нами пока еще в скромной роли королевского советника. Более того, он был всего лишь исполнителем, не обладавшим никакими полномочиями, помимо определенных миссий, и чаще всего ему представлялась возможность поучаствовать в самых незаметных делах.

Но вскоре осведомленность Мариньи и приобретенные им связи как при папском дворе, так и в Совете, позволили ему развить бурную деятельность в вопросах, не имевших никакого отношения к Фландрии. Речь идет о разбирательствах относительно имущества тамплиеров, коронации Генриха VII и заключении с ним договора. О Мариньи стали говорить. Теперь он уже мог предпринять попытку — причем удачную — превзойти и заменить Ногаре. Король в его лице получил дипломата, пользовавшегося особой милостью

Климента V, следовательно, гораздо более полезного, чем Ногаре, Плезиан или Колонна, ожесточенность которых уже порядком надоела Филиппу IV, не говоря уже о том, что она не могла принести ему никакой пользы. Впрочем, у Мариньи была, по крайней мере, одна веская причина заняться хотя бы одним из вопросов, находившихся в ведении понтифика: дело об имуществе тамплиеров прежде всего, представляло собой финансовую операцию, для проведения которой он подходил гораздо больше, чем канонисты или казначеи, которые не имели никакого понятия о дипломатии. Наконец, напомним, что госпитальеры, несомненно, указали Мариньи на выгоду, которую он мог извлечь для себя из этого предприятия, и именно это повлияло на то, с какой ловкостью и как блистательно он завершил это дело, — впрочем, к огромному удовольствию короля.

Нужно отметить, что Мариньи никогда не занимался вопросами из сферы запиренейской политики. Двадцать девятого февраля 1312 г. арагонские посланники во Вьенне впервые сообщили своему господину о деятельности «некого рыцаря Ан Герра»¹, а в документах, отражавших переговоры по поводу Аранской долины, которые завершились в пользу Арагона в 1313 г., ни разу не упоминались имена ни Мариньи, ни других привычных участников встреч с фламандцами или понтификом.

Камергер стремился утвердить свое превосходство в руководстве фламандскими делами. Ведь в 1311 г. для него уже и речи быть не могло о том, чтобы оставаться скромным советчиком короля и смиренно выполнять его приказы. В Турне, как и в Понтуазе, в Аррасе и близ Лилля Мариньи, пользовавшийся полным королевским доверием, несомненно, являлся главой французской дипломатии, обладая как правом поступать на свое усмотрение, так и широчайшими, порой неограниченными полномочиями. Мариньи на деле, даже если это не было зафиксировано юридически, выступал от имени короля. Политический курс, который он проводил во Фландрии, был утвержден не Советом, а королем, но это одновременно был и политический курс Ангеррана де Мариньи, проводимый от имени короля и с его согласия.

Неудивительно, что у Мариньи, насколько мы можем судить по редким документам неофициального характера², были собственные взгляды, личные интересы, свой дипломатический и политический подход, которые он ловко сочетал с государственными интересами.

¹ Н. Finke, *Papsttum...*, t. II, p. 277.

² Если бы в нашем распоряжении не было трех писем Сапити, нам бы пришлось лишь догадываться о том, какое влияние Мариньи оказал на решение конклава. Впрочем, скорее всего, существовали десятки подобных писем.

Характеризуя участие Ангеррана де Мариньи в политике Филиппа Красивого, необходимо прежде всего выделить именно то, что в любых обстоятельствах он оставался верен королю и был достоин его доверия. Безусловно, он был лично заинтересован в исходе дела о тамплиерах в пользу госпитальеров, но, в любом случае, нет никаких сомнений в том, что передача имущества упраздненного ордена госпитальерам была наиболее выгодна для королевской власти. Сомнения, которые по рассмотрении всего шестилетнего периода деятельности Мариньи в сфере фламандской политики могли возникнуть только лишь по поводу событий лета 1314 г., развеялись, когда мы убедились в том, что интересы короля в данном случае были полностью соблюдены и что условия заключенного в Маркетте договора были выгодны для французского государя. Именно в этой связи Фанк-Брентано написал: «Сомнений в безукоризненной верности Мариньи просто не могло возникнуть»¹.

В отношениях с Эдуардом II и Маго д'Артуа Мариньи действительно был абсолютно независим от своих обязанностей по отношению к Филиппу Красивому, хотя его поступки и в данном случае никогда не шли вразрез с ними. Правитель иностранного государства и крупный феодал просили у него, опытного советника короля Франции, совета и помощи присутствием или действием.

Наконец, отметим, что Мариньи мало-помалу стал наравне со своими коллегами занимать руководящее положение во время дипломатических миссий. До начала 1313 г. мы стали свидетелями того, как Мариньи стал вытеснять Ногаре, Людовика д'Эвре и, в меньшей степени, Плезиана. После смерти хранителя печати в апреле и Плезиана в ноябре 1313 г. Мариньи противопоставил себя двум группам дипломатов, время от времени выступавших в качестве королевских посланников: принцам, над которыми он приобретал все более явное превосходство, что, должно быть, вызывало их сильнейшее недовольство, и его сотрудникам, таким, как аббат Сен-Медара из Суассона или Ален де Ламбаль, которые согласились подчиняться ему или терпели его владычество.

В заключение исследования дипломатической деятельности Ангеррана де Мариньи необходимо подвести некий итог. Что осталось в 1315 г. от плодов его стараний? Что стало с ними потом?

Некоторые политические чаяния Мариньи не оправдались: заключенное в Маркетте соглашение, очевидно, не разрешило фламандский вопрос, и многие основные проблемы в дальнейшем очень часто замалчивались; не состоялось избрание Николя де Фревиля. Но нужно ли напоминать о том, что вины Мариньи в этих неудачах

¹ Fr. Funck-Brentano, *Philippe le Bel en Flandre*, p. 663.

нет? Отчасти их причиной является преждевременный уход советника от дел. Своим избранием Фревилль был бы обязан королю и Мариньи, и вполне естественно, что он не был избран из-за смерти одного и политического краха другого. Что же касается фламандской политики, Ангерран не предполагал, что скажет в Маркетте последнее слово по этому поводу. Он хотел выиграть время и, конечно же, вынашивал множество других планов в отношении Фландрии. Нельзя забывать о том, что мы даем свою оценку незавершенному творению.

Но, бесспорно, итог этот не столь уж неутешителен. Передачу имущества тамплиеров госпитальерам, которая в действительности была исключительно выгодна для короля, можно без преувеличения назвать блистательной сделкой. Старые проблемы с папством, разбирательства по которым теперь уже могли быть выгодны только некоторым нечистоплотным персонажам, скорее искусно замолчали, чем разрешили¹, что во многом оздоровило отношения короля с папой и позволило получить поддержку понтифика в делах с Империей, Фландрией и даже с французским епископатом².

Несмотря на сложности с выполнением условий Атиского договора, на недовольство и возмущение отдельных лиц, в течение десяти лет удавалось избежать войны. Это было результатом дипломатической деятельности Мариньи Жоффруа Парижский написал:

Все договоры и перемирия,
Которые были заключены в прошлом
Во Фландрии, — его заслуга³.

Которая, как мы уже сказали, основывалась не на малодушной наивности, а на солидной поддержке. Желание сохранить мир, конечно же, исходило из глубины души Ангеррана, но прежде всего необходимость этого подсказывал ему опыт финансовой и экономической деятельности. Если бы даже война не повергла в прах обе противоборствующие стороны, она бы очень дорого стоила и одним и другим; следовательно, гораздо предпочтительней было сохранить мир и тем самым поддержать экономическое процветание страны, а также получить возможность воспользоваться процветанием противника, завязав с ним торговые отношения: такого политического курса придерживался Мариньи по отношению к Фландрии и, главным образом,

¹ Булла «*Rex gloriae*» предписывала оставшимся свидетелям по делу Бонифация VIII дать показания, но об этом более никогда не вспоминали.

² Хотя вина Гишара не была доказана, Ангерран добился от папы разрешения перевести его на другую кафедру, поскольку пребывание во Франции для него более не представлялось возможным.

³ Éd. A. Diverrès, p. 210.

к фламандским городам. Наконец, именно благодаря ему к Франции на период более полувека были присоединены Лилль, Дуэ, Бетюн и затем Орши¹.

Итак, мы не погрешим против истины, если скажем, что на протяжении последних лет правления Филиппа Красивого за бóльшую часть внешнеполитических вопросов отвечал Ангерран де Мариньи, и, судя по результатам, это был умелый политик, «светлый ум»² и сведущий дипломат.

¹ Орши король получил в обмен на Бетюн в 1322 г.; три города были возвращены Фландрии в 1369 г. с целью ускорить заключение брака между Филиппом Храбрым и Маргаритой Фландрской.

² Fr. Funck-Brentano, *Philippe le Bel en Flandre*, p. 663.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КРАХ

ГЛАВА X ПРИЧИНЫ НЕМИЛОСТИ

1. ВРАГИ МАРИНЫИ

Как у любого находящегося у власти человека, у Ангеррана де Мариньи были враги¹; он стремительно взлетел вверх по карьерной лестнице и получил широчайшие полномочия, которые стали мешать честолюбивым планам самых высокопоставленных людей в королевстве. Смерть Филиппа Красивого обнажила множество скрытых обид, и зависть нескольких знатных персон привела Ангеррана к гибели. Во время судебного процесса поэт Жан де Конде написал прекрасные строки:

Возможно, его свергли
За гордость и подозрительность,
Но жизни он лишился
По большей части, из-за зависти².

Эта же тема повторяется в «Дороге ада и рая»:

Если б вдруг не стало меня,
Сказала Зависть, Ангерран
Де Мариньи был бы еще жив...³

Безусловно, это и стало основной причиной падения Ангеррана, и, как мы увидим в следующей главе, этому утверждению нельзя противопоставить мало-мальски серьезных доводов. Зависть была прерогативой крупных феодалов и принцев; опасаться же непопулярности в народе камергеру не стоило, поскольку простолюдины не могли причинить ему никакого вреда.

Его попрекали не только чрезмерным политическим могуществом, но также быстро нажитым огромным состоянием, которому, что ничуть не удивительно, особенно завидовали соседи Мариньи, нор-

¹ Здесь мы упомянем только врагов Мариньи во Франции. О влиянии графа Фландрии на решение суда мы расскажем, анализируя ход судебного процесса.

² *Li dis du seigneur de Maregny*, vers 213–216; éd. Aug. Scheler, *Dits et contes...*, t. III, p. 267–276.

³ Bibl. nat., français 1543, f. 104; éd. par Ant. Thomas dans l'*Hist. litt. de la France*, t. XXXVI, p. 90.

мандские и пикардийские сеньоры¹. Также было множество тех, кто был лично обижен на Ангеррана, и чем знатнее был человек, тем серьезней казалось ему нанесенное камергером оскорбление: посланники, во время дипломатических миссий находившиеся на третьих ролях, советники, мнения которых не выслушали... Наконец, всех раздражала чрезмерная амбициозность Ангеррана, о чем свидетельствуют хронисты; Жан де Конде, вполне возможно, искренне писал:

Он хотел архиепископа Санского,
Который был его братом, сделать папой,
А сам он затем захотел сделаться императором²,

а Жоффруа описал не его амбиции, а, скорее, реальное могущество Мариньи в стихах, которые мы уже ранее цитировали:

Поскольку в его ведении
Находились и король, и королевство, и папство.
Все они были в его руках;
Он вертел ими по своей воле...³

Поэтому вполне понятно, что все принцы, пэры и магнаты королевства мечтали умерить эти амбиции и при удобном случае положить им конец.

Отнюдь не всегда мы можем сказать, почему тот или иной человек считал себя врагом Мариньи, что еще раз подтверждает высказанное нами ранее предположение: деятельность Ангеррана была намного разнообразней, чем мы могли себе ее представить, основываясь на сохранившихся от того времени документах. Поэтому враждебность графов Гастона I де Фуа и Бернара VI д'Арманьяка, о которой мы узнали из произведений Жоффруа Парижского⁴, абсолютно необъяснима для нас, поскольку на протяжении всего нашего исследования мы никогда не сталкивались с этими персонажами.

Неудивительно, что Ферри де Пикиньи считал себя противником Мариньи, так как он соседствовал с Ангерраном в Нормандии и Пикардии⁵. Помимо обычной досады причиной неприязни Пикиньи могло быть также и то, что Мариньи не особенно торопился выполнить обещания, данные им после приобретения Кондрена и Фальюэля⁶: Мариньи выплаты из казны превратил в ассигнованную

¹ *Grandes Chroniques*, éd. J. Viard, t. VIII, p. 304.

² Jean de Condé, *loc. cit.*, vers 194–146.

³ Geoffroi de Paris, éd. A. Diverrès, p. 196.

⁴ *Ibid.*, p. 225.

⁵ *Grandes Chroniques*, *loc. cit.*, p. 304; G. de Paris, *loc. cit.*

⁶ 1310 г., 8 марта; *Cartulaire*, № 84.

ренту¹ и, уменьшив ее сумму с 1400 до 600 парижских ливров еще до кончины мачехи Ферри, Жиль де Фальюэль, насколько нам известно, выплатил из всей причитающейся суммы всего лишь 480 ливров, причем с большим опозданием². Мы абсолютно уверены в том, что Мариньи никогда не использовал свое влиятельное положение в неблагоприятных целях, чтобы ограбить кого-то или уклониться от договорных обязательств, но, по обычаям эпохи, а также по примеру короля, он обычно не торопился платить ренту³. Следовательно, вполне возможно, что в 1314 г. Ферри де Пикиньи все еще ожидал, когда ему выплатят остающиеся две трети ренты.

Граф Сен-Поль, скорее всего, враждебно относился к Мариньи, завидуя его домену⁴, хотя никогда не заключал с Ангерраном никаких сделок: но прежде всего его ненависть носила политический характер. Сен-Поль оказался среди тех феодалов, самолюбие которых сильно пострадало от могущества и популярности камергера. Ведь ему, кравчему Франции, для того, чтобы поучаствовать в дипломатических переговорах, пришлось согласиться быть вторым после Мариньи, например, в Маркетте.

Неприязнь Маго д'Артуа была исключительно политического толка. Мы уже разъясняли причины подобного отношения к Ангеррану и не будем более на этом останавливаться. Отметим лишь весьма любопытный факт: в январе 1315 г. Маго отправила Жана д'Эстембура, который был ее доверенным лицом, к виду де Реньо де Пикиньи, и переданные им «бумаги» д'Эстембур немедленно отвез Маго⁵; вполне возможно, что в этих «бумагах» речь шла о феодальных волнениях, но для нас все же представляет интерес тот факт, что двух врагов Мариньи — члены семьи Пикиньи были заодно с Маго, поскольку также преследовали материальную выгоду — в трудный для Ангеррана момент связывали деловые отношения.

Сыновья Филиппа Красивого не скрывали своей враждебности по отношению к Мариньи⁶. По свидетельству «*Больших Французских Хроник*», они однажды потребовали у Ангеррана отчета в денежных расходах, но в этой связи «*Хроники*» упоминают также имя Карла Валуа⁷, чем все и объясняется! Что же касается Людовика

¹ 1310 г., 14 июня; *ibid.*, № 88.

² 1312 г., 15 января; *ibid.*, № 90.

³ Даже королю; *ibid.*, № 40.

⁴ *Grandes Chroniques, loc. cit.*; G. de Paris, *loc. cit.*

⁵ «Жан д'Эстембур, отправившись по приказу госпожи из Парижа в Артуа к виду де Пикиньи...»; Arch. du as-d-Calais, A 329, f. 19 v. — «Также, Жану д'Эстембур для I. мальчика, которого он послал из Эдена в Париж с бумагами для госпожи, переданными видом де Пикиньи, X. с. VI. д.»; 1315 г., 10 января; *ibid.*, f. 20 r.

⁶ *Chronicum Cadomense...*, dans *Hist. Fr.*, t. XXII, p. 25.

⁷ *Grandes Chroniques*, éd. J. Viard, t. VIII, p. 305.

Сварливого, мы не разделяем мнения Ж. Пти, который отнес его к числу врагов камергера¹. Людовик X поддерживал Мариньи вплоть до марта 1315 г. и оказывал ему знаки почтительного внимания до тех пор, пока постоянные нападки Карла Валуа не поставили его перед выбором: сохранить Мариньи или поссориться с собственным дядей. Мы не думаем, что король Франции вел бы себя так же, если бы, еще будучи королем Наварры, он считал бы себя противником Ангеррана... Тем не менее известный эпизод, представленный в марионеточной пьесе, подчеркивает состояние духа сыновей Филиппа Красивого и, несомненно, скорее графов де Пуатье и де ла Марша, чем Людовика Наваррского, поскольку Мариньи умело и очень бережно обращался с восприимчивым и обидчивым наследником короны. Наконец, эти два человека довольно тесно общались между собой. Достаточно напомнить, что король Наварры был крестным отцом Луи де Мариньи², которого он сначала приблизил к себе, а затем сделал своим камергером.

Но главным врагом Ангеррана, который ожесточенно нападал на него и в итоге не только добился его опалы, но и казни, на которой недвусмысленно настаивал, был Карл Валуа. Если мы обращаем чуть более пристальное внимание на истоки ненависти этого человека, подтверждения которой уже не нужно искать, поскольку начиная с XIV в. описание этой неприязни можно назвать одним из общих мест, на котором сошлись все историки, то лишь потому, что причина ее лежит гораздо ближе, чем мы могли подумать.

Большинство хронистов описывают Карла Валуа как злейшего врага Мариньи, анализируя события января-марта 1315 г., и перекладывают на него ответственность за смерть Ангеррана, но при этом довольно скупо излагают свои предположения о причинах и истоках этой враждебности³. Согласно мнению автора *«Больших Французских Хроник»*, Карл был безмерно уязвлен, когда обнаружил пустую казну. Любопытна версия *«Хронографии»*, по которой Карл Валуа обвинил камергера в том, что, заключив соглашение в Маркетте, он оскорбил всех знатных людей Франции: стоило, сказал он, послать Мариньи во Фландрию, как он начинает войну

¹ J. Petit, *Charles de Valois*, p. 147.

² Завещание Людовика X, 1316 г., 5 июня; Arch. nat., J 404 A, № 22; см. P. Clément, *Trois drames...*, p. 369–370, et A. Artonne, *Le mouvement de 1314...*, p. 37, n. 5.

³ *Grandes Chroniques*, loc. cit., p. 304 et suiv.; G. de Paris, éd. A. Diversès, p. 225; *Chronographia...*, éd. Moranville, t. I, p. 217; *Istorie et croniques...*, éd. Kervyn de Lettenhove, t. I, p. 303; *Chronique normande de Pierre Cochon*, éd. Ch. de Robillard de Beaurepaire, p. 50; *Anciennes chroniques de Flandre*, dans *Hist. Fr.*, t. XXII, p. 402; *Chronicum Cadomense...*, *ibid.*, p. 25; Robert de Avesbury, *Adae de Murimuth continuatio chronicarum*, éd. E.-M. Thompson, p. 22.

и заключает мир, когда пожелает¹. Чаще всего историки ссылаются на объяснение, предложенное Жилем Ле Мюизи. По словам аббата Сен-Мартена из Турне, Карл Валуа был возмущен страстью камергера к роскоши, его поведением при папском дворе, его деятельностью в сфере управления государством, его стремлением устроить на все должности своих друзей, заключенным договором в Турне и тем, что во многих случаях он вел себя так, как приличествовало лишь королю². Из этого обычно делают вывод о том, что брат Филиппа Красивого затаил на Мариньи злобу за то, что тот затмил его в Турне в 1311 г.: Ле Мюизи, за несколько страниц до этого говорит о том, что в тот момент, когда Карл находился в Турне по приказанию короля³, Мариньи встретили в городе с огромной помпой и с почестями, обычно предназначавшимися для государя, — как наместника короля и, следовательно, как самого короля⁴. Впрочем, мы уже говорили о том, что король не отправлял Карла Валуа в Турне, и, таким образом, их, естественно, приняли по-разному: принца как частное лицо, а камергера как представителя короля.

Противостояние между Карлом Валуа и Мариньи возникло не в начале 1311 г. и тем более не во время описанного нами в главе III происшествия, которое относится к 1300 г., то есть не на фоне ссоры Аркура и Танкарвиля: ее значение сильно преувеличено, тогда как причина раздора так до конца и не ясна. Очевидно, что в 1312 и в 1313 гг. они прекрасно относились друг к другу. В тот момент дела у них шли достаточно хорошо, и, будь они в ссоре, они вполне могли бы избежать такого множества встреч друг с другом. Более того, во Вьенне они оба придерживались одного и того же мнения по вопросу об имуществе тамплиеров и одержали верх над большинством.

Обмен Шампрона на Гайфонтен, относительно которого могли появиться подозрения, был произведен абсолютно законным путем, честно и справедливо, и Мариньи не вынуждал графа Валуа уступить свое владение; впрочем, мы уже доказали, что заключенная сделка

¹ «Потому что он (Мариньи), сказал он (Карл Валуа), начинает войну и заключает мир, когда пожелает» («Quoniam ipse, inquit, facit pacem et guerram ad sue libitum voluntatis»); *Chronographia...*, loc. cit.

² «И господин Карл вспомнил о роскоши и о деяниях этого Ангеррана, о том, как он вел себя в римской курии, в королевстве, о том, что он возвышал тех, кого хотел..., о его поведении во Фландрии, в Турне, а также о том, что во многие места он часто приезжал, подобно королю («Dictus autem dominus Carolus, de pompis et de facis dicti Ingelranni recordatus, et quomodo se gesserat in romana curia, in toto regno, et quos volebat promovebat et..., et de gestu ejus in Flandria in Tornaco, et quomodo pluries in pluribus locis tamquam rex veniebat»); G. Le Muisit, éd. Lemaitre, p. 85.

³ «Его направил король» («Missus a domino Rege»); *ibid.*, p. 79.

⁴ «Его направил король на свое место и в своем качестве» («Missus a domino Rege, loco ejus, et tamquam Rex»); *ibid.*

была выгодна для обеих сторон. Более того, стоимость Шампрона превышала стоимость Гайфонтена, и Карл Валуа, чтобы покрыть эту разницу, добавил со своей стороны другие земли.

Вполне возможно, что стремительный карьерный рост камергера и его могущество раздражали и беспокоили амбициозного принца, каким являлся Карл Валуа, хотя, по всей видимости, Мариньи в свое время оказал некую услугу претенденту на титул императора Константинополя. Но лишь в 1314 г. глухая досада принцев и, в частности, графа Валуа, вызванная новым необузданным честолюбием Мариньи, переросла в открытую враждебность. Когда Ле Мюизи говорит о деятельности Мариньи в Турне, он имеет в виду не 1311-й, а 1314 г.: в то время как Мариньи в сопровождении Ги де Сен-Поля вел переговоры в Пре-Порсене, Карл находился в самом городе. Когда место проведения переговоров перенесли в Маркетт, он все еще оставался в Турне и пробыл там все время, пока Мариньи занимался подписанием мирного договора. Весьма вероятно, что до Ле Мюизи, в то время еще бывшего настоятелем монастыря Сен-Мартена в Турне, дошли жалобы брата короля, которого неограниченные полномочия камергера вынудили бездействовать. Наконец, именно в Турне Мариньи привез текст соглашения, который, возможно, по принуждению Ангеррана, граф должен был ратифицировать от имени короля.

Когда 29 ноября 1314 г. корона перешла к молодому племяннику Карла Валуа, он понял, что ему наконец представилась возможность оставить след в истории. Он был уверен, что сможет стать первым помощником государя, поскольку место подле короля, как он считал, принадлежало ему по праву рождения. Для этого необходимо было найти замену Мариньи¹; более того, желательней всего было, чтобы Ангерран вовсе исчез. Пользовавшийся доверием Филиппа Красивого камергер стал бы настоящим правителем государства, как только ему удалось бы снискать благорасположение молодого короля. Тот, кто был досадной помехой для принцев при сильном короле, при короле слабом стал бы действительно опасен и превратился бы в непреодолимое препятствие на пути амбиций Карла Валуа. Поэтому Карл должен был действовать быстро и безжалостно.

Ненависть Карла Валуа, одна из основных причин падения и гибели Мариньи и, возможно, самая главная из них, являлась следствием не застарелой злобы, а досады за настоящее и страх за будущее.

¹ В «Старинных хрониках Фландрии» говорится о том, что «сир Карл Валуа, который претендовал на корону Франции, сильно его возненавидел», что, впрочем, довольно преувеличено; *Hist. Fr.*, t. XXII, p. 402.

2. НЕПОПУЛЯРНОСТЬ

Если бы не личная неприязнь принцев и крупных феодалов, Мариньи не потерял бы своего места; если бы не ненависть Карла Валуа, его бы не повесили. Тем не менее любопытно узнать, что о королевском камергере думали представители различных социальных слоев, основываясь на текстовых источниках. Естественно, в рамках данного труда мы упомянем лишь несколько историографических или литературных произведений, которые, с точки зрения времени их создания, гарантированно передают нам точку зрения людей, живших в 1315 г. Точность информации в данном случае не имеет большого значения, поскольку нас интересуют не факты, а лишь то, что в той или иной местности знали и говорили о Мариньи непосредственно после трагического завершения его биографии. Безусловно, авторы, творившие до падения Ангеррана, были менее красноречивы, и единственное созданное до 1315 г. произведение, «Роман о Фовеле», может быть неоднозначно истолковано.

В чем историографы обвиняли Мариньи? Прежде всего в измене, что после знакомства с событиями 1314 г. уже не может нас удивить. Жан де Сен-Виктор написал: многие считали его предателем, но ни у кого не хватало храбрости сказать это открыто¹. Летом 1315 г. Жан де Конде обвинил Мариньи в том, что он злоупотребил доверием короля, обманул его и буквально похитил у него королевство:

Обнаружилась его измена,
С помощью которой он обманул короля,
И днем и ночью он старался
Польстить и угодить ему².

Жоффруа Парижский, в свою очередь, ставит в вину Мариньи заключение перемирия в Маркетте, которое, по его словам, «было просто неприличным»³. Кроме того, как мы уже сказали, ходили слухи о том, что за измену Ангерран получил 200 000 ливров⁴. Автор «Романа об уродливом Лисе», как и многие другие, был потрясен размерами состояния Мариньи и не упустил случая намекнуть на жадность камергера:

Ты говоришь: у тебя есть руки, но ты не умеешь ими брать:
А мессир Ангерран отнюдь не был из тех,
Кто, желая взять,
Не сумел бы этого сделать, как я тебе сказал...⁵

¹ Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. I, p. 109.

² *Li dis du seigneur de Maregny*, vers 106–109; éd. Scheler, *op. cit.*

³ Ed. A. Diverrière, p. 210.

⁴ Geoffroi de Paris, *ibid.*; J. de Saint-Victor, *loc. cit.*, p. 109.

⁵ Ed. G. Raynaud et H. Lemaitre, t. I, p. 27, vers 2493–2496.

Вместе с тем в народной среде Парижа появлялись и обрастали подробностями немислимые предположения. Королевский советник был колдуном, и папа, вручая ему Золотую розу, сказал, что сомневается, произошел ли он «от Бога или от кого-то другого»¹. Все сошлись на том, что с камергером было «что-то нечисто»², что он был «некромантом»³ и вступил в сделку с дьяволом. Любопытная картина предстает перед глазами, если сравнить эти рассказы с официальными обвинениями, выдвинутыми против Гишара де Труа: Жоффруа Парижский действительно сообщает нам о том, что гласила народная молва, и подобные басни отнюдь не казались невразумительными его современникам; практически то же самое написал Людовик Неверский в своем воззвании от 14 апреля 1313 г.⁴ Еще одна жалоба: деятельность Мариньи во Фландрии в 1314 г. якобы настолько опечалила Филиппа Красивого, что он «умер от горя»⁵.

Но очень часто жалобы простолюдинов имеют под собой веские и вполне материальные основания. Во время строительства королевского дворца⁶ Мариньи слишком активно проводил экспроприацию и ущемил тем самым интересы тех, у кого изъяли имущество, хотя впоследствии им был возмещен ущерб, и многих крупных буржуа, которые спекулировали на экспроприации, таких, как Марсели, Барбу и, возможно, Кокатриксы⁷. Кроме того, в 1314 г. он настоял на увеличении талы, что совершенно не понравилось простым людям, и незаконным образом учредил «дурной налог» на куплю-продажу; подобные притеснения, говорили даже в Сен-Дени, исходили не от короля, а от его бессовестных советников⁸, и Мариньи, естественно, являлся главным вдохновителем таких поборов⁹. Более того, вредные советы повлекли за собой не единственное бедствие: сборы сотой, пятидесятой, десятой части доходов, талья, а также многократные денежные махинации стали следствием, скорее, упорства советников, чем личного желания короля¹⁰.

¹ G. de Paris, éd. A. Diverrès, p. 197.

² *Ibid.*, p. 196.

³ *Ibid.*, p. 209.

⁴ «Ведь этого Ангеррана все считают чародеем и колдуном» («Cum dictus Ingerrannus ab omnibus publice pro quodam magico incantatore teneatur»); Limbourg-Stirum, *Codex...*, t. II, № 290, p. 223.

⁵ G. de Paris, *loc. cit.*, p. 210.

⁶ *Grandes Chroniques*, éd. J. Viard, t. VIII, p. 311.

⁷ J. Guérout, *Le Palais de la Cité à Paris*, 2e partie, p. 54.

⁸ Continuation de Guillaume de Nangis, éd. Géraud, t. I, p. 412.

⁹ *Grandes Chroniques*, *loc. cit.*, p. 299.

¹⁰ «Скорее по настоянию советников, чем по воле короля» («Consiliariorum suorum monitu magis quam proprio ejusdem Regis instinctu»); Yves de Saint-Denis; *Bibl. nat.*, latin 5286, f. 212 v.

Любопытно, кстати, отметить, что король, что бы он ни делал, был практически неуязвим для каких бы то ни было обвинений.

Жан де Конде, например, обвинил Мариньи в денежных махинациях: он забирал добрую монету на границе государства и заменял ее порченой:

Он грабил торговцев,
Которые привозили добрую монету.
Как только они въезжали во Францию,
Они должны были поменять деньги,
Или меняй — или езжай обратно.
Никто не мог им помочь,
Ни запретить, ни попросить,
Чтобы им не пришлось лишиться денег;
Поэтому им приходилось все продавать
Этому ненасытному мессиру¹.

Очевидно, что в глазах жителя Эно это было самое страшное обвинение; но наибольший интерес для нас представляет мнение человека со стороны, а также то, каким образом Мариньи мог влиять, например, на шателена Бапом.

Помимо денежных махинаций — мы, впрочем, уже показали, что Мариньи не имел никакого отношения к обесцениванию монеты, — современники обвиняли Ангеррана в том, что у него было слишком много помощников в финансовом ведомстве. Мариньи лично назначил всех придворных казначеев и служащих, все они были в его распоряжении; поэтому они сделали все, чтобы опустошить казну².

Наконец, людей очень беспокоила амбициозность Мариньи. Жан де Конде, безо всяких опасений со своей стороны, бесхитростно изложил то, к чему, на его взгляд, стремился Мариньи: сделать своего брата Филиппа папой и самому получить титул императора³. Тем временем автор «*Романа об уродливом Лисе*», обращаясь к высоким материям, предположил, что камергер получил по заслугам, поскольку слишком высоко поднялся над своим «уровнем»:

Ангерран слишком высоко поднялся,
И если он с небес упал на землю,
Значит, гордость превзошла его самого⁴.

Было бы неверно считать, что абсолютно все питали ненависть к Мариньи. Приведенные нами литературные примеры были напи-

¹ Jean de Condé, *loc. cit.*, vers 150–159.

² Jean de Saint-Victor, *loc. cit.*, p. 110.

³ Jean de Condé, *loc. cit.*, vers 194–196.

⁴ Renart le Contrefait, variantes du manuscrit A, *loc. cit.*, t. I, p. 313.

саны теми, кто был чем-то недоволен, и в большинстве своем, уже после суда. Те, кому не на что было жаловаться, кому нечего было сказать и кто получил немалую выгоду от действий, предпринятых королем и Мариньи, просто не взяли на себя труд изложить свое мнение на бумаге. Впрочем, несомненно также и то, что у народа, особенно у жителей Парижа, были причины для недовольства, порой очень веские. Именно этим объясняется улюлюканье толпы, которое сопровождало Мариньи на пути к эшафоту. Впрочем, очень скоро общественное мнение должно было измениться: налоги не исчезли, война возобновилась, смерть Мариньи не дала никаких положительных результатов... Поэтому, как справедливо заметил Андре Артонн, спустя месяц после казни, когда тело Ангеррана все еще находилось в Монфоконе, в Париже уже говорили о том, что приговор Мариньи вынесли завистники. Хватило четырех месяцев дождливой и ветреной погоды, с мая по август 1314 г., за которые погибли все посадки зерна и винограда¹, чтобы стали говорить о том, что именно смерть камергера повлекла за собой такое бедствие². Тиран превратился в жертву.

«Роман о Фовеле» был написан капелланом Ангеррана де Мариньи, Жерве дю Бю, о котором мы неоднократно упоминали. Истолковать его можно единственным образом. Итак, если Фовель — конь, он при этом остается амбициозным любимцем Фортуны, могущество которого бросает вызов признанным ценностям и моральным законам. Герой заявляет:

Сегодня я Король и господин
И королевства и империи.
Все, как вы видите, мечтают
Польстить мне и оказать мне почести;
Нет ни прелата, ни писца, ни настоятеля,
Который не хотел бы оказаться у меня в услужении³.

Несложно понять, что в этих строках, написанных примерно в 1313–1314 гг., когда политическое могущество Мариньи достигло тех размеров, о которых мы говорили в предыдущей главе, содержится намек на амбиции и в какой-то мере на достижения Ангеррана де Мариньи. Но Жерве не оправдывает своего хозяина: в конце произведения мы слышим настоящий крик отчаяния, направленный

¹ Geoffroi de Paris, *loc. cit.*, p. 229.

² «Позже многие стали считать, что именно из-за этого начались войны и происходили другие бедствия в королевстве» («Multis inde putantibus bella et alia incommoda regno evenisse»); *Chronicum Cadomense*..., dans *Hist. Fr.*, t. XXII, p. 25.

³ Ed. A. Langfors, p. 64–65, vers 1683–1690.

в молитве к святой Деве, «девственной лилии», с просьбой спасти государство, попираемое Фовелем:

Цветок лилии так сильно задел
Фовель и его присные¹,
Что он качается и весь дрожит.
О, девственная лилия,
Хранящая в себе божественный дух,
Спаси лилию Франции,
Надели весь сад силой
И заключи Фовеля в такую темницу,
Откуда он уже не сможет строить козней...²

Итак, мы видим, что капеллан Мариньи, ушедший от него на службу к королю, обратил против камергера яростную критику, заключенную в форму аллегории.

Обличение Мариньи стало темой еще двух поэм. В одной из них, возможно, написанной Жоффруа де Не, то есть автором *«Рифмованной хроники»*, прозванным Жоффруа Парижским, рассказывается о рыжем лисе, который злоупотреблял доверием льва и притеснял его подданных³. В первой главе мы уже упоминали о совпадении образа рыжеватого коня — существовавшего еще до отождествления с личностью Мариньи, на которое он, впрочем в какой-то мере повлиял — с рыжим лисом. Последняя известная нам литературная аллюзия на Ангеррана содержится в романе *«Бодуэн де Себурк»*, один из персонажей которого, некий Гофруа, «вымогатель, ростовщик, фальшивомонетчик и отравитель короля Франции», закончил свои дни на виселице в Монфоконе⁴.

Итак, Мариньи не был популярен из-за своего влияния в финансовых сферах, налогов, которые он заставил повесить, и приписываемых ему финансовых махинаций. Простые люди ставили ему в вину также его необозримое могущество, которое, на их взгляд, он получил не иначе как от дьявола. В свою очередь, представители знати были уязвлены его амбициозностью, оказываемым ему доверием, которого он, по их мнению, не был достоин, и тем, что появление подобного выскочки на вершинах власти шло вразрез с традициями. Его осуждали и ненавидели лишь несколько знатных сеньоров из числа тех, кого Мариньи отеснил на второй план. В некоторых исследованиях проскользнула мысль о том, что все знатные люди объединились, чтобы добиться смещения Мариньи.

¹ Здесь подразумеваются родственники и верные Ангеррану люди, которые были повсюду в королевстве.

² Ed. A. Langfors, p. 117, vers 3258–3266.

³ См. Ch.-V. Langlois, Geïroi des Nés ou de Paris, dans *l'Histoire littéraire de la France*, t. XXXV, p. 346.

⁴ См. V. Le Clerc, Discours sur l'état des lettres..., dans *l'Histoire littéraire de la France*, t. XXIV, p. 442–443.

Ш. д'Эрбomez посчитал, что Карл Валуа не «уступил низкому желанию отомстить оскорбившему его министру, хотя он не мог недооценивать его важность для государства»¹, тем самым преувеличив политическое чутье и великодушие брата короля. Следовательно, он выступил против Мариньи, якобы движимый «необходимостью принести жертву феодальным лигам». На эту точку зрения, сформулированную еще Пьером Клеманом², Артонн возразил, что Мариньи, безусловно, порицали за его деятельность во Фландрии в 1314 г., но лиги 1314–1315 гг. не имели никакого отношения к его падению. Смещения, а затем и казни Мариньи добилась не восставшая знать. Артонн заметил, что в провинциальных хартиях 1315 г. говорилось не о казначеях, а о бальи, прево и ревизорах: спорные вопросы были не политического, а административного и прежде всего локального характера. Кроме того, Мариньи казнили в промежутке между двумя сериями уступки хартий, когда в Париже вообще не было знати из провинции³. Следовательно, ответственность за смерть Мариньи лежит лишь на представителях придворной аристократии.

В конце правления Филиппа Красивого королевская власть стала непопулярна. Король был недосыгаем, поэтому причину стали искать в действиях советников. Во всех текстах того времени повторяется одна и та же мысль: у короля были плохие советчики. Вместе с удовлетворением за личные обиды принцы и крупные феодалы, о которых мы говорили, получали двойной результат и двойную выгоду: они избавлялись от человека, который им мешал, и одновременно представляли его виновным во всех пороках минувшего периода правления, получая таким образом полное отпущение грехов прошлого и обеспечивая себе популярность как поборники справедливости.

3. СМЕРТЬ КОРОЛЯ

Двадцать девятого ноября 1314 г. Филипп Красивый умирал там же, где родился, — в Фонтенбло. Течение его последней болезни с грехом пополам описал д-р Браше⁴: пребывавший в подавленном состоянии духа, которое, по мнению Карла Валуа, было вызвано известием об измене Мариньи. Филипп Красивый 4 ноября ощутил резкую боль в желудке. Двадцать шестого числа он слег, его

¹ Notes et documents..., dans la *Bibl. de l'École des chartes*, t. LIX, 1898, p. 499–500.

² P. Clément, *Trois drames...*, p. 86.

³ A. Artonne, *Le mouvement de 1314...*, p. 38.

⁴ Auguste Brachet, *Pathologie mentale des rois de France*, p. 444 et suiv.

перевезли в Фонтенбло, и там три дня спустя он скончался, причем, по словам одних, до самой смерти он находился в здравом уме и доброй памяти, а по утверждению других, он лишился дара речи еще 28 ноября. Мариньи, который, несомненно, в начале месяца встречался с кардиналами, поспешил ко двору, как только узнал о болезни короля, и присутствовал при его агонии.

Он находился подле умирающего, пока тот не потерял сознание¹; тогда он якобы сказал королю, что хотел бы умереть раньше его, чтобы сразу не последовать за ним после его смерти. Чуть позже Ангерран будто бы попросил короля рекомендовать его своему сыну. Посланник двора Майорки, Вильгельм Бальдрик, сообщил, что, по слухам, которые ходили в Париже в начале декабря, король посоветовал оставить Мариньи его имущество, если он докажет свою верность, а в противном случае разрешил сделать с ним все что угодно². Тем не менее посланник слагает с себя ответственность за этот рассказ, и правильно, поскольку король просто не мог бы сказать ничего подобного: речь шла о вещах гораздо более серьезных, чем имущество Ангеррана, — на кону стояло его социальное и политическое положение. Вопрос состоял в том, окажет ли новый король свое доверие Мариньи, или же камергер попадет в немилость. Но жители Парижа принимали желаемое за действительное³ и представляли себе ситуацию в соответствии с уровнем своей политической осведомленности. Обычное недовольство подтолкнуло одного из них приписать умирающему следующие слова: «Теперь я вижу, сын мой, что, прислушиваясь к дурным советчикам, я лишь потакал увеличению податей, незаконным поборам и частым монетным махинациям»⁴.

Второго декабря 1314 г. в соборе Парижской Богоматери архиепископ Санский, Филипп де Мариньи, совершил траурное богослужение на похоронах короля, тело которого, привезенное накануне из Фонтенбло, вслед за этим было погребено в Сен-Дени⁵.

Доверял ли Филипп Красивый Ангеррану вплоть до конца своего правления, или же его расположение к камергеру уменьшалось день ото дня? Именно это мы должны попытаться выяснить.

Объявленный королевским душеприказчиком в завещании от 17 мая 1311 г.⁶, Мариньи оставался им и в день смерти короля,

¹ Донесение Вильгельма Бальдриха ко двору Майорки; 1314 г., 7 декабря. — Париж; éd. Baudon de Mony, dans la *Bibliothèque de l'École des Chartes*, t. LVIII, 1897, p. 12.

² *Ibid.*

³ «И так многие думали» («Et hoc multi asserunt»); *ibid.*

⁴ («Ego enim, fili, malo usu consilio, ut nunc agnosco, multos gravavi injuste talliis et extorsionibus, et frequenti mutatione monetarum»); Jean de Saint-Victor, dans Baluze, *Vitae*, éd. Mollat.

⁵ Донесение Г. Бальдриха, *loc. cit.*, p. 11.

⁶ 1311 г., 17 мая. — Мобюиссон; Arch. nat., J 403, № 17 et 17 bis.

как и шестеро других, трое назначенных согласно званию¹ и еще трое за личные заслуги². Состав душеприказчиков изменился, так как одни умерли³, а других король попросил заменить⁴. Согласно приписке к завещанию от 28 ноября 1314 г.⁵, в которой содержался окончательный список душеприказчиков, к их числу добавили еще пятерых, никого не исключив⁶. Заявлять о том, что Мариньи попал в немилость, лишь на основании того, что его имя не названо в этой приписке, абсолютно неверно: в ней перечислены имена тех, кто был недавно назначен, а не действующих на тот момент душеприказчиков. Впрочем, еще одна приписка к завещанию свидетельствует о доверии короля к своему камергеру: 200 000 ливров из Сент-Омера отправляли в Сен-Мартен-де-Шан под охрану Мариньи и Бувиля, которые должны были воспользоваться этими деньгами для приобретения наследства Карлу Маршскому⁷.

Наконец, последний документ, от имени Филиппа Красивого, был составлен по распоряжению Мариньи. Более того, это документ особой важности. Последней грамотой периода правления этого короля был не направленный герцогу Бургундскому акт от 28 ноября с приказом прекратить сбор субсидий, а акт от 29 ноября о присвоении графству Пуатье статуса апанажа. Этим документом, о котором мы уже упоминали, король постановлял, что графство, переданное его второму сыну Филиппу на правах наследства, должно было вернуться в королевский домен в случае, если бы у Филиппа не оказалось наследника мужского пола; при этом правящий на момент вступления документа в силу король должен был выделить дочерям графа приданое из наследства их отца. С этим немало-важным решением согласились графы Валуа, Эвре и Сен-Поль, коннетабль Гоше де Шатильон, король Людовик Наваррский и заинтересованное лицо, сам Филипп де Пуатье. Составить этот документ Мариньи поручил Жану Мальяру⁸.

¹ Епископ Парижский, а также аббаты Сен-Дени и Руаймона.

² Дени, декан Санса, Ги де Шатильон, граф де Сен-Поль и Пьер д'Этамп, писец и нотариус короля.

³ Ногаре сменил Пьер Шамбли, Реньо де Руа — Мартен дез Эссар, Гильома Парижского — Реньо д'Обиньи, Жана де Гранжа — Жан де Гранпре.

⁴ Замена Гильома де Марсильи Гильомом Куртеезом была отмечена специальным указом: «освобождаем от его обязанностей» («*quiet ab officio huius amovemus*»); J 403, № 18.

⁵ 1314 г., 28 ноября. — Фонтенбло; Arch. nat., J 403, № 18; éd. E. Boutaric, *Notices et extraits...*, t. XX, 2e partie, 1862, p. 83.

⁶ К. Валуа, Л. д'Эвре, Филиппа Ле Конвера, Гуго де Бувиля, Гильома де Лине.

⁷ 1314 г., 28 ноября. — Фонтенбло; Arch. nat., J 403, № 19.

⁸ Оригинал с печатью на шелковом шнурке (1314 г., 29 ноября. — Фонтенбло); Arch. nat., J 390, № 10; копия на пергаменте, выполненная хранителем Сокровищницы хартий (1526 г., 2 октября. — Париж), Arch. nat., J 748, № 3.

Безусловно, это не говорит о том, что именно такова была воля короля, поскольку Филипп Красивый во время обсуждения этого вопроса находился в коме. Тем не менее количество и титулы участников являются гарантией того, что принятая мера не была чьим-то капризом и всем казалась полезной. Одно можно сказать с уверенностью: Мариньи в то время находился на пике власти. Он обладал достаточными полномочиями для того, чтобы заниматься составлением столь важного документа, и именно его заботам король Наварры и пятеро присутствовавших там графов поручили юридическое оформление этой бумаги. На последнем документе периода правления Филиппа Красивого стоит пометка *per dominum Marrigniaci* (составлено по распоряжению господина де Мариньи), тогда как несколькими неделями раньше на подобной бумаге было бы написано *per dominum Regem* (по приказу господина короля).

Двадцатого декабря Эдуард II, получивший весть о кончине своего тестя, отправил письмо молодому королю Франции и Наварры. Он просил его взять под свое покровительство Ангеррана де Мариньи, как это сделал его покойный отец, в благодарность за его верную службу и оказанные им неоценимые услуги. Он также сообщал о том, что направил во Францию генуэзца Антонио Пессеня¹, который нам известен в качестве посредника между Мариньи, Тотом Ги и казначейством короля Англии. Во многих исследованиях можно прочесть, что Эдуард II пытался спасти Мариньи. Это не совсем так. Эдуарду II еще не было известно о том, что Мариньи оказался в непростой ситуации, и он предпринимал подобные действия лишь потому, что был уверен в одном: король умер, и Мариньи вполне мог лишиться своего положения. Эдуарда II не беспокоила судьба остальных камергеров, он был заинтересован лишь в благополучии Мариньи. Эдуард II не раз открыто спрашивал совета у Ангеррана и, несомненно, прибегал к его помощи, но уже втайне. Следовательно, королю Англии было выгодно, чтобы советник Филиппа Красивого сохранил свою должность и расположение Людовика X. Но, зная о намерениях принцев, он понимал, что Мариньи рисковал потерять все, и поэтому немедленно вмешался, пока еще не было принято никаких решений.

К сожалению, обращение к Людовику X не дало никакого результата: молодого короля не нужно было убеждать, и, как мы увидим, на протяжении многих дней он защищал камергера своего отца от нападок своего дяди. Если письмо Эдуарда II и не является достаточным объяснением поведению короля, оно, возможно, только уверило Людовика X в своей правоте.

¹ 1314 г., 20 декабря. — Бистлсхем; Th. Rymer, *Foedera...*, t. II, 1re partie, p. 75.

Все же король не был столь же милостив к Мариньи, как его отец. Вильгельм Бальдрик в своем донесении на Майорку от 7 декабря передал общепринятое на тот момент мнение о том, что молодой король оставлял при себе всех камергеров и привратников — иными словами, весь персонал королевской Палаты — своего отца, за исключением Мариньи, поскольку он должен был отчитаться в своей деятельности¹. Впрочем, даже если бы Филипп Красивый не умер, расследование, проведенное после предоставления отчета, не выявило бы ничего, что повлекло бы за собой неминуемое увольнение камергера.

В действительности Мариньи несколько недель являлся камергером Людовика X. В соглашении, которое король заключил с душеприказчиками своего отца, упомянуты «Ангерран, сеньор де Мариньи, Пьер, сеньор де Шамбли, Гю, сеньор де Бувиль, рыцари и камергеры... Мартен дез Эссар, наши приближенные»². Эта фраза, перевод латинского *milites et cambellanos... familiarium nostros* (рыцари и камергеры... наши приближенные), могла быть обычной калькой с формулировки акта, составленного в предыдущем месяце; мы убедимся в том, что она ничего не значит. Луи де Мариньи был камергером Людовика Наваррского. Поэтому заполнявший 30 декабря журнал казны Гильом де Монфокон не знал, как упомянуть и об отце, и о сыне, и поэтому ограничился неопределенным описанием ситуации, которая действительно еще не проявилась: «Монсеньор Луи де Мариньи, камергер короля, получил жалованье... сеньор Ангерран де Мариньи, камергер, получил деньги...»³ Но 24 января 1315 г. Людовик X утвердил отчет Мариньи, обратившись к нему как к «возлюбленному и верному» рыцарю и камергеру Филиппа Красивого, «и отныне нашему, Ангеррану де Мариньи»⁴. Можно, кстати, отметить, что Матье де Три, стоявшего выше Мариньи на иерархической лестнице, стали называть «камергером Франции»⁵, что не часто можно было услышать при Филиппе Красивом⁶. Он, конечно же, воспользовался сменой правления для того, чтобы вернуть себе привилегии, которые много лет тому назад отобрал у него Мариньи. Итак, можно с уверенностью сказать, что в конце января 1315 г. Ангерран еще не попал в опалу. Потеряв, как мы увидим, особенно в финансовой сфере, руководящее поло-

¹ Ed. par Baudon de Mony, *loc. cit.*, p. 14.

² Orig., Arch. nat., J 403, № 20 *ter* (minute: № 20 *bis*).

³ J. Viard, *Journaux du Trésor...*, col. 908, № 6081.

⁴ Arch. nat., JJ 50, № 115, f. 75 r.; éd. L. Lacabane, dans la *Bibl. de l'École des Chartes*, t. III, 1842, p. 14, et P. Clément, *Trois drames...*, p. 339.

⁵ Arch. nat., J 403, № 20 *bis* et 20 *ter*.

⁶ Этот титул уже упоминался в королевских бумагах за сентябрь 1306 г.; Arch. nat., JJ 38, № 180, f. 81 v.

жение, милостиво предоставленное ему Филиппом Красивым, он тем не менее остался на должности камергера. И поскольку его сын получил такую же должность, казалось, что Мариньи, подобно Бувилям и Шамбли, стали, по словам Р. Фотье, частью «той династии камергеров, члены которой сменяют друг друга на службе у государей»¹.

Оставалось получить отчет в финансовой деятельности, которая вызывала особый интерес, поскольку долгое время вообще не подвергалась проверкам. Расследование, назначенное еще при жизни Филиппа Красивого и с согласия Мариньи, по всей видимости, должно было завершиться после составления окончательного отчета 24 января 1315 г.², несмотря на все хитроумные уловки Карла Валуа.

Ангерран пока еще не попал в немилость; тем не менее все обсуждали эту возможность. Король оставил Мариньи на посту камергера, но подозревал его как советника. Вильгельм де Бальдрих, сообщавший скорее о слухах, чем о том, что он видел своими глазами, 7 декабря написал о том, что Мариньи якобы попросили больше не заниматься делами казны; это, впрочем, кажется нам вполне естественным, поскольку на тот момент комиссия, проводившая расследование, еще не подвела итоги своей работы. Мариньи якобы даже предложили не покидать двор, пока проверяют его счета³, что фактически означало домашний арест в королевском дворце или в Париже. Все это, на наш взгляд, несколько преувеличено, но не безосновательно; в любом случае, разбирательства по делу Мариньи не предавали огласке, так как майоркский посланник уточнил, что не мог подтвердить подлинность этой информации⁴.

Итак, к Мариньи не применяли никаких суровых мер вплоть до марта 1315 г. В январе, как мы сказали, он оставался на своем месте при дворе, и во время проверки его счетов не было выявлено ничего предосудительного. Но слава его, конечно же, была в прошлом. В народе вновь раздули и исказили то, на что при дворе лишь изредка намекали. Честность Ангеррана была поставлена под сомнение, его отстранили от руководства финансами; перестали доверять даже его брату: 16 декабря Филиппа де Мариньи освободили от занимаемой им должности в сфере финансов, то есть лишили его права собирать пошлину на шерсть⁵.

¹ R. Fawtier, *Les Capétiens et la France*, p. 47.

² Arch. nat., JJ 50, № 115, f. 75; éd. J. Lacabane, *loc. cit.*, et P. Clément, *loc. cit.*

³ «Чтобы он не удалялся со двора» («Quod non recederet a curia»); éd. Baudon de Mony, *loc. cit.*

⁴ «Я, однако, не знаю, правда ли это» («nescio tamen si continet veritatem»); *ibid.*

⁵ Ch.-V. Langlois, *Inventaire d'anciens comptes royaux dressé par Robert Mignon*,

В заключение анализа причин, по которым Мариньи попал в немилость, скажем, что действительной причиной его краха стала враждебность некоторых знатных сеньоров, а именно Карла Валуа, враждебность, вызванная чрезмерной привилегированностью положения Мариньи, его стремлением к единовластию и даже его тщеславием; враждебность эту, особенно в случае Карла Валуа, видевшего, что его час близок, обострял страх того, что в условиях правления слабого государя власть камергера неудержимо возрастет. Кроме того, бедственное положение Ангеррана было вызвано также и его непопулярностью в народе, которая основывалась на догадках, предположениях и сетованиях на рост налогов. Наконец, благодатной почвой для роста неудовольствия по отношению к Ангеррану стали потрясения, вызванные смертью Филиппа Красивого.

ГЛАВА XI

СУД

1. РАССЛЕДОВАНИЕ РУКОВОДСТВА ФИНАНСАМИ

О расследовании финансовой деятельности Мариньи, которое проводилось по приказу Филиппа Красивого, известно очень немного. Единственным документом, из которого мы можем почерпнуть о нем сведения, является грамота Людовика X с подтверждением отчетов, составленная в конце расследования¹.

Мариньи, который в соответствии с ордонансом от 19 января 1314 г. осуществлял руководство финансами касс Тампля и Лувра², хотел избежать обвинений в самоуправстве. Поэтому необходимо было как можно скорее провести полную проверку старых счетов, чтобы позже обнародовать бухгалтерию казны. Уже пять лет, начиная с 1311 г., при дворе не проводились заседания *in compotis* (по проверке счетов). Как раз в это время Ангерран пришел к власти, и, возможно, взяв в свои руки управление королевскими финансами, он на какое-то время отсрочил проверку счетов. Тем не менее он не был повинен в растратах. Даже став официальным распорядителем расходами королевства, наравне с самим королем, Мариньи желал прояснить ситуацию с государственными финансами и поэтому тем же ордонансом от 19 января 1314 г. постановил, что выверять счета и оценивать законность их составления будет специальная комиссия.

Некоторые, на наш взгляд, преувеличивая, посчитали это чрезвычайной мерой, другие увидели в этом карательную меру против Мариньи, что просто неверно. Лично настояв на составлении ордонанса, чего никто никогда не отрицал, Ангерран просто хотел возобновить прерванный около трех лет тому назад курс процедуры, поскольку чувствовал, что на тот момент это было необходимо: для начала, чтобы по возможности лучше разобраться в бухгалтерии

¹ 1315 г., 24 января; Arch. nat., JJ 50, № 115, f. 75; copies, Bibl. nat., Duchesne 56, f. 439 v.-440 r., et Touraine-Anjou 20, f. 122 r.; éd. L. Lacabane, dans la *Bibl. de l'École des Chartes*, t. III, 1842, p. 14. et P. Clément, *Trois drames...*, p. 339-341.

² Arch. nat., JJ 57, f. 18; éd. E. Boutaric, *Notices et extraits...*, t. XX, 2e partie, p. 209-213; см. Borrelli de Serres, *Recherches...*, t. III, p. 53.

казны, но главным образом, чтобы убедить короля, двор и общественное мнение в своей честности. Стремясь к руководству государственными финансами, он также хотел, чтобы все знали, что он не собирается обворовывать короля. Но, проводя возобновленную после трех лет забвения процедуру по старой системе, невозможно было проверить все накопившиеся счета. И для того чтобы позволить участникам комиссии, по большей части счетоводам, нагнать упущенное, Мариньи приказал им работать постоянно, а не короткими сессиями раз в семестр. Эта мера оказалась отнюдь не бесполезной, поскольку все счета были окончательно проверены только через год.

Членами комиссии прежде всего были Пьер де Латили, графы Эвре и Сен-Поль, а также счетоводы Жан де Даммартен, Реньо Барбу, Жоффруа Кокатрикс и Фремен де Кокрель. К тому моменту, когда короля одолел смертельный недуг, комиссия, у участников которой, само собой, были и другие дела, еще не закончила работу, и умирающий король, по просьбе своего камергера, приказал продолжать расследование. Людовик X увеличил количество проверяющих, и среди них оказались также и противники Мариньи¹. Но, на самом деле, если бы при назначении новых участников Людовик руководствовался предвзятым мнением по отношению к Ангеррану, объяснить окончательное положительное решение было бы невозможно. Он всего лишь расширил состав участников, сохраняя все такое же благосклонное отношение к Мариньи. В окончательный состав комиссии вошли графы Пуатье, Валуа, Эвре и Сен-Поль, Людовик Клермонский, Гоше де Шатильон, Миль де Нуайе, Гильом д'Аркур, Этьен де Морне, Матье де Три, Жан де Гре, Арпен д'Аркери, Жан де Мариньи и уже упоминавшиеся мэтры счетов. Таким образом, комиссию пополнили принцы, помимо Людовика д'Эвре, и высокопоставленные чины, помимо Ги де Сен-Поля, а также коннетабль, два маршала и камергер Франции, Матье де Три, политический вес которого, как мы сказали, в то время стремительно увеличивался. Этьен де Морне, естественно, заменил своего предшественника, предыдущего хранителя печати, Латили; он был всецело предан Карлу Валуа, у которого некогда был камергером². Вместе с тем нужно заметить, что Жан де Мариньи, которого никак нельзя было заподозрить во враждебности к собственному брату, также стал участником комиссии. Через месяц уполномоченные лица предоставили отчет. В его составлении не принимали участия, судя по списку авторов, ни граф Сен-Поль, ни

¹ J. Petit, *Charles de Valois*, p. 149.

² Fr. Guessard, Etienne de Mornay, dans la *Bibl. de l'Ecole des Chartes*, t. V, 1843, p. 375-396.

Матье де Три, ни Жан де Мариньи. Двадцать четвертого января 1315 г. Людовик X подтвердил правильность всех счетов, составленных Ангерраном де Мариньи, а также полностью и окончательно снял с него все обвинения в недобросовестном управлении финансами казны Тампля, Лувра и королевской Палаты. Камергера, поскольку оправдательные документы свидетельствуют о том, что он все еще занимал эту должность, объявили невиновным люди, среди которых не все, но многие были его врагами, и они не упустили бы ни малейшей неточности. Значит, они действительно ничего не нашли.

Это королевское решение могло показаться окончательным. Мариньи, в чем мы уже убедились, оставался душеприказчиком короля, но тем не менее он не был уполномочен заниматься распределением завещанного имущества. Согласно февральскому указу 1315 г., душеприказчики Филиппа Красивого, в числе которых был и Мариньи, предписали королевским казначеям выплатить некоторым из них указанные в различных документах или грамотах суммы: аббату де Сен-Дени, Реньо д'Обиньи, Пьеру д'Этамп и Пьеру де Шамбли¹. Это не доказывает того, что Мариньи отстранили от всех финансовых должностей. Но срок действия чрезвычайных полномочий, предоставленных ему предписанием от 19 января 1314 г., безусловно, завершился одновременно с восшествием на престол Людовика X.

И все же проверка счетов, заверенная 24 января 1315 г., по всей видимости, была окончательной, поскольку Мариньи продолжал отвечать за сохранность казны Лувра, являясь комендантом этого замка, а также, будучи камергером, распоряжался финансами, находившимися в королевской Палате, то есть личной королевской казной. Кроме того, он оставался членом королевского Совета: именно на заседании Совета в марте 1315 г. между Карлом Валуа и Ангерраном де Мариньи разгорелся решающий спор.

Это, по всей видимости, произошло 11 марта. Карл Валуа обратился к Мариньи как к тому, кто отвечал за назначение казначеев и до текущего момента осуществлял руководство финансами, с вопросом: как так вышло, что казна опустела? Речь шла уже не о ведении счетов и не о регулярности их предоставления, а о неоспоримом факте — об отсутствии денег в кассах. Вполне возможно, что этот вопрос не случайно прозвучал именно в преддверии коронации².

¹ Arch. nat., J 403, № 19 bis et 19 ter.

² Мемуары о палате юстиции (XVIII век), Arch. nat., U 956, p. 7, на краю. — Написанное на полях толкование этого манускрипта, по всей видимости, навеянное прочтением «Больших Французских хроник», и, на наш взгляд, достойное внимания.

Что стало с прибылью, полученной после переоценки монеты и увеличения налогов? На какие средства Мариньи строил дворцы и закупал драгоценные вазы? Жан де Сен-Виктор, у которого мы позаимствовали версию этого рассказа¹, ставит на первый план жалобы парижан на Мариньи, о которых мы уже упоминали. Что же ответил Ангерран? Что он действительно получал деньги от фламандцев, но лишь затем, чтобы иметь возможность их погубить! Именно это рассказывали в Париже о разразившемся скандале², но нам кажется невероятным, что Мариньи мог бы столь наивно признаться в подобном злодеянии, в то время как его об этом даже не спрашивали. Эти слова не имели бы никакого отношения к заданному вопросу: почему казна пуста?

Последний упомянутый Жаном де Сен-Виктором вариант ответа представляется нам наиболее близким к истине: Мариньи якобы сказал, что действовал согласно указаниям Филиппа Красивого³, перекладывая всю ответственность на короля; а Жоффруа Парижский по этому поводу написал:

Все, что случилось в королевстве,
Сделал сам покойный король,
Либо это было сделано по его приказу⁴.

Это совпадает с описанием событий, правда, не столь захватывающим, как то, что создали в Сен-Дени: Ангерран расходовал деньги по воле короля⁵. Часть этой суммы была передана самому Карлу Валуа, а остаток был израсходован на погашение долгов Филиппа Красивого⁶.

Услышав подобный ответ, граф де Валуа вспылил:

«Вы, конечно же, лжете, Ангерран!»

Но Мариньи в тон ему сказал:

«Ради Бога, сир, вы тоже лжете!»

Карл Валуа накинулся на своего противника с кулаками, но их разняли, и Мариньи вывели из зала, поскольку, если бы граф

¹ Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. I, p. 109-110.

² Жоффруа Парижский, также повторявший эти слухи, сведения которого, вероятно, использовал Ж. де Сен-Виктор, добавил, что он давал деньги многим, даже магнатам; éd. A. Diverres, p. 220.

³ Jean de Saint-Victor, dans Baluze, *loc. cit.*, p. 110.

⁴ *Loc. cit.*, p. 222.

⁵ Continuation de Guillome de Nangis, éd. Géraud, p. 418.

⁶ *Grandes Chroniques*, éd. J. Viard, t. VIII, p. 306.

«удержал бы его тогда, он убил бы его, или его люди убили бы его, и он умер бы жестокой смертью»¹.

Тем не менее он отомстил Ангеррану за эти слова, обвинив его в том, что он стал причиной смерти короля, а также объявив во всеуслышание, что не появится ни при дворе, ни в Совете, пока Мариньи не будет арестован².

Чрезвычайно раздосадованный, молодой король уступил настойчивым просьбам своего дяди, которого не хотел разочаровывать³. Мариньи тотчас же арестовали, то есть, по мнению одних, в Венсенне, во вторник 11 марта⁴, по мнению других, в Париже, в его собственном доме на улице Фоссе-Сен-Жермен⁵, или, по словам третьих, на следующий день, в среду 12 марта⁶. Нам кажется наиболее вероятным, что арест состоялся немедленно, как сообщает нам Жоффруа Парижский, который был гораздо лучше осведомлен о том, что происходило в Париже, чем о том, что говорили в Совете: было уже слишком поздно, чтобы продолжать заседание, поэтому Ангеррана под стражей поместили в Лувр⁷.

Именно в этот момент, по мнению Пьера Кошона, в ход событий вмешался советник Ангеррана, Жильбер Полен. Он якобы приготавливал в Арфлере корабль и двух лошадей, чтобы Ангерран смог покинуть Париж и укрыться за пределами государства до тех пор, пока не признают его невиновность. Но Мариньи отказался: «Если я убегу, это не понравится Богу, и будет казаться, что я виновен», — такие слова приписывает нашему герою хронист⁸. Нам, однако, не кажется, что стоит верить этой легенде позднего времени, в которой появляется персонаж, ни разу не упоминавшийся в текстах эпохи Ангеррана⁹.

¹ *Ibid.* — Такая же ответная реплика Мариньи «Вы лжете!» упомянута в «Романе об уродливом Луце»; *Renart le Contrefait*, éd. G. Raynaud et H. Lemaitre, t. I, p. 31, vers 2903.

² J. de Saint-Victor, *loc. cit.*, p. 110; G. de Paris, *loc. cit.*, p. 222.

³ G. de Paris, *loc. cit.*, p. 222.

⁴ J. de Saint-Victor, *loc. cit.*, p. 110.

⁵ То есть недалеко от Лувра, а не на левом берегу, как посчитал Ж. Виар, поскольку речь шла о каналах Сен-Жермен-л'Оксеруа, а не Сен-Жермен-де-Пре; J. Viard, *Grandes Chroniques*, t. VIII, p. 305.

⁶ *Grandes Chroniques*, *loc. cit.*, p. 305.

⁷ G. de Paris, *loc. cit.*, p. 222.

⁸ *Chronique normande de Pierre Cochon*, éd. Ch. de Robillard de Beaurepaire, p. 50–53.

⁹ Об этом персонаже по имени Полен, или Пулен (Paulin, Polin, Poolin), см. R. Cazelles, *La société politique et la crise de la royauté sous Philippe de Valois* (Paris, 1958), p. 142, n. 3.

2. СУД

О том, как проходил суд над Ангерраном де Мариньи, мы можем узнать лишь из рассказов современных хронистов, а также из намеков поэтов¹. Учитывая то, что мнения рассказчиков во многом совпадают, ход событий нам достаточно хорошо известен, и мы можем восстановить его довольно точно, но, к сожалению, восстановить обвинения, которые предъявляли Ангеррану, и точный порядок судопроизводства для нас не представляется возможным.

Вечером 11 марта 1315 г. смещенного камергера поместили под стражу в Лувр, комендантом которого он являлся и где, исполняя свои должностные обязанности, за десять лет появлялся не раз. Он мог бы с легкостью совершить побег из тюрьмы, поскольку знал в ней все входы и выходы, а стражники были его людьми. Карл Валуа сразу же забил тревогу и стал укорять своего племянника: «Сир, что же вы сделали? Вы поместили этого пройдоху Ангеррана в его собственный дом, заключили его в Луврской башне, когда он и есть комендант Лувра!» По настоянию Карла в четверг, 13 марта², Мариньи перевезли в Тамплъ³; следовательно, он провел в Лувре только две ночи. Огромная толпа народа, из которой во вторник никто не мог даже предположить, что могущественный советник будет арестован, в четверг ринулась смотреть на то, как заключенного ведут по улице, и в какой-то момент послышались крики: «Вздернуть его!»⁴

К тому времени король все еще оставался на стороне советника своего отца, и, как мы увидим в дальнейшем, он делал все возможное для того, чтобы спасти Ангеррана. Современники отмечали, что молодой Людовик X проявил себя великодушным и снисходительным человеком⁵; Артонн по этому поводу заметил, что король был одинаково далек как от воодушевления Филиппа Красивого, так и от ожесточенности Карла Валуа⁶. Людовик был привязан к своему камергеру и крестнику, Луи де Мариньи, уважал чувства своего отца и поэтому был действительно готов поддержать Ангеррана; но поддержка эта исходила от слабовольного человека, и Карл Валуа быстро это понял.

¹ Б. Оро не сообщает, где находятся «сохранившиеся в наших архивах судебные протоколы», которых мы так и не обнаружили; B. Hauréau, *Histoire littéraire de la France*, t. XXVIII, p. 459.

² Jean de Saint-Victor, dans Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. I, p. 110; G. de Paris, éd. A. Diverres, p. 222.

³ *Grandes Chroniques*, éd. J. Viard, t. VIII, p. 306–307.

⁴ *Chronique depuis César*, Bibl. nat., fr. 279, f. 278 r.

⁵ G. de Paris, *loc. cit.*, p. 220 et 226; Contin. de G. de Nangis, éd. Géraud, p. 411.

⁶ A. Artonne, *Le mouvement de 1314*, p. 34.

Через четыре дня после заседания Совета, в субботу, 15 марта, в Венсеннском лесу в присутствии короля и магнатов Французского королевства начался суд над Ангерраном де Мариньи¹. Первым слово взял секретарь, который должен был зачитать обвинения, несомненно, от имени короля, поскольку судьями в данном случае являлись король и его двор, и именно этим объясняется отсутствие упоминаний об этом деле в регистрах парламента. Этого представителя обвинения звали Жан Аньер²; в 1305 г. он служил прево в Жанвиле³, а в 1322 г. стал виконтом Жизора⁴. Этот клерк, имя которого никогда не упоминалось ни в каких важных бумагах, поскольку его зятем был балый Арраса Ангерран де Мастень, служил адвокатом в парламенте и, по мнению Ришара, его наняла Маго д'Артуа⁵. Но его услуги также оплачивал и граф Фландрии, которому 27 января 1314 г. Аньер передал расписку о получении двадцати парижских ливров, обнаруженную нами в Генте⁶. Следовательно, Жан Аньер был прежде всего адвокатом врагов Ангеррана, нежели выразителем мнения короля.

Доказательством тому, что Роберт Бетюнский повлиял на вынесение обвинительного приговора Мариньи, о чем мы не упоминали в предыдущих главах, поскольку ничто до сих пор не давало к этому повода, как нам кажется, является именно этот факт. Против Мариньи выступал оплачиваемый графом обвинитель. Невозможно представить себе, что Жан Аньер стал бы действовать против воли и интересов своего господина. Кроме того, это свидетельствует также и о том, что Мариньи не предавал короля в Маркетте: граф в таком случае не стал бы обнародовать того, что подпадало под обвинение в измене и к тому же в дальнейшем могло принести немалую выгоду. Напротив, он был заинтересован в том, чтобы человеку, который доставил ему немало неприятностей, вынесли обвинительный приговор, к тому же с исчезновением Мариньи как

¹ G. de Paris, *loc. cit.*, p. 222–223.

² Нет никаких причин называть его *d'Asnières* [вместо *Hanière*], как делают многие авторы (см. J. Viard, *Grandes Chroniques*, t. VIII, p. 307, п. 3), поскольку такое имя никогда не появлялось ни в одном из текстов; сам он подписывался *Haniere*, а на его печати вырезано *Heiniere*; см. *infra*.

³ R. Fawtier, *Comptes royaux...*, t. I, p. 317, № 6489.

⁴ Ch.-V. Langlois, *Registres perdus...*, p. 243.

⁵ J.-M. Richard, *Mahaut...*, p. 36.

⁶ «Да будет известно, что я (мэтр) Жан Аньер, получил за мое присутствие на этом заседании от высокопоставленного, благородного и могущественного Р(оберта), графа Фландрии, двадцать парижских ливров из рук мэтра Жака де Рулле, писца вышеназванного графа, и даю в этом расписку. Желая засвидетельствовать это, я запечатал моей личной печатью это письмо, составленное в год тысяча триста третий, в воскресенье перед Сретеньем». — Оригинал запечатан зеленым воском (на экую шеврон и кантон заключены в розу, образованную четырьмя сплетенными лопастями; вокруг розы надпись *S. Mag... ohis dicti Heiniere clici*), Arch. d'Etat de Gand, Saint-Genois, № 1277.

государственного деятеля дипломатические проблемы во Фландрии стали бы решаться гораздо проще. Поэтому мы не думаем, что обвинителем Мариньи случайно оказался человек, нанятый графом Фландрии. С другой стороны, необходимо отметить, что деньги обвинителю выплачивались легальным, открытым путем: до Жана Аньера представителем графа в парламенте был Рауль де Прель, который в свидетельстве о выплате пенсионов упоминается наряду с Аленом де Ламбалем...¹

Жан Аньер перечислил обвинения, выдвинутые против Мариньи: измена, вероломство, клятвопреступление, служебная недобросовестность, хищения и т. д. Он перечислил имена пострадавших и уточнил размеры ущерба, нанесенного мошенническими махинациями бывшего камергера².

Чтобы узнать хоть какие-нибудь подробности речи обвинителя, нужно обращаться только лишь к тексту нескольких рукописей «*Больших Французских Хроник*»³. Но тогда как в них упоминается о сорока одной статье обвинения, в продолжении «*Хроники от времен Цезаря*», составленной, без всякого сомнения, на основе одной из рукописей «*Больших Французских Хроник*», можно прочесть: «Взял слово метр Жан Аньер; он начал свою речь против упомянутого Ангеррана по XII. пунктам...⁴»; в то же время, Жоффруа Парижский утверждает, что Мариньи обвинили по «тридцати восьми статьям»⁵, и его точку зрения поддерживает Жан де Сен-Виктор⁶. После того как Борелли де Серр доказал, что относящийся к этому вопросу отрывок из «*Больших Французских Хроник*» был написан двадцать лет спустя после описываемого события⁷, уже невозможно поверить, что Жан Аньер выдвинул большинство упомянутых в «*Больших Французских Хрониках*» обвинений. Только тем, что прошло очень много времени⁸, можно объяснить себе, как можно было написать — после 1333 г., — что Филипп Красивый жестоко

¹ Archives gén. du royaume de Belgique, comptes en rouleaux 1. 14 pièce.

² G. de Paris, *loc. cit.*, p. 223.

³ Ed. J. Viard, t. VIII, p. 308–313.

⁴ Bibl. nat., fr. 279, f. 278 г.; возможно, переписчик поставил XII вместо XLI.

⁵ *Loc. cit.*, p. 223.

⁶ *Loc. cit.*, p. 111.

⁷ Поскольку в нем содержатся слова *графство Лонгвиль*, он, по всей видимости, был написан после 1333 г.; Borrelli de Serres, *Recherches*., t. III, p. 281–282 et p. 284–293.

⁸ Тем не менее мы не можем согласиться с Борелли де Серром (*op. cit.*, p. 292, п. 3), который считает подтверждением недостоверности этого свидетельства то, что в нем неверно написано имя Рауля де Преля. Чтобы убедиться, насколько малое значение современники придавали начертанию имени, достаточно сказать, что в различных документах можно встретить двадцать четыре варианта написания имени *Enguerran* (Ангерран) и двадцать один способ написания *Marigny* (Мариньи), по-латински или по-французски.

разочаровался в Мариньи и поэтому не назначил его своим душеприказчиком (статья 1): Людовик X, безусловно, знал бы о неудовольствии своего отца и, конечно же, в память об усопшем короле, не стал бы оказывать помощь Мариньи. Что же касается завещания, Мариньи так мало занимался вопросом о приведении его в исполнение, что монахи из Сен-Дени двадцать лет спустя, как предположил Борелли де Серр¹, вполне могли и не знать о том, что король назначил его своим душеприказчиком. Добавим, что сведения о подавленном состоянии короля, которое, по словам д-ра Браше², предшествовало появлению желудочных болей 4 ноября 1314 г., на наш взгляд, основаны лишь на этом, по всей видимости, недостоверном отрывке из *«Больших Французских Хроник»*. Наконец, именно Мариньи составлял последний акт от имени Филиппа Красивого, и мы уже подчеркивали важность этого документа, передававшего графство Пуатье его владельцу в качестве апанажа.

Выдвинутые обвинения по большей части были абсолютно невразумительны: трудно было бы даже представить себе, что Мариньи ночью с шестью сообщниками опустошил казну в Лувре (статья 2)³, что король выделил ему 55 000 ливров на поездку в Пуатье (статья 9), что Маго д'Артуа предоставила ему право суда и рынок в Бомеце, «так как боялась лишиться большего» (статья 20). Некоторые обвинения справедливы, но вместе с тем необоснованны: Ангерран действительно выплатил Беро де Меркеру только 4000 из 7000 ливров, но, как мы уже отмечали, если он, согласно традициям того времени, задерживал выплаты, то позже всегда отдавал долги; вполне возможно, что именно арест помешал ему вернуть недостающую сумму! Штраф в городе Камбре действительно взимал человек Ангеррана, Тот Ги, но это отнюдь не было сделано против воли короля (статья 17), поскольку эти деньги были переданы Жоффруа Кокатриксу. Мариньи обвинили (статья 13) в том, что оценил в 800 ливров дохода земли Гайфонтена, настоящая стоимость которых составляла 1200 ливров дохода, ущемив тем самым интересы Карла Валуа; впрочем, нам известно, что эти земли и относившиеся к ним угодья в июне 1310 г. были оценены в 2000 турецких ливров дохода⁴, к тому же неверная оценка отразилась бы на благосостоянии короля, а не Карла Валуа, который в итоге получил взамен земли Шампрона, купленные Мариньи за 28 000 парижских ливров⁵, и, следовательно, мог получать с них от 3000 до 3500 ливров ренты; за это время деньги обесценились примерно на 10%, поэтому легко

¹ *Recherches...*, t. III, p. 291–292.

² *Pathologie mentale des rois de France*, p. 444 и далее.

³ В то время как он являлся главным распорядителем всеми расходами и мог совершенно свободно и ни перед кем не отчитываясь брать любые суммы.

⁴ *Cartulaire*, № 34.

⁵ 1308 г., 5 декабря; Arch. nat., J 225, № 1 et 2.

заметить, что все преимущества оставались на стороне Карла Валуа; Мариньи никогда не согласился бы на подобный обмен, если бы эта сделка не представляла для него интереса в плане формирования его нормандского домена.

Мы не будем обсуждать каждую статью. Среди них многие просто были сфабрикованы: Мариньи обвиняли в том, что он получал и хранил не предназначенные ему деньги, или в том, что он получал плату за свои услуги. В заключение скажем, что перечисление основных пунктов обвинения в «*Больших Французских Хрониках*» не следует воспринимать всерьез. Это недостоверный текст, написанный одним из монахов Сен-Дени: он абсолютно произвольно взял несколько официальных бумаг¹ и, руководствуясь ими, попытался воспроизвести ход судебной тяжбы; при этом сам монах двадцать лет тому назад не присутствовал на этом процессе и к тому же ничего не нашел об этом у продолжателя Гильома де Нанжи.

Жан Аньер выбрал в качестве «темы» своего выступления отрывок из псалма: «*Non nobis, Domine, non nobis, sed nomini tuo da gloriam*» («Не нас, Господи, не нас, а твое имя прославляем»). Когда он закончил говорить, Ангерран попросил копию его речи, которая была переполнена цитатами из Библии, само собой, чтобы слушатель не смог понять самой сути. Ему отказали, заявив, что он должен отвечать немедленно, чего он сделать не захотел². Увидев, что ему не дадут подготовить свою защиту, Ангерран попросил судебного поединка, но никто не хотел его слушать: обвиняемого нужно было осудить³. Тогда Мариньи заявил, что хотел бы обдумать выдвинутые против него обвинения и высказаться сразу после этого⁴. Его увели в Тампль⁵.

¹ Как и в отношении исполнения завещания Филиппа Красивого.

² G. de Paris, *loc. cit.*, p. 223.

³ *Ibid.*, et. J. de Saint-Victor, *loc. cit.*, p. 111.

⁴ G. de Paris, *loc. cit.*, p. 223.

⁵ Смысл трех стихотворных строчек Жоффруа Парижского плохо понятен

Но выглядел он не лучшим образом,
Когда ничего не вышло у его поручителя;
Его поручитель не мог говорить.
(*Loc. cit.*, p. 224.)

Не имея возможности дать вразумительное объяснение, мы сравним эти стихи со строками из произведения Жана де Мариньи, представляющего собой несколько сомнительное свидетельство, в которых упоминается некий Соваж д'Антиньи, сторонник Мариньи:

Прощай, Соваж д'Антиньи.
Когда все сказали: «Я от тебя отказываюсь!»,
Вы не отказались от меня,
А положили вашу жизнь
За меня на весы.

По существу, рассмотрение дела завершилось вечером 15 марта. Позже предполагалось провести повторное слушание, но этого так и не произошло. За закрытыми дверями, не пригласив ни одного придворного, король, Карл Валуа и братья Ангеррана должны были вынести окончательное решение по этому вопросу.

Король, желая, как мы уже поняли, избежать худшей кары для того, к кому он не испытывал ненависти, предполагал отправить Мариньи в изгнание на один из островов Средиземного моря, «за море»¹, на Кипр, по мнению продолжателей Нанжи² и Фраше³, или на Родос, по словам арагонского посланника Хуана Лупи⁴. Последнее свидетельство представляет для нас наибольшую ценность, поскольку оно датировано: 18 апреля распространились слухи о том, что Мариньи должны были повесить, но некоторым было известно, что в Совете обсуждали возможность изгнания бывшего камергера. Это мнение взяло вверх, и все посчитали дело решенным⁵.

Действительно, Мариньи хотели осудить как можно быстрее. Поскольку Ангерран попросил и получил время на обдумывание обвинений и на подготовку своей защиты, возникли небезосновательные сомнения в быстром исходе разбирательства. Король не мог более затягивать с решением этого вопроса; нужно было немедленно вынести приговор, но поводов для этого было недостаточно. Как показал Жозеф Пти, историк, занимавшийся личностью Карла Валуа, на суде Мариньи предъявляли обвинения в проступках, которые на самом деле имели место, но были слишком привычны для того времени, чтобы их можно было возвести в ранг серьезного преступления⁶. Вмешавшиеся в дело Филипп и Жан де Мариньи⁷, последний из которых был на особенном счету при дворе, быстро добились от короля согласия на обычную ссылку Ангеррана⁸.

Против двух лучших людей Франции
Вы решились сражаться за меня,
Но вас сумели победить.

(L'aventurier rendu a dangier, № XII, p. 24, vers 193–200.).

¹ G. de Paris, *loc. cit.*, p. 225.

² Ed. Géraud, p. 418.

³ *Hist. Fr.*, t. XXI, p. 43.

⁴ «Однако достойный доверия человек сообщил, что говорилось о том, будто его пошлют в изгнание на остров Родос, и он никогда оттуда не вернется, разве лишь по настоянию господина Карла или его сыновей» («Tamen didici a personis fidedignis quod tractatur quod mitatur in exilium et relegetur in insulam de Rodis, nunquam rediturus nisi de mandato domini Caroli vel filiorum suorum»); донесение от 18 апреля 1315 г. к Арагонскому двору; éd. H. Finke, *Acta Aragonensia*, t. I, p. 358.

⁵ Continuation de G. de Frachet, *loc. cit.*

⁶ J. Petit, *Charles de Valois*, p. 151–152.

⁷ J. de Saint-Victor, *loc. cit.*, p. 112.

⁸ G. de Paris, *loc. cit.*, p. 224–225.

Карл Валуа воспротивился этому решению, заявив, что у него достаточно заморских врагов — здесь нужно вспомнить об его притязаниях на Константинополь — и что он не хотел бы, чтобы их число увеличилось¹. Итак, Мариньи нельзя было держать в заключении, не вынося ему приговора, а, поскольку король принял решение уступить своему дяде, в котором он нуждался больше, чем в Мариньи, не могло идти и речи об освобождении Ангеррана. Необходимо было найти повод, чтобы осудить бывшего камергера Филиппа Красивого, так как допущенные им недочеты в сферах политики и финансов не позволяли вынести ему суровый приговор. Тогда пришлось выдвинуть «тяжелую артиллерию» в области обвинений того времени: элемент тайны и обвинение в колдовстве.

В апреле умирающая королева Наварры, Маргарита Бургундская, передала своему исповеднику закрытое письмо для короля. Его прочли только Людовик X и близкие ему люди². Существует мнение, что это послание серьезно повредило положению Ангеррана³.

Именно это погубило
Ангеррана и привело его к гибели⁴.

Очевидно, что никто не знал, о чем говорилось в этом письме, поэтому его незамедлительно расценили как компрометирующее Мариньи: содержание послания нельзя было обнародовать, «так как это было бы постыдно»⁵. Но это не могло стать поводом для того, чтобы казнить человека или посадить его в темницу до скончания дней. Тогда в ход пошли обвинения в колдовстве и чародействе.

Стало известно, что после визита архиепископа Филиппа де Мариньи и одной из его сестер, госпожи де Кантелу, в Тамплъ к заключенному⁶, Алис де Монс и ее золовка пригласили к себе формовщика Жака де Лора, его жену, хромоножку по имени Эрене, и их сына Пайо. Они вылепили фигурки из воска, с помощью которых намеревались околдовать короля, графа Валуа и принцев, чтобы освободить Ангеррана и отомстить за него. Эти люди действительно существовали, в этом нет никаких сомнений: Жака де Лора арестовали, и он повесился в темнице, по крайней мере,

¹ *Ibid.*, p. 225; J. de Saint-Victor, *loc. cit.*, p. 112.

² Несомненно, именно их нужно подразумевать под *secretarii*, поскольку нельзя поверить в то, что король разделил подобную тайну только лишь со своими секретарями, но не с советниками.

³ Jean de Saint-Victor, *loc. cit.*, p. 111.

⁴ Geoffroi de Paris, *loc. cit.*, p. 226.

⁵ *Ibid.*

⁶ *Chronique depuis César*; Bibl. nat., fr. 279, f. 278 v.

согласно официальной версии; его жену сожгли на костре как колдунью, а мальчика повесили на Монфоконе, чуть ниже, чем Мариньи¹. Само собой, именно Карлу Валуа стало известно об этой истории, и именно он приказал арестовать всех, включая Алис де Монс и ее золовку². Это совершенно не удивительно.

Вполне возможно, что две женщины применяли какие-нибудь магические приемы; также возможно, что они обратились к услугам неких темных личностей, чтобы, например, организовать побег Ангеррана. В любом случае, обвинение в колдовстве, которому некогда подверглись Бонифаций VIII и Гишар де Труа, позднее было выдвинуто против самого Мариньи Людовиком Неверским, но тогда речь шла о попытках навести чары на короля с целью заполучить его власть³. Согласно народным представлениям, Ангерран обладал весьма внушительными колдовскими способностями: по слухам, он вызвал к себе в темницу своего личного демона; и тот ответил ему, что, как он раньше говорил, власть Ангеррана продлится до того дня, когда не будет ни папы, ни короля, ни императора, и этот день пришел, поскольку король все еще не был коронован и, следовательно, не являлся настоящим королем⁴.

Была ли история с восковыми фигурками придумана Карлом Валуа, либо же он просто раздул ее до необычайных размеров и использовал в своих целях — Мариньи не имел к этому никакого отношения. Если бы он попросил провести эти магические манипуляции, то скомпрометировал бы архиепископа Санского; и даже если это действительно было так, его ответственность не была бы полной. Но так подробно этот вопрос никто не разбирал. Несмотря на то что во время процесса вина Ангеррана не была доказана, он все равно был осужден. Король более не мог защищать Мариньи, так как теперь это показалось бы неприличным, и Карл Валуа, наконец, получил возможность избавиться от своего врага не только на время, которое он провел бы в ссылке и, возможно, сумел бы использовать против самого Карла.

В субботу 26 апреля Мариньи вновь отвезли в Венсенн. Людовик X и окружавшие его бароны находились в зале, где было доселе невиданное скопление народа⁵, сообщает Жиль Ле Мюизи (который сам там не присутствовал)...⁶ Алис де Монс и госпожа

¹ Cont. Nangis, éd. Géraud, p. 416–418; *Grandes Chron.*, loc. cit., p. 313–315; J. de Saint-Victor, loc. cit., p. 111; G. de Paris, loc. cit., p. 224.

² *Grandes Chroniques*, loc. cit., p. 314.

³ Акт от 14 апреля 1313 г.; Th. de Limbourg-Stirum, *Codex...*, t. II, № 290, p. 223.

⁴ G. de Paris, loc. cit., p. 224; J. de Saint-Victor, loc. cit., p. 112.

⁵ Continuation de G. de Nangis, éd. Géraud, p. 416.

⁶ G. Le Muisit, éd. H. Lemaître, p. 85.

де Кантелу, хромая Эрене и Пайо — без Жака де Лора, самоубийство которого все упростило, — предстали перед судом и выслушали приговор: две первые дамы должны были отправиться в тюрьму, остальные на смерть¹. Мариньи попросил разрешения защищаться. Это не составило бы для него труда, поскольку он не был виновен ни в тех преступлениях, которые приписывал ему Жан Аньер в предыдущем месяце, когда он не захотел отвечать без подготовки, ни в колдовстве. Что же до письма королевы Маргариты, обвинителям пришлось бы объяснять, почему они приводят его содержание в качестве довода. Поэтому Карл Валуа от имени короля отказал ему в праве голоса², и, никак не мотивировав свое решение, заседатели вынесли свой приговор. «Постановлением нескольких баронов, пэров, рыцарей и баронов королевства Французского, здесь собравшихся»³, Ангерран де Мариньи был приговорен к смерти.

Это было одно из последних постановлений, вынесенных королем лично, в феодальной курии. Людовик X судил не один: участие баронов было совершенно очевидным, и Жоффруа Парижский показал нам, как они требовали от короля осудить Ангеррана⁴. Следовательно, это не просто пример того, как король лично воспользовался своей судебной властью, обычно делегировавшейся — позднее эта практика ляжет в основу «*Lit de justice*»⁵ в парламенте. О парламенте, как и о королевских комиссарах, в деле Мариньи и речи не шло. Рыцаря, барона — де Мариньи — и верховного судью, Ангеррана, согласно феодальному кодексу, судил его сеньор и его пэры. Мы заострили внимание на необычном характере этого судебного процесса 1315 г., поскольку такой порядок его проведения был установлен еще франками и впоследствии его придерживались только на собрании палаты пэров.

В воскресенье, 27 апреля, по настоянию своего дяди и Маго д'Артуа⁶, король «отступился» от Ангеррана⁷. В понедельник 28-го приговоренного передали в руки стражников прево Парижа, которые

¹ *Chroniques depuis César*, Bibl. nat., fr. 279, f. 279.

² Contin. Nangis, éd. Géraud, p. 416–417; G. Le Muisit, *loc. cit.*

³ *Grandes Chroniques*, *loc. cit.*, p. 315.

⁴ G. de Paris, *loc. cit.*, p. 226.

⁵ Чрезвычайная сессия парламента, на которой присутствовал король. — Прим. ред.

⁶ J. de Saint-Victor, *loc. cit.*, p. 112; на наш взгляд, то, что Маго как-то повлияла на вынесения этого решения, довольно сомнительно, поскольку 1 мая она находилась в Эдене и не должна была оказаться в Париже в конце апреля; Arch. du Pas-de-Calais, A 334 f. 4 г.

⁷ G. de Paris, *loc. cit.*, p. 226.

препроводили его в Шатле; там Мариньи провел два дня¹ до приведения приговора в исполнение.

Этот процесс наделал немало шума. Мы уже упоминали о том, что люди собирались по обеим сторонам дороги, по которой должны были провести обвиняемого, что заседание в Венсенне проходило при необычайном скоплении народа, что из толпы слышались оскорбления в адрес свергнутого советника. Жоффруа Парижский донес до нас слова толпы, и если даже тогда прозвучало нечто иное, нас его произведение интересует не в меньшей степени — ведь Жоффруа передал то, что думал на самом деле, что он и ему подобные закричали бы, находясь там:

Все те, кто шли за ним,
Больше чем когда-либо осыпали его проклятиями
И говорили: Вперед, Лис (Renart),
Да покроет тебя позором Святой Льенар!
Твоя болтовня и твое жульничество
Всем нам портили жизнь!²

Многое говорили о вынесенном приговоре, причем каждый стремился высказать свою собственную точку зрения, и, как сказал Жоффруа Парижский, «тот, кто меньше знал, больше говорил»³. Вскоре народ решил, что голод, начавшийся летом 1315 г., стал следствием этого судебного решения, которое отныне все как один стали считать незаконным⁴. Именно зависть, по мнению многих, стала причиной смерти Ангеррана⁵. Народ «был безмерно удивлен» и размерами богатства камергера Филиппа Красивого⁶, и его внезапным падением; об этом говорили даже в Эно, где в том же 1315 г. Жан де Конде написал:

Был покаран Божьей
Десницей, которая повсюду настагает...⁷

Для него Мариньи был преступником, достойным такой участи, и так же считал автор *«Романа об уродливом Лисе»*:

¹ *Ibid.*, p. 227.

² *Ibid.*, p. 222.

³ *Ibid.*, p. 229.

⁴ *Chronicum Cadomense...*, dans *Hist. Fr.*, t. XXII, p. 25; *Normanniae nova chronica*, éd. Chéruef, p. 31.

⁵ G. de Paris, *loc. cit.*, p. 229.

⁶ *Chronique abrégée de Guillaume de Nangis, continuation*, dans *Hist. Fr.*, t. XX, p. 652.

⁷ Scheler, *op. cit.*, t. III, *Li dis du seigneur de Maregny*, vers 77–78.

Если Ангеррана отправили в темницу,
Предали позору и затем казнили,
В этом повинна не Судьба, а он сам¹.

Любопытно отметить, что, по мнению современников, Мариньи признал свои ошибки или же не смог привести доказательства своей верности короне и честности. Жоффруа Парижский, выразитель народного гнева, заявил, что Мишель де Бурдене и Ангерран де Мариньи не смогли отчитаться в расходах, «запутавшись в собственных расчетах»², а в *«Романе об уродливом Лисе»* уточняется, что «новый король обвинил его во множестве преступлений, и он в ответ не смог дать удовлетворительного объяснения»³. Тем временем нам известно, что король одобрил отчет о бухгалтерии камергера, предоставленный ему комиссией, в которой было достаточно противников Ангеррана. Что же до его ответов, он отказался выступить 15 марта потому, что у него не было времени, чтобы обдумать выдвинутые против него обвинения после запутанной речи Жана Аньера, а также потому, что вечерело, и ему не дали времени на размышления. На заседании 26 апреля, уступив просьбе Карла Валуа, король лишил Ангеррана слова. Но, учитывая то, что общественность, в какой-то степени вполне справедливо, была враждебно настроена по отношению к Мариньи, неудивительно, что во время суда факты были несколько искажены не в пользу обвиняемого.

Что мы можем сказать по поводу вынесенного приговора? В соответствии с нашими понятиями о правосудии и политике он несправедлив. Скомпрометировавший себя несколькими нелицеприятными поступками и виновный в безудержных амбициях, Мариньи заслуживал бы ссылки, в которую предложил его отправить король, что, по вполне понятным причинам, вызвало протест Карла Валуа. Эти ошибки, повторяем, вполне обычные и простительные в XIV в., не могли стать поводом для вынесения смертного приговора. На смерть Мариньи обрекло неясное, сфабрикованное в нужный момент обвинение. Поскольку на основном судебном заседании вина Ангеррана не была доказана, против него применили обычное и беспроектное в таких случаях средство — обвинили в колдовстве и затем осудили на смерть.

Несомненная вина Ангеррана лежала, скорее, в моральной, чем материальной плоскости. Обвинения в нечестности не имели к нему отношения.

¹ Ed. G. Raynaud et H. Lemaitre, t. I, p. 313.

² G. de Paris, *loc. cit.*, p. 220.

³ Ed. G. Raynaud et H. Lemaitre, t. I, p. 293, § 154.

3. КАЗНЬ

Два дня, 28 и 29 апреля 1315 г., Мариньи оставался в Шатле. Тридцатого числа, в среду, накануне праздника Вознесения, его повезли на виселицу. В нашем распоряжении есть два свидетельства очевидцев казни, но, в отличие от автора «*Романа об уродливом Лисе*»¹, Жоффруа Парижский описал нам Мариньи, каким он был в тот день: закованного в кандалы и с цепями на ногах, в белой шапочке, плиссированной рубаше, в цветной тунике и штанах, его везли к месту казни в телеге².

Его доставили на виселицу в Монфокон, а не на Гревскую площадь, как предположил Пьер Дюпюи³, в этом нас убеждают свидетельства многих хронистов⁴. На протяжении многих веков бытовало мнение, что эту виселицу возвели по приказу Мариньи, но она, и в этом нет никаких сомнений, существовала еще при Людовике Святом. Впрочем, то же самое говорили о Пьере Реми, судьба которого сходна с участью Мариньи: очевидно, что в данном случае творил правосудие Всевышний...

По пути, под свист и улюлюканье толпы, приговоренный кричал о своей невиновности и просил молиться за него⁵. Его повесили на углу самой высокой переკладины гигантской виселицы⁶. Мальчик по имени Пайо, вовлеченный в дело о колдовстве, был повешен на нижнем уровне⁷. Кстати, труп Мариньи долгое время оставался на виселице в Монфоконе. Примерно в середине июня поутру его обнаружили лежащим на земле безо всякой одежды. Его сняли воры! Тело вновь одели, если можно так выразиться, в так называемый «колокол» — кусок ткани с дыркой посередине — и вновь подняли на виселицу 23 июня 1315 г. по приказу Карла Валуа, ненависть которого, по мнению Жоффруа Парижского, переходила всякие границы:

Карл бы сдох,
Если бы его вновь не вздернули⁸.

¹ *Ibid.*, t. I, p. 31, vers 2915–2916.

² G. de Paris, *loc. cit.*, p. 227; repris par Jean de Saint-Victor, dans Baluze, *Vitae...*, éd. Mollat, t. I, p. 112.

³ *Histoire de l'ordre militaire des Templiers*, p. 45, en note.

⁴ G. de Paris, *loc. cit.*, p. 227–228; Jacques Muévin, éd. de Smet, *Recueil...*, t. II, p. 457, et G. Le Muisit, éd. H. Lemaitre, p. 85.

⁵ *Grandes Chroniques*, éd. J. Viard, t. VIII, p. 315.

⁶ G. de Paris, *loc. cit.*, p. 228. — Куски фундамента этой виселицы сохранились на улице Гранж-о-Бель (Pris, Xe arr.).

⁷ *Grandes Chroniques*, *loc. cit.*

⁸ G. de Paris, *loc. cit.*, p. 229; J. de Saint-Victor, *loc. cit.*, p. 112.

Труп Ангеррана два года провисел на вершине виселицы в Монфоконе. Даже привычные к подобным зрелищам современники заметили, что это зловещее представление несколько затянулось. В 1317 г., уступив настойчивым просьбам друзей Ангеррана — и, несомненно, его брата Жана и сына Луи, — король Филипп Длинный приказал, чтобы тело увезли с Монфокона и предали земле в освященном месте¹. Это произошло ночью: его погребли под хорами церкви Шартре де Вовер в Париже². Составитель «*Больших Французских Хроник*» подразумевает, что Филипп и Ангерран де Мариньи обрели вечный покой под одним камнем³. Это неточная информация. Миллен, который видел надгробия до 1791 г., описал их: центр хоров занимала эпитафия кардиналу Дорману; Ангерран лежал справа от нее, а Филипп слева. Надгробие бывшего советника Филиппа Красивого было очень простым. Мозаика из черного и белого мрамора, белые кусочки которой исчезли в XVIII в., изображала рыцаря со сложенными руками, с лежащей на подушке головой, опоясанного ремнем под мышками и по ногам. С двух сторон от него находились длинная шпага и короткий кинжал, прозванный «кинжалом милосердия», которые были соединены ремнем, украшенным цветочками, крестиками и зернами⁴.

В 1475 г. Людовик XI позволил каноникам Экуи возвести надгробие создателю их церкви⁵, останки которого перевезли в Экуи, несомненно, в XIV в., точная дата нам неизвестна. Могилу вскрыли во время Революции, а останки Мариньи, по всей видимости, выбросили в ров⁶.

Жена и сестра Ангеррана с апреля 1315 г. находились в заключении. Жия Ле Мюизи, утверждавшего, что обеих женщин сожгли на стрелке острова Сите 21 июня 1315 г.⁷, ввела в заблуждение состоявшаяся в тот же день казнь хромоножки Эрене⁸. Жоффруа, произведение которого относится, самое позднее, к 1317 г., ничего не знал о судьбе этих женщин⁹. По крайней мере, нет сомнений

¹ *Grandes Chroniques*, loc. cit., p. 337; continuation de G. de Frachet, dans *Hist. Fr.*, t. XXI, p. 48.

² J. de Saint-Victor, loc. cit., p. 120 (отрывок, выпущенный у Балюза).

³ «Оба под одним камнем»; *Grandes Chroniques*, loc. cit., p. 338.

⁴ A.-L. Millan, *Antiquites nationales*..., t. V, chap. LII, p. 17 et pl. 5; A. Berty et L.-M. Tisserand, *Topographie historique du Vieux-Paris, Région du Faubourg Saint-Germain*, p. 84 et pl. p. 82.

⁵ 1475 г., 15 июля. — Экуи; éd. P. Clément, *Trois drames*..., p. 341–342; indique; dans *Ordonnances*..., t. XVIII, p. 126, n. 1.

⁶ Aug. Le Prevost, *Mémoires et notes*..., t. II, p. 31.

⁷ G. Le Muisit, éd. Lemaitre, p. 85–86.

⁸ *Grandes Chroniques*, loc. cit., p. 315; Continuation de G. de Frachet, dans *Hist. Fr.*, t. XXI, p. 43.

⁹ G. de Paris, éd. A. Diverres, p. 230.

в том, что Алис де Монс и Алис де Кантелу оставались в тюрьме вплоть до 1325 г.¹ Пьера Уаселе, сводного брата Ангеррана, арестовали в апреле 1315 г., а также его супругу и Берто де Монтегю, капеллана Мариньи². По всей видимости, дальнейшего отклика для его родственников гонения на опального камергера не имели. Для его друзей и преданных ему людей дело обстояло иным образом. Мишеля де Бурдене и Жоффруа де Бриансона отстранили от должности и арестовали. Так же поступили и с Раулем де Прелем, чтобы лишить его возможности помочь Мариньи защищаться³; ведь именно он в конце 1311 г. предъявил обвинение Людовику Неверскому, и благодаря Жану Аньеру мы знаем, какую роль сыграли фламандцы в деле Ангеррана де Мариньи!

Двадцать шестого апреля 1315 г. приговор был исполнен также и в отношении имущества, не только доменов и недвижимости, но и мебели, которую в 1319 г. мы обнаруживаем в Лувре⁴. За неделю до вынесения приговора, то есть 19 апреля, Людовик X приказал бальи Руана, Котентена, Ко, Жизора и Санлиса арестовать имущество Мариньи и составить его опись⁵. Нам прекрасно известно, как происходила оценка Лонгвилля, поскольку сохранились две копии составленной описи имущества. Пятнадцатого июня 1315 г. король приказал Жилью де Реми оценить имущество Ангеррана в Лонгвилле, Соквиле, Лонгейле, Белленкомбре, Васкейе и Гренвиле. Двадцать шестого июня Жилью де Реми, Клеру Бридую и Жансьену Тристану было предписано передать все это имущество Людовику д'Эвре, а 25 сентября бальи Ко получил указание помочь королевским уполномоченным. Полностью оценку завершили Жиль де Реми, Жансьен Тристан и бальи Ко, Жан де Ла Порт, причем только в 1316 г.⁶

Дети Ангеррана потеряли практически все. Луи, рыцарь, женатый и юридически дееспособный человек, сохранил некоторые владения, которые принадлежали ему на правах частной собственности: земли в Менневиле и в Мариньи, подарок отца на его свадьбу с Робертой де Бомец, и в бальяже Ко, подарок короля своему крестнику⁷.

¹ P. Anselme, *Histoire généalogique...*, t. VI, p. 313; J. Viard, *Journaux du Trésor de Charles IV*, № 190, 191, 519, 520, 1978, 1979, 5824, 7176 et 9402.

² 1315 г., 21 апреля; приказ бальи Жизора немедленно отправить их в Париж под надежной охраной; Bibl. nat., fr. 10430, p. 84, № 496.

³ Arch. nat., U 956, p. 8, левое поле.

⁴ Soultrait, *Inventaire...*, col. 623.

⁵ J. Petit, *Essai de restitution...*, p. 101, № 563.

⁶ Arch. nat., Q1 1373*, et Q1 1373 (по всей вероятности, согласно первому).

⁷ Bibl. nat., fr. 32510, f. 107; Борелли де Серр на основании этого документа утверждает, что баронию Мариньи передали Луи, но мы не можем с ним согласиться; *Recherches...*, t. III, p. 66.

В 1316 г. король даровал ему дом и угодья в сеньории Мариньи¹, но, по всей видимости, этот жест не относился к прежнему фьефу, а тем более к баронии. Что касается младшего сына Ангеррана, Тома, в июле 1332 г. он получил земли от Филиппа VI, по просьбе своего дяди Жана, королевского советника², поскольку вышеупомянутый племянник волею судьбы остался безо всякого наследства и имущества во временном пользовании, по причине смерти своего отца, и ему не на что было жить соответственно своему положению...³

Людовик X и его братья выказали особенную щедрость, раздаривая земли, дом и ренты, которые «вновь оказались в их владениях примерно на Пасху 1315 г.»⁴ Кому же предназначались эти дары? В основном родственникам короля, но нужно заметить, что управление имуществом, переданным в дар членам королевской семьи, осуществляли агенты короля, а сами владельцы имущества довольствовались тем, что получали выплаты из казны королевства⁵.

Два манора были переданы в дар слугам короля: Лоншан получил Анри де Медон⁶, а Менси — ранее принадлежавший Алис де Монс — Жан д'Эйи⁷. Парижские владения поделили между разными людьми: дом на улице Отриш достался Вильгельму, графу д'Эно⁸, а мезонины на улицах Пули и Фоссе-Сен-Жермен — Филиппу де Валуа⁹. Замок в Шильи вместе с относящимися к нему угодьями передали во владения Людовику Клермонскому¹⁰.

Значительную часть имущества Людовик X подарил своей новой супруге, Клеменции Венгерской: ленные владения, земли и права в Менневиле, Эбекуре, Сен-Дени-ле-Ферман, Варде, Экуи и Верк-ливе¹¹, которые образовывали «кольчужные» фьефы Менневилы и

¹ Bibl. nat., fr. 20691, p. 57; указана дата: 1300 г., декабрь. — Ме Марешаль; впрочем, Людовик X находился там 23 марта 1316 г.; см. *Hist. Fr.*, t. XXI, p. 506.

² Он являлся высокопоставленным чином вплоть до самой смерти в 1351 г.

³ Arch. nat., JJ 68, № 13, f. 9 v.

⁴ R. Fawtier, *Comptes du Trésor*, p. 29, № 503, например.

⁵ *Ibid.* et Ch.-V. Langlois, *Inventaire d'anciens comptes...*, p. 39, № 137. — Эта система объясняется количеством случаев предоставления ренты.

⁶ 1315 г., октябрь. — Монфор; Arch. nat., JJ 66, № 712, f. 287 v., et Bibl. nat., Clairambault 306, p. 321.

⁷ 1316 г., январь. — Орлеан; vidimus от 1331 г.: Arch. nat., JJ 66, № 595, f. 253 г.

⁸ 1315 г., июль; Arch. du Nord, B 1170, Godefroy 5030, pièce 54, et B 1584, № 202, f. 161 v.

⁹ 1315 г., май. — Париж; Arch. nat., JJ 52, № 93, f. 49 г.

¹⁰ 1315 г., июль; Arch. nat., JJ 52, № 219, f. 113 bis.

¹¹ 1315 г., ноябрь; Arch. nat., J 423, № 34.

Плесси, за исключением дома в Лоншане, доставшегося Анри де Медону, и разрешения на пользование замком в Плесси, предоставленного графу Савойскому на время жизни короля, которое, впрочем, Филипп Длинный продлил в августе 1316 г.¹ Это последнее пожалование привело к суду между графом Савойским, жаловавшимся на то, что люди королевы нарушали его права на замок, и королевой Кlemenцией, которая защищала своих людей и в итоге добилась права на обладание этим замком от регента Филиппа в августе 1316 г.² Наконец, 15 декабря 1317 г. в парламенте было заключено соглашение между владельцем и пользователем Плесси³.

Карл Маршский, брат короля, получил земли и фьеф Фальюэля и Кондрена, а также грюэри Шони⁴. Казалось, Филиппу Длинному ничего не досталось из оставшихся после смерти Мариньи трофеев, но это, возможно, объяснялось несколько запоздавшей регистрацией имущества, а также тем, что подарок короля графу де Пуатье, ставшему, в свою очередь, королем, не имел бы никакого смысла.

Людовик д'Эвре, в свою очередь, получил ленные владения в Мариньи, Васкейле, Лонгвилле, Белленкомбре, Соквиле, Денестанвиле и Лонгее, владения в Шильи — за исключением замка, отданного Людовику, — поля в Арке и ярмарку в Гренвиль-ла-Тентюрьер⁵. Он получил это имущество не в дар, а в обмен на 8000 турских ливров ренты из казны.

Карл Валуа наконец вернул себе владения в Гайфонтене⁶, которые совсем недавно уступил Мариньи. Сделка была очень выгодной, поскольку он сохранил и второй элемент обмена 1310 г., Шампрон! Гайфонтен принес ему 2000 турских ливров дохода, которые ранее Филипп Красивый хотел ему даровать⁷. Владения, предоставленные Людовику д'Эвре лишь в качестве источника ренты, вернулись в королевский домен после смерти графа. В 1323 г., чтобы положить конец спорам с Карлом Валуа по поводу фьефов и ренты, которые относились к Мариньи, по мнению короля, удерживавшего Мариньи в своих владениях после смерти Людовика д'Эвре, или к Гайфонтену,

¹ 1316 г., август; Arch. nat., JJ 54 b, № 15, f. 8 r.

² 1316 г., август. — Венсенн; vidimus дарственной на замок (1315 г., декабрь. — Венсенн), Arch. nat., JJ 54 b, № 10, f. 4 v.-5 v.

³ Arch. nat., X1 a 3, f. 159 v.; E. Boutaric, *Actes...*, t. II, p. 209, № 5107, ошибочно указано: f. 159 r.

⁴ 1315 г., май. — Венсенн; Arch. nat., JJ 52, № 74, f. 37 v.

⁵ 1315 г., 1 июля. — Париж; Arch. nat., JJ 52, № 152, f. 79 r.; Ch.-V. Langlois, *Registres perdus...*, Livre rouge, № 888.

⁶ 1315 г., июнь. — Париж; Arch. nat., JJ 52, № 103, f. 54 v.; vidimus документа 1326 г., J 225, № 11; vidimus документа 1327 г., J 225, № 24.

⁷ Карл Валуа получил из казны 1000 турских ливров в срок выплаты, которая пришлась на праздник Св. Иоанна в 1316 г.; R. Fawtier, *Comptes du Trésor*, p. 29, № 503.

по словам графа Валуа, Карл IV отдал эти фьефы и ренту своему дяде¹. Карл Валуа, которому в то время принадлежала значительная часть баронии Мариньи², попытался воссоздать его уже для себя; об этом свидетельствует целая серия копий дарственных и грамот о возведении поместья в ранг баронского Филиппом Красивым, копий, которые он получил в марте 1323 г. в превотстве Парижа³.

Одержав победу над своим врагом, Карл Валуа собирал добычу и готовился взять оглушительный реванш, потешив свое самолюбие: он намеревался добавить к своему имени титул барона Мариньи. Ему не хватило времени. Два года спустя он умер, предварительно заплатив парижским беднякам, чтобы они молились за упокой души Мариньи и его самого...⁴

¹ 1323 г., февраль. — Париж; Arch. nat., J 225, № 16 et JJ 61, № 264, f. 120 v.

² Inventaire de la Chambre des Comptes de Valois; Bibl. nat., fr. 5284, f. 48–55.

³ Arch. nat., J 225, № 17 à 21.

⁴ Continuation de G. de Frachet, dans *Hist. Fr.*, t. XXI, p. 65.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Память об Ангерране де Мариньи

Тело Ангеррана еще оставалось на виселице в Монфоконе, когда страсти начали утихать. Никто не знал, как относиться к этому происшествию, и официальный историограф Ив из Сен-Дени, завершая в конце 1317 г. свой труд об истории Сен-Дени и о французской монархии, умолчал как о роли советника Филиппа Красивого, так и о судебном процессе, состоявшемся при Людовике X, короле, царствованию которого автор посвятил очень небольшую главу в своей работе¹. Современник Ангеррана, к тому же монах Сен-Дени, прекрасно осведомленный о случившемся, не мог просто не заметить такого упущения.

Более того, в завещании Людовика X также не упоминается об Ангерране, но, по всей видимости, король испытывал угрызения совести по этому поводу, поскольку приказал основать две пребенды в коллегиальной церкви Экуи. Сделал он это не случайно. Он также выделил 5000 ливров Луи де Мариньи и столько же остальным детям Ангеррана,

«учитывая, какие неоценимые услуги оказала нашей дорогой матери Жанна², мать Луи де Мариньи, и то, с какой любовью относилась к ней наша мать, поскольку она выдала ее замуж за Ангеррана де Мариньи, и от этого законного брака родился Луи де Мариньи, наш крестник, а также учитывая огромное несчастье, которое приключилось с Луи и с остальными детьми, из сожаления...»³

Из этого следует, что этот поступок со стороны короля был не признанием ошибки, а жестом жалости: «огромное несчастье» приключилось с его крестником Луи, а не с Ангерраном де Мариньи! Король не подвергал сомнению справедливость приговора, а просто хотел помочь своему верному камергеру, которого искренне уважал. Снисходительность короля распространилась и на других детей Ангеррана, которые были еще молоды и жили в бедности. Но лишь

¹ Bibl. nat., latin 5286.

² Жанна де Сен-Мартен, первая жена Ангеррана.

³ Завещание Людовика X (1316 г., 5 июня); Arch. nat., J 404 A, № 22.

неправильное истолкование документа позволило Миллену написать¹ о том, что Алис де Монс вышла на свободу в 1316 г.: в королевском завещании речь шла о Жанне де Сен-Мартен, и имя «Жанна» относится не к королеве, а к матери Луи де Мариньи. Действия потомков Людовика X не затронули интересов детей Ангеррана, и в 1328 г. родная сестра Луи де Мариньи, Мари, которая была монахиней в Мобюиссоне, все так же получала из казны выплаты, назначенные ей отцом².

Двадцать четвертого июня 1317 г. Филипп Длинный вручил детям Ангеррана грамоту о восстановлении их в правах³. Клеман посчитал это реабилитацией камергера⁴. Лишенный даже призвука торжественности, этот документ был призван подтвердить полную юридическую дееспособность детей приговоренного и восстановить их репутацию. Однако заметим, что, в отличие от 1316 г., речь шла только о кончине Ангеррана, а не о его преступлении.

Карл Валуа ни словом не обмолвился о своей жертве в завещании от 17 сентября 1325 г.⁵, но общеизвестным фактом является то, что, чувствуя приближение смерти, он приказал дать денег всем беднякам Парижа с тем, чтобы они молились за Мариньи и за него самого, причем современники отмечали, что Мариньи он назвал первым⁶. Эти предсмертные угрызения совести, в принципе, ни о чем не говорят, граф, конечно же, не верил в невиновность Ангеррана; он единственно мог сожалеть о своей непримиримости. Впрочем, д-р Браше утверждает, что это «изменение характера... обычный клинический признак фокусного смещения позвоночника», стало следствием недуга, вызвавшего предсмертный частичный паралич⁷. В любом случае, такая реакция доказывает, что именно Карл Валуа был виновником случившегося в 1315 г. и сам считал себя таковым.

Сын Карла Валуа, став королем Филиппом VI, выделил Тома де Мариньи землю ренту в 600 ливров с земли, «принимая во внимание случай», лишивший его наследства, и желая предоставить ему возможность содержать семью. Но и этот жест, которого добился епископ Бове, был сделан «при том, что мы не имеем к этому никакого отношения, нашей особой милостью из жалости и абсолютно бескорыстно»⁸. В этом случае речь вновь идет лишь о помощи

¹ A.-L. Millin, *Antiquités nationales...*, t. III, chap. XXVIII, p. 20.

² Bibl. nat., fr. 20691, p. 839.

³ Arch. nat., JJ 53, № 226, f. 95 r.

⁴ P. Clément, *Trois drames historiques...*, p. 370.

⁵ Arch. nat., J 164 B, № 54.

⁶ Contin. de G. de Frachet, dans *Hist. Fr.*, t. XXI, p. 65.

⁷ Aug. Brachet, *Pathologie mentale des rois de France*, p. 433.

⁸ 1332 г., июль. — Мелен; заверено королем: 1335 г., 7 октября. — Шартр, Arch.

сыну казненного опального отца, который лишился средств к существованию, а не о возмещении несправедливо нанесенного ущерба. По всей видимости, всплеск королевской щедрости был вызван настойчивостью Жана де Мариньи, который в то время был советником, а вскоре стал канцлером Франции. Именно он ходатайствовал перед папой Иоанном XXII о предоставлении бенефиция своему племяннику Раулю, канонику Бове и Мо, которого он в повторном прошении к понтифику описал как бедного юношу, изучавшего право в Орлеане и не имевшего и ста ливров дохода¹.

Члены церковного капитула Экуи хотели воздвигнуть основателю церкви памятник, достойный его и коллегии. Пятнадцатого июля 1475 г. в Экуи Людовик XI дал разрешение на строительство² при условии, что в эпитафии не будет ни слова о приговоре, вынесенном в 1315 г. Эта оговорка свидетельствует об официальной позиции властей в XV в. в отношении истории с Мариньи: король отнюдь не гордился тем, что основатель ветви Валуа добился вынесения несправедливого приговора. Если бы Людовик XI и его окружение считали принятое в прошлом веке решение справедливым, что бы они могли иметь против надписи, напоминающей о нем? Когда Людовик XI дал согласие на установление памятника и одновременно запретил любые намеки на ход судебного процесса, он тем самым, сам того не зная,³ оправдал камергера Филиппа Красивого.

Надгробие располагалось в нише напротив южной стены хоров в коллегиальной церкви Экуи. Памятник в виде лежащей фигуры представлял собой изображение вооруженного рыцаря с непокрытой головой. Он представляет очень малый интерес³. Что же касается эпитафии, выгравированной на плите справа, над ногами статуи, мы приведем ее вариант, предложенный Луи Ренье⁴ на основе списка, который еще при Людовике XI сделал Жан Панье⁵, поскольку список, сделанный Милленом⁶, неверен. Вот эта эпитафия:

Здесь лежит гордость этой страны,
Владелец Мариньи и этих мест,
По имени Ангерран, очень мудрый рыцарь,
Короля Филиппа Красивого советник,
И знатный сеньор Франции, очень много сделавший
Для страны, граф Лонгвиль.

nat., JJ 69, № 224, f. 98 v.; *id.*: 1337 г., ноябрь. — Венсенн, JJ 68, № 13, f. 9 v.-10 r.

¹ Bibl. vaticane, Vat. lat., 14400, f. 1, № 1; éd. M.-H. Laurent, *Trois nouveaux rôles...*, dans *École française de Rome, Mélanges...*, t. LXVI, 1954, p. 226.

² P. Clément, *Trois drames historiques*, p. 341-342.

³ A.-L. Millin, *Antiquités nationales...*, t. III, chap. XXVIII, pl. 3.

⁴ L. Régnier, *L'église Notre-Dame d'Ecouis*, p. 200-201.

⁵ Bibl. vaticane, fonds de la reine de Sue'de 1323.

⁶ *Loc. cit.*, p. 22-23.

Эта церковь была некогда
Возведена в году тысяча III десятом,
В честь святой небесной девы.
Пять лет спустя его душа перенеслась к Богу,
В последний день апреля, и затем он упокоился здесь.
Молитесь, чтобы Бог смиростивился над ним,
Аминь.

Несмотря на это, Ангерран де Мариньи так и остался для одних злодеем, для других жертвой. Хронисты Средневековья — мы более не говорим о современниках Мариньи — порой были снисходительны к камергеру, как, например, автор *«Хронографии королей франков»*, по мнению которого такой приговор Мариньи вынесли не из-за совершенных им злодеяний, а из-за зависти и ненависти обвинителей¹. Историки нового времени, то есть периода Старого порядка, считали амбициозность Мариньи преступлением против королевской власти. Кроме того, они, во многом греша против системы, обвиняли Мариньи в том, что он узурпировал власть, а также поработил самого короля. «Он был, — писал Жермен де Сен-Фуа², —

одним из тех людей, которые считают себя министрами в государстве, но представляют собой обычных тиранов и, прикрываясь авторитетом своего господина, извращают понятие естественного равенства, удовлетворяя все свои желания...»

Только критическая мысль историков XIX в., Ж. Мишле, Е. Ренана и П. Клемана, наряду с другими, помогла персонажу Мариньи обрести свои истинные очертания. Но вместе с произведением последнего из названных авторов появился и новый взгляд на этот исторический сюжет, суть которого прекрасно передает название его работы: *«Три драмы в истории»*. Мариньи отныне представал только лишь в качестве жертвы судебной ошибки. Суд становился основным эпизодом в его жизни, а на первый план вместо рассказа о его политической, дипломатической и финансовой деятельности выходила история его соперничества с Карлом Валуа, истоки которого находили чуть ли не в 1300 г. Фигура Мариньи едва виднелась за грандиозным силуэтом виселицы в Монфоконе. Лишь занимавшиеся различными историческими вопросами, к которым так или иначе имели отношение Ангерран де Мариньи и те, с кем он общался, современные исследователи — Ришар, Пти, Фанк-

¹ «Скорее из-за зависти и ненависти, чем из-за злых дел, совершенных им» («Magis ex invidia et odio quam pro re quam delinquisset»); *Chronographia...*, éd. Moranvillé, t. I, p. 221.

² G. de Saint-Foix, *Essais historiques...*, t. II, p. 28–29.

Брентано, Борелли де Серр, Лизеран и Артонн — выявили всю важность деятельности Мариньи. Оставалось лишь проанализировать, каким образом он подходил к решению личных проблем и общественных задач, проводя необходимые сопоставления, что можно было сделать только путем подобного исследования; именно это мы и хотели сделать.

Подведем краткий итог. В конце глав, посвященных рассмотрению внутренней и внешней политики государства, мы уже говорили о значимости фигуры Мариньи, а также упомянули о том, какими, на наш взгляд, были причины его падения и обоснованность его обвинения. Поэтому мы уже не будем возвращаться к подведению итогов и к оценке роли Ангеррана де Мариньи в сфере управления и дипломатии.

В заключение мы еще раз обратимся к вехам эволюции его власти, к хронологии, которую необходимо учитывать, чтобы вынести справедливое суждение. Начиная с 1307–1308 гг. его влияние распространилось на все ведомства королевского отеля, а затем и на некоторые вопросы внешней политики, а именно о пожаловании доменов и различных милостей. Лишь в 1311 г. он приобрел авторитет в сфере дипломатии и господствовал в ней в 1313–1314 гг. Взяв в свои руки руководство королевскими финансами, что стало возможным, в некоторой степени, благодаря его дипломатической сноровке, Мариньи добился еще более обширных полномочий в государстве в последние годы правления Филиппа Красивого.

В конечном счете, кем же был Ангерран де Мариньи? На вопрос, поставленный нами в самом начале книги, мы можем теперь ответить с достаточной долей уверенности. Прежде всего Мариньи был скромным рыцарем, который действительно быстро возвысился как в феодальной иерархии, так и в политической реальности, но не чрезмерно, как можно было бы подумать. Подобное вознесение свидетельствует о гибкости социальной системы того времени, которую часто считали абсолютно застывшей.

Простой королевский советник, он сумел распространить свое влияние на большинство областей государственных дел и стать главным советником Филиппа Красивого. Так, в сфере политики Мариньи располагал гораздо большими полномочиями, чем принцы королевской крови и великие коронные чины, причем находился вне существовавших правительственных учреждений и не обладал никаким официальным званием. Как это часто случалось в истории Франции, королю служил и давал советы человек, обязанный своей властью и своим положением только одному монарху. Образование лиги феодалов стало естественным следствием такого положения вещей, и советник потерпел поражение сразу вслед за исчезновением того, кому он был всецело обязан своим возвышением.

Мариньи основывал свою деятельность исключительно на личном опыте. Мы уже говорили об отсутствии у него политических взгля-

дов и предвзятого мнения. Важно отметить, что в правительственной деятельности финансовые реалии всегда стояли для него на первом плане, финансовые возможности были наиглавнейшим условием.

Мариньи можно упрекнуть в том, что он проводил собственный политический курс, и принцы увидели в этом лишь то, что болезненно отражалось на их тщеславии. Это стало серьезной проблемой, когда возникла необходимость если не поставить королевские интересы на второй план, то, по крайней мере, постараться сочетать их с целями и задачами личной политики камергера. Можно даже задаться вопросом, не был бы Филипп Красивый вынужден самостоятельно положить конец блистательной карьере своего советника.

Сказать, что Мариньи заменил собой Флота или Ногаре, было бы неверно. Их значение несравнимо. Но можно с уверенностью утверждать, что последние годы правления Филиппа Красивого прошли под знаком неординарной личности Ангеррана де Мариньи.

БИБЛИОГРАФИЯ

РАБОТЫ ОБ АНГЕРРАНЕ ДЕ МАРИНЬИ

Beaumanoir (marquis de), *Œuvres, tome second, contenant la justification d'Enguerrand de Marigny...*, Lausanne-Paris, 1770, in-8°, 361 pages.

Clément (Pierre), *Trois drames historiques: Enguerrand de Marigny, Semblançay, le chevalier de Rohan*, Paris, 1857, in-8°, VIII-439 pages¹.

Durier (Charles), *Essai sur les revenus d'Enguerrand de Marigny, suivi de son cartulaire* (в рукописи)².

— *Essai...*, Dans les *Positions des thèses de l'École des Chartes*, 1878, p. 13-14.

Funck-Brentano (Frantz), Enguerrand de Marigny, dans la *Grande Encyclopédie*, t. XXIII, p. 116-117.

Godefroy-Menilglaise (Denis-Charles de), Lettre d'Enguerrand de Marigny, ministre de Philippe le Bel, à Simon de Pise, chapelain du cardinal Napoléon des Ursins, au sujet des affaires de Flandre, dans *l'Annuaire-bulletin de la Société de l'Histoire de France*, t. VI, 2e partie, 1868, p. 121-125.

Lanfray (Géo), *Les carrelages vernissés des salles du château d'Enguerrand de Marigny au domaine du Plessis (commune de Touffreville, par Menesqueville, Eure)*, extrait du *Bulletin de la Société des amis des monuments rouennais*, Rouen, 1933, in-4°, 7 p. et une planche.

Langlois (Charles-Victor), La lettre d'Enguerrand de Marigny à Simon de Pise, dans la *Bibliothèque de l'École des Chartes*, t. LXIV, 1903, p. 212.

Lizerand (Georges), Enguerrand de Marigny; dans *l'Information historique*, 16e année, 1954, n°s 1 et 2.

Simian (Paul), *Enguerrand de Marigny*, Roanne, s. d. (vers 1850), in-8°, 38 pages³.

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Anselme (le P.), *Histoire généalogique et chronologique de la maison royale de France, des Pairs, Grands Officiers...*, Paris, 3e éd., 1726-1733, 9 vol. in-folio.

¹ Мариньи упоминается только на стр. 1-123 (текст) и 303-370 (документы).

² Ш. Дюрье, архивист департамента Верхние Пиренеи, умер в 1887 г., не успев ничего опубликовать из своей докторской работы, которую мы так и не смогли разыскать.

³ Оттингер называет Биографией роман «Les truans et Enguerrand de Marigny, Histoire du regne de Philippe le Bel, написанный Викторианом Лоттэном де Лавалем (Paris, 2 éd., 1833? 3 vol. in-16). Мы же уверены, что этот роман нисколько не претендует на историческую достоверность.

Artonne (André), *Le mouvement de 1314 et les chartes provinciales de 1315* (Université de Paris, Bibliothèque de la Faculté des Lettres, t. XXIX), Paris, 1912, in-8°, 235 pages.

Baudon de Mony (Charles), La mort et les funérailles de Philippe le Bel, d'après un compte rendu à la cour de Majorque, dans la *Bibliothèque de l'École des Chartes*, t. LVIII, 1897, p. 5-14.

Bernard (J.), Le népotisme de Clément V et ses complaisances pour la Gascogne, dans les *Annales du Midi*, t. LXI, 1949, p. 369-411.

Bertrand (Martin), *Recherches historiques sur l'origine, l'élection et le couronnement du pape Jean XXII*, Paris, 1854, in-8° I-71 pages.

Berty (Adolphe), *Topographie historique du Vieux-Paris. Région du Louvre et des Tuileries (Histoire générale de Paris)*, Paris, 1866-1868, 2 vol. in-folio.

Berty (A.) et Tisserand (L.-M.), *Topographie historique du Vieux-Paris. Région du Faubourg Saint-Germain (Histoire générale de Paris)*, Paris, 1882, in-fol., XX-535 pages.

Bigwood (Georges), *La politique de la laine sous les règnes de Philippe le Bel et de ses fils*, Bruxelles, 1937, in-8°, 129 p.

Bloch (Marc), Les cartulaires des sires de Bouville. Une enquête sur les droits du roi à Chelles en 1303, dans le *Bulletin de la Société d'Histoire de Paris*, t. XL, 1913, p. 153-164.

— Le problème historique des prix. Comment recueillir les anciens prix, dans les *Annales d'histoire économique et sociale*, t. III, 1931, p. 227-228.

Borrelli de Serres (le colonel), *Recherches sur divers services publics du XIIIe au XVIIe siècle*, Paris, 1895-1909, 3 vol. in-8°.

Boutaric (Edgard), Compte rendu du *Recueil des Historiens des Gaules et de la France*, t. XXI, dans la *Bibliothèque de l'École des Chartes*, t. XVII, 1857.

— Les premiers États Généraux, 1902-1314. Fragment d'un mémoire couronné par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, dans la *Bibliothèque de l'École des Chartes*, t. XXI (5e série, t. I), 1860, p. 1-37.

— *La France sous Philippe le Bel. Étude sur les institutions politiques et administratives du Moyen Age*, Paris, 1861, in-8°, VIII-467 pages.

— Clément V, Philippe le Bel et les Templiers, dans la *Revue des questions historiques*, t. X, 1871, p. 301-342, et t. XI, 1872, p. 5-40.

Brachet (Auguste), *Pathologie mentale des rois de France. Louis XI et ses ascendants*, Paris, 1903, in-8°, CCXIX-694 pages.

Carabie (Robert), *La propriété foncière dans le très ancien droit normand, XIe-XIIIe siècles*. T. I, *La propriété domaniale*. (Bibliothèque d'Histoire du Droit normand, 2e série, Études, t. V), Caen, 1943, in-8°, 50-347-LXXVII pages.

Cazelles (Raymond), *La société politique et la crise de la royauté sous Philippe de Valois*, Paris, 1958, in-8°, 490 pages.

Corneille (Thomas), *Dictionnaire universel géographique et historique...*, Paris, 1708, 3 vol. in-folio.

Dehaisnes (l'abbé Chrétien), *La domination française à Douai et dans la Flandre wallonne depuis les origines jusqu'en 1667*, Paris, 1868, in-8°, 18 pages.

— *La tapisserie de haute lisse à Arras avant le XVe siècle, d'après des documents inédits*, Paris, 1880, in-8°, 16 pages.

Delisle (Léopold), *Mémoire sur les opérations financières des Templiers*, dans les *Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, t. XXXIII, 2e partie, 1889, 248 pages.

Depoin (J.), *La maison de Chambly sous les Capétiens directs*, dans le *Bulletin philologique et historique du Comité des travaux historiques*, 1914, p. 117-162.

Deville (A.), *Histoire du château et des sires de Tancarville*, Rouen, 1834, in-8°, VIII-377 pages.

Dieudonné (Adolphe), *Les variations monétaires sous Philippe le Bel* (compte rendu de l'ouvrage du colonel Borrelli de Serres), dans le *Moyen Age*, 2e série, t. IX, 1905, p. 217-257.

Digard (Georges), *Philippe le Bel et le Saint-Siège de 1285 à 1304*, посмертное издание, подготовлено к печати Франсуазой Лей (Paris, 1936, 2 vol. in-8°).

Douet d'Arcq (Louis-Claude), *Note sur la mort de Philippe le Bel*, dans la *Revue des Sociétés savantes*, 6e série, t. IV, 1876, p. 277-280.

Duchesne (André), *Histoire de la maison de Chastillon-sur-Marne, avec les généalogies et armes des illustres familles de France et des Pays-Bas, lesquelles y ont été alliées*, Paris, 1621, 2 vol. in-folio.

Dufayard (Charles), *La réaction féodale sous les fils de Philippe le Bel*, dans la *Revue historique*, t. LIV, 1894, p. 241-272, et t. LV, 1894, p. 241-250.

Dupuy (Pierre), *Histoire des plus illustres favoris anciens et modernes*, Leyde, 1659, in-4°.

— *Histoire de l'ordre militaire des Templiers ou chevaliers du Temple de Jérusalem, depuis son établissement jusqu'à sa décadence et sa suppression*, Bruxelles, 2e éd., 1751, in-4°, VIII-558 pages.

Espinas (Georges), *Les finances de la commune de Douai, des origines au XVe siècle*, Paris, 1902, in-8°, XXXV-546 pages.

Fawtier (Robert), *Histoire générale* publiée sous la direction de Gustave Glotz. *Histoire du Moyen Age*, t. VI, *L'Europe occidentale de 1270 à 1380*, 1re partie, *De 1270 à 1328*, Paris, 1940, in-8°, IV-460 pages.

— *L'aventure de la dame de Mortagne*, dans les *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 1950, p. 387-392.

— *Parlement d'Angleterre et États généraux de France au Moyen Age*, dans les *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 1953, p. 275-284.

— *Un parlement franco-anglais en 1308*, dans le *Recueil de travaux offert à M. Clovis Brunel...*, t. I, Paris, 1955, p. 422-424.

Finke (Heinrich), *Papsttum und Untergang des Templerordens*, Münster, 1907, 2 vol. in-8°.

Funck-Brentano (Frantz), *Les origines de la guerre de Cent ans. Philippe le Bel en Flandre*, Paris, 1897, in-8°, XXXIV-709 p.

Geraud (Hercule), *Paris sous Philippe le Bel d'après des documents originaux* (Collection de documents inédits relatifs à l'Histoire de France), Paris, 1837, in-4°, XVI-640 pages.

Glenisson (Jean), *Les enquêteurs-réformateurs de 1270 à 1328. Contribution à l'étude des commissaires royaux*, thèse de l'École des Chartes, dactylographiée.

Grand (Roger) et Delatouche (Raymond), *L'agriculture au Moyen Age, de la fin de l'Empire romain au XVIe siècle*, Paris, 1950, in-4°, 740 pages.

Guerout (Jean), Le palais de la Cité à Paris, des origines à 1417 (Fédération des Sociétés historiques et archéologiques de Paris et de l'Ile-de-France *Mémoires*, t. I, II et III), Paris, 1949, 1950 et 1951.

Guessard (Francis), Étienne de Mornay, chancelier de France sous Louis le Hutin, dans la *Bibliothèque de l'École des Chartes*, t. V, 183, p. 375-396.

Haureau (Barthélemy), Jean d'Asnières, avocat, dans l'*Histoire littéraire de la France*, t. XXVIII, p. 455-461.

Hefele (Charles-Joseph), *Histoire des Conciles d'après les documents originaux*. Nouvelle traduction française, faite sur la deuxième édition allemande... par Dom H. Leclercq, t. VI, Paris, 1914-1915, IV-1562 pages en deux vol. in-8°.

Heliot (Pierre), Les demeures seigneuriales dans la région picarde au Moyen Age. Châteaux ou manoirs? dans le *Recueil de travaux offert à M. Clovis Brunel*, t. I (Paris, 1955), p. 574-583.

Hellot (Amédée), *Essai sur les baillis de Caux de 1204 à 1789*, Paris, 1895, in-8°, XL-182 pages.

Henry (Abel), Guillaume de Plaisians, ministre de Philippe le Bel dans les *Positions des thèses de l'École des Chartes*, 1892, p. 71-78.

Herbomez (Armand d'), Un épisode du règne de Philippe le Bel. L'annexion de Mortagne à la France en 1314, dans la *Revue des questions historiques*, t. LIII, 1893, p. 27-55.

— Notes et documents pour servir à l'histoire des rois, fils de Philippe le Bel, dans la *Bibliothèque de l'École des Chartes*, t. LIX 1898, p. 497-532.

Hervieu (Henri), *Recherches sur les premiers États généraux et les assemblées représentatives pendant la première moitié du XIVe siècle*, Paris, 1879, in-8°, VIII-312 pages.

Histoire littéraire de la France... par des membres de l'Institut, t. XXIV à XXXVI (cf. Hauréau, Langlois, Le Clerc, Paris, Renan et Thomas).

Höfler (Constantin), *Rückblick auf Bonifacius VIII und die Literatur seiner Geschichte, nebst einer wichtigen urkundlichen Beilage aus dem vaticanischen Archiv in Rom* (Abhandlungen der historischen Klasse der königlich bayerischen Akademie der Wissenschaften, Band III), München, 1843, in-4°, 84 pages.

Holtzmann (Robert), *Wilhelm von Nogaret, Rat und Grossiegelbewahrer Philipps des Schönen von Frankreich*, Freiburg im B., 1898, in-8°, XII-279 pages.

Kervyn de Lettenhove, *Histoire de Flandres*, t. II, 1278-1383, Bruges, 1853, in-8°, 535 pages.

Lacabane (Léon), Dissertation sur l'histoire de France au XIVe siècle. La mort de Philippe le Bel, dans la *Bibliothèque de l'École des Chartes*, t. III, 1841, p. 10-15.

Lafaurie (Jean), *Les monnaies des rois de France. Hugues Capet à Louis XII*, Paris-Bâle, 1951, in-4°, XXIV-147 pages et 30 pl.

Langlois (Charles-Victor), Gefroi des Nés ou de Paris, traducteur et publiciste, dans l'*Histoire littéraire de la France*, t. XXXV, p. 324-348.

La Rochefoucault-Liancourt (Frédéric-Gaétan, marquis de), *Histoire de l'arrondissement des Andelys*, Les Andelys, 2e éd., 1833, in-8°, 282 pages.

Le Clerc (Victor), Discours sur l'état des lettres en France au XIVe siècle, dans l'*Histoire littéraire de la France*, t. XXIV, p. 1-601.

Lehuteur (Paul), *De hospitio Regis et secretiore Consilio, ineunte quarto decimo saeculo, praesertim regnante Philippo Longo*, Paris, 1897, in-8°, III-67 pages.

Leroux (Alfred), *Recherches critiques sur les relations politiques de la France avec l'Allemagne, de 1292 à 1378* (Bibliothèque de l'École des Hautes Études, Sciences historiques et philologiques, fascicule L), Paris, 1882, in-8°, XI-288 pages.

Levillain (Léon), A propos d'un texte inédit relatif au séjour du pape Clément V à Poitiers en 1307, dans le *Moyen Age*, t. X, 1897, p. 73-86.

Lizerand (Georges), *Clément V et Philippe IV le Bel*, Paris, 1910, in-8°, XLVIII-513 pages.

Marchal (G.), Autour du pape Clément V, voyage de Poitiers, aller et retour, dans la *Revue historique de Bordeaux*, t. XIX, 1926, p. 201-205.

Merghelynck (Arthur), *Recueil de généalogies inédites de Flandre*, Bruges, 1877, 2 vol. in-8°.

Mollat (Guillaume), *Les papes d'Avignon (1305-1378)*, Paris, 9e éd., 1950, in-8°, 599 pages.

— Contribution à l'histoire du Sacré Collège, de Clément V à Eugène IV, dans la *Revue d'Histoire ecclésiastique*, t. XLVI, 1951, p. 22-112 et 566-594.

— Les doléances du clergé de la province de Sens au concile de Vienne (1311-1312), dans la *Revue d'Histoire ecclésiastique*, t. VI, 1905, p. 319-326.

— *La collation des bénéfices ecclésiastiques sous les papes d'Avignon* (Université de Strasbourg, Bibliothèque de l'Institut de droit canonique, vol. I), Paris, 1921, in-8°, 353 pages.

— Le droit de patronage en Normandie, du XIe au XIVe siècle, dans la *Revue d'Histoire ecclésiastique*, t. XXXIII, 1937, p. 463-484, et t. XXXIV, 1938, p. 21-69.

Müller (Ewald), *Das Konzil von Wien, 1311-1312, seine Quellen und seine Geschichte* (Vorreformationsgeschichtliche Forschungen, t. XII), Münster, 1934, in-8°, XVI-756 pages.

Müntz (Eugène), Étude sur les roses d'or pontificales au Moyen Age, dans les *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 1895, p. 48-50.

Paris (Gaston), Le roman de Fauvel, dans l'*Histoire littéraire de la France*, t. XXXII, 1898, p. 108-153.

Perrichet (Lucien), *La grande chancellerie de France, des origines à 1328*, Paris, 1912, in-8°, XX-575 pages.

Petit (Joseph), Un capitaine du règne de Philippe le Bel, Thibaut de Chepoy, dans le *Moyen Age*, 1897, p. 224-239.

— *Charles de Valois (1270-1325)*, Paris, 1900, in-8°, XXIV-423 pages.

Pirenne (Henri), *Histoire de Belgique*, t. I, *Des origines au commencement du XIVe siècle*, Bruxelles, 3e édition, 1909, in-8°, XV-462 pages.

Regnier (Louis), *L'église Notre-Dame d'Écouis, autrefois collégiale*, Paris-Rouen, 1913, in-8°, XXIII-436 pages et planches.

Renan (Ernest), Guillaume de Nogaret, légiste, dans l'*Histoire littéraire de la France*, t. XXVII, p. 233-371.

Renouard (Yves), Comment les papes d'Avignon expédiaient leur courrier, dans la *Revue historique*, t. CLXXX, 1937, p. 1-29.

Richard (Jules-Marie), *Une petite-nièce de saint Louis. Mahaut, comtesse d'Artois et de Bourgogne, 1302-1329*, Paris, 1887, in-8°, XV-456 pages.

Rigault (Abel), *Le procès de Guichard, évêque de Troyes (1308-1313)* (Mémoires et documents publiés par la Société de l'École des Chartes, I), Paris, 1896, in-8°, XII-315 pages.

Saint-Foix (Germain de), *Essais historiques sur Paris*, Paris, 5e éd., 1776, 5 vol. in-12.

Sautel-Boulet (Marguerite), Le rôle juridictionnel de la Cour des Paris aux XIIIe et XIVe siècles, dans le *Recueil de travaux offert à M. Clovis Brunel* (Mémoires et documents publiés par la Société de l'École des Chartes, XII), t. II, p. 507-520.

Strayer (Joseph-R.) et Taylor (Charles-H.), *Studies in early French taxation* (Harvard Historical Monographies, vol. XII), Cambridge, 1938, in-8°, XV-200 pages.

Theven (André), *Les vrais pourtraits et vies des hommes illustres*, Paris, 1584, petit in-folio; portrait d'Enguerran de Marigny p. 274 (tirés à part à la Bibl. Sainte-Geneviève et à la Bibl. de Rouen, collection Baratte).

Thomas (Antoine), Anonyme, auteur de la Voie d'Enfer et de Paradis, dans l'*Histoire littéraire de la France*, t. XXXVI, p. 86-100.

Thomas (Louis), La vie privée de Guillaume de Nogaret, dans les *Annales du Midi*, t. XVI, 1904, p. 161-207.

Tosti (Luigi), *Storia di Bonifazio VIII et de suoi tempi*, Rome, 1886, 2 vol. in-8°.

Vaissete (Dom), *Histoire générale de Languedoc...*, t. IV, Paris, 1742, in-folio, XXIV-600 pages et 570 colonnes.

Viard (Jules), La cour (*Curia*) au commencement du XIVe siècle, dans la *Bibliothèque de l'École des Chartes*, t. LXXVII, 1916, p. 74-87.

Vidier (Alexandre), Notes et documents sur les personnes, les biens et l'administration de la Sainte-Chapelle, du XIIIe au XVe siècle, dans les *Mémoires de la Société d'Histoire de Paris*, t. XXVIII, 1901, p. 213-383.

Viollet (Paul), Comment les femmes ont été exclues en France de la succession à la Couronne, dans les *Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, t. XXXIV, 2e partie, 1893, p. 125-178.

Wenck (Karl), *Philipp der Schöne von Frankreich, seine Persönlichkeit und das Urteil der Zeitgenossen*, Marburg, 1905, in-4°, 74 pages.

СПРАВОЧНЫЕ ТРУДЫ

Bouchot (Henri), *Inventaires des dessins exécutés pour Roger de Gaingières et conservés aux départements des extampes et des manuscrits*, Paris, 1891, 2 vol. in-8°.

Blosseville (marquis de), *Dictionnaire topographique de département de l'Eure*, Paris, 1877, in-4°, XL-279 pages.

Boutaric (Edgard), *Actes du Parlement de Paris* (Archives de l'Empire, Inventaires et documents...), Paris, 1867, 2 vol. in-4°.

Carrière (Victor), *Introduction aux études d'histoire ecclésiastique locale*, Paris, 1936-1940, 3 vol. in-8°.

Demay (G.), *Inventaire des sceaux de la Normandie*, Paris, 1881, in-4°, XLIV-434 pages.

Diegerick (I.-L.-A.), *Inventaire analytique et chronologique des chartes et documents appartenant aux archives de la ville d'Ypres*, Bruges, 1853, 2 vol. in-8°.

Douet-d'Arcq (Louis-Claude), *Collection de sceaux (Inventaires et documents...)*, Paris, 1863–1868, 3 vol. in-4°.

Eubel (Conrad), *Hierarchia catholica Medii Aevi... ab anno 1198 usque ad annum 1431 perducta* (Hierarchia catholica Medii Aevi, vol. III), Münster, 1898, in-4°, VIII–582 pages.

Fawtier (Robert), *Registres du Trésor des chartes (Règne de Philippe le Bel). Inventaire analytique...*, Paris, 1954, in-4°, LV–689 pages.

Frère (Édouard), *Manuel du bibliographe normand ou dictionnaire bibliographique et historique*, Rouen, 1858, 2 vol. in-8°.

Guenebault (L.-J.), *Dictionnaire iconographique des monuments de l'Antiquité chrétienne et du Moyen Age*, Paris, 1843, in-8°, 416 pages.

Hennin, *Les monuments de l'Histoire de France*, t. IV, 1285–1364, Paris, 1858, in-8°, 409 pages.

Longnon (Auguste), *Pouillés de la province de Rouen (Recueil des Historiens de la France)*, Paris, 1903, in-4°, LXXV–602 pages.

— *Pouillés de la province de Lyon (Recueil des Historiens de la France)*, Paris, 1904, in-4°, LIII–319 pages.

— *Pouillés de la province de Reims (Recueil des Historiens de la France)*, Paris, 1908, 2 vol. in-4°.

Merlet (Lucien et René), *Dignitaires de l'Église Notre-Dame de Chartres. Listes chronologiques*, Paris, 1900, in-8°, LXVIII–334 p.

Molinier (Auguste), *Les sources de l'Histoire de France, des origines aux guerres d'Italie (1494)*. T. III, *Les Capétiens (1180–1328)*, Paris, 1903, in-8°, 248 pages.

Piot (Charles), *Inventaire des chartes des comtes de Namur anciennement déposées au château de cette ville*, Bruxelles, 1890, in-4°, XIII–519 pages.

Philippi quarti mansiones et itinera, dans le *Recueil des Historiens des Gaules et de la France*, t. XXI, p. 430–464.

Saint-Genois (Jules de), *Inventaire analytique des chartes des comtes de Flandre avant l'avènement des princes de la maison de Bourgogne*, Gand, 1843–1846, in-4°, XLIV–576 pages.

Wauters (Alphonse), *Table chronologique des chartes et diplômes imprimés concernant l'Histoire de la Belgique...*, t. VIII (1300–1320), Bruxelles, 1892, in-4°, L–929 pages.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Archives historiques du département de la Gironde, t. VII, Bordeaux, 1865, in-4°, XX–519 pages.

Baluze (Étienne), *Vitae Paparum avenionensium*, Paris, 1693, 2 vol. in-4°. Nouv. éd. d'après les manuscrits par G. Mollat, Paris, 1914–1922, 4 vol. in-8°.

Beaucousin (A.), *Registre des fiefs et arrière-fiefs du bailliage de Caux en 1503* (Société d'Histoire de la Normandie), Rouen, 1891, in-8°, XXII–326 pages.

Bénet (Armand), *Inventaire du trésor de la collégiale d'Écouis (Eure) en 1565*, Caen, 1888, in-8°, 36 pages.

Boutaric (Edgard), *Notices et extraits de documents inédits relatifs à l'Histoire de France sous Philippe le Bel*, dans les *Notices et extraits des manuscrits...* t. XX, 2e partie, 1862, p. 83 et suiv.

Calendar of the Close Rolls preserved in the Public Record Office. Edward II, t. I et II, Londres, 1892–1893, 2 vol. in-8°.

Calendar of the Patent Rolls preserved in the Public Record Office. Edward II, t. I et II, Londres, 1894–1898, 2 vol. in-8°.

Cartulaire de Guillaume Ier, comte de Hainaut, de Hollande, etc., dans le *Bulletin de la commission royale d'Histoire de Belgique*, 2e série, t. IV, 1852, p. 9–118.

Comptes du Trésor (1296, 1316, 1384, 1477), publiés par M. Robert Fawtier (*Recueil des Historiens de la France, Documents financiers*, t. II), Paris, 1930, in-4e, LXXI–329 pages¹.

Comptes royaux (1285–1314), publiés par M. Robert Fawtier, avec le concours de M. François Maillard (*Recueil des Historiens de la France, Documents financiers*, t. III à V), Paris, 1953–1954, 3 vol. in-4^{e2}.

Dehaisnes (Chrétien), *Documents et extraits divers concernant l'histoire de l'art dans la Flandre, l'Artois et le Hainaut, avant le XVe siècle*, Lille, 1886, 3 vol. in-folio.

Delisle (Léopold), *Cartulaire normand de Philippe-Auguste, Louis VII, saint Louis et Philippe le Hardi (Mémoires de la Société des Antiquaires de Normandie, extrait du t. XVI)*, Caen, 1853, in-4e, XL–391 pages.

Delisle (Léopold), Jugements de l'Échiquier de Normandie au XIIIe siècle (1207–1270), dans les *Notices et extraits des manuscrits...*, t. XX, 2e partie, 1862, p. 353.

Directorium monasterii Sancti Audoeni Rotomagensis, dans le *Recueil des Historiens des Gaules et de la France*, t. XXIII, p. 378.

Du Breuil (Guillaume), *Stilus Curie Parlamenti*. Nouvelle édition critique par Félix Aubert (Collection de textes pour servir à l'étude et à l'enseignement de l'Histoire), Paris, 1909, in-8°, LXXX–259 pages.

Ehrle (le P.), Ein Bruchstück der Acten des Concils von Vienne, dans les *Archiv für Literatur und Kirchengeschichte des Mittelsalters*, t. IV, 1888, p. 361–470.

Finke (Heinrich), *Acta aragonensia*, Münster-Berlin, 1908–1923, 3 vol. in-8°.

Fournival (Simon), *Recueil général des titres concernant les fonctions, rangs, dignitez, séances et privilèges des charges des présidens, trésoriers de France, généraux des finances et grands voyers des généralitez du royaume*, Paris, 2e éd., 1672, in-folio, II–1251 pages.

Funck-Brentano (Frantz), Additions au «Codex diplomaticus Flandriae» de M. le comte de Limbourg-Stirum, dans la *Bibliothèque de l'École des Chartes*, t. LVII, 1896, p. 373–417 et 529–572.

Gallia christiana, Paris, 1715–1865, 16 vol. in-folio.

Genestal (R.), *Plaids de la sergenterie de Mortemer, 1320–1321* (Bibliothèque d'Histoire du Droit normand, 1re série, Textes, t. V), Caen, 1924, in-8°, XXXII–87 pages.

Inventaire d'anciens comptes royaux, dressé par Robert Mignon sous le règne de Philippe de Valois, publié par Charles-Victor Langlois (*Recueil des Historiens de la France, Documents financiers*, t. I), Paris, 1899, in-4e, XLI–435 pages.

¹ Cité: R. Fawtier, *Comptes du Trésor...*

² Cité: R. Fawtier, *Comptes royaux...*

Jourdan, Decruzy et Isambert, *Recueil général des anciennes lois françaises*, Paris, 20 vol. in-8°.

Journaux du Trésor de Charles IV le Bel, publiés par Jules Viard (Collection de documents inédits relatifs à l'Histoire de France), Paris, 1917, in-4°, CXI pages, 1682 colonnes et 150 pages.

Journaux du Trésor de Philippe IV le Bel, publiés par Jules Viard (Collection de documents inédits relatifs à l'Histoire de France), Paris, 1940, LXII p., 908 col. et 102 pages¹.

Kervyn de Lettenhove *Histoire de Flandre*, t. III, *Époque communale. 1304–1384*, Bruxelles, 1847, in-8°, 620 pages.

Langlois (Charles-Victor), Le fonds de l'«Ancient correspondence» au Public Record Office de Londres, dans le *Journal des Savants*, nouvelle série, 2e année, juillet-août 1904, p. 380–393 et 446–453.

— *Registres perdus des archives de la Chambre des Comptes de Paris*, Paris, 1916, in-4°, 367 pages (tiré des *Notices et extraits des manuscrits...*, t. XL, p. 33 à 398).

Laurent (M.-H.), Trois nouveaux rôles de suppliques «*per fiat*» présentés à des papes du XIVe siècle (Vat. lat. 14400), dans les *Mélanges d'Archéologie et d'Histoire de l'École française de Rome*, t. LXVI, 1954, p. 218–239.

Lechaude d'Anisy, Grands rôles des échiquiers de Normandie, dans les *Mémoires de la Société des Antiquaires de Normandie*, t. XV et XVI, 1845.

Le Prévost (Auguste), *Mémoires et notes... pour servir à l'histoire du département de l'Eure*, recueillis et publiés par MM. Léopold Delisle et Louis Passy, Évreux, 1862–1869, 3 vol. in-8°.

Limbourg-Stirum (comte Thierry de), *Codex diplomaticus Flandriae inde ab anno 1296 ad usque 1325, ou recueil de documents relatifs aux guerres et dissensions suscitées par Philippe le Bel, roi de France, contre Gui de Dampierre, comte de Flandre*, Bruges, 1879–1899, 2 vol. in-4°.

Livre de la taille de Paris (Le) l'an de grâce 1313, publié par Karl Michaëlsson (Acta Universitatis Gotoburgensis; Göteborgs Högskolas Arsskrift, LVII), Göteborg, 1951, in-8°, XXX–351 p.

Mansi (Joannes-Dominicus), *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, tomus vicesimus quintus (1300–1344)*, Venise, 1782, in-folio, 638 pages.

Ordonnances des Roys de France de la troisième race..., Paris, 1723–1849, 22 vol. in-folio.

Petit (Joseph), *Essais de restitution des plus anciens mémoriaux de la Chambre des Comptes de Paris...* (Université de Paris, Bibliothèque de la Faculté des Lettres, VII), Paris, 1899, in-8°, XXII–263 pages.

Recueil des chroniques de Flandre, publié sous la direction de la commission royale d'histoire par J.-J. De Smet, Bruxelles, 1837–1865, 4 vol. in-4°.

Recueil des Historiens des Gaules et de la France, t. XX à XXIII, 1840–1876, in-folio².

Regestum Clementis Papae V, ex vaticanis archetypis sanctissimi domini nostri Leonis XIII Pontificis maximi jussu et munificentia nunc primum editum

¹ Когда мы упоминаем о *Journaux du Trésor* ..., то имеем в виду те, что относятся к правлению Филиппа Красивого.

² Cité: *Hist. Fr.*

cura et studio monachorum Ordinis sancti Benedicti, Rome, 1886–1892, 10 vol. in-fol.

Table des registres de Clément V, publiée par les bénédictins, établie par Mlle Yvonne Lanhers, sous la direction de M. Robert Fawtier. *Table des Incipit* (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome, 3e série), Paris, 1948, grand in-8°, VIII-68 pages.

Rymer (Thomas), *Foedera, conventiones, litterae et cujuscunque generis acta publica inter reges Angliae et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes vel communitates*, La Haye, 3e éd., 1739–1745, 9 vol. in-folio.

Schwalm (Jakob), Beiträge zur Reichsgeschichte des 14. Jahrhunderts aus dem Vaticanischen Archive, dans les *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde*, t. XXV, 1900, p. 559–584.

— *Neue Aktenstücke zur Geschichte der Beziehungen Klemens V. zu Heinrich VII*, Rome, 1904, in-4°, 33 pages (tiré des *Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken*, herausgegeben von königlichen historischen Institut in Rom, VII, 2).

— *Reise nach Frankreich und Italien im Sommer 1903*, mit Beilagen, dans les *Neues Archiv*..., t. XXIX, 1904, p. 569–640.

— *Constitutiones et acta publica Imperatorum et Regum*, t. IV et V (*Monumenta Germaniae historica*, Legum section IV), Hanovre, 1906–1913, 3 vol. in-4°.

Soultrait (comte de), *Inventaire des titres de Nevers de l'abbé de Marolles*, Nevers, 1873, in-4°, XXIII–528 pages.

Summa de legibus Normannie in curia laicali, éd. dans Joseph Tardif, *Coutumiers de Normandie*, t. II (Société d'Histoire de la Normandie), Rouen-Paris, 1896, in-8°, CCXLVIII–395 pages.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ И НАРРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Adrien de Budt, *Chronicon Flandriae, scriptum ab Adriano de Budt, monacho dunensi, sub finem seculi decimi quarti*, éd. J.-J. De Smet, *Recueil des chroniques de Flandre*, t. I, p. 269–367.

Anciennes chroniques de Flandre, dans le *Recueil des Historiens des Gaules et de la France*, t. XXII, p. 329–429.

Barthélemy de Lucques, dans Baluze, *Vitae Paparum...*, *Secunda vita Clementis V...*, éd. Mollat, t. I, p. 24–53.

Bernard Guy, *ibid.*, *Quarta vita Clementis V...*, éd. Mollat, t. I, p. 59–80.

Chronicum Cadomense ad annum .M.CCC.XLIII. perducto, dans le *Recueil des Historiens des Gaules et de la France*, t. XXII, p. 21–26.

Chronique artésienne (1295–1304) et chronique tournaisienne, éd. Fr. Funck-Brentano (Collection de textes pour servir à l'étude et à l'enseignement de l'Histoire), Paris, 1899, in-8°, XXIV–127 pages.

Chronique des Pays-Bas, de France, d'Angleterre et de Tournai, éd. J.-J. De Smet, *Recueil des chroniques de Flandre*, t. III, p. 115–569.

Chronique normande du XIVe siècle, éd. Auguste et Émile Molinier (Société de l'Histoire de France), Paris, 1882, in-8°, LXXV–408 pages.

Chronographia regum Francorum, éd. H. Moranvillé (Société de l'Histoire de France), Paris, 1891, 2 vol. in-8°.

Continuatio chronici Girardi de Fracheto, dans le *Recueil des Historiens des Gaules et de la France*, t. XXI, p. 1–70.

Continuatio chronici Guillelmi de Nangiaco, dans le *Recueil des Historiens des Gaules et de la France*, t. XX, p. 583-646.

— éd. H. Géraud (Société de l'Histoire de France), Paris, 1843, 2 vol. in-8°.

Croniques (Les) de Normandie (1223-1453), éd. A. Hellot, Rouen, 1881, in-8°, XXIV-344 pages.

Extraits d'une chronique anonyme finissant en 1328, dans le *Recueil des Historiens des Gaules et de la France*, t. XXI, p. 146-158¹.

Geoffroi de Paris, *Chronique métrique*, éd. A. Diverrès (Publications de la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg, fascicule 129), Paris, 1956, in-8°, 357 pages.

Gervais du Bus, *Le roman de Fauvel*, éd. A. Långfors (Société des anciens textes français), Paris, 1914-1919, in-8°, CX-216 pages.

Gilles Le Muisit, *Chronique et annales*, éd. H. Lemaître (Société de l'Histoire de France), Paris, 1906, in-8°, XXXIII-336 pages.

Grandes Chroniques de France (Les), éd. J. Viard (Société de l'Histoire de France), t. VIII (Philippe le Hardi... Philippe V le Long), Paris, 1934, in-8°.

Guillaume Guiart, *La branche des royaus lignages*, dans le *Recueil des Historiens des Gaules et de la France*, t. XXII, p. 171-300.

Istorie et croniques de Flandres, éd. Kervyn de Lettenhove, t. I, Bruxelles, 1879, in-4°, XXXVI-634 pages.

Jacques Muevin, *Chronicon*, éd. J.-J. De Smet, *Recueil des chroniques de Flandre*, t. II, p. 456-471.

Jean de Condé, *Li dis du segneur de Maregni*, éd. Auguste Scheler, *Dits et contes de Baudoin de Condé et de son fils, Jean de Condé*, t. III, Jean de Condé, 2e partie (Bruxelles, 1867, in-8°), p. 267-276.

Jean de Margny, *L'aventurier rendu a dangier, conduit par advis..., et le testament de maistre Enguerran de Marigny*, éd. J. Robert de Chevanne, d'après l'édition de 1515, Beaune-Paris, 1938, in-8°, XIV-153 pages.

Jean de Saint-Victor, *Memoriale historiarum*, dans le *Recueil des Historiens des Gaules et de la France*, t. XXI, p. 630-689.

— Baluze, *Vitae Paparum...*, éd. Mollat, t. I, p. 1-23 et 107-136.

Jean Desnouelles, *Chronique* attribuée à Jean Desnouelles, dans le *Recueil des Historiens des Gaules et de la France*, t. XXI, p. 181-198.

Normanniae nova chronica ab anno Christi CCCCLXXIII ad annum MCCCCLXXVIII, éd. Adolphe Chéruel, Caen, 1850, in-4°, 50 pages.

Pierre Cochon, *Chronique normande*, éd. Ch. de Robillard de Beaurepaire (Société d'Histoire de la Normandie), Rouen, 1870, in-8°, XXXIX-372 pages.

Regum Francie chronicon, dans le *Recueil des Historiens des Gaules et de la France*, t. XXII, p. 16-21.

Robert de Avesbury, *Adae de Murimuth continuatio chronicarum. Robertus de Avesbury, de gestis mirabilibus regis Edwardi tercii*, éd. Edw.-M. Thompson (Rerum britannicarum medii aevi scriptores), Londres, 1889, in-8°, LXIV-515 pages.

Roman de Renart le Contrefail (Le), éd. Gaston Raynaud et Henri Lemaître, Paris, 1914, 2 vol. grand in-8°.

¹ На самом деле это текст «*Renart le Contrefait*»; éd. J. Raynaud et H. Lemaître, t. I, p. 289 et suiv., § 147, 148 et 150-164.

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ АРХИВЫ

Série J, Trésor des chartes de France

Layettes: J 164 A, Valois II.
J 164 B, Valois II.
J 171 A, Chartres I.
J 212 A, Rouen I.
J 217, Gisors.
J 225, Gaillefontaine.
J 226, Alençon I.
J 332, Comminge et Foix.
J 374, Comtes de la Marche et d'Angoulême.
J 377 A, Charles de Valois.
J 384, Subsidies.
J 386, Traités et alliances avec les Empereurs.
J 387, Transactions avec divers particuliers.
J 390, Apanages et douaires.
J 403, Testaments des rois, reines et princes.
J 404, Testaments.
J 407, Testaments des Lusignan.
J 411, Traités de mariage II.
J 413 A, Templiers.
J 423, Obligations.
J 438, Guichard de Troyes.
J 444, Croisades II.
J 491 A, Procès contre Boniface VIII.
J 559 à 563, Flandres.
J 611, Empereurs d'Allemagne.
J 703, Bulles.
J 704, Traités avec les Empereurs d'Allemagne.
J 774, Normandie.
J 748, Poitou.
J 1020, Pièces diverses.
J 1046, Vélanges (Auvergne).

Registres:

de Philippe le Bel: JJ 35 à 38, 40 à 42 A et 44 à 49.
de Philippe le Bel et Louis X: JJ 50.
de Louis X: JJ 52.
de Philippe V: JJ 53 à 55.
de Charles IV: JJ 61.
de Philippe VI: JJ 66, 68 à 71, et 79 B.

Série K, Monuments historiques

K 37, Cartons des rois, Philippe le Bel.

K 1200, copies.

K 1376, Portefeuille Fontanieu, copies.

Série L, Monuments ecclésiastiques

L 292, Clément V.

LL 1158, Cartulaire blanc de Saint-Denis, t. II.

Série P, Chambre des comptes de Paris

P 1369 (2), Titres du Bourbonnais.

P 1380 (2), Titres du Bourbonnais.

P 2288, Copie de Livre rouge.

P 2290, Copies de mémoires.

P 2529, Copies de mémoires.

P 2569, Copies de mémoires.

Série Q, Titres domaniaux

Q¹ 1373, Titres domaniaux, Seine-Maritime.

Q¹ 1373*, Copie de la prise de Longueville.

Q¹ 1375, Titres domaniaux, Seine-Maritime.

Série u, copies et extraits

U 447, Extraits des registres du greffe.

U 785, Copies de récits de procès célèbres.

U 956, Mémoires concernant les chambres de justice.

Série X, Parlement de Paris

X 1 a 3, Olim III.

X 1 a 6, Registre du Parlement civil.

X 1 a 8845, Registre du greffe.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Latin 5286, Vie et miracles de saint Denis et histoire de France jusqu'au début du XIVe siècle, par Yves de Saint-Denis.

9784, Double du registre JJ 47 du Trésor des chartes.

9785, Cartulaire d'Enguerran de Marigny.

9786, Copie du précédent, XVe siècle.

10919, Lettres relatives aux relations de Philippe le Bel avec la Papauté, compilées par Pierre d'Étampes. XIVe s.

12884, *Chronicon Beccense*.

13905, Actes concernant l'abbaye du Bec.

Français 279, *Chroniques depuis César*, complétée par une version des *Grandes Chroniques de France*, XVe siècle.

2838, Extraits du mémorial *Pater* de la Chambre des Comptes.

4911, Recherches du Domaine, par Pierre Dupuy, autographe.

5284, Inventaire des archives de la Chambre des Comptes de Valois, et extraits, avril 1328.

5317, Table et extraits de mémoires de la Chambre des Comptes.

5698, Guillaume Guiart, *La branche des royaux lignages*.

7852, États et ordonnances de l'hôtel, copie du XVIIe siècle.

- 7855, Table des ordonnances de l'hôtel.
 10430, Inventaire des titres du baron de Joursanvault.
 10821–10828, Tinventaire du Trésor des chartes par Th. Godefroy et P. Dupuy, 1615–1623.
 16600, Extraits des mémoriaux *Pater* et *Noster*, compilés pour Achille de Harlay, XVIIe siècle.
 20683, Collection de Gaignières, documents financiers sur le règne de Louis X, originaux.
 20684, Extraits de titres de la Chambre des Comptes, XVIIe s.
 20691, Extraits de mémoriaux, par N.-Ch. de Sainte-Marthe.
 25697, Pièces originales, actes royaux, n°s 52, 60.
 25992, n° 23, Compte des chambellans, 1306.
 25993, Documents financiers originaux, n°s 132, 158.
 28237, Pièces originales 1853.
 29023, Pièces originales 2539.
 32510, Copies de documents financiers par Caille du Fourny.
 Nouvelles acquisitions latines 2209, pièces originales, n°s 28 et 29.
 Nouvelles acquisitions françaises:
 3295, Copies de documents relatifs à la France conservés à Saint-Pétersbourg, par G. Bertrand.
 7594–7595, Collection Fontanieu (57–59), copies d'actes divers.
 8302, Copie d'un registre de la Tournelle criminelle, XVIIe s.
 21238–21239, Tinventaire des titres de la collégiale d'Écouis par Gout, en 1766.
 Baluze 54, Extraits des registres du Trésor des chartes, titres de diverses maisons, par A. Duchesne, autographe.
 391, Pièces originales concernant les monnaies, n°s 517, 722.
 394, n° 695, Compte des bailliages de France, 1305.
 Clairambault 13, 15, 43, 48, 54, 59, 70, 71, 81, 93, 99 et 110, pièces originales.
 Clairambault 306, Extrait d'un registre du greffe de 1316, XVIIe siècle.
 832, Ordonnances de l'hôtel, copies du XVIIe siècle.
 Doat 247, Copies de titres concernant les droits du roi en Languedoc.
 Duchesne 56, Mélanges, copies par A. Duchesne.
 Joly de Fleure 269, Recherches sur l'origine et l'usage des bâtiments du Palais (dossier 2723).
 Mélanges Colbert 346 à 348, Pièces originales concernant la Flandre.
 Moreau 341, Copies de titres intéressant la Normandie, par Dom Lenoir.
 496, Copies de pièces présentées par les États des Pays-Bas pour servir à leurs revendications, XVIIIe siècle.
 692–694, Copies de pièces conservées à Londres, par Bréquigny.

ПРОЧИЕ ФРАНЦУЗСКИЕ АРХИВЫ

Archives du Calvados:

G 1, Collégiale d'Écouis.

Archives de l'Eure:

G 221 et 1827, Collégiale d'Écouis.

E 2391 et 2393, Baronnie de Pont-Saint-Pierre.

H 640 et 641, Abbaye de Mortemer.

Archives du Nord:

Trésor des chartes de Flandre: B 254 à 257, 1170 et 1268, pièces originales.
B 1584, 3e cartulaire de Hainaut.

Archives du Pas-de-Calais:

Trésor des chartes d'Artois:

- A 57 et 59, Pièces originales.
- A 249, Comptes, Ascension 1309.
- A 252, Comptes, Toussaint 1309.
- A 258, Comptes, Ascension 1310.
- A 261, Comptes de l'hôtel, Chandeleur 1310.
- A 266, Comptes, Toussaint 1310.
- A 267, Comptes, Toussaint 1310.
- A 270, Comptes de l'hôtel, Toussaint 1310.
- A 280, Comptes de l'hôtel, Ascension 1311.
- A 284, Quittances.
- A 286, Quittances.
- A 293, Comptes de l'hôtel, Ascension 1312.
- A 294, Comptes, Toussaint 1312.
- A 298, Comptes de l'hôtel, Toussaint 1312.
- A 316, Comptes de l'hôtel, Chandeleur 1314.
- A 329, Comptes de l'hôtel, Chandeleur 1315.
- A 334, Comptes de l'hôtel, Toussaint 1315.

Archives municipales d'Agen:

FF 131, Amende due au roi par la ville¹.

Bibliothèque de Rouen:

Collection Baratte.

Bibliothèque Sainte-Geneviève:

Estampes, Portraits.

ИНОСТРАННЫЕ АРХИВЫ

*Archives de la Couronne d'Aragon*²

Archives générales du Royaume de Belgique:

Comptes en rouleaux.

Trésor des chartes de Flandre, série 1, n°s 1823 à 1831, et n°s 2130, 2133, 2135, 2250.

*Archives d'État de Gand*³:

Chartes des comtes de Flandre, fonds Saint-Genois.

Archives d'État de Mons:

Cartulaire, n° 20.

Archives de la ville de Gand:

Chartes.

Archives de la ville de Bruges:

Chartes.

¹ Мы благодарим нашего коллегу и товарища Жана Бюриа, который любезно согласился скопировать для нас этот документ.

² Мы воспользовались копиями, сделанными в Барселоне мадам Вилар.

³ Nous avons dépouillé les fonds Gaillard et le Supplément chronologique, sans y rien trouver qui intéressât notre étude.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Маршрут Ангеррана де Мариньи

1295	10 сентября, Париж
1299	27 мая, Париж
1302	конец апреля — начало мая, Фландрия
1304	18 августа, Монс-ан-Певель
1305	18 марта, Париж 23 марта, Париж 18–24 апреля, Руан
1306	2–23 апреля, Руан
1307	31 мая–3 июня, Пуатье июнь, Лош сентябрь, Париж 25 сентября, Париж
1308	январь, Париж 24 февраля, Лондон 9 апреля, Пуатье июль, Пуатье 13 августа, Пуатье ноябрь, Париж 5 декабря, Фонтенбло
1309	8 января, Париж 23 февраля, Турне 13 августа, Париж 30 августа, Авиньон (?) 23 октября, Руан 24 октября, Руан ноябрь, Лондон 14 декабря, Аррас
1310	январь, Париж 1–10 апреля, Париж апрель (после 19-го), Конде-сюр-Нуаро 4 мая, Ла Эй-Песнель июнь, Ливри 7 июня, Компьень 25 июня, Париж 27 июня, Париж июль, Париж 3 июля, Париж 7–23 августа, Грозо (?)
1311	январь, Пуасси январь, Париж февраль, Париж 15 февраля, Фонтенбло 18 марта, Авиньон 5 апреля, Авиньон 23 апреля, Авиньон 27 апреля, Авиньон 8 июнь, Мобюиссон 14 июня, Пуасси

- август (до 10-го), Фландрия
15 августа, Сент-Уэн
20 августа, Сент-Уэн
13 сентября, Турне
29 сентября, Дуэ
14–15 октября, Турне
18 октября, Лилль
ноябрь, Руаялье
декабрь, Фонтенбло
декабрь, Пуасси
28 декабря, Пуасси
1312 январь, Париж
середина января, Турне (?)
конец января — начало февраля, Париж (?)
17 февраля, Вьенн
29 февраля, Вьенн
29 февраля, Макон (?)
1–2 марта, Макон
11 марта, Вьенн
17 марта, Вьенн
20 марта, Вьенн
28 марта, Вьенн
10 апреля, Вьенн
21 апреля, Вьенн
29 апреля, Вьенн
июнь, Вьенн
11 июля, Мобюиссон
12 июля, Мобюиссон
31 июля, Лоншан-ан-Лион
начало августа, Ла Фейи
август, Париж
август-сентябрь, Англия
декабрь, Фонтенбло
1313 13–26 января, Покур
февраль, Париж
март, Париж
апрель (после 15-го), Пуасси
25–27 апреля, Пуасси
июнь, Париж
3 июня, Париж
июнь, Мобюиссон
21 июля, Аррас
31 июля, Аррас
24 августа, Грозо
23 сентября, Лондон (?)
10 октября, Париж
октябрь, Сен-Дени
1313 18 ноября, Вестминстер
25–28 ноября, Вестминстер
ноябрь (после 28-го), Виссан
1314 январь, Пуасси

- 19 января, Пуасси
26 апреля, Понтуаза
июнь (перед 28-м), Аррас
8 июля, Аррас
25 июля, Компьень
30 июля, Париж
1 августа, Париж
август, Париж
конец августа, Турне
3 сентября, Маркетт, неподалеку от Лилля
октябрь, Ланьи
конец октября, Пуатье (?)
1 ноября, Экуи
ноябрь, Фонтенбло
29 ноября, Фонтенбло
1315 январь, Париж
11 марта, Лувр
13 марта, Тампль
15 марта, Венсенн, затем Тампль
22 марта, Венсенн, затем Тампль
26 апреля, Венсенн, затем Тампль
28 апреля, парижский Шатле
30 апреля, виселица на Монфоконе

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ

- Адрикур, Изабель де 51
 Альберт Австрийский 182
 Ананш, Жеран де 39
 Ангиль Жан 176
 Ангиль Пьер 241
 Анже, Гильом де 138, 141
 Аньер Жан 165, 252, 288, 289, 292, 296, 298, 301
 Аркуры, семейство 57, 84, 269
 Армюрье Жан 23
 Арнольд Ахенский 241
 Асцелин Жиль 48, 120, 141, 169, 179, 182, 190, 200, 241
 Асцелин Пьер 44, 205
 Бальдрих Вильгельм 277, 279, 281
 Барбет Этьен 149
 Барбу Реньо 112, 141, 284
 Барбу, семейство 122, 272
 Бардель Жан 70
 Бартоломео Луккский 200
 Барьер Пьер 66, 95, 145, 146, 147, 177, 184, 209, 243, 244
 Бекар Этьен 182, 183
 Бель Франсуа 176
 Бенжи, Берту де 34, 67, 161, 162, 166, 175
 Беренже 201
 Берсе, Жак де 148
 Берто Ле Паж 66
 Бетенкур, Рено де 39
 Бланка Бургундская 37, 39, 41, 127, 129, 142, 143, 157, 161, 163, 164, 165
 Бланкар Жан 148
 Блез Альдебрандини 175
 Бомец, Жиль де 38
 Бомец, Робер де 37, 38
 Бомец, Роберта де 37, 38, 39, 47, 157, 166, 214, 215, 302
 Бомон, Ги де 21
 Бомон, Луи де 21
 Боненсень Жинь 34
 Бонифаций VIII 26, 90, 180, 187, 188, 189, 197, 200, 295
 Бонмар, Жан де 39
 Бонне Гильом 60
 Борд, Бертран де 152, 195, 196
 Боссан, Жанна де 39
 Бранкаччо Ландольфо 187
 Бранкур, Ги де 47
 Бред (жена Гуго де Конфлана) 66
 Бриансон, Жоффруа де 32, 44, 70, 111, 138, 143, 144, 153, 161, 162, 163, 301
 Бридуй Клер 301
 Бротерлам Андре 176, 241
 Бу, Роже де 71
 Буа, Гильом дю 111, 131, 138, 145, 147, 148
 Буа-Готье, Перонель де 20
 Бувили, семейство 103, 107
 Бувиль, Гуго де 81, 87, 88, 105, 107, 113, 114, 132, 153, 278
 Бувиль, Гуго де (Младший) 106
 Бувиль, Жан де 106, 119
 Бурдене, Мишель де 32, 33, 41, 44, 70, 71, 94, 111-114, 117, 121, 138, 139, 153, 209, 298, 301
 Буссор, Созе де 219
 Буюар Реньо 147
 Бю, Жерве де 33, 44, 95, 128, 129, 209, 240, 241, 274
 Гильом ле Вагенер 176, 241
 Валанс, Эймар де 169, 173, 206
 Валуа, Изабелла де 218
 Валуа, Карл де 12, 30, 32, 40, 43, 52, 53, 54, 57, 58, 65, 68, 69, 76, 84, 85, 92, 105, 127, 130, 133, 134, 135, 142, 148, 163, 165, 167, 169, 173, 181, 185, 186, 192, 203-207, 212, 217, 218, 249, 250, 251, 256, 267-271, 275, 276, 278, 281, 282, 284, 285, 286, 288, 291-296, 298, 300, 303, 303, 306, 308
 Валуа, Филипп де 71, 123, 302, 303, 306
 Филипп VI — см. Валуа, Филипп де
 Вальтер 206
 Ванн Пуций Фортгер 174
 Вер, Жан де 71
 Майо ле Вилен 34
 Вилен, Ангерран де 19, 46
 Вилен, Жан де 20
 Вилен, Пьер де 19, 20, 46
 Вилен, Робер де 19, 20, 47
 Вильгельм I д'Эно 213
 Вильи, Пьер 184
 Арну ле Висмаль, 102
 Гавестон, Пьер 168
 Галар, де, Пьер 216, 217, 223, 237, 241, 242
 Гарнье Жан 83, 183
 Гастинель Готье 18
 Генрих VII 129, 187, 189, 191-200, 208, 258
 Урри Германец 118, 131
 Ги Бернар 12, 97
 Ги Биш (Гвиди ди Франчези, Биччо) 140

- Ги Муш (Гвиди ди Франчези, Мушьятто) 140
 Ги Николь 68, 140
 Тот Ги 34, 67, 138, 143, 153, 161, 167, 173, 174, 175, 178, 186, 206, 279, 291
 Гиар Гильом 85, 211
 Гильом Тулузский 175
 Гильом Фландрский 131
 Гистель, Жак де (Вьерзон, Жанде) 213, 214, 215
 Гишар, епископ Труа 82, 83, 183, 184, 244
 Го, Бертран де 67, 128, 134, 189, 190
 Го, Раймонд де 66, 92, 118, 181
 Гомбо 81
 Горренк, Николя де 89
 Грандуз, Филипп де 130
 Гре, Жан де 21, 39, 133, 147, 152, 166, 171, 216, 217, 223, 284
 Гре, Пьер де 21, 39, 45, 48, 120
 Гуго Деспенсер (Старший) 206
 Гуго де ла Марш Черный 132
 Гуго-Жеро 194
 Гурле Адам 38, 41, 166
 Канберон, Гю де 39
 Анже, Гильом д' 112
 Антиньи Соваж д' 293
 Аркери Арпен д' 216, 217, 223, 284
 Аркери Филипп д' 45
 Аркур Гильом д' 85, 102, 109, 112, 140, 141, 169, 284
 Арманьяк Бернар VI д' 266
 Артуа Маго д' 28, 37, 38, 127, 134, 142, 143, 157-160, 162-168, 171, 173, 189, 205, 206, 215, 217, 260, 267, 289, 291, 297
 Артуа Робер д' 123, 160, 167
 Ирсон Дени д' 166
 Ирсон Тьерри д' 160, 164, 167
 Исси Пьер д' 233
 Обиньи Реньо д' 70, 163, 285
 Окси, Гуго д' 21
 Орлеан Ами д' 93, 120
 Утремез Жан д' 231
 Эвре Людовик д' 57, 135, 159, 160, 165, 167-173, 181, 186, 198, 200, 206, 213, 241, 242, 250, 252, 260, 278, 284, 301, 303
 Эвре Филипп д' 216
 Экуи, Филипп д' 18
 Эно, Вильгельм, д' 71, 220, 226, 302
 Эрменонвиль Николя д' 131
 Эстембур Жан д' 267
 Этамп Пьер д' 285
 Даммартен, Жан де 112, 140, 141, 284
 Дампьерр, Ги де 220
 Дануа Жоффруа 60
 Деи Ноффо 185
 Дивьон, Жанна де 160
 Дорман 300
 Доти Жан 176
 Дре, Жан де 102, 119
 Друази Жан 33
 Дюзе Гослен 241
 Дюран Шампанский 82, 63, 183, 184
 Жан Ловчий 20, 51, 52, 61, 115
 Жан Намюрски 192, 219, 249, 250, 256
 Конфлан, Жанна де 67
 Жанна Неверская 216, 252
 Жанна Наваррская (дочь Людовика X) 135
 Жанна Бургундская 37, 165
 Жанна Наваррская (супруга Филиппа IV) 20, 82, 83, 84, 88, 90, 92, 105, 124, 183, 184
 Жассен, Жак де 33
 Жоффруа Парижский 12, 17, 27, 81, 96, 98, 116, 121, 124, 137, 138, 164, 190, 229, 230, 251, 252, 253, 261, 267, 271, 272, 275, 286, 287, 290, 296-301
 Агильон Жоффруа 62
 Жуа, Транше де 153
 Жуи, Рауль де 118
 Ив из Сен-Дени 305
 Изабелла Французская 69, 140, 167, 173
 Изамбар 103
 Иоанн Анжуйский 208
 Иоанн Безземельный 19
 Кале, Жан де 185
 Кальто Жан 23, 47
 Камель Жан 120
 Канберон, Гю де 39
 Кантелу, Алис де 19, 294, 296, 301
 Кантелу, Арнольд де 201
 Карл Маршский (Карл IV Красивый) 163, 135, 142, 163, 207, 249, 250, 268, 278, 303, 304
 Квентен 158
 Квинквемпуа, Арнуль де 118
 Кер Жак 71
 Клэр Гильберт 175
 Клеменция Венгерская 53, 57, 303
 Клермон, Людовик де 152, 192, 241, 284, 303
 Климент V (Бертран де Го) 34, 35, 36, 42, 43, 45, 46, 77, 95, 118, 128, 145, 146, 147, 150, 152, 171, 180-183, 185-190, 194, 197-200, 202, 203, 205, 207, 210, 214, 230, 240, 241, 243, 244, 256, 258, 259
 Кокатрикс Жоффруа 112, 122, 138, 143, 181, 253, 284, 291
 Кокатрикс, семейство 122, 272
 Кокрель, Фремен де 59, 70, 284
 Колонна Якопо 187

- Колонна Эджиллио 182
Колонна Пьетро 187
Коммин, Жан де 93, 119
Конде, Жан де 27, 100, 256, 266, 267, 271, 273, 297
Конфлан, Гуго де 66
Корнильо 158, 166
Кошон Пьер 98, 287
Крепи, Жан 127
Круазиль, Ида де 37, 38, 47, 157
Круазиль, Изабель де 47
Курлю, Жанна де 59
Курсель, Жан де 163
Куртене, Екатерина де 134
Куртене, де, Робер де 200
Куртон, де, Жан де 134
Куртон, де, Жерар де 216, 217, 223
Л'Аршевек, Жан 23
Л'Аршевек, Маго 23
Ла Рош-Контрад, де, Жан 118
Ламбаль, Ален де 46, 179, 260, 290
Латилли, Пьер де 133, 158, 164, 186, 192, 198, 214, 284
Лемаршан Робер 47, 209
Лемперер Этьен 117
Леско 160, 173, 206
Ливри, Ги де 33
Лилль, Жан 23
Лион, Жан де 75, 128
Ло, Жан де 176
Ло, Франсуа де 176
Николя ле Локетье 122
Ломань, виконт де — см. Бертран де Го
Овилар, виконт де — см. Бертран де Го
Лор, де, Жак 295, 296
Лоран 94
Людовик X Сварливый 20, 21, 32, 43, 57, 74, 75, 117, 134, 135, 136, 144, 150, 169, 170, 177, 178, 207, 267, 268, 278, 279, 280, 283, 284, 285, 288, 291, 294, 296, 301, 302, 303, 305, 306
Людовик XI 300, 307
Людовик Наваррский — см. Людовик X Сварливый
Людовик Неверский 39, 85, 119, 131, 132, 215–218, 220, 222–225, 228–236, 240, 241, 246, 247, 251, 252, 257, 272, 295, 301
Людовик Неверский (Младший) 216, 218
Людовик IX Святой 72, 77, 157, 242, 299
Лупи, Хуан 95, 293
Мальвуазен Жан 55, 68
Мальяр Жан 33, 134, 198, 278
Манан Франциски 34, 174
Мандагу, Вильгельм де 253
Мансиньи, Ален де 50
Мансиньи, Робер де 46
Марвиль, де, Симон 192
Мари де Сент-Одегон 59
Маргарита Бургундская 294, 296
Мария Брабантская 118
Мари, племянница Пьера де Шамбли 105
Мариньи, Алис де 19, 20, 21, 27
Мариньи, Бернар де 22
Мариньи, Вюлар де 19
Мариньи, Гийо де 18
Мариньи, Гильом де 18
Мариньи, Жак де 18
Мариньи, Жан де (доминиканец) 23
Мариньи, Жан де 18, 19, 43, 46, 81, 158, 209, 285, 292, 294, 300, 302, 307
Мариньи, Жиль де 22, 50, 61
Мариньи, Изабель де 21, 27, 28, 37, 39, 41, 42, 68, 85, 129, 166
Мариньи, Катрин де 19, 20
Мариньи, Луи де 21, 24, 27, 36–39, 41, 42, 43, 117, 123, 132, 157, 158, 166, 214, 215, 216, 240, 280, 288, 300, 302, 305
Мариньи, Маго де 17, 18
Мариньи, Мари де 21, 27, 37, 83
Мариньи, Рауль де 22, 27, 307
Мариньи, Робер де 46, 209, 240
Мариньи, Тома де 22, 27, 302, 306
Мариньи, Филипп де (брат Ангеррана де Мариньи) 19, 20, 39, 42, 45, 46, 48, 53, 183, 185, 200, 256, 273, 277, 281, 294
Мариньи, Филипп де (отец Ангеррана де Мариньи) 13, 18, 19, 20
Мария, вдова графа Сансерра 132
Марни, Жан де 18, 19, 20, 45, 284
Марсели, семейство 122, 272
Марсильи, Гильом де 113, 122
Марш Мария де 133
Мастень, Ангерран де 289
Машо, Пьер де 105
Машо, семейство 103
Медон, Робер де 103
Медон, Анри де 303
Мезьер, Готье де 34, 118
Мелон, Жан де 37
Меркер, Беро де 31, 56, 68, 291
Мильи, Гильом де 117
Мильи, Жан де 104
Митри, Готье де 86, 211
Мишле Наваррский 118, 127
Молей, Эдмонд де 170, 171
Момон, Гильом де 70, 133
Момон, Пьер де 70
Момон, Эли де 69, 70, 133
Монс, Алис (Авис) де 21, 22, 27, 28, 35, 36, 39, 45, 46, 56, 73, 74, 76, 77, 295, 296, 301, 306

- Монс, Жан де 39, 46, 209
 Монтегю, Берто де 33, 44, 209, 301
 Монтегю, Гильом де 206
 Монтегю, Жиль Асцелин де 33
 Монтрей, Беатрис де 118
 Монфокон, Гильом де 147, 148, 231, 280
 Морель Эсташ 53
 Морне, Этьен де 284
 Морфонтен, Тома де 241
 Мюевен Жак 121
 Мюизи, Жиль ле 12, 97, 121, 213, 217, 269, 270, 296, 300
 Мюле Пьер 34, 59
 Нанжи, Гильом де 12, 27, 96, 98, 100, 137, 292, 293
 Не, Жоффруа — см. Жоффруа Парижский
 Жан ле Неве 226
 Новелли Арнольд 201
 Ногаре, Гильом де 11, 12, 26, 113, 132, 134, 151, 152, 179, 180, 188, 189, 191, 197, 198, 200–203, 210, 223, 229, 230, 231, 233, 234, 236, 237, 244, 246, 258, 259, 260, 310
 Нуайе, Миль де 67, 133, 284
 Нувель Лоран 94, 117
 Ожье Жан 71
 Орсини Наполеон 187, 232, 247
 Пайо, сын Жака де Лора 295, 296, 299
 Пальяр Гуго 237
 Панье Жан 307
 Паркье Рено 34, 45, 129, 209
 Полен Жильбер 287
 Певи, Маргерит де 118
 Певрель Пьер 33
 Пеллегрю, Арнольд де 190, 201
 Перроне 110
 Пессено Антонио 174, 175, 178, 279
 Пикиньи, Реньо де 267
 Пикиньи, Ферре де 54, 57, 59, 68, 163, 266, 267
 Плезан, Гильом де 11, 70, 91, 133, 151, 179, 182, 184, 188, 189, 191, 194, 198, 200, 202, 208, 210, 214, 228, 259, 260
 Плесси, Жан дю 52, 58, 165, 173
 Плесси, Робер дю 52, 58
 Плесси, Жоффруа дю 179, 188
 Плуабош Жан 59
 Жан ле Помье 111
 Понт-Одемер, Никола де 130
 Порт, Готье де ла 184
 Порт, Жан де 301
 Портшап Маго 131
 Гуго Ле Портье 17, 18
 Огюст Ле Прево 25
 Прель, Рауль де 223, 229, 290, 301
 Мишель Пуатевинец 130
 Пуатье, Филипп де (Филипп V Длинный) 129, 134, 135, 150, 192, 199, 207, 268, 278, 303, 101, 106, 107, 165, 300, 303, 306
 Филипп V Длинный — см. Пуатье, Филипп де
 Пуссен Жан 105
 Пюи, Анри де 119
 Реми Пьер 299
 Реми, Жиль де 120, 173, 301
 Ри, Гильом де 117, 129
 Ришелье 71
 Робер Бургундский 102
 Робер Кассельский 131, 242, 252
 Роберт Анжуйский 191, 208
 Роберт Бетюнский 120, 175, 179, 206, 216, 218, 220–225, 232, 234, 236, 238, 239, 240, 241, 243, 246, 248, 289
 Роберт Салернский 194
 Роншероли, род 21
 Росни, Жанна де 39
 Росни, Изабель де 39
 Руа, Бодуэн де 102, 111, 118, 143, 145, 147
 Руа, Реньо де 102, 117, 132, 138
 Рюэль Жан 70
 Ле Саж, 110
 Сандал Джон 206
 Сансерр, Луи де 31, 132
 Сансерр, Тибо де 31, 132
 Сапители Андре 177, 254
 Гильом Ле Сек 110
 Сен-Бёв, де, Рено 39, 243, 244, 245
 Сен-Виктор, Жан де 96, 116, 137, 230, 235, 236, 237, 251, 252, 271, 286, 290
 Сен-Жюст, Жан де 141
 Сен-Март, Никола-Шарль де 186
 Сен-Мартен, Жанна де 20, 21, 23, 27, 74, 83, 305, 306
 Сен-Мартен, Пьер де 23, 46
 Сен-Поль, Ги де 83, 110, 112, 135, 141, 142, 152, 163, 169, 181, 186, 200, 214, 241, 242, 250, 267, 270, 278, 284
 Сен-Поль, Маго де 54
 Сен-Пьер, Гю де 22, 131
 Сент-Одегонд, Жан де 59, 68
 Гильом Серв 175
 Сессе Бернар 180, 185
 Симон Пизанский 11, 232, 247, 248, 249, 253, 257, 258
 Соттегем, Жирар де 212
 Пьер де Сен-Медар, аббат 179
 Сюлли, де, Анри 28, 132
 Сюммере, де, Жан 110
 Сюрень 110
 Талле, Гильом де 86, 211
 Тальдус Валорис 34, 174

- Тампл, Жан дю 33
Танкарвили, семейство 84
Танкарвиль, Гильом де 21, 28, 37, 39, 40, 85, 269
Танкарвиль, Жанна де 37, 40, 157
Танкарвиль, Робер де 39, 40
Тилт, Даниель де 187, 214
Тирель Гильом 39
Три, Матье де (сир де Фонтене) 104, 106, 109, 120, 141, 212, 280, 284, 285
Тристан Жаньсен 301
Гишар де Труа 23, 90, 153, 180, 272, 295
Уаселе Пьер 19, 20, 41, 43, 301
Укерк, Жак де 176
Фальюзель, Ги де 54, 255
Фальюзель, Жанна де 54
Фальюзель, Жиль де 54, 267
Фарж, Бернар де 75, 93, 190
Фекан, Пьер де 21
Ферран Фландрский 149, 227
Фестю Симон 138, 185
Филипп IV Красивый 10, 13, 24, 35, 40, 49, 50, 51, 54, 55, 57, 59, 64, 67, 69, 77, 85, 86, 88, 90, 91, 94–99, 101, 102, 104–107, 115, 116, 118, 119, 120, 124, 127, 133–139, 143, 144, 146, 147, 148, 150, 151, 154, 157, 163, 167–171, 173, 176–183, 186, 187, 192–195, 197–200, 202, 203, 205, 207, 209, 210, 216, 217, 223, 228, 232, 234, 235, 237, 239, 242–245, 253, 254, 255, 258, 259, 260, 261, 265, 267–270, 272, 276–283, 285, 286, 288, 290, 291, 294, 297, 300, 304, 305, 307, 309, 310
Филипп Бургундский (Храбрый) 252
Филипп II Август 149
Флавакур, Гильом де, архиепископ Руанский 22, 84, 169
Флавакур, Гильом де, рыцарь короля 22, 39(?), 102
Флавакур, Мишель де 22, 30
Флавакуры, семейство 88
Флоран Ги 111, 142, 144, 164
Флот Пьер 11, 310
Форез, Жан де 133, 134
Фортале 158
Фревил, Николя де, 13, 22, 77, 89, 90, 91, 123, 177, 189, 201, 202, 240, 242, 243, 253, 254, 255, 256, 260, 261
Фревил, Робер де 22
Фредоль 201, 202
Фрелен, Жерар де 237
Фридрих Сицилийский 208
Фуа, Гастон де 92, 266
Фужеле Жан 118
Фуке 71
Фьенн (сир де) 131
Фюрк, Жанна де 110
Хайме II Арагонский 94
Шалон, Пьер де 47
Шамбли, Гильом де 43
Шамбли, Пеллерен де 105
Шамбли, Пьер де (Младший) 106, 119, 123
Шамбли, Пьер де (Старший) 39, 43, 105, 106, 109, 112, 114, 118, 119, 123, 132, 140, 141, 151, 153, 285
Шамбли, Удар де 105
Шамбли, семейство 103, 280
Шампион Гильом 110
Шармуа, Жан де 44, 209
Шармуа, Санс де 112, 140, 141
Шастенак, Ансо де 103
Шатильон, Ги де 186
Шатильон, Гоше де 30, 52, 67, 86, 92, 109, 169, 192, 223, 226, 241, 278, 284
Шатильоны, семейство 57
Шатле, Жан дю 47
Шенак, Гильом де 68, 69, 70
Шепуа, Тибо де 212
Шофур, Тома де 59
Шоша Жан 118
Эдуард II Английский 68, 69, 93, 128, 129, 159, 163, 167–178, 206, 207, 210, 213, 239, 254, 260, 279
Эймон, епископ 47
Эли Тьерри 176
Эрене, жена Жака де Лора 295, 296, 301
Эссар, Мартен дез 102, 102, 109, 147

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	5
Введение	9
Часть первая. Ангерран, сеньор де Мариньи	15
Глава I. Семья и личность Мариньи	17
1. Семья Мариньи	17
2. Мариньи и его личная жизнь	23
3. Ангерран и его близкие	37
Глава II. Состояние	49
1. Образование домена	49
2. Структура домена	58
3. Доходы Ангеррана де Мариньи	64
4. Строительная деятельность Мариньи	69
Часть вторая. Внутренняя политика	79
Глава III. Карьера Мариньи	81
1. Начало карьеры Ангеррана де Мариньи	81
2. Причины возвышения Мариньи	88
3. Характер и масштабы власти Мариньи	91
Глава IV. Королевский отель	101
1. Отель и Палата короля	101
2. Финансы отеля	108
3. Мариньи, камергер короля	114
Глава V. Дела королевства	125
1. Акты, составленные по распоряжению «господина Ангеррана» («per dominum Ingerranum»)	125
2. Королевский домен	130
3. Проникновение в сферу финансов (около 1305–1312 гг.)	136
4. Руководство финансами королевства (1313–1314 гг.)	144
5. Роль Мариньи во внутренней политике	151
Часть третья. Внешняя политика	155
Глава VI. Англия, графство Артуа и фламандцы	157
1. Отношения с графиней Маго	157
2. Эдуард II и Мариньи	167
Глава VII. Политика в отношении папства до 1312 г.	179
1. Религиозные вопросы до 1310 г.	179
2. Отношения с Генрихом VII (1311–1312 гг.)	191
3. Вьеннский церковный собор	199

Глава VIII. Фламандская политика	211
1. Путь к руководству фламандской политикой	211
2. Конференции в Турне (1311 г.)	216
3. Передача земель Фландрии (1312 г.)	229
Глава IX. Апогей политики Мариньи	239
1. Мариньи, главный советник короля (1313 г.)	239
2. Конклав и военный поход в 1314 г.	245
3. Роль Мариньи во внешнеполитической деятельности Филиппа Красивого (1307–1314 гг.)	257
Часть четвертая. Крах	263
Глава X. Причины немилости	265
1. Враги Мариньи	265
2. Непопулярность	271
3. Смерть короля	276
Глава XI. Суд	283
1. Расследование руководства финансами	283
2. Суд	288
3. Казнь	299
Заключение. Память об Ангерране де Мариньи	305
Библиография	311
Рукописные источники	322
Приложение	326
Указатель именной	329

Научное издание

Жан Фавье

**АНГЕРРАН ДЕ МАРИНЬИ.
СОВЕТНИК ФИЛИППА IV КРАСИВОГО**

Главный редактор *Чубарь В. В.*
Редактор *Карачинский А. Ю.*
Художественный редактор *Люсев П. П.*
Верстка *Арефьев С. В.*
Корректор *Виноградова Н. В.*

Подписано в печать 26.04.2003 г.
Объем 21 печ. л. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Гарнитура «Antiqua». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 4219

ООО «Издательская группа «Евразия».
197343, Санкт-Петербург, Земледельческая ул., 3.
Тел. 303-93-25
e-mail: evrasia@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

В заглавии этой книги присутствует два имени: Ангерран де Мариньи, скромный нормандский рыцарь, и Филипп Красивый, великий король Франции. Оба эти персонажа были неразрывно связаны друг с другом: Французское королевство вступило в XIII в. под властью этих людей, один из которых был могущественным монархом средневековой Европы, другой — его верным министром. Вместе они вершили судьбами тысяч людей: посылали войска во Фландрию, вели переговоры с папской курией, посылали на костер тамплиеров. Но расплату за это понес лишь один Ангерран де Мариньи. Как случилось, что простой рыцарь из свиты французской королевы в одночасье снискал милость короля и вознесся на вершину власти, а затем также быстро попал в темницу, а оттуда отправился на виселицу в Монфоконе? Кем именно был Ангерран де Мариньи для короля Филиппа преданным помощником, ревностно претворяющим в жизнь негласные приказы своего господина, или злым гением, околдовавшим короля и толкавшим его на несправедливые дела, под суровой дланью которого страдало все королевство? На эти и другие вопросы отвечает известный французский историк Жан Фавье. На страницах своей книги автор до мельчайших деталей воссоздает повседневную жизнь королевского двора, механизм королевской власти, соперничество придворных групп, на фоне которых Ангерран де Мариньи совершил свое восхождение к власти.

ISBN 5-6071-0127-8

9 785607 101273